

Победитель российского конкурса
краеведческих периодических изданий
фонда Д.С. Лихачева

ОРЕДЕЖ

литературно-краеведческий альманах

Санкт-Петербург
Издательство «ЛЕТОПИСЬ»
2013

26.89
О-65

Фотография на обложке: Лариса Киселева

Кураторы проекта: Людмила Николаевна НЕЩАДИМ,
заместитель главы администрации
Гатчинского муниципального района

Даниил Арменович МКРТЧЯН,
начальник отдела культуры
администрации Гатчинского муниципального района

Составители: Елена Леонидовна БАБИЙ,
заслуженный работник культуры РФ,
директор муниципального казенного учреждения
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»

Светлана Александровна ТОПОРИКОВА,
заведующая инновационно-методическим отделом
муниципального казенного учреждения
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»

Оредеж: Литературно-краеведческий альманах: Вып. 10. — СПб.: ЛЕТОПИСЬ, 2013. — 302 с.: ил., —12 л.цв.ил.

ISBN 978-5-904545-31-4

Десятый ЮБИЛЕЙНЫЙ номер литературно-краеведческого альманаха «Оредеж» продолжает открывать новые интересные страницы истории и современности нашей Гатчинской земли, важность которых трудно переоценить для передачи культуры исторических традиций от поколения к поколению.

Этот номер традиционно открывается статьей М.И. Лейкина, который эмоционально, ярко, в художественном изложении, представляет читателям события XXVII Пушкинского праздника и одновременно окунает в такой богатый известный и неизвестный пушкинский мир нашей земли.

В 2013 год — Год духовной культуры — альманах знакомит читателей с важными событиями православной истории нашего района — возведением храмов, представляет святых и историю создания епархии на Гатчинской земле.

Новая рубрика, посвященная 400-летию Дома Романовых, представит читателям материалы, рассказывающие об историческом значении правления царской династии в развитии и становлении города Гатчины и района, о культурной и благотворительной деятельности членов царской семьи, об их увлечениях и пристрастиях.

На страницах альманаха вы встретитесь с творчеством уже известных и начинающих местных писателей и поэтов.

Цветные вкладки порадуют встречей с работами талантливых художников, ранее не представленных в альманахе.

Рассматривая фотографии, которые стали настоящим украшением издания, вы побываете на Пушкинском празднике, узнаете важные события православной жизни района, проникнетесь красотой праздничных и личностных моментов приходской жизни.

Литературно-краеведческий альманах «Оредеж» будет интересен историкам, краеведам, библиотекарям, педагогам, подросткам, молодежи и всем, кто заинтересован и в открытии и изучении страниц истории родного края, тем, кто готов «листать летопись времен» для осмысления и сохранения культурной памяти родной земли.

ISBN 978-5-904545-31-4

© Администрация Гатчинского муниципального района, 2013
© Редакционная подготовка. ООО «Издательство «ЛЕТОПИСЬ», 2013

Дорогие друзья!

Вы держите в руках юбилейный – десятый выпуск литературно-краеведческого альманаха «Оредеж». Это особо значимое событие еще и потому, что происходит в Год духовной культуры в Ленинградской области. Каждый из десяти номеров уникального в своем роде журнала является результатом глобального духовного и интеллектуального труда жителей нашей Гатчинской земли.

Альманах «Оредеж» выходит в Гатчинском районе с 2002 года. За 10 лет в издании было опубликовано более 850 материалов самых разных жанров и тематики. В работе над журналом приняли участие более 1200 авторов. Эти цифры говорят нам о том, что Гатчинская земля всегда была богата талантливыми, одаренными людьми, которые горячо любят свою родину и посвящают ей свои прекрасные работы в поэзии, прозе, живописи, фотографии, исследованиях и биографических записках.

«Оредеж» – это не только своеобразная летопись Гатчинского района. Это, прежде всего, кладезь его духовного и культурного наследия, настоящая энциклопедия, в которой сосредоточились документальная хроника жизни Гатчинской земли и ее художественное осмысление. В каждом из номеров можно найти уникальные материалы гатчинских краеведов, историков и журналистов. Своими художественными произведениями делятся поэты и писатели. Значение этой литературной серии, зачастую, невозможно переоценить, так как это глубоко личностные размышления, основанные на глубоких, искренних чувствах и переживаниях.

От всей души поздравляем редакционный коллектив, составителей, кураторов проекта с выходом юбилейного номера альманаха. Благодаря Вам тысячи читателей могут познакомиться с творчеством своих земляков. Вы являетесь истинными хранителями памяти о важнейших событиях жизни Гатчинской земли.

Пусть ваше творчество и вдохновение направляют «Оредеж» по литературному руслу вдоль краеведческих берегов навстречу бесконечному морю исторической памяти.

Десятый выпуск альманаха «Оредеж» – это и рубеж, и успех! Это умный, содержательный, интеллигентный, своевременный диалог во времени и пространстве нашей жизни о прошлом и настоящем для будущего...

Поздравляем!

*Елена Викторовна Любушкина,
глава администрации Гатчинского
муниципального района*

*Андрей Иванович Ильин,
глава Гатчинского
муниципального района*

*Кисть не тронет холста,
и не чиркнет перо по бумаге,
выцветают чернила,
и краски теряют цвета.
Вдохновенье — одна
из великих,
непонятых магий,
позволяющих нам причащаться,
хотя б иногда.*

Евгений Докучаев

НАРОДНАЯ ПУШКИНИАДА

*Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!..*

Ф. Глинка

ЧИСТЫЕ МГНОВЕНЬЯ БЫТИЯ

Михаил Лейкин

Отшумел, отцвел, как пышная сирень в Батово, 28-ой Пушкинский праздник «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет. Остались воспоминания, прекрасные мгновения. Переберем эти видения — иные отпечатались как фото на бумаге, иные размытые отражения действий, как в слюде Оредежа.

Первые по счету — солнечные, сквозь летний смеющийся дождь, блики пушкинского карнавала в Рождествено. По всей усадьбе раскинулось княжество Гвидона, удивляя гостей. Тема — «Чудо». И пушкинское и свое, родное. Все муниципальные образования района блеснули фантазией.

А вот и событие! «По равнинам окияна Едет флот царя Салтана».

Корабли на головах очаровательных исполнительниц. Волны брызжут музыкой и танцами. Спешит взволнованный Салтан, интригуют Ткачиха, Повариха, да Бабариха... В ролях педагога и студенты колледжа культуры и искусства. Красавец Гвидон с матерью да с женой молодою встречают царя, ведут «чудный город навестить». А в нем дикинонок — не счесть!

Изрыгает дымы и грозно рокочет гигантская голова богатыря, поджидая нового Руслана. Белка не только считает изумруды, да грызет орехи, она успевает задавать непростые вопросы, за которые щедро одаривает.

Завораживают русалки, заговаривают былями-небылями ученые коты, очаровывают шамаханские царицы, веселят таборные цыгане, читают пушкинские стихи элегантные судари и сударыни.

Важно, что каждое представление активно включает в действие зрителей. Исполняются не простые инсценировки, а театрализованные интерактивные действия. Подкупает, что многие перечитали Пушкина современно. Ансамбль из Войсковиц явил миру древнюю Элладу.

Звучат пушкинские строки, жрицы зажигают Олимпийский огонь.

Артисты из поселка «Новый свет» играют свою притчу по мотивам «Сказки о золотой рыбке». Старик вытаскивает из бурлящего людского моря не только рыбку — волшебницу, но и шампанское, свинью да селедку. Вытаскивает то, что производят в поселке, то за счет чего в реальности жизни собираются возводить хоромы.

В элегантном шатре елизаветинцы поют и стихах воспевают свое поселение, в гости зовут, возможно преследуя туристические перспективы...

Все карнавальные мгновения не пересть. Знаю, что после распределения мест (объявлен конкурс!) кое-кто обижен. Не стоит обижаться. Жюри было в затруднении — уровень многих высок и примерно одинаков.

А к чему сказочные чудеса в современной жизни? И почему в Рождествено? Потому, что здесь, и уже не в княжестве Гвидона, а в реальной жизни начинается строительство великолепного музейного центра. Крупные средства выиграны (в результате сложной конкурсной работы). Появится комплекс, подобного которому нет в области. В нем выставочный зал и мастерские, здесь будут учить молодых реставраторов и производить музейный инвентарь. Появятся рабочие места для местных жителей.

Отвлечемся от праздничного сюжета. Несколько обязательных слов о сценарно-режиссерском подходе к делу. У нашего праздника несколько принципиальных позиций: современность и актуальность тем, активный характер (зритель становится участником действия), действенность сверхзадачи, т.е. праздник играется для того что бы в результате праздничных действий возрождались исторические земли. Вспомним рождение церкви и музея

в Суйде, памятника Арине Родионовне в Воскресенском. Много можно вспомнить за 28 лет. И музейный комплекс в Рождествено в том числе. И еще одна принципиальная позиция — поэтическая образность на основе документальных действий. Этим постулатам и следуем!

Перевернем карнавальную страницу. На следующей — торжественный прием — бал. Видим: руководители района и представители всех муниципальных образований демонстрируют капсулу, которая будет заложена в фундамент уникального музейного комплекса. Что написано в грамоте, которую подписали участники и заложили в капсулу? Пушкинское послание друзьям, знаменитое «Бог помочь, Вам, друзья мои».

Европейского уровня гатчинские ансамбли балльные ансамбли «Олимпия» и «Жемчужина» ведут танцевальную программу. А кто на сцене среди танцующих, неужели эти элегантные дамы и господа — руководители района? Области? Виднейшие пушкинисты страны? Да. Все «на светском уровне»!

Звучат пушкинские стихи — это украшают поэтическую лиру участники бала.

Покамест упивайтесь ею,
Сей легкой жизнью, друзья!
Ее ничтожность разумею
И мало к ней привязан я;
Для призраков закрыл я вежды;
Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.

Ах, Александр Сергеевич, не один звук, а веселый и разноголосый, благодарный хор земляков звучит в Вашу честь!

Громче фанфары! Является миру, коронуется Хозяйка 28-го праздника, Ирина Первая! (В миру И.В. Авикийнен). Глава районной администрации Е.В. Любушкина вручает Ирине Первой полномочия руко-

водства Гатчинскими праздничными землями.

Пора, — разъезжаются коллективы, что бы выступить да удивлять в Суйде, Кобрино, Выре да Батово.

А в Рождествено новые виденья.

Береги честь смолоду! Эту народную поговорку поставил А.С. Пушкин эпиграфом к «Капитанской дочке». О чести, которую надо отстаивать, о достоинстве — большая программа из театральных сцен А. Пушкина, В. Шекспира и А. Дюма. Создана композиция на кафедре актерского мастерства Петербургского Университета. Во всех сценах — фехтование. Дуэли, поединки... Бои поставлены призером чемпионатов мира по сценическому фехтованию А. Мишеневым. Изюминка, — его собственный бой, мастер — класс!

А что потом? Снова сцены соперничества. Но теперь иного рода — соревнование в написании поэтических произведений на один сюжет.

В этом году отмечаем юбилейную дату славянской письменности. Всегда твердо говорим, что А.С. Пушкин — один из создателей современного русского языка. Но, насколько эта мысль становится богаче, когда видишь, слышишь, сопоставляешь... Звучит «Памятник», написанный когда — то римским поэтом Горацием. А потом на русском языке — варианты М. Ломоносова, Г. Державина, А. Пушкина, И. Бродского и А. Кушнера! Кто лучше? Не делаем выводов, оставляем это право господам зрителям, листаем дальше. Так что еще в Рождествено?

Еще концерт памяти незабвенного И. Шварца, студенческий спектакль «Домик в Коломне»... Нет, пора прощаться с Рождествено. Время!

Поблагодарим дивный театр костюма «Катюша», очаровательных певиц В. Горбакову, В. Огороднову, В. Ганжу, С. Захарову и, пусть память сердца перенесет в сверкающую парадными морскими регалиями Суйду!

Отчего же сухопутной Суйде выпало стать праздничным открытым морским собранием?

Погасло дневное светило;

На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

Стихи написаны Пушкиным ночью на корабле. От предков у него тяга к морям. Лицейстом, в Царскосельском парке, сдерживая восторг, читал на памятнике слова, отчеканенные в честь двоюродного деда героя морского сражения. О нем — Иване Ганнибале потом поэт напишет: «Пред кем среди чесменских пучин Громада кораблей вспылала, И пал впервые Наварин.»

Морские образы являлись поэту. Сравнивал Великого Петра Первого со шкипером, «Кто придал мощно бег державный Рулю родного корабля»

Не будем забывать, господа, что Петр I был крестным отцом прадеда А.С. Пушкина — Абрама Ганнибала, дал тому свое отчество. Александр Сергеевич находился с Петром Великим в духовном родстве.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

Возрос Абрам Петрович, мощно — генерал-аншеф, главный военный инженер Российской армии. И даже, не будь А.П. Ганнибал прадедом нашего гения, все равно, забыть его невозможно, — ярок след в истории!

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» (А.С. Пушкин).

Все чаще звучит мысль, что нужно поставить А.П. Ганнибалу памятник. В Суйде, его бывшем имении. Морское собрание во главе с адмиралом А.А. Комарицыным, на празднике приняло решение инициативу поддержать, принять активное участие в увековечивании памяти А.П. Ганнибала.

И снова — памятные мгновения. Выступают постоянные участники пушкинских торжеств: Народные артисты РФ В. Кривонос и С. Новожилов, адмирал, исследователь пушкинского наследия, литератор Г.Н. Антонов.

Поет вокальный ансамбль «Морская душа» (г. Тосно). Все вокалисты — офицеры флота, орденосцы. Зрители восхищены...

Пора, — переворачиваем героическую страницу. На смену гатчинским морским кадетам, марширующим под музыку военного духового оркестра, выплывают по звуку русских народных инструментов красавицы в сарафанах. К чему бы это? К тому, что отмечаем 255 лет нашей прославленной землячке, крестьянке крепостной Арине Родионовне!

Она в Воскресенском родилась. В Кобриню семьею жила. В семью Ганнибалов — Пушкиных кормилицей и няней попала. В Суйде об этом на мемориальной доске написано.

Еще один кадр в памяти, неожиданный. Директор Всероссийского музея А.С. Пушкина С.М. Некрасов вдруг взгрустнул: «Если бы родители Пушкина не поспешили уехать в Москву по снежному насту, подождали бы несколько месяцев, то Александр Сергеевич родился бы на гатчинской земле, где родилась его сестра Ольга, где венчались его родители» — пояснил Сергей Михайлович. И улыбнувшись, продолжил: «Но, Пушкин зачат здесь, отсюда родом Арина Родионовна, любимая няня, напитавшая светского поэта очарованием народного творчества. Песнями, сказками, обычаями, да поверьями этого края!»

Об Арине Родионовне спектакль сыгран «Цветы Арине». Оригинальный, документальный, волнующий.

Коллектив колледжа его в репертуаре держит.

А настоящие цветы в течение всего дня ложились к памятнику няне поэта в соседнем Воскресенском. И не раз звучало: «Подруга дней моих суровых, Голубка дряхлая моя! Одна в глуши лесов сосновых. Давно, давно ты ждешь меня».

Не бывает прошлой любви. Она живет. Памятник Арине Родионовне ставился обществом. Общественной заботой и поддерживается.

«Сама, не ведая о том, Она урок ему давала. Простым крестьянским языком Саму Россию диктовала. Любовью серд-

ца своего Купель бессмертную согрела, И душу певчую его Оберегала, как умела. Могла бы век ему служить, Когда б судьба не разделила.... Ведь в целом мире, может быть. Она одна его любила.

Найдет ли счастье — как знать? Кудрявый мальчик со свирелью? А ей теперь в веках стоять Над этой светлой колыбелью». (Т. Веселова)

Так и с местом захоронения А.П. Ганнибала... К памятнику на Старой Суйдинской дороге идут путники. Вспомним, что на празднике этого года, здесь произошла одна из самых трогательных церемоний, когда историческое место посетили военные моряки, кадеты, студенты.

Но, конечно же, это место захоронения нуждается во внимании, ином комплексном исторически - архитектурном решении. Здесь, ведь, был погост, где-то рядом похоронена и прабабушка А.А. Пушкина Христина Ганнибал (в девичестве Регина Шеберг — шведка по национальности), которая обрела свое счастье в семье в замечательной Суйде...

Из Суйды до Кобрино — рукой подать. А там музей «Домик няни А.С. Пушкина» и детский праздник.

Отраженные воспоминания о празднике прыгают как солнечные зайцы. Забавы, радость! Выступили детские коллективы из Коммунара, Войсковиц, Терволово. Особое внимание к образу Арины Родионовны. Разные актрисы эту роль играли. И народная артистка России И. Соколова и местная жительница Ю. Головченко. В последние годы запомнились в этом образе педагоги колледжа культуры Е. Майстрюк и Ю. Сурина.

На этом празднике новая Арина Родионовна — из Выборга явилась. Тамошняя актриса театра «Святая крепость» Т. Тушина кукольный спектакль играет «Домашний театр нянюшки Арины». Исполнялся спектакль прямо в музее, в избе, где когда-то семья Арины Родионовны жила.

Вспомнив о том, какие изменения в Рождествено нас ждут, заметим, что не обойдет реконструкция музея в Кобрино и Выре. Уже в этом году закроются они

на реконструкцию. Так что на следующий год, господа, в Кобрино не попадем, а встретимся, там, через год и уже на большом крестьянском подворье. Пусть мечты осуществляются...

А вот и она — Выра гостеприимная. Многократно бывал здесь А.С. Пушкин — знатный путешественник. Ученые — географы говорят, что 34 тысячи километров наездил по дорогам России! Бывал в Крыму, Молдавии, Одессе, на Кавказе, в Оренбургских степях. Но, чаще всего ездил по дороге, которая шумит рядом с нами. Белорусский почтовый тракт, так назывался он раньше. По нему и гости пожаловали на праздник.

Добрый знакомый станционный смотритель Самсон Вырин (засл. арт. РФ С. Сытник) представил всех гостей - участниц конкурса «Арина, Аринушка. Арина Родионовна». А мы только нескольких вспомним.

Из республики Карелия приехали оригинальные исполнительницы: Елена Кольцова и Римма Крапивина. Римма поет, Елена автор и дивная исполнительница заонежских баянок — коротких народных побасенок.

Оксана Михеева из Новой Ладogi, педагог вокала известной музыкальной студии. Марина Попова из города Кингиссепа. Она второй год подряд в конкурсе участвует. В номинации «Арина в доме хозяйюшка» первые места берет. Заметим, что эта певунья и плясунья — мама семерых детей!

И гатчинские участницы яркие, самобытны. Наталья Степанова из Сяськелево лучшая в номинации «Душа посиделок». А Татьяна Кувшинова из Пудомяг прекрасно пела на русском и мордовском языках.

Запомнились дебютантки, среди них «Аринушки» — Анечка Панфилова из Кобрино, землячка Арины Родионовны, Инга Амоян и Алина Подгорная их Пудости. А сразила всех арией из оперы «Руслан и Людмила» Ольга Плетнева — музыкальный руководитель детского сада из Гатчины.

И один штрих веселый. Посреди конкурса дождь грянул! Артистам хорошо - они в конюшне (откуда и выходят) скрылись. Зрители на противоположную сторону под

навесы спрятались. А жюри во главе с постоянным Председателем, заслуженным работником культуры Е.Л. Бабий в центре двора остались. И никуда не побежали, а раскрыв зонты, стойко продолжали нести свою ответственную миссию. Дождь, хлещет, все под навесы, а жюри в центре двора непреклонно сидит! Пример артистам подали. И те продолжили выступление под дождем!

Летние дожди шумны да быстротечны. Скоро небо над Вырой солнцем озарилось. Или красотой женщин, девушке и девочке? Участницы продемонстрировали ее — душевную и зрелищную.

Пора, пора гнать воспоминания в Батово, к финальной части праздника. А как хочется зацепиться к видениям танцев ансамблей «Конфетти» и «Улыбка», к «заводным» народным хорам из Гатчины и Пудости, Батово и Пудомяг?! Но нет довольно, еще встретимся, еще все будет, а пока — в Батово. Туда на берег Оредежа, к знаменитому валуну.

Кто — то удивляется — а почему финал в Батово? Что же там особенного? Вглядимся и вспомним, как действие начиналось.

Сцена расположена на берегу. Фон — лесистый и красного песчаника противоположный берег. В фонограмме звучит романтическая музыка. На сцене молодые чтецы — студенты колледжа, читают стихи И. Бунина:

— Поэт нам дорог тем, что он
о счастье нам напоминает
И сумрак жизни озаряет
Как солнце хмурый небосклон.
— Дни славы Пушкина — желанный
И светлый праздник. Сколько раз
Его мечты во мгле туманной,
Как солнце радовали нас!
— И в этот миг, когда венчает
Его вся Русь, еще тесней
С его душою нас сближает
И в жизнь, и в счастье, и в людей
Нам веру гордую вселяет!

— Для всех образованных людей, название Батово, связано с великими русскими писателями — Кондратием Рылеевым,

Александром Пушкиным и Владимиром Набоковым!

— Владимир Набоков жил позже, через век, после своих прославленных соотечественников.

— А Пушкина и Рылеева связывала дружба, которая прошла через многие испытания. Отношения иногда охладевали, ставились на грань разрыва, потом сближались. Рылеев старался влиять на Пушкина, направить его гениальный талант в русло гражданской поэзии.

О, так! нет выше ничего
Предназначения поэта:
Святая правда — долг его,
Предмет — полезным быть для света.
Служитель избранный творца,
Не должен быть ничем он связан;
Святой, высокий сан певца
Он делом оправдать обязан.

(К. Рылеев)

— Памятью о двух великих сынах России — Пушкине и Рылееве отзывается в сердцах слово «Ба — то — во»!

Удары колокола

— Местные жители уверены — встреча Пушкина и Рылеева происходила именно здесь, где разворачивается наше действие. Отсюда, от прибрежного валуна, любовались Оредежем.

— Как будто об этих местах написал Александр Сергеевич:

«Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод»
О. Цуканова и М. Яковлева поют
песню М. Лейкина и С. Мироновой
«Душекружение»:

1. В имени с видом на Оредеж.
Где песни русалок тихи,
Кондратий Рылеев восторженный
Читает любимой стихи.
В стихах этих — горе народное,
Надежда на праведный суд.
Да жаль, что его благородного
На казнь в кандалах поведут.

Припев:

Но благовест дальний торжественный
В душе никогда не замрет,
Ах, Батово, Выра, Рождествено, -

Вы душекруженье мое!

2. Как сладко в далекой Америке
Вдали от бессильных врагов.
Увидеть с высокого берега
Картины других берегов.
И бабочку, робко дрожащую
На девичьей тонкой руке...
Как жаль - это чудо манящее,
Набоков, от вас вдалеке...

Припев.

3. Все те же пейзажи и Оредеж
С русалочью тайною вод
И кто-то глядит заворожено,
И речь со звездой ведет...
Зачем тратить жизнь по копейке
И строить себе пьедестал,
Коль за Александром Сергеевичем
Дорожную книгу листал?

Припев.

И благовест дальний торжественный
В душе никогда не замрет,
Ах, Батово, Выра, Рождествено, -
Вы душекруженье мое!

Чтецы — С серого севера - вот пришли эти снимки.

Жизнь успела на все погасить недоимки.

Знакомое дерево вырастает из дымки.

Вот на Лугу шоссе. Дом с колоннами.
Оредеж.

Отовсюду почти мне к себе до сих пор еще
удалось бы пройти.

Так, бывало, купальщикам на приморском
песке

приносится мальчиком кое-что в кулачке.

Все, от камушка этого с каймой фиолетовой

до стеклышка матово-зеленоватого,

он приносит торжественно.

Вот это Батово.

Вот это Рождествено (В. Набоков)

Это цитата из сценария. Обязан отметить, что Батово на карте пушкинского праздника пока на периферии. Каждый декабрь проводятся здесь яркие декабристские театрализованные встречи, летом иногда играют ландшафтные спектакли. И все-таки... Если в других местах возрождение, реставрация идут полным ходом, то Батово по-прежнему в ожидании.

А театрализованный концерт в Батово завораживал.

Действие разворачивалось то на сцене, то на лодках, что плыли по «глади вод». Заходящее солнце высвечивало происходящее по своему художественному сюжету. Ну, какое же сердце не тронет вокальный дуэт, поющий пушкинский романс, когда вокалисты находятся в лодках, плывущих навстречу друг другу? Стало темнеть, начали загораться пиротехнические цветы, фантазии ландшафтного концерта впечатляли.

Необходимо отметить, что на Гатчинских землях проросли вокальные таланты. О. Цуканова и М. Яковлева исполняют пушкинский репертуар на престижных сценах, отметим композитора О. Бражникову и мужчин - вокалистов — Б. Демина, А. Гуцу, Д. Байтемирова, А. Сидорова.

Батовским пушкинским вечером блистали и два хореографических ансамбля — «Эльдорадо» из Гатчины и «Славяночка» из Коммунара.

Во время подготовки концерта появилась идея, чтобы звучали фонограммы пушкинских стихов в исполнении выдающихся артистов: И. Смоктуновского, О. Даля, Ю. Яковлева и других. Было сомнение — ну кто сегодня будет слушать поэзию, да еще в записи?

Осуществили и не прогадали. В магии опускающейся белой ночи, фантастически, и как-то совсем иначе, чем в концертном зале, звучали пушкинские, окрашенные улыбкой, строки в исполнении И. Смоктуновского:

И чье-нибудь он сердце тронет;

И, сохраненная судьбой,

Быть может, в Лете не потонет

Строфа, слагаемая мной;

Быть может (лестная надежда!),

Укажет будущий невежда

На мой прославленный портрет

И молвит: то-то был поэт!

Прими ж мои благодаренья,

Поклонник мирных Аонид,

О ты, чья память сохранит

Мои летучие творенья,

Чья благосклонная рука

Потреплет лавры старика!

В финале — яркое выступление эстонской певицы Анне Вески. Для кого-то откровение, что она награждена орденом Дружбы Народов за популяризации русского языка и российской культуры.

И фейерверк, красочный, веселый, под стихи Е. Евтушенко:

Как сумели мы прорваться из предпушкинья тогда,
и остаться, может статься, там, где Пушкин, навсегда?

Проповедуя свободу тем, кто просит сам удил,
несвободному народу он язык рассвободил.

Монастырскую громоздкость их кирпичнейших стихов
превратил он в грациозность гармоничнейших грехов.

Это Пушкин! Наконец-то! Как возник — пойдя пойми! —

кучерявым знаком детства с тонким томиком Парни?

То герой-любownik жизни, то с ним посах и сума

в ипостаси мрачной из «Не дай мне бог сойти с ума»!

Где же новый гений, где же? может, близок он уже, —

тот, кто всю Россию держит в новопушкинской душе?

Вкус к поэзии растлили, чтобы вкусам угодить.

Что ж ты ленишься, Россия, снова Пушкина родить?

Жженкой хочется согреться, вольнодумствуя, дерзя...

Будет Пушкин! Наконец-то! Нам без Пушкина нельзя.

Вот и завершен беглый осмотр всех художественных событий на празднике. И что же из этого следует? Из многих ответов выберу один — нужно уметь замечать и готовить себя к явлению «чудных мгновений».

Поясню выбор. Вернемся к одному эпизоду праздника, исполненного в Рождество. Заранее прошу не беспокоиться тех, кто не любит рассматривать классические пушкинские произведения как-то иначе,

чем это принято традиционно. Профессия сценариста и режиссера обязывает искать современные аспекты в классике. Иметь право на субъективный вывод.

Всем известно гениальное пушкинское «Я помню чудное мгновенье». Написано в Михайловской ссылке, когда выпала неожиданная встреча с очаровательной Анной Керн, захвавшей к соседям Осиповым. Она, как праздничная комета, блистающая отблесками петербургского света, пролетела «во мраке заточенья». Манящая, дразнящая. Напоминала о мире, который, быть может, навсегда закрыт.

Описано во многих произведениях, что Пушкин влюбился, под этим впечатлением написал чудные стихи и посвятил их А.П. Керн. При этом известно, что отчего — то колебался — дарить эти стихи Анне Петровне или нет... Потом вручил. При этом встреча в Михайловском не имела там своего бытового развития, — Керн уехала, Пушкин остался в деревне. Потом судьба многократно сведет их, взаимная симпатия разовьется по традиционному любовному сюжету. И разведет. И уже без столь ярких впечатлений.

Но смысл произведения обретает глубокий подтекст, когда узнаешь, что автором знаменитой строки — образа «Гений чистой красоты» был не А.С. Пушкин, а В.А. Жуковский! В 1821 году, за несколько лет до пушкинского шедевра Жуковский написал стихотворение «Лалла рук». Оно высокохудожественно и очень просто. Привожу его полностью. Прочтите не спеша...

Милый сон, души пленитель,
Гость прекрасный с вышины,
Благодатный посетитель
Поднебесной стороны,
Я тобою наслаждался
На минуту, но вполне:
Добрым вестником явился
Здесь небесного ты мне.
Мнил я быть в обетованной
Той земле, где вечный мир;
Мнил я зреть благоуханный
Безмятежный Кашемир;
Видел я: торжествовали
Праздник розы и весны

И пришелицу встречали
 Из далекой стороны.
 И блистая и пленяя —
 Словно ангел неземной —
 Непорочность молодая
 Появилась предо мной;
 Светлый завес покрывала
 Отенял ее черты,
 И застенчиво склоняла
 Взор умильный с высоты.
 Все - и робкая стыдливость
 Под сиянием венца,
 И младенческая живость,
 И величие лица,
 И в чертах глубокость чувства
 С безмятежной тишиной —
 Все в ней было без искусства
 Неописанной красой!
 Я смотрел — а призрак мимо
 (Увлекая душу вслед)
 Пролетал невозвратно;
 Я за ним — его уж нет!
 Посетил, как упованье;
 Жизнь минуту озарил;
 И оставил лишь преданье,
 Что когда-то в жизни был!
 Ах! не с нами обитает
 Гений чистый красоты;
 Лишь порой он навещает
 Нас с небесной высоты;
 Он поспешен, как мечтанье,
 Как воздушный утра сон;
 Но в святом воспоминанье
 Неразлучен с сердцем он!
 Он лишь в чистые мгновенья
 Бытия бывает к нам
 И приносит откровенья,
 Благотворные сердцам;
 Чтоб о небе сердце знало
 В темной области земной,
 Нам туда сквозь покрывало
 Он дает взглянуть порой;
 И во всем, что здесь прекрасно,
 Что наш мир животворит,
 Убедительно и ясно
 Он с душою говорит;
 А когда нас покидает,
 В дар любви у нас в виду
 В нашем небе зажигает
 Он прощальную звезду.

Пушкин сознательно использует выра-

жение «Гений чистой красоты» в стихотворении «Я помню чудное мгновенье...». Зачем? Определенно для того что бы показать связь своего произведения со стихотворением Жуковского, дать внимательному читателю возможность сравнить, дополнить свое творение и... оспорить идею Жуковского. То есть речь идет не о скоротечном любовном впечатлении, а о продуманной мысли. Всплывает «подтекст» — глубинная подоплека.

Произведение Жуковского тогда было у всех «на слуху», и эта переключка была очевидной. Но что бы кто-то из читателей не прошел мимо обязательного сравнения, в своих прижизненных изданиях, Пушкин непременно выделял эту строку Жуковского курсивом, что значило, что речь идет о цитате.

Но потом издатели такую практику оставили, стихотворение Пушкина знали все, а стихотворение Жуковского стало уделом знатоков. В итоге выражение «Гений чистой красоты» стало считаться пушкинской поэтической находкой, о необходимости сопоставления забыли.

Пушкинское стихотворение открывает глубже, когда раскрывается его потаенный смысл, изначально определенный Жуковским.

У Жуковского гений чистой красоты прилетает к поэту во сне, является существом небесным, непорочным, идеалом невинной красоты. У Пушкина это связано с явлением земной женщины, очаровательной в реальной, совсем не идеальной сути. Пушкин был достаточно знаком с А. Керн и ее жизнью.

У обоих авторов вывод схож — человеку необходимы встречи с «гением чистой красоты». Потому, что эта встреча «...приносит откровенья, Благотворные сердцам; Чтоб о небе сердце знало В темной области земной, Нам туда сквозь покрывало Он дает взглянуть порой!».

Но у Пушкина два мира — бездуховный и вдохновенный очерчены ярче, непримиримей. Настоящий драматургический конфликт. Без «божества и вдохновенья» жить невозможно, - «...не хватает воздуха».

Читая о жизни Пушкина в ссылке, открывается тема страстного ожидания

какой-то знаковой встречи, стремление к «пробуждению» в самой тяжелой ситуации — в одиночестве, в глуши, во мраке заточенья.

Вспомним, как потрясающе Пушкин работал над собой в ссылке — образовывался, копил художественный, мировоззренческий потенциал. Его главная просьба: «Книг, ради Бога, книг!» И какие шедевры им написаны в этой ссылке — от поэмы «Цыганы» до «Бориса Годунова»!

Конечно, это стихотворение о прекрасной женщине. Но не только о ней. О человеке, который способен изменить мир вокруг себя. Она — это событие, озарение, искра во мраке! Не сверхъестественная — земная. И в земном можно найти идеал. Важно поднять себя до уровня своей грезы.

А что открывается в этом нам? Живущим, в других житейских обстоятельствах, но, несомненно, испытывающих проблемы в духовности?

Что бы огонь вдохновения разгорелся, недостаточно искры. Если жить праздно, в пассивном ожидании чудного мгновенья;

то дух сверху, с небес может пролететь незамеченным, а уж земное точно проглядишь...

Всмотрись в себя — не просмотрел, не пропустил ли свое «чудное мгновение» в житейской суеде и собственной банальности?

В таком тематическом развороте и был показан в Рождество поэтический эпизод, основанный на стихотворениях А. Пушкина и В. Жуковского.

На пушкинском празднике встретились разные люди — артисты и военные моряки, представители современных профессий — бизнесмены, управленцы, технари и гуманитарии, воистину и «стар и млад». Окунулись в особенный пушкинский мир. Мир многогранный — от сказок до философских обобщений. И каждому место нашлось, и были «чистые мгновения бытия». За это мы благодарны Пушкинскому празднику и постараемся, каждый по своему, этот мир на Гатчинской земле, хранить, обогащать, расширять его видимые и невидимые границы.

В статье сохранена авторская пунктуация (Прим. ред.)

ИСТОРИЯ МОГИЛЫ

АБРАМА ПЕТРОВИЧА ГАННИБАЛА НА СТАРОМ СУЙДИНСКОМ КЛАДБИЩЕ

Андрей Бурлаков

К утраченным, забытым святыням суйдинского края, несомненно, можно отнести бывшее Старое кладбище, расположенное в полукилометре от села Воскресенское по дороге на Кобрино. Кладбищенский погост был основан на этом месте еще в петровскую эпоху и долгое время считался приходским. Он находился рядом с церковью Воскресения Христова, которая была построена бывшим владельцем Суйдинской мызы графом Петром Матвеевичем Апраксиным и торжественно освящена в 1718 году. В разные годы на этом кладбище были похоронены многие наши известные соотечественники, люди разных званий и сословий, в том числе, и знаменитый предок великого поэта Абрам Петрович Ганнибал.

На то, что это кладбище существовало здесь с давних времен, указывают записи о погребении суйдинских жителей, встречающиеся на страницах метрических книг церкви Воскресения Христова, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Так, например, метрическая книга за 1739 год в графе, сообщающей о месте захоронения крепостных и дворовых крестьян помещичьих вотчин, указывает: «У Воскресения Христова в Суйдовской мызе». В тот период здесь хоронили жителей села Воскресенского, деревень Суйды, Коприно (ныне Кобрино), Пижни (ныне Пижмы), Опши (ныне

Вопши), Загоски (ныне Загвоздки), Колпена (ныне Колпаны) и других. Интересно, что три последних из перечисленных деревень административно относилась к Гатчинской мызе и в то время принадлежали князю Александру Борисовичу Куракину.

В наши дни, бывая у символической могилы «Арапа Петра Великого», трудно даже поверить, что еще совсем недавно вокруг современной гранитной стелы находился старинный кладбищенский некрополь. Его хорошо помнят местные старожилы. Последние следы старинного погоста были уничтожены в 1976 году, но, несмотря ни на что, боль утраты не дает покоя всем русским людям, кто еще помнит историю этого достопамятного места. О Старом кладбище рассказывают на экскурсиях сотрудники музея-усадьбы «Суйда». В экспозиции музея находятся многочисленные изображения утраченного кладбища, фотографии старого надгробного памятника на могиле Ганнибала пятидесятых-семидесятых годов и даже реликвии, собранные в последнее время на месте бывшего некрополя: фрагменты чугунных крестов, медный подсвечник, стеклянная разбитая лампадка, монеты, иконка... Многие туристы, побывавшие в бывшем поместье А.П. Ганнибала, недоумевают: почему же не сохранилась подлинная могила прадеда Александра Сергеевича Пушкина?

Нет повести печальнее на свете...

Трагедия, которая случилась в Суйде, типична для многих провинциальных и столичных некрополей, и они также уже давно прекратили свое существование. «Необходимо хранить и преумножать наше наследие. Ганнибалы и Пушкины — целая эпоха. Неужели гектар картошки может заменить память о его великом предке?» Этот отзыв оставил один из посетителей Суйдинского музея в 1989 году. Сегодня в XXI веке эти пронзительные слова звучат все так же актуально.

Как известно, А.П. Ганнибал последние годы своей жизни провел в усадьбе Суйда. Здесь он и умер, согласно записи в метрической книге церкви Воскресения Христова, 14 мая 1781 года. За два месяца до этого умерла его жена Христина Матвеевна, о чем свидетельствует письмо Ивана Абрамовича Ганнибала, написанное 25 марта 1781 года из Петербурга своему брату, Осипу Абрамовичу: «... Мать нашу мы похоронили, отец весьма болен и слабеет ежечасно, так что жизнь его в опасности и надежды никакой нет; все наши домашние там находятся».

Запись в метрической книге указывает: «... отставной генерал-аншеф Абрам Петрович, 98 лет... исповедан и причащен 9 мая еще». Очевидно, что возраст покойного в данном случае был указан неверно, так как «Немецкая биография» Ганнибала сообщает: «... умер в 1781 году, 14 мая, на 93-м году жизни. Похоронен он вместе со своей супругой в церкви своего главного имения Суйда Софийского уезда, в 58 верстах от С.-Петербурга. За 8 дней до смерти пребывал он в состоянии сильнейшего упадка сил, но столь хорошей памяти, что смог припомнить в полной точности события за много лет и их рассказать». Сам Пушкин в примечании к первой главе «Евгения Онегина» писал: «...

умер уже в царствование Екатерины, уволенный от важных занятий службы, с чином генерал-аншефа на 92 году от рождения». По другим источникам, Ганнибал скончался на 84 или 85 году жизни, но это тема уже другой научно-исследовательской работы.

Погребение петровского арапа состоялось на суйдинском кладбище, в полуверсте от усадьбы в присутствии многочисленных родных и близких, дворовых и крепостных крестьян. Согласно «Немецкой биографии», Ганнибал был похоронен в церкви. Об этом же писал и его сын Петр Абрамович Ганнибал: «... погребены в одной церкви, при селе находящейся». Однако этого быть никак не могло. Сенатским указом 1773 года было запрещено практиковавшееся ранее захоронение знатных особ под полом в церкви. Конечно, для Ганнибала могли сделать исключение, но каких-либо документов на этот счет не обнаружено.

Из «Немецкой биографии» также следует, что Ганнибал был похоронен вместе со своей супругой. Однако это не так. Христина Матвеевна Ганнибал, урожденная Шеберх, была лютеранкой в отличие от своего мужа, исповедовавшего православие, она до конца своих дней состояла прихожанкой Кобринской лютеранской кирхи Святой Екатерины. Ее духовным отцом был местный пастор. Здесь, на старинном финском кладбище, расположенном на берегу реки Кобринки, она и была погребена. Запись о ее кончине в метрических книгах Воскресенской Суйдинской церкви не обнаружена. Могила Христины Матвеевны до наших дней не сохранилась.

Документальных свидетельств о погребении Ганнибала не уцелело, но память об этом событии долго сохранялась в рассказах и легендах местных жителей. Так, в 1949 году 97-летняя

Анна Семеновна Бритикова, урожденная Шарапенкова, дочь старосты села Воскресенское, вспоминала удивительные рассказы о старине, услышанные от своей бабушки — крепостной Ганнибалов, в частности, о погребении «черного» барина, которого из усадьбы крестьяне несли на руках, об огромной каменной плите на его могиле... Эти воспоминания были записаны с ее слов известным гатчинским краеведом, действительным членом Географического общества СССР Ангелисом Николаевичем Лбовским и хранятся сейчас в рукописном отделе Российской национальной библиотеки.

После смерти Ганнибала Суйду унаследовал его старший сын Иван Абрамович Ганнибал, по словам Пушкина, «...уважаемый всеми замечательными людьми славного века...», глубоко чтивший заветы и память об отце. К сожалению, потомков у И.А. Ганнибала не было, поэтому вскоре после его кончины в 1805 году с торгов на аукционе Суйда была продана коллежскому асессору Василию Васильевичу Цигореву. Могила Ганнибала оказалась во владении людей, для которых его имя было пустым звуком. Лишь изредка, еще некоторое время после продажи земель под Петербургом, потомки А.П. Ганнибала приезжали поклониться праху своего предка.

Неизвестно, бывал ли на могиле своего знаменитого прадеда А.С. Пушкин. «Я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них», — не без горечи писал поэт. Он мечтал написать «полную биографию» Ганнибала и не раз обращался к нему в стихах и в прозе, пользуясь документами и преданиями, которые тщательно собирал. Он писал о себе, зеркально сближая свой образ с Ганнибалом:

Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

Можно предположить, что, исполненный уважения и интереса к своему предку, к местам, дорогим его матери и няне, Пушкин должен был побывать на этой могиле.

Шли годы. Память о Ганнибале уходила в далекое прошлое и сохранялась лишь в рассказах местных стариков и в многочисленных легендах. Старая Воскресенская церковь, в которой в 1781 году отпевали А.П. Ганнибала, за ветхостью в 1845 году была разобрана и вновь отстроена уже не на кладбище, а в центре разросшегося села Воскресенское, где впоследствии образовалось новое суйдинское кладбище. Забытая потомками и современниками каменная плита на могиле Ганнибала, находящаяся рядом с фундаментом разобранной старой церкви, к 1870-м годам совсем затерялась среди многочисленных последующих захоронений, заросла травой и ушла в землю. Лишь в конце XIX века исследователи загадочной и удивительной личности Ганнибала вспомнили о его последнем приюте на суйдинском кладбище.

Первым предпринял поиск захоронения прадеда Пушкина известный антрополог и географ, академик Дмитрий Николаевич Анучин. Его исследование вошло в большую статью «А.С. Пушкин. Антропологический эскиз», опубликованную в 1899 году в газете «Русские ведомости» и представлявшую большой интерес: «Как сообщает мне настоятель Суйдинской церкви священник Андрей Быстряков, — писал Д.Н. Анучин, — на местном

кладбище действительно находится могила Ганнибала, но от времени плита давно вросла в землю, и отыскать ее теперь трудно, тем более, что на кладбище была произведена очистка земли от лишних камней; в течение 25-ти лет служения о. Быстрякова при Суйдинской церкви никто не обращался за сведениями о могиле Ганнибала. Каких-либо сведений об этом бывшем владельце в церковных книгах также не сохранилось, равно как и преданий жителей.»

Не нашла могилу своего прадеда Анна Семеновна Ганнибал, посетившая Суйдинское имение в 1912 году и оставившая воспоминания об этом событии, не смогли найти ганнибаловскую плиту и многие другие любители местной старины, приезжавшие в Суйду в начале XX столетия ...

Плиту на могиле Ганнибала случайно обнаружили на Старом кладбище местные крестьяне. Случилось это летом 1915 года, когда на кладбище производилась чистка земли от камней, оставшихся, видимо, от фундамента прежней церкви или других построек для захоронения нескольких погибших воинов Первой мировой войны. По воспоминаниям старожилов, они умерли от ран в госпитале, находящемся в те годы в Суйдинском имении, которое в то время принадлежало помещику Герману Германовичу Ланге. Очевидно, что старинная плита и громкая надпись на ней заинтересовали крестьян, и памятник был сохранен на прежнем месте, правда, ненадолго...

Старейшая жительница поселка Высоко-Ключевого Варвара Константиновна Блюк, урожденная Иванова (1899-1986 гг.), в предреволюционные годы часто бывала вместе с родителями на суйдинском кладбище. Она вспоминала, что «до революции... на старом кладбище, прямо против

часовни, в зарослях кустов лежала покрытая мхом огромная развалившаяся плита с надписью Ганнибал, другие слова на плите я не запомнила. Родители говорили мне, что это могила деда Пушкина, но я по своей юности не придавала этому значения...».

О плите на могиле рассказывала уроженка Суйдинского имения, ленинградка Мария Никодимовна Кловве, урожденная Шульская (1902 – 1991 гг.): «В детстве я, бывая на кладбище с подругами, видела большую плиту из дикого камня и длинную надпись на ней. Некоторые буквы и целые слова были утрачены..., старики рассказывали, что это могила помещика Ганнибала».

Интересные сведения о захоронении Ганнибала и других могилах суйдинского кладбища в разное время сообщали местные старожилы, ныне покойные Егор Николаевич Горенков, Мария Исааковна Эглит, Иван Осипович Мидин, Анна Васильевна Васильева и другие.

К сожалению, в дальнейшем, уже при советской власти, плита на могиле Ганнибала была вновь утрачена. Старейший житель села Воскресенского, ныне покойный Виктор Петрович Ванюшин вспоминал со слов своего деда Степана Ивановича Ванюшина, 1861 года рождения, что произошло это примерно в 1922 году, когда некоторые брошенные и забытые потомками могильные плиты были увезены с кладбища и использованы под фундаменты строившихся для рабочих домов в совхозе Суйда. Но по другим сведениям плита все же осталась на кладбище и от времени вновь ушла глубоко в землю, скрыв от нас много неразгаданных тайн: кем был предок поэта – негром, мавром, эфиопом? Когда родился Ганнибал? Какая была на могиле надпись, эпитафия?

В предвоенные годы поисками следов Ганнибалов на гатчинской земле занимался краевед и коллекционер, старший научный сотрудник Красногвардейского краеведческого музея — Ангелис Николаевич Лбовский. В 1936-1937 гг. он установил примерное местонахождение могилы, произвел археологические изыскания и обнаружил старинный каменный склеп. Надгробная плита не была найдена, поэтому могилу Ганнибала А.Н. Лбовский обозначил одернованным холмиком, обсадил кустами шиповника и цветами. Красногвардейский музей вместе с учащимися Воскресенской и Пижменской начальных школ посадил здесь молодые деревья.

К тому времени на Старом кладбище уже не хоронили. Удалось установить, что кладбищенский погост официально был закрыт для погребений местных жителей в 1928 году в связи с открытием нового кладбища. Старожилы рассказывают о многих интересных захоронениях, сохранившихся здесь вплоть до пятидесятих-шестидесятих годов, среди них были могилы помещиков Цигоревых и Евдокимовых, издателя Мамышева, штабс-капитана Горчакова... О посещении в 1937 году кладбища вспоминает писатель Борис Семенов, который вместе с Михаилом Зоценко и другими писателями в то время приезжал на дачу в поселок Высоко-Ключевой, расположенный рядом с Суйдой: «... Невдалеке, за пределами усадьбы, сохранялось старое неухоженное кладбище с черными чугунными крестами и гранитными надгробиями... Здесь долго бродили мы, читая вполне еще разборчивые и трогательные эпитафии — самые интересные Михаил Михайлович записывал в блокнот».

Вплоть до начала тридцатых годов на Старом кладбище сохранялась не-

большая деревянная часовня Святого Николая Чудотворца, построенная здесь в конце XIX столетия на пожертвования прихожан суйдинского храма. Можно предположить, что часовня была возведена на месте разобранной в 1845 году прежней Воскресенской церкви. Именно где-то рядом с часовней, как вспоминали некоторые старожилы, и было в 1915 году обнаружено захоронение А.П. Ганнибала. Можно предположить, что первоначально его могила находилась за алтарной частью бывшего храма, среди захоронений прежних настоятелей суйдинской церкви и почетных прихожан, в том числе и местных помещиков.

Вспоминает уроженец села Воскресенское, житель поселка Высоко-Ключевой Александр Михайлович Ванин (1916-2006 гг.): «Я хорошо помню старое кладбище. У дороги, со стороны села, на кладбище в моем детстве еще стояла деревянная часовня. В ее небольших окошках были вставлены цветные стекла. Вблизи часовни находились деревянные ворота, рядом с которыми слева при входе на кладбище располагались могилы моих предков.

У часовни лежали огромные известняковые камни, сложенные в кучи. На этом месте, как рассказывал мой дед, раньше стояла церковь.

Могилу Ганнибала я уже не застал, но только слышал о ней от стариков. О черном помещике моему деду рассказывал еще его дед. Слышал я и местные байки о том, что в нашем селе некоторые воскресенские девки имели незаконнорожденных детей от Ганнибала. Их так и называли: «Ганнибаловы дети». Что-то поговаривали и про наш род, но это было так давно!

Мой дед помнил могилу Ганнибала. Рассказывал о каменной плите, но куда она потом делась, я не знаю».

Рассказывает житель поселка

Высоко-Ключевой Иван Яковлевич Малей (1908-2001 гг.): «Помню старое кладбище, обнесенное полукруглым земляным рвом и обсаженное кустами акации. До войны здесь было еще очень много старинных памятников: красивых чугунных «витых» крестов, каменных надгробий и плит. На кладбище росло много сирени. Поле, которое отделяло село от кладбища, называлось Поповским».

По воспоминаниям жителя поселка Прибыtkовo, потомственного дворянина Фаддея Марцеленовича Козловского (1907-1993 гг.), до Великой Отечественной войны на Старом кладбище в Суйде ленинградские пушкиноведы искали могилу няни А.С. Пушкина — Арины Родионовны. Как известно, наша знаменитая землячка умерла в 1828 году в Санкт-Петербурге в доме сестры великого поэта Ольги Сергеевны Павлищевой и была похоронена на Смоленском кладбище. Об этом документально свидетельствует запись сохранившейся метрической книги. И тем не менее, существуют свидетельства очевидцев, утверждающих, что на Старом кладбище до войны имелась могила (высокий чугунный крест) с надписью «Арина Родионовна».

Идея установления памятного знака на могиле Ганнибала появилась еще в конце 1930-х годов, война помешала осуществить эту мечту и отодвинула ее на многие годы. Лишь в июне 1953 года по инициативе А.Н. Лбовского и его друга, гатчинского художника Александра Васильевича Васильева на Старом суйдинском кладбище был установлен временный памятный обелиск. «Пушкинские места Гатчинского района будут приводиться в порядок и дальше, — сообщала в небольшой заметке газета «Гатчинская правда». — Окончательно достроен обелиск над склепом Ганнибалов на старом

Первоначальный памятник на могиле А.П. Ганнибала. 1959 г.

Первоначальный памятник на могиле А.П. Ганнибала. 1970 г.

Открытие нового памятника А.П. Ганнибалу. Выступает известный пушкиновед Н.И. Грановская. 1971 г.

кладбище. Он имеет вид высокой пирамиды-крепостцы. На нем сделана соответствующая надпись».

На торжественной церемонии открытия памятника присутствовали местные жители, деятели литературы и искусства, потомки А.П. Ганнибала и

А.С. Пушкина. К сожалению, дальнейшая работа по созданию достойного памятника и благоустройству территории вокруг захоронения арапа Петра Великого была прервана в связи с кончиной Лбовского в 1955 году.

Газета «Правда» в 1963 году в публикации «Заброшенный уголок» сообщила: «Близ села Воскресенского Ленинградской области среди зарослей кустарника затерялась одинокая могила: некрашенная ограда и обломившаяся надгробная цементная пирамидка... Странно, почему допущено такое забвение памяти предка величайшего русского поэта?» Газета «Гатчинская правда» в 1968 году в публикации «Места достопамятные, но забытые» писала: «Временный надмогильный памятник-obelisk А.П. Ганнибалу пришел в плачевное состояние. Депутаты Воскресенского сельсовета, учителя и учащиеся местной Высоко-Ключевой школы безучастно смотрят на это разрушение...»

Ганнибаловской могиле странным образом не везло, в сентябре 1971 года решением Гатчинского райисполкома на ней была открыта памятная гранитная стела, по архитектуре весьма далекая от надгробных памятников старой России и неудачная по своему местоположению. Автор проекта стелы — архитектор М.Н. Мейсель — не смог украсить могилу достойной надписью, она сообщает, что Ганнибал был генералом русской армии. На самом деле прадед Пушкина имел воинское звание генерал-аншеф...

Беда одна не приходит. В 1976 году по распоряжению директора опытно-производственного хозяйства «Суйда» Александра Аркадьевича Ржевущего историческая территория Старого кладбища было распахана под картофельное поле. Эта жуткая акция, проводившаяся под покровом ночи

под видом благоустроительных работ, была одобрена администрацией Воскресенского сельского Совета. Гектар картошки смог заменить хозяевам память о предке Пушкина! Были полностью уничтожены насыпной вал, небогатая кладбищенская растительность, остатки захоронений... Поднятые огромные плиты и ажурные чугунные кресты свалены в глубокую яму и засыпаны землей. Одна, среди распаханного кладбища, осталась возвышаться гранитная стела на могиле Ганнибала, вернее, ее мифический образ, придуманный нашими современниками.

Как же это могло случиться! Почему так безучастно, равнодушно и безразлично в это время вели себя жители суйдинского края, предки многих из которых были похоронены на этом кладбище? Уже вскоре в газете «Ленинградская правда» появилась статья члена Гатчинского отделения Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры Павла Новопольского «Когда реконструкция не радует». В ней автор смело выступил против безобразных деяний, которые творились тогда в Суйде. Достаточно вспомнить, что именно в 1976 году, как раз незадолго до сноса Старого кладбища с исторического места, был перенесен ближе к усадебным постройкам каменный диван А.П. Ганнибала.

«Суйда входит в маршрут экскурсий «По Пушкинским местам». Здесь многолюдно круглый год, но те, кто приедет сюда нынешним летом, не узнают этих мест. Дух старины, дух подлинности нарушен самым бесцеремонным образом. По распоряжению А. Ржевущего — директора опытного хозяйства «Суйда» Северо-Западного научно-исследовательского института сельского хозяйства, на балансе

которого находится усадьба и могила Ганнибала, могучими бульдозерами были снесены старинные кладбищенские деревья, кусты и даже растительный грунт. Теперь среди голого поля кое-где появились молодые посадки, везде проложены новые щебеночные дорожки».

Тема последовательного, необдуманного уничтожения памятных мест, связанных с именем А.С. Пушкина и его родословной, не давала покоя многим краеведам, журналистам, художникам и поэтам. Еще 30 августа 1960 года могила А.П. Ганнибала постановлением Совета Министров РСФСР за № 1327 была взята под охрану государства и поставлена на учет как памятник истории и культуры республиканского значения. В 1997 году указом президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина могила была исключена из перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения и отнесена к категории памятников истории и культуры местного значения.

Сегодня это священное место вызывает о помощи. Каждый год распаханная земля обнажает старые кости, обломки крестов, монеты, кованые гвозди... Что может быть большим позором для народа, чем небрежение к памяти предков, к могиле прадеда национального гения? В незавершенном стихотворении 1830 года Пушкин писал:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к отеческим гробам,
Любовь к родному пепелищу.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

В рукописи второе четверостишие первоначально читалось:

На них основано от века
По воле бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

СПИСОК ДОСТОПАМЯТНЫХ ЛИЦ, ПОГРЕБЕННЫХ НА СТАРОМ СУЙДИНСКОМ КЛАДБИЩЕ, НЫНЕ УТРАЧЕННОМ

1. Александров Григорий (1844-1900 гг.) – отставной унтер-офицер.
2. Алексеев Максим (1754-1837 гг.) – отставной унтер-офицер Лейб-гвардии Семеновского полка.
3. Васин Михаил Васильевич (1820-1894 гг.) – отставной унтер-офицер.
4. Вишняков Степан Кондратьевич (1790-1852 гг.) – дьячок, впоследствии дьякон, отставной дьякон церкви Воскресения Христова в Суйде. Семейное захоронение.
5. Ганнибал Абрам Петрович (1696-1781 гг.) – крестник и сподвижник императора Петра I, известный государственный деятель, военный инженер, отставной генерал-аншеф, прадед А.С. Пушкина по материнской линии. С 1759 года владелец Суйдинской мызы и других поместий, расположенных в Копорском уезде Санкт-Петербургской губернии.
6. Горчаков Иван Александрович (?-1910 гг.) – потомственный дворянин, отставной гвардии штабс-капитан, действительный статский советник, почетный Мировой судья по Царскосельскому уезду Санкт-Петербургской губернии, председатель Земской управы. С 1862 года владелец усадьбы «Суйда», после ее частичной продажи основал новое имение «Суйда», расположенное в окрестностях железнодорожной станции Суйда,

где впоследствии и проживал.

7. Горчакова Юлия Александровна (1840-1916 гг.) – вдова помещика имения «Суйда» А.И. Горчакова.

8. Дмитриев Илья (1741-1824 гг.) – дьячок, впоследствии дьякон церкви Воскресения Христова в Суйде.

9. Евдокимова Анна Родионовна (1757-1836 гг.) вдова надворного советника, свекровь помещицы Наталии Васильевны Евдокимовой, урожденной Цыгоровой, владелицы усадьбы «Суйда»

10. Евдокимов Александр Алексеевич (? - ? гг.) – отставной полковник, муж помещицы Н.В. Евдокимовой, урожденной Цыгоровой, владелицы усадьбы «Суйда».

11. Емельянов Иван (1811-1875 гг.) отставной унтер-офицер.

12. Ильинский Петр Андреевич (1802-1875 гг.) – священник церкви Воскресения Христова в Суйде. Семейное захоронение.

13. Кипарисова Евгения Павловна (1833-1909 гг.) – вдова надворного советника.

14. Кононов Семен (1742-1820 гг.) – дворовый крестьянин, кучер Суйдинской мызы помещиков А.П. Ганнибала и И.А. Ганнибала. Семейное захоронение.

15. Родионова Евдокия (1754-1825 гг.) – вдова дворового крестьянина Суйдинской мызы С. Кононова, старшая сестра Арины Родионовны – няни А.С. Пушкина.*1

16. Краснопевков Никита Семеонович (1791-1854 гг.) – священник церкви Воскресения Христова в Суйде. Семейное захоронение.

17. Леонтьева Ольга (1829 г.) – приемная дочь «приемница вместо дочери» *2 пастора Кобринской лютеранской кирхи, младенец 1,5 месяцев.

18. Лисенко Григорий (?-1877 гг.) – крестьянин, управляющий усадьбы

Кобрينو (бывшей Руновской мызы) помещицы Н.Т. Карташевской. Семейное захоронение.

19. Лисенко Михаил Григорьевич (1834-1884 гг.) – мастер Санкт-Петербургского парикмахерского цеха, с 1878 года владелец собственного дома в деревне Кобрينو. Семейное захоронение.

20. Мамышев Николай Родионович (1777-1840 гг.) – обер-бергмейстер, начальник Горноблагодатских и Воткинских казенных заводов, издатель, писатель, автор серии статей по сельскому хозяйству. С 1835 года владеет усадьбой «Мой приют», расположенной в окрестностях современного поселка Прибыtkово. Семейное захоронение.

21. Мамышева Екатерина Зиновьевна (1803-1875 гг.) – вдова обер-бергмейстера, помещика усадьбы «Мой приют» Н.Р. Мамышева.

22. Мамышев Георгий (ок. 1882 г.) – сын отставного коллежского секретаря, писателя, военного биографа Всеволода Николаевича Мамышева, младенец, 2 месяца.

23. Никитин Кондратий (1755-1831 гг.) – дьячок, впоследствии дьякон, отставной дьякон церкви Воскресения Христова в Суйде.

24. Павленко Семен Петрович (1823-1874 гг.) – штабс-капитан лейб-гвардии Егерского полка.

25. Петров Гавриил (1814-1889 гг.) отставной унтер-офицер Новоингерманландского полка.

26. Поляков Дмитрий Афанасьевич (1659 –1739 гг.) – дворовый крестьянин и бурмистр*3 «управитель того дома и вотчины Дмитрий Афанасьев сын Поляков...»*4 Суйдинской мызы помещицы графини Елены Михайловны Апраксиной.

27. Никитина Меланья (1670-? гг.) – жена дворового крестьянина и бурми-

стра Суйдинской мыза Д.А. Полякова. «жена его управительская» *5

28. Ридигер Федор Иванович (?- 1862 гг.) – отставной штабс-капитан, чиновник 8 класса, владелец усадьбы «Розенгоф», расположенной в окрестностях современной деревни Руново. Семейное захоронение.

29. Ридигер Дарья Федоровна (? - ? гг.) – вдова помещика усадьбы «Розенгоф», с 1863 года проживала в городе Гатчине, в Ингербургской части, в доме № 78 по Мариинской улице (ныне улица Киргетова).

30. Ридигер Леонид Федорович (1860-1917 гг.) – надворный советник, владелец усадьбы «Розенгоф».

31. Савельев Дмитрий (1815-1890 гг.) – отставной фельдфебель.

32. Спириин Максим Михайлович (1843-1899 гг.) – отставной унтер-офицер.

33. Трофимов Симеон (1745-1822 гг.) – священник, заштатный священник церкви Воскресения Христова в Суйде.

34. Урсин Надежда Михайловна (1868-1909 гг.) – жена полковника Александро-Невского полка.

35. Цыгорев Евлампий Васильевич (1771-1808 гг.) – коллежский ассессор, брат помещика Василия Васильевича Цыгорева, владельца усадьбы «Суйда».*6

36. Шарапов Иван Петрович (? -1797 гг.) – крепостной крестьянин

села Воскресенское, бурмистр «управитель вотчины Иван Петров сын Шарапов...»*7 Суйдинской мызы помещиков А.П. Ганнибала и И.А. Ганнибала. Семейное захоронение.

37. Шарапов Емельян Иванович (1758 -1850 гг.) – крепостной крестьянин села Воскресенское, бурмистр Суйдинской мызы помещиков И.А. Ганнибала и В.В. Цыгорева, «сборщик казенных податей Суйдинской вотчины...»*8 с 1810 по 1825 гг. Семейное захоронение.

Родные и близкие Арины Родионовны, няни А.С. Пушкина

38. Яковлев Родион (1728-1767 гг.) – крепостной крестьянин села Воскресенское, отец Арины Родионовны. Семейное захоронение.

39. Кириллова Лукерья (1730-1797 гг.) – крепостная крестьянка села Воскресенское, мать Арины Родионовны.

40. Матвеев Федор (1757-1801 гг.) – крепостной крестьянин деревни Кобринно, муж Арины Родионовны.

41. Федоров Егор (1782-1831 гг.) – крепостной крестьянин деревни Кобринно, старший сын Арины Родионовны.

42. Иванова Агриппина (1784-?) – крепостная крестьянка деревни Кобринно, жена Егора Федорова.

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ АРИНЫ РОДИОНОВНЫ

Андрей Бурлаков

Изучая исторические корни биографии няни великого поэта суйдинского периода жизни, мне удалось довольно подробно проследить ее родовые истоки, о которых до настоящего времени документальных свидетельств сохранилось крайне мало.

Арина Родионовна родилась 10 апреля 1758 года в селе Воскресенском в семье крепостных крестьян Родиона Яковлева и Лукерьи Кирилловой. Эта дата документально установлена благодаря записи, обнаруженной в метрической книге церкви Воскресения Христова в Суйде, хранящейся ныне в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга.^{*1} В метрике будущая няня А.С. Пушкина была записана как Иринья. Под таким именем она упоминается во всех уцелевших документах бывшего суйдинского храма. Здесь же указано, что местом рождения Арины Родионовны является «село Суйда», Воскресенское тож» Копорского уезда Санкт-Петербургской губернии.^{*2} Село Воскресенское, получившее свое название в честь возведенной в 1718 году рядом с ним церкви Воскресения Христова, до этого времени официально называлось деревней Суйдой. Еще со времен шведского владычества (примерно с 1619 года) это старинное поселение было приписано к Суйдинской мызе. В документах XVIII столетия часто упоминалось двойное название села: Суйда и Воскресенское. Так, например, в метрической книге церкви Воскресения Христова за 1737 год сообщается: «В селе Воскресенском, что была мыза Суйдовская...».^{*3}

Родители Арины Родионовны были крепостными крестьянами местного помещика, подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка, графа Федора Алексеевича

Апраксина. Владелец Суйдинской мызы был внуком знаменитого петровского сподвижника, графа Петра Матвеевича Апраксина, которому эти земли были пожалованы Петром I вскоре после их освобождения от шведских захватчиков. Как известно, П.М. Апраксин был одним из главных героев Северной войны.

Через год после рождения Арины Родионовны Суйдинская мыза с приписанными к ней селом Воскресенским и соседними деревнями были приобретены в собственность генерал-аншефом и кавалером Абрамом Петровичем Ганнибалом, ставшим впоследствии легендарным прадедом А.С. Пушкина.

Отец Арины Родионовны – Родион Яковлев – родился в 1728 году. Мальчик рано лишился родителей и остался сиротой. Примерно в девятилетнем возрасте он был взят «приемышем» на воспитание в бедную крестьянскую семью Петра Полуэктова и Вассы Емельяновой, которые с петровских времен проживали в селе Воскресенском.

Крестьянский род Полуэктовых появился на суйдинской земле во время насильственного переселения сюда нескольких крестьянских семей, прибывших из центральных губерний России. Петровским указом в период с 1715 по 1725 год они как и тысячи других переселенцев, были выдворены из родных мест. Безлюдные, опустевшие после шведской оккупации края, деревни и села, расположенные на землях, вошедших в состав учрежденной в 1708 году Санкт-Петербургской губернии, царь рассчитывал быстро вернуть к жизни. Петр Полуэктов был старшим сыном великорусского крестьянина Полуэкта Андреева. В соседних дворах села Воскресен-

ского рядом с ним проживали его братья Андрей и Кирилл.

Каких-либо документальных свидетельств о настоящих родителях Родиона Яковлева не сохранилось. Неизвестно и место его рождения. Можно только предположить, что родиной отца Арины Родионовны было село Воскресенское. Ответы на эти и еще многие другие вопросы можно было бы почерпнуть из церковных документов суйдинского храма. Однако, метрической книги за 1728 год, когда появился на свет Родион Яковлев, в архиве не сохранилось.

Ничем не обоснованная версия, изложенная в исследованиях известным пушкиноведом, бывшим куратором Пушкинских мест Гатчинского района и автором первых музейных экспозиций в Суйде, Выре и Кобрине Ниной Ивановной Грановской (1917-2002 гг.), о том, что Родион Яковлев «вероятно, был потомком переселенцев либо крещенных карелов (чуди)» не подтверждена документально.⁴ В последнее время в печати появилась целая серия бездоказательных материалов, посвященных финно-угорскому происхождению няни великого поэта. Находились смельчаки, которые считали Арину Родионовну чуть ли не лютеранкой. Однако это не так. Финская тематика занимает особое место в биографии Арины Родионовны, в ее замечательном сказительном наследии, так ярко отразившемся в творчестве А.С. Пушкина. Но это тема особой публикации.

Занимаясь составлением родословной Арины Родионовны, с полной уверенностью можно сказать, что ее родители — отец и мать — имели славянские, православные корни. Это доказывает прежде всего тот факт, что Родион Яковлев и Лукерья Кириллова были прихожанами суйдинской церкви. Старинное село Воскресенское (бывшая Суйда) с незапамятных времен считалось новгородским поселением. Оно впервые упоминается в Новгородской писцовой книге 1499 года как село Суйда в Никольско-Суйдовском погосте в Водской пятине на земле Великого Новгорода.

Мать Арины Родионовны — Лукерья Кириллова — родилась в 1730 году в селе Воскресенском в большой крестьянской

семье. Ее отец Кирилл Михайлович был «служителем» Суйдинской мызы. В исповедальных книгах церкви Воскресения Христова середины XVIII века она названа «старинной села Суйды».⁵ Исходя из этого, можно предположить, что ее предки были новгородцы, пережившие шведскую оккупацию края. В семье Кирилла Михайловича было несколько детей. Среди них — Ирина Кириллова, по имени которой при крещении в 1758 году была названа новорожденная, ставшая впоследствии Ариной Родионовной. Интересно, что одним из воспитанников при ее крещении был родной брат матери — Ларион Кириллов (в документах он назван Кириллин).⁶ Другой приемницей была дочь воскресенского крестьянина, девица Евфимия Лукина.

Согласно записи метрической книги, в 1750 году 22-летний Родион Яковлев вступил в законный брак с местной крепостной девушкой, 20-летней Лукерьей Кирилловой. По исповедальным книгам удалось проследить, что молодожены, не имея собственного двора, поселились в доме отчима Петра Полуэктова. Здесь родились их дети. Через четыре года умерла приемная мать Родиона Яковлева — Васса Емельянова. Ей было 55 лет. И уже вскоре овдовевший Петр Полуэктов вторично женился на «пашечнице» Суйдинской мызы, вдове Настасье Филипповой, у которой от первого брака имелись две дочери и сын Еремей Агафонов.⁷

Родион Яковлев и Лукерья Кириллова имели большую семью — семь детей: в 1755 году родился старший сын Симеон. В тот период имя Родиона Яковлева нередко упоминалось в метрических документах. Так, например, в 1757 году, в связи с рождением у воскресенского крестьянина Ивана Елисеева дочери Матрены. Ее воспитанником при крещении был будущий отец Арины Родионовны.

Родион Яковлев умер в 1768 году, оставив после себя семь детей: двух сыновей и пять дочерей. Арине Родионовне тогда было 10 лет. В 1772 году скончался и Петр Полуэктов, на четыре года переживший своего приемного сына. После смерти кормильцев обе семьи, состоявшие главным образом из малолетних детей, продолжали

Часть вторая бракосочетающихся			
№	число года	кто имяны венчаны	кто помѣ помѣи по
5	5	дровни поврима пре стѣпанской сѣи отроку Федѣ Матвѣевѣ дровни Суйды дн прѣстѣпанск догерьню дебнѣо иринѣ Ею родионовой оба гѣ вѣд дровни	деревни таицѣ Кузьмѣ Никитинѣ Ефимѣ Петровѣ и Ларіонѣ Ларіонѣ и Симѣонѣ Родионовѣ

Метрический документ о бракосочетании Арины Родионовны с Федором Матвеевым, 1781 г.

еще некоторое время жить вместе. Еремей Агафонов оказался единственным в доме мужчиной-кормильцем.

С отроческих лет Еремей Агафонов был определен работником в помещичью усадьбу. В документах той поры он часто упоминается среди крестьян, приписанных к Суйдинской мызе. Так, в исповедальной книге за 1795 год среди «дворовых людей» вотчины Ивана Абрамовича Ганнибала указаны: «Еремей Агафонов 58 лет, жена его Евдокия 55 лет, мать его вдова Настасья Филиппова 93 года»⁸.

Именно Еремей рекомендовал на работу в помещичью усадьбу старшего брата Арины Родионовны Симеона Родионова, который впоследствии служил кучером у Ганнибалов. Можно предположить, что в свою очередь Симеон привел в господский дом старого арапа совсем еще юную сестрицу Иринею, будущую Арину Родионовну. Будучи в услужении в барском поместье, с тяжелым крестьянским трудом она столкнулась очень рано.

В Воскресенском, как и в других русских селах России, все местные девушки с ранних лет приучались к рукоделию. Прекрасной мастерицей-рукодельницей была и Арина Родионовна. Об этом повествуют старинные предания и документальные сведения. Суйдинский край всегда сла-

вился своими мастерицами — вышивальщицами и кружевницами. Таким образом, Арина Родионовна была связана с Ганнибалами и их усадьбой задолго до того, как она стала няней в Кобринском поместье, так называемой Руновской мызе.

По тогдашним меркам Арина Родионовна поздно вышла замуж — в двадцать три года. Ее сосватали за крестьянина соседней деревни Кобринно Федора Матвеева. Со свадьбой торопились. Подходили к концу последние дни жизни старого арапа, после смерти которого жених и невеста могли оказаться во владениях разных помещиков: Суйда по наследству должна была перейти к Ивану Абрамовичу Ганнибалу, Кобринно — Осипу Абрамовичу Ганнибалу, будущему деду А.С. Пушкина.

Бракосочетание Федора Матвеева и Арины Родионовой состоялось в Суйдинской церкви Воскресения Христова 5 февраля 1781 года. Запись в метрической книге сообщает: «В деревне Кобринно крестьянский сын отрок Федор Матвеев, деревни Суйды с крестьянскою девкою Иринею Родионовой, оба первым браком».

Поручателями на свадьбе со стороны жениха были крестьяне деревни Тайцы Кузьма Никитин и Ефим Петров, а по невесте ее ближайшие родственники Ларрион Кириллов и Симеон Родионов. После за-

мужества Арина Родионовна переезжает к мужу в Кобрино. В том же году, 14 мая, умер А.П. Ганнибал, и эта деревня по наследству переходит к его сыну

Примечания:

^{*1} Запись о рождении Арины Родионовны была обнаружена в 1939 году ленинградским исследователем А.И.Ульянским. До этого времени годом ее рождения считались 1754, 1761 и другие года. Документ о рождении Арины Родионовны впервые был опубликован в книге А.И.Ульянского «Няня Пушкина», изданной Академией Наук СССР в 1940 году.

^{*2} ЦГИА СПб ф.19, оп.112, д.574 Метрическая книга церкви Воскресения Христова в Суйде, 1758 г.

^{*3} Там же.

^{*4} ЦГИА СПб ф.19, оп.125, д.742 Метрическая книга церкви Воскресения Христова в Суйде, 1737 г.

^{*5} ЦГИА СПб ф.19, оп.112, д. 151 Исповедальные росписи по Копорскому уезду Санкт-Петербургской губернии, 1759\60 г.

^{*6} Ларион Кириллов был давним другом управляющего (бурмистра) Суйдинской мызы Ивана Шарапова, о чем свидетельствуют архивные документы. Так, например, в Метрической книге за 1757 год он упоминается восприемником при крещении сына Ивана Шарапова - Алексея.

^{*7} Еремей Агафонов впоследствии породнился с семьей отца Арины Родионовны, став мужем ее старшей сестры Евдокии Родионовой.

^{*8} ЦГИА СПб ф.19 Исповедальные росписи по Софийскому уезду Санкт-Петербургской губернии 1795 г.

Пушкинские места

Елена Киселева

Хочу по памятным местам
Пройтись зимою или летом,
Чтоб в мыслях повстречаться там
Со знаменитейшим поэтом.

Вот Суйда — прадеда земля,
Родное пепелище Ганнибалов.
Здесь старый пруд и сад
Зовут к себе тенистою прохладой.

Поэзией пропитана земля,
И воздух так лиричен на рассвете.
Ведь это Кобрино — старинное село,
Здесь нянюшка жила поэта.

Москва — мальчишки колыбель,
Здесь рос он под присмотром няни.
Угодно было так судьбе,
Великим он поэтом станет.

Михайловское, Петербург,
Кавказ и Болдино, и Киев
В нем укрепили русский дух
И поэтическую силу.

Чудесен царскосельский вид —
Аллеи, лебеди, фонтаны...
Лицей же тем и знаменит,
Что в нем учился Александр.

Так много, много мест других,
Где был и не бывал поэт при жизни...
Но память вечную о них
Оставил он своей Отчизне.

ФИННО-УГОРСКИЙ ФОЛЬКЛОР В СКАЗКАХ АРИНЫ РОДИОНОВНЫ

Наталья Ключина

Сказки и всякого рода «пиическое творчество» в доме Пушкиных особенно поощрялись. В среде дворовых существовали и различные чудесные истории. Они становились иногда единственным развлечением и утешением простых людей. В этой среде сказки не только рассказывались, но и читались. Какой-нибудь один на всю деревню грамотей читал книжки — лубочные издания сказок с картинками — собравшимся в людской лакеям, горничным и кухаркам. Книжные сказки затем перечитывались, переделывались и превращались в устные. И вот среди дворни Пушкиных появилась сорокалетняя няня. По воспоминаниям сестры поэта, Ольги Сергеевны, она «мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами и поговорками». От Арины Родионовны поэт услышал и книжные сказания о Бове и Еруслане Лазаревиче. О подвигах Бове Пушкин вспоминает в стихотворении «Сон». Тогда уже поэт начал писать свою первую поэму «Руслан и Людмила». Имя главного героя он переделал из Еруслана в Руслана. Эта поэма навеяна не только русскими, но и скандинавскими сказками, и в ней чародей Финн не случаен. Н.М. Карамзин пишет в «Истории государства Российского», что финские чародейства подробно описаны в северных сказках. Эти северные, ингерманландские сказки Пушкин также знал от Арины Родионовны. Она родилась и жила среди финнов и карелов, «чуди», как их называли.

У Пушкина Финн — имя собственное. «Злой великан Финн» из скандинавской сказки превращается в поэме в доброго волшебника. Карамзин отмечает, что «финны и чуди» славились волшебством. Они издавна были склонны к волхованию и кудесничеству и дольше других не принимали христианство, оставаясь язычниками.

Архиепископ Макарий в 1534 году жаловался в грамоте великому князю Иоанну

Васильевичу: «...в этом краю существуют многие идолопоклоннические суеверия... предсказатели судьбы, чудские гадатели... мольбища идольские лесу, камням, рекам, болоту, солнцу, месяцу... и поклоняются твари всей яко Богу, и приносят жертву кровную бесам...».

В поэме Пушкина Финн говорит о финских чародействах:

...Наука дивная таится
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны.

По словам пушкиниста В. Сиповского, одного из первых исследователей поэмы, ему не удалось найти в сказочной литературе «ничего похожего на эпизод Финна и Наины», возможно этот источник следует искать в устном ингерманландском фольклоре.

Финн «в ученье колдунов провел невидимые годы», он узнал «силу заклинаньям», «тайну страшную природы». Все для того, чтобы «в гордом сердце девы холодной любовь волшебствами зажечь». Потратив годы на ученье волшебству, Финн добивается успеха, но судьба смеется над ним. За это время Наина обратилась в старую безобразную старуху. От ее любви Финн спасается бегством. Колдунья теперь мстит ему и Руслану. Добрый Финн и «злых козней истребитель» — Руслан объединяются против коварных врагов — Карлы, Черномора и Наины. Так сталкиваются добрые и злые силы.

Поэма Пушкина кончается, как должна кончаться сказка — добро побеждает. Но в ней встреча Руслана с Финном, «предвиденная судьбой» — одна из главных сюжетных линий поэмы.

Очевидно, что образ Финна — чародея навеян не только словами Карамзина о финнах и «чуди», но и сказками и рассказа-

ми няни, жившей среди них. Так в поэмах Пушкина появился местный колорит, связанный с родиной Арины Родионовны.

Руслан никого не убивает. Победенный Рогдай погибает сам. Жизнь Карлы Черномора герой щадит, отрезав ему только волшебную бороду. Остается жива только колдунья Наина. Руслан не казнит даже своего убийцу Фарлафона. По мнению известного ученого-фольклориста А.К. Азадовского, гуманное отношение даже к отрицательным героям — черта, характерная для сказок Арины Родионовны, где жестокость наказания смягчается, особенно в эпилогах. Эта черта, перенятая от няни, присуща большинству сказок самого Пушкина.

В годы Михайловской ссылки поэт делает конспективные записи семи сказок, дошедших до нас только в более поздних редакциях. Это записи известных в мировом фольклоре сюжетов «О чудесных детях и оклеветанной жене», «Чудесное бегство», «О Кощеевой смерти», «Сын царя и сын кузнеца», редчайшая запись на тему «Неосторожное слово» и вариант сказки няни «О мертвой царевне». В каждом случае Арина Родионовна рассказывала сказку по-своему. Особенно интересна сказка «О чудесных детях и оклеветанной жене». Она широко известна и в западноевропейском, и в русском фольклоре. Ее зафиксировали в своих справочниках по сказочной литературе два ученых фольклориста: вначале финский — Анти Аарне и затем русский — Н.П. Андреев. Согласно их указателям, сюжет таков: Царь выбирает себе невесту, женится и уезжает на войну; царица в его отсутствие рождает ему чудесных детей, их подменивают, царица изгнана, она живет с детьми на острове; слухи о разных диковинках острова привлекают сюда царя, он находит жену с детьми, и семья воссоединяется.

Совершенно оригинально, по-своему рассказывает эту сказку Арина Родионовна. Целый ряд любопытных деталей ее сказки отсутствует в других дошедших до нас записях сказки. Перед нами одна из древнейших редакций. Так эта сказка рассказывалась в Ингерманландии, в Суйде, в Кобрино — имениях Ганнибалов. Даже в конспективной записи будто слышится неторопливая,

певучая речь няни поэта: «Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер, — старшая хвалилась, что все государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит 33 сына. Царь женился на меньшей, и с первой ночи она понесла, Царь уехал воевать. Мачеха его, завидуя своей невестке, решила ее погубить. После девяти месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, а на заволочке месяц; послали известить о том царя. Мачеха задержала гонца по дороге, напоила его пьяным, подменила письмо, в котором написала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой, а неведомой зверушкой Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дожидаться приезда его, для разрешения. Мачеха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки: одну для 33-х царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море. Так и сделано».

Таков фрагмент сказки, послуживший основой для написания в августе 1831 года в Царском Селе сказки Пушкина «О царе Салтане». У Арины Родионовны было взято и оригинальное имя царя. Но «Султан Султанович, турецкий государь» превратился у поэта в царя Салтана, а чудеса творит царевна-лебедь (в няниной, же сказке сам царевич, уродившийся чудом). По мотивам этой сказки у Пушкина также выходят из моря «тридцать три богатыря» — юноши, живущие в море (сыновья царицы, братья царевича), и стерегущий их старик. Он у Пушкина превращается в «Дядьку Черномора».

Царевич, «уродившийся чудом», и число детей — 34 ни в каких известных вариантах этой сказки не встречаются (обычно сыновей у царицы трое, семь, двенадцать). Нет и юношей, живущих в море (обычно они живут в лесу или на острове). Этот, единственный вариант сказки интересен и в другом. У няни в описании одного из чудес, вероятно, отразилось чудо, реально существовавшее в Суйде. Во времена Арины Родионовны, среди достопримечательностей ганнибаловско-

го парка был многовековой дуб. Огромное, ветвистое дерево росло на берегу большого пруда. Дуб имел изогнутую форму, напоминающую древнее оружие — лук. Эти очертания были не случайны. Пруд по преданию был выкопан после Северной войны пленными шведами по приказу первого владельца Суйды, графа П.М. Апраксина, освобождавшего этот край. И лук был направлен в сторону Швеции. Не отсюда ли у няни, а затем и у Пушкина, «Дуб зеленый» и «Лукоморье» (слово означает также «излучину», кривизну». Няня говорит в своей сказке: «Вот что чудо: у моря лукоморья стоит дуб, а на том дубу цепи золотые, а по тем цепям ходит кот; вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет». Пушкин этот дуб и лукоморье перенес затем в пролог к «Руслану и Людмиле».

В сказке Арины Родионовны говорится о чудном острове: «Они вышли на остров. Сын избрал место и с благословения матери вдруг выстроил город и начал в нем княжить». Не отразилась ли здесь в сказке няни, а затем у Пушкина, народная молва о «непостижимо быстром» построении Петром I города-крепости на Неве (дабы ногою твердой стать на море»). Как нам известно, Санкт-Петербург — многоостровной город, возник вначале на пустынном острове Люстеланде (новгородцы называли его Заячьим), а крепость, возведенная здесь в сказочный срок, приветствовала корабли гостей пушечной стрельбой из своих бастионов. То, что Пушкин находит у няни, он потом разовьет в своей сказке, еще более обогащенной историей основания Петербурга:

...Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый, златоглавый,
Пристань с крепкою заставой,
Пушки с пристани палаят,
Кораблю пристать велаят.

Затем, отвечая на вопросы царя Салтана: «Какое на свете чудо?», корабельщики рассказывают об острове. Здесь, по всей вероятности, говорится о великом водном пути «из варяг в греки», исстари проходившем через Водскую пятину. Торговля Великого

Новгорода с Западом шла через Ладогу, Неву, Финский Залив, Балтийское море, Волхов и Ильмень. «За морем» у берегов скандинавских стран находился «свейский берег» (шведский берег), где кончался путь. Отсюда же «из варяг» шел путь обратный, на юг, «в греки».

И у Арины Родионовны и у поэта «кораблики проходили мимо чудного острова, уже побывав «за морем», и направляются на юг. Например, в одном из случаев, у няни: «Едет мимо корабль. Царевич остановил корабельщиков, осмотрел их пропуск и, узнав, что они едут к Султану Султановичу, турецкому государю, обратился в муху и полетел вслед за ними».

Великий Новгород по этому пути сбывал лен, коноплю, меха, кожи, шкуры и другие товары. Взамен получал оружие, металлическую утварь, вина, ткани. В другой раз на вопрос Гвидона «чем вы, гости, торг ведете?», корабельщики отвечают:

...Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
А теперь нам вышел срок,
И лежит наш путь далек,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана.

Во всех случаях корабельщики проплывают мимо «Чудного острова», а затем у Пушкина мимо острова Буяна». Здесь словно дается география Финского залива. Ведь и остров Буян реально существовал. Название этого острова Пушкин тоже мог взять у няни, из другой сказки — «О кощейвой смерти», где есть такие слова: «на море, на океане, на острове Буяне».

На родине Арины Родионовны жили русские и ингерманладские сказки. Они таили в себе ум, мудрость и память многих поколений, потрясали своей наивностью и безыскусственностью, чистотой и поэтичностью. Арина Родионовна поведала их Пушкину. Великий поэт посвятил няне много произведений, сказал о ней в одном из них:

...Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов...

Литература:

1. Грановская Н.И. Если ехать вам слу-

чится...: Очерк-путеводитель.-Л.: Лениздат, 1989.

2. Друзья Пушкина: Переписка, воспоминания, дневники: в 2-х т. Под ред. В.В. Кунина.- М.: Правда, 1984.

3. Желанский, А. Сказки Пушкина в народном стиле Государственное издательство «Художественная литература», - М.: 1936.

4. Проф. В.Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. — Издательство Ленинградского Государственного Ордена Ленина Университета, Ленинград 1946.

5. Андреев, А.П. Указатель сказочных сю-

жетов по системе А. Арне. Л., 1929.

6. Афанасьев, А.Н. Древо жизни. Избранные статьи. М.: Современник, 1983.

7. Юхнева, Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л. Наука, 1984.

8. Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1928.

9. Ульяновский, А.И. Няня Пушкина. Академия наук СССР. Ленинград, 1940.

10. Азадовский, М.К. Литература фольклор. Л.: Гослитиздат, 1938.

Усадьба в Ручьёво

Лариса Киселева

От запустенья очень жалок
Герой забытых новостей.
Встречает дом со стаей галок
своих непрошенных гостей.

Распахнут в мир открытой дверью,
Рядами окон без гардин
К эпохе чуждой с недоверьем,
Один с несчастьем - на один.

Еще скрипит под слоем пыли
Шикарный некогда паркет,
Не чистили его, не мыли -
Наверно, пять десятков лет.

В нем под лоскутьями обоев
Печальна комнат пустота,
Лишь мотыльки чуть слышным боем
Стучат в стекло то тут, то там.

Что одиночества быть может хуже
В болезни и на склоне лет?..
Давно потомкам дом не нужен,
И к прошлому возврата нет.

На старика из крепких бревен
Заявит мир свои права:
Когда однажды, час неровен,
Он будет пущен на дрова.

РОССИИ ОН СЛУЖИЛ!

(к 180-летию А.А. Пушкина)

Марина Смородина

Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца.

А.С. Пушкин

Следуя семейным преданиям, А.С. Пушкин писал в «Начале биографии»: «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорил летописец, то есть знатного, благородного)». Потомки Радши служили Александру Невскому. Они отличались достоинством, независимостью и благочестием.

Поэт гордился тем, что его предки были строителями русского государства, что он происходил от исторического боярского рода, одного из самых старинных родов, от предков, «коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей...»

В стихотворении «Моя родословная» он пишет:

Водились Пушкины с царями,
из них был славен не один,
Когда тягался с поляками,
Нижегородский мещанин.
Смирив крамолу и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство,
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын,
Бывало нами дорожили;
Бывало...

Пушкин в 20-ом колене потомок Радши, а по материнской линии (че-

рез Ржевских) был в 21-ом колене потомком Александра Невского и в 33 колене потомком Рюрика. Свою фамилию он получил от далекого пращура Григория Александровича Морхинина, по прозвищу Пушка.

Будучи счастливым отцом четверых детей, он ласково называл их: Машка, Сашка, Гришка и Наташка. Нежно любя их всех, особое внимание он уделял старшему сыну, которого звал «рыжий Сашка».

Александр Александрович родился в Санкт-Петербурге 6 июля 1833 года. 20 июля его крестили в Предтеченской церкви на Каменном острове. Крестными были друг поэта П.В. Нащекин и тетка Наталья Николаевна Е.И. Загряжская.

Имя старшего сына часто упоминалось в письмах отца. «Читаю Вальтера Скотта и Библию, а все о вас думаю. Здоров ли Сашка..?» — спрашивает жену. В переписке с П.В. Нащекиным часто упоминается его крестник: «Все мы здоровы — крестник твой тебя целует, мальчик славный».

«Вот тебе анекдот о моем Сашке. Ему запретили (не знаю зачем) просить, что ему хочется. На днях говорит он своей тете: «Азя! Дай мне чаю: я просить не буду».

В письмах-размышлениях последних лет отец предстает заботливым и мудрым: «Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил, — писал он жене, намекая на Императоров Александра I и Александра II, — не дай Бог ему идти по моим следам, пи-

сать стихи, да ссориться с царями! В письмах он отца не перешеголяет, а плетью обуха не перешибет».

Беспокойством о судьбе детей проникнуто и другое письмо: «Хорошо, коли проживу я еще лет 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать, и что скажет Машка, а в особенности Сашка».

После трагической смерти поэта его дети остались малолетними: Маше шел 5 год, Саше — 4 год, Грише — 2 год, а Наташе не было и года.

Прожив в браке 6 лет, Наталья Николаевна осталась 24-летней вдовой без средств существования.

К умирающему поэту император Николай I прислал своего личного врача Аренда с запиской: «Прошу тебя исполнить последний долг христианина. Не знаю, увидимся ли на сем свете. Не беспокойся о жене и детях; я беру их на свои руки». Пушкин был тронут вниманием Николая Павловича — он исповедовался и причастился.

Свое обещание Император выполнил: заплатил долги поэта частным лицам (120 тысяч), 10 тысяч выделил на похороны, а также пенсии вдове и детям. Сыновья Пушкина были определены впоследствии в Пажеский корпус.

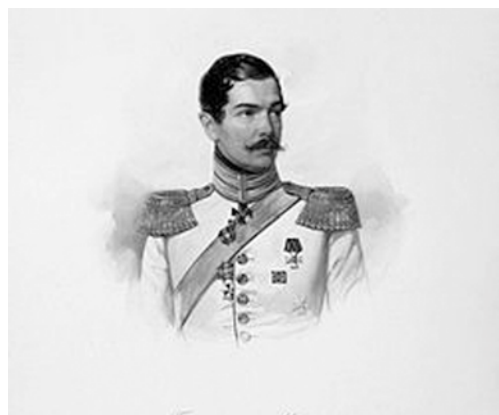
Перед смертью А.С. Пушкин просил Наталью Николаевну: «Поезжай в деревню, носи по мне траур 2 года, а потом выходи замуж за порядочного человека».

Однако, замуж молодая вдова вышла только через семь лет. Препградой к браку были малолетние дети. Но Наталья Николаевна строго заявляла претендентам: «Кому не нужны мои дети — тот мне не муж».

16 июля 1844 года в приходской церкви Стрельны состоялось венчание Н.Н. Пушкиной с генерал-майором (с 1849 — генерал-лейтенант) Петром

В. Гау. Портрет Н.Н. Ланской. 1849 г.
Альбом лейб-гвардии Конного полка

В. Гау. Портрет П.П. Ланского. 1847 г. (?).
Альбом лейб-гвардии Конного полка

Петровичем Ланским (1799-1877).

Торжество происходило в узком кругу родных и знакомых. Боясь криво толков, невеста отказала Николаю Павловичу в присутствии на свадьбе. Император выразил желание быть крестным отцом первого ребенка. В этом браке родилось три дочери: Александра, Софья и Елизавета.

Крестница императора Александра вспоминала: «Когда отец явился к

Государю с просьбой о дозволении ему жениться, Николай Павлович ответил: «искренне поздравляю тебя, и от души радуюсь твоему выбору. Вы оба достойны счастья, и Бог пошлет его вам».

И Бог действительно наградил молодоженов долгожданным семейным счастьем, которое Наталья Николаевна в письме к мужу назвала «союзом двух сердец»: «Союз двух сердец — величайшее счастье на земле», — сказала она.

Душевную атмосферу в семье старший сын определил так: «Мы любили нашу мать, чтили память отца и уважали Ланского». Но особую теплоту и нежность испытывал Александр Александрович к матери, стараясь, по возможности, чаще навещать ее. Субботы для них были днями их встреч, днями воспоминаний об отце.

В 15 лет Александр Пушкин был определен в Пажеский корпус, который закончил в 1851 году и был зачислен в лейб-гвардии конный полк, командиром которого был генерал-адъютант П.П. Ланской.

В послужном списке корнета А. Пушкина была запись, что он «в уважение примерной нравственности признан отличнейшим воспитанником и в этом качестве внесен под № 5 в особую книгу».

Военная карьера началась успешно: в декабре 1853 года — поручик, в марте 1858 года — штаб-ротмистр, в апреле 1859 года — ротмистр, с января 1861 года — полковник.

Первые четыре года он служил в полку отчима. Затем был назначен адъютантом командира гвардейского резервного кавалерийского корпуса. Но через год прибыл вновь в лейб-гвардии конный полк.

До конца жизни А. Пушкин сохранял добрую память и уважение к отчи-

Александр Александрович Пушкин,
сын А.С. Пушкина.
Фотография конца 1850-х — начала 1960-х гг.

му. С тревогой писал брату Григорию: «Не знаю, был ли ты в Петербурге и видел ли ты бедного Петра Петровича, который очень плох».

П.П. Ланской скончался 6 мая 1877 года, прожив в счастливом браке с Натальей Николаевной 19 лет.

«Отец пережил ее на целых четырнадцать лет... Сколько таких слез воспоминанья оросили эти долгие годы ее дорогую могилу в Александроневской Лавре, посещение которой стало его насущной потребностью. Как часто, прощаясь со мной, отходя ко сну, говаривал с облегченным вздохом: «Одним днем ближе к моей драгоценной Наташе», — вспоминала его старшая дочь Александра.

Петр Петрович отказался от чести быть погребенным внутри Благовещенского собора, а завещал похоронить его рядом с любимой

женой на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

В стихах поэта Николая Доризо есть такие строки, посвященные отчиму детей А.С. Пушкина: «Он не был гением творцом, в стихах и бронзе не был славен. В одном он Пушкину был равен — он стал его детей отцом. Растил их нежно генерал, любовь к усопшему внушал. Как будто Пушкин, умирая, его им, детям завещал».

В январе 1858 года Александр Александрович Пушкин женился на племяннице и воспитаннице отчима — Софье Александровне Ланской.

Софья Алесандровна Пушкина, урожденная Ланская, жена А.А. Пушкина, сына поэта. Фотография начала 1860-х гг.

Любовь была взаимной. Тихая, душевная, заботливая девушка пришлась по душе свекрови. Соня была идеальной женой и матерью 13 детей: Наталья (1859-1912), Софья (1860-1861), Мария (1862-1939), Александр (1863-1916), Ольга (1864-1933), Анна (1866-1949), Григорий (1868-1940), Петр (1870-1870), Надежда (1871-1915), Вера (1872-1909), Сергей (1874-1898). Соня и Петр умерли в младенчестве.

Старшие дети А.А. Пушкина слева направо сверху — Ольга, Александр, Наталья; внизу — Анна, Григорий, Мария. Фотография 1874 г.

В 1861 году А.А. Пушкин вышел в отставку по семейным обстоятельствам.

Занимая должность мирового посредника в Бежецком уезде Московской губернии, он успешно работал по введению «Положения 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», за что был награжден специальными значками отличия.

Александр Александрович Пушкин. Фотография начала 1860-х гг.

Но в 1867 году вернулся к военной службе и был назначен командиром 13-го гусарского Нарвского полка.

Историк полка А.Н. Тихоновский

дал такую характеристику командиру: «Сын известного поэта, именем которого гордится Россия, полковник Пушкин, являл собой идеал командира-джентльмена, стоявшего во главе старинного гусарского полка. Память о нем в полку еще настолько свежа, что в каких либо комментариях не нуждается...»

Два офицера этого полка: П.А. Воронцов и Н.В. Быков (племянник Н.В. Гоголя) женились на дочерях Пушкина – Наталье и Марии.

С этим полком А.А. Пушкин участвовал в тяжелейшей Русско-турецкой войне (1877-1878 гг.) за освобождение Болгарии от 500-летнего ига. Много кровавых войн было у России с Турцией. К середине 20 века стало ясно, что своими силами болгары не одолеют мощного врага. Наши братья-славяне могли надеяться только на Россию. В защиту выступили многие деятели культуры и литературы. И.С. Аксаков говорил: «Никогда никакая война не возбуждала столько животворящей любви, не заслуживала в такой полной мере название народной, как именно эта война, благодаря именно этой священной задаче».

Полковник Пушкин, достигнув берегов Дуная, воскликнул: «Кавалеристы! Посмотрите, это Болгария, священная славянская земля. Там гибнут наши братья и сестры! Вперед на помощь им!»

Участник этой войны писатель В.М. Гаршин написал патриотические стихи:

Мы не идем по прихоти владыки
Страдать и умирать;
Свободны наши боевые клики,
Могуча наша рать,
И не числом солдат, коней, орудий,
Не знанием войны,
А тем, что в каждой честной

русской груди
Завет родной страны.

В его рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова» он пишет, как император Александр II провожал свою армию у перехода через Дунай: «Ты ведешь нас, – думал каждый, – тебе мы отдаем свою жизнь, смотри на нас и будь покоен: мы готовы умереть», – так думал рядовой Иванов и его однополчане. Далее автор продолжает: «И он знал, что мы готовы умереть... Он сидел на сером коне... Я помню бледное истомленное лицо, истомленное тяжестью взятого решения. Я помню, как по его лицу градом катились слезы, падавшие на темное сукно мундира светлыми блестящими каплями...»

Болгарские повстанцы зывали: «Русские идут бескорыстно, как братья. Болгары, мы все должны как один, подняться и по-братски встретить наших освободителей, всеми силами оказать содействие русской армии».

Перебили русские турок.
Кто остался, тех в плен забрали.
Самого пашу Сулеймана
Далеко в Россию услали.
А от Плевны дошли до Шипки,
А от Шипки дошли до Загоры.
Освободили болгар от рабства,
От цепей, плетей, от позора.

Так пелось в одной народной болгарской песне.

В январе 1778 года последние бои вел Нарвский гусарский полк. 19 января было заключено перемирие, а через месяц по Сан-Стефанскому мирному договору Болгария стала самостоятельным княжеством.

За личные боевые заслуги император Александр II наградил командира Нарвского гусарского полка Георгиевской саблей с надписью

«За храбрость» и орденом Святого Владимира четвертой степени с мечами и бантом.

440 памятников воздвигла Болгария во славу храбрости и доблести русских полков. Среди них — Собор Александра Невского, памятник Александру II на площади, перед входом в народное собрание, парк генерала Скобелева, памятник и церковь на Шипке и многих других.

В 1880 году А.А. Пушкин переведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром первой бригады тринадцатой кавалерийской дивизии и в Свиты Его Величества.

При прощании офицеры Нарвского гусарского полка поднесли своему командиру настольные часы, на них вместо цифр обозначены названия болгарских городов и сел, освобожденных его полком.

6 июня 1880 года в Москве состоялось торжественное открытие памятника А.С. Пушкину. Первыми возложили цветы к подножию памятника дети поэта: Мария Александровна, Александр Александрович, Григорий Александрович и Наталья Александровна. Они были почетными гостями на торжественных собраниях в Московском университете, в Обществе любителей российской словесности и в Благородном собрании. Их восторженно приветствовали, громко аплодируя стоя.

Открытию этого памятника поэт А.Н. Майков, участник этого события, посвятил стихотворение:

Он летит и всех чарует
Чудной ясностью лица.
Звуки падают волнами
С высоты во все сердца...
Точно с глаз завеса спала,
Точно мир зацвел кругом,
Все свою сказало тайну

Всем понятным языком.
И с раскрытьем этой тайны
Наступает новый век,
И прекрасное впервые
Постигает человек!

Памятник А.С. Пушкину в Москве.
Фотография 1973 г.

В 1875 году умерла любимая жена — Софья Александровна. Первые годы семье помогала сестра отца Мария Александровна. Затем они воспитывались у двоюродной сестры усопшей — Марии Петровны Васильчиковой (урожденной Ланской) в имении Лопасня (ныне г. Чехов).

В 1883 году А.А. Пушкин женился на двоюродной племяннице жены — Марии Александровне Павловой. В этом браке родились Николай (1885-1964) и Елена (1889-1943).

Лопасненская усадьба стала род-

ным домом для детей Александра Александровича, его внуков и правнуков. На прицерковном кладбище в

Дом Васильчиковых в Лопасне.
Фотография 1973 г.

Лопасне похоронены многие потомки А.А. Пушкина.

В 1890 году А.А. Пушкин был произведен в генерал-лейтенанты с формулировкой «За отличие по службе». На гражданской службе ему был присвоен чин тайного советника. Он активно занимался развитием образования, в том числе и женского. Был заведующим учебной частью Московского Императорского Коммерческого училища, членом советов по учебной части Екатерининского и Александровского женских институтов, а также Московским губернским гласным.

С 1895 года и до конца жизни занимал должность почетного опекуна Московского присутствия Опекунского совета учреждений Императрицы Марии.

В 1896 году принял участие в торжестве Священного коронования Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны.

В 1908 году произведен в генералы от кавалерии, числясь в списках 13-го гусарского Нарвского полка.

В день объявления Первой мировой войны 19 июля 1914 года, сын Пушкина надел мундир со всеми регалиями и сказал: «Мы еще повоюем». В этот же день славный сын Отечества,

Александр Александрович Пушкин.
Фотография конца 1900-х гг.

вся жизнь которого прошла в службе России, скоропостижно скончался в селе Малое Останкино под Москвой в имении жены.

Из-за начавшейся войны родственники не могли выполнить волю покойного — быть захороненным в Лопасне, вместе с Софьей Александровной и тремя детьми.

Лишь в 1963 году его прах по просьбе потомков был перезахоронен из фамильного некрополя Павловых в городе Чехове возле Анна-Зачатьевской

Дом в М. Останкине, где жил и умер А.А. Пушкин. Фотография 1961 г.

церкви рядом с первой женой и детьми.

Александр Александрович Пушкин много сил положил на собрание и сохранение творчества своего отца. Благодаря его стараниям многие рукописи поэта были помещены в архивы и библиотеки.

Через своих многочисленных потомков сын поэта передал наказ А.С. Пушкина далеким потомкам: «Гордиться славою своих предков не только нужно, но и должно. Не уважать оных — есть постыдное малодушие».

Библиография:

1. Абрамович, С.Л. Пушкин в 1836 году: Предыстория последней дуэли. — Л.: Наука, 1984. — 205 с.

2. Арапова, А.П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. — Вита, 1994. — 128 с., ил.

3. Беляев, М.Д. Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников. — СПб.: Библиополис, 1993. — 112 с.: ил.

4. Горбачева, Н. Прекрасная

Натали. — М.: Олимп, 1999. — 474с.: ил. — (Серия: Женщина-миф).

5. Грановская, Н.И. «...Род Пушкиных мятежный...»: Из истории рода Александра Сергеевича Пушкина. — СПб.: ТИАЛИД, 1992. — 142 с.: ил.

6. Костин, Б. Скобелев. 1843-1882. — М.: Патриот, 1990. — 172 с.: ил.

7. Ободовская И., Дементьев М. «В глубине души такая печаль...»: Письма Н.Н. Пушкиной-Ланской к П.П. Ланскому //Наше наследие. — 1990. — № 3. — с. 96-105.

8. Ободовская, И., Дементьев, М. После смерти Пушкина. М.: Советская Россия, 1980. — 341с.

9. Русаков, В.М. Рассказы о потомках Пушкина. — Л.: Лениздат, 1992. — 447с.: ил.

10. Смородина, М.Е. «С именем Пушкина связаны...», — СПб.: ОРЕОС, 2007. — 100 с.: ил.

11. Телетова, Н.К. Забытые родственные связи Пушкина. — М.: Наука, 1981. — 176 с.

12. Февчук, Л.П. Портреты и судьбы: Из ленинградской Пушкинианы. — Л.: Лениздат, 1990. — 223 с: ил.

Татьяна Родина

Все исполнится вновь,
Утечет все былое,
И под сенью печали
Взгляд поднимется твой.
С бесконечностью связаны дальние дали,
С новой вехой отправишься в путь за звездой.

“Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет...”

XXVIII Пушкинский праздник на Гатчинской земле,
посвященный 214 годовщине со дня рождения А.С. Пушкина и 1250-летию славянской письменности

Фото: В. Толчин

Село Рождествено, музей-усадьба «Рождествено»

«О сколько нам открытий чудных

Готовят просвещенья дух

И опыт, сын ошибок трудных,

И гений, парадоксов друг,

И случай, бог изобретатель...» –

карнавальное представление с чудесами,
фехтовальным шоу и бенефисами

Елизаветинское
сельское
поселение
2 место

Елизаветинское сельское поселение
2 место

Войсковицкое сельское поселение 3 место

Таицкое городское поселение 2 место

МО «Город Гатчина» 3 место

Рождественское
сельское
поселение

Пудостьское
сельское
поселение

Студенты Ленинградского областного колледжа культуры и искусства

Послание для закладки в фундамент Межмузейного многофункционального центра подписывает глава администрации Гатчинского муниципального района Е.В. Любушкина

Хозяйка XXVIII Областного Пушкинского праздника – Авирайнен И.В., директор музея-усадьбы «Рождествено» и музея-усадьбы «Суйда»

Студенты Ленинградского областного колледжа культуры и искусства

Награждение участников и победителей Пушкинского карнавала

Поселок Суйда, музей-усадьба «Суйда»

«Лети, корабль, неси меня к пределам дальним

По грозной прихоти обманчивых морей» – праздничное народное морское собрание в честь А.С. Пушкина и его предков – офицеров российского флота

Директор
Всероссийского
музея А.С.
Пушкина
Сергей
Михайлович
Некрасов

Глава Гатчинского муниципального района
и города Гатчины А.И. Ильин, адмиралы –
Антонов Г.Н. и Комарицын А.А.,
Ансамбль «Морская душа» – г. Тосно

Народный артист РФ
В.А. Кривонос

Образцовый детский хореографический ансамбль
«Конфетти» МБОУДОД «Войсковицкая ДШИ».
Руководитель – Фомина В.В.

Детский сад. П. Суйда

Студенты Ленинградского областного колледжа культуры и искусства

Выставка МБОУДОД «Детская художественная школа г. Гатчины»

Заместитель главы администрации ГМР – Л.Н. Нецадим, адмиралы, офицеры ВМФ, заместитель главы Кобринского слп В.А. Лебедева, заведующая музеем – усадьбой «Суйда» – И.В. Авижайнен

Жители и гости Гатчинского муниципального района

Деревня Кобрино, музей «Домик няни А.С. Пушкина»

«Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок» – детское гулянье у няни Арины с выступлениями, играми и сюрпризами

Образцовый коллектив эстрадная студия «Ералаш».
Руководители – Цуканова О. и Яковлева М., г. Коммунар

Лауреат международных конкурсов
Нелли Мухортова

Участник праздника Н. Перегабрий
в образе А.С. Пушкина

Хореографический коллектив «Кристалл»
Сусанинского КДЦ. Руководитель – Круглова А.А.

Образцовый детский эстрадно-театральный
коллектив «Мозаика». Руководитель – Новикова О.А.,
пос. Войковицы

Мастера декоративно-
прикладного искусства
Гатчинского района

Деревня Выра, музей «Дом стационарного зрителя»

«Из дальних странствий воротясь» – театрализованное обозрение по мотивам путешествий пушкинских героев и театрализованный конкурс «Арина, Аринушка, Арина Родионовна»

Фото: Д. Шумилин

*Михеева О. – участница конкурса,
г. Новая Ладога, Волховский район*

*Е. Кольцова и Р. Крапивина – гости из
Карелии, участницы конкурса*

*Кувшинова Т. – участница конкурса,
п. Пудомяги Гатчинского района*

*Члены жюри конкурса: Н. Мухортова,
Ю. Головченко, Е. Бабий,
А. Кряжев, И. Гецман*

Деревня Батово, берег реки Оредеж

«Невольно к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила» – романтический концерт об А.С. Пушкине, К.Ф. Рылееве, их друзьях и славных потомках

Лауреат международных конкурсов
вокальный дуэт «Звон», г. Коммунар

Образцовый коллектив танцевально-
спортивный клуб «Эльдорадо». Руководитель –
Седова Н.Н., г. Гатчина

Образцовый хореографический
коллектив «Славяночка».
Руководитель – Савченко И.Э.,
г. Коммунар

Лауреат
международных
конкурсов
Александра Мальцева,
г. Гатчина

Студенты Ленинградского областного
колледжа культуры и искусства

Лауреат международных конкурсов
Динар Байтемиров, г. Гатчина

Студенты Ленинградского областного
колледжа культуры и искусства

*Лауреат международных конкурсов
Борис Демин*

*Лауреат международных конкурсов
Артем Гуца, г. Коммунар*

*Санкт-Петербургский
театр «Маска»*

*Образцовый хореографический коллектив
«Славяночка». Руководитель - Савченко И.Э., г. Коммунар*

ПИСАТЕЛИ НА ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

С открытою душою

В свой маленький приют...

К.Н. Батюшков

≡≡≡ «В ДАЙМИЩЕ БЫЛО ЧУДЕСНО...» ≡≡≡

Валерий Лукин

25 сентября 2011 года исполнилось 105 лет со дня рождения величайшего композитора XX столетия — Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Человек, который объездил почти полмира и был хорошо известен во многих странах, как автор гениальных произведений. Его музыка принесла ему всемирную славу. Д.Д. Шостаковича хорошо знают и помнят в России. И чем больше такой памяти о Шостаковиче мы, россияне, будем сохранять, тем дольше он будет оставаться вместе с нами. И пусть она будет состоять хотя бы из маленьких эпизодов его жизни и творчества, но чем больше мы их соберем и сохраним, тем крепче будет о нем эта память. Об одной из таких небольших историй о Д.Д. Шостаковиче и пойдет речь ниже.

Как-то мне удалось прочитать интересные мемуары многолетнего друга Дмитрия Дмитриевича — Исаака Давидовича Гликмана, в которых он с большой теплотой и юмором описывает их совместное дачное приключение. Но если Шостаковича большинство читателей знает достаточно хорошо, то вот о Гликмане многие, наверно, слышат впервые. Поэтому, прежде чем предоставить ему слово, нужно немного рассказать о нем самом.

Исаак Гликман родился 11 января 1911 года в Витебске, в семье актера Давида Гликмана. Окончил филологический факультет Ленинградского университета, по образованию искусствовед, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

В 40-е годы возглавлял литератур-

ную часть Малого оперного театра, справедливо называвшегося тогда творческой лабораторией современных опер. Сотрудничая с композиторами, либреттистами, постановщиками, он помогал рождению новых сценических произведений, вошедших в золотой фонд мирового оперного искусства, и среди них, в первую очередь, «Война и мир» Сергея Прокофьева по одноименному роману А.Н. Толстого.

Глубокий знаток законов драматургии музыкального театра и кинематографа, Исаак Гликман органично соединил в своих киносценариях в знаменитых операх и опереттах — «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Князь Игорь», «Флория Тоска», «Крепостная актриса» — эти два, казалось бы, таких далеких друг от друга жанра искусств. Будучи долгие годы музыкальным консультантом и редактором на киностудии «Ленфильм», он помогал Григорию Козинцеву в работе над фильмами «Гамлет» и «Король Лир» (с гениальной музыкой Д.Д. Шостаковича). С его безупречным вкусом считались известные кинорежиссеры Трауберг, Эрмлер, Ивановский.

Его сценарии к музыкальным фильмам лежат на стыке двух искусств — кино и музыки. Такое же взаимодействие двух разных искусств, но на этот раз — музыки и хореографии — проявилось у Исаака Гликмана в его либретто к балетам. Среди них — поставленный Юрием Григоровичем в Большом театре балет Д.Д. Шостаковича «Золотой век», с триумфом обошедший весь мир, балеты «Встреча» (на музыку Девятой

симфонии Д.Д. Шостаковича), «Бык на крыше» на музыку французского композитора Дариюса Мийо, «Золотой ключик» Моисея Вайнберга. Гликман — автор нового перевода текстов (с французского языка) оперы «Кармен» (а французский язык Гликман знает в совершенстве). Впервые в России прозвучали разговорные диалоги вместо речитативов. В связи с этим можно вспомнить и его мастерские переводы текстов классических оперетт «Периколы», «Цыганского барона».

Автор литературных работ по театральной драматургии, в числе которых книга о Мольере, статьи о Карло Гольдони, о французском комедиографе XVIII века Реньяре, о русском драматурге Сухово-Кобылине. Эти книги и статьи стали необходимым пособием для нескольких поколений режиссеров и актеров драматического театра. А его нашумевшая монография — «Мейерхольд и музыкальный театр», над которой автор трудился много лет, где он анализирует оперные постановки гениального режиссера, стала настольной книгой для специалистов, занимающихся оперной режиссурой.

Скончался Исаак Давыдович Гликман 31 июля 2003 года в Санкт-Петербурге, в 2011 году ему исполнилось бы 100 лет.

Ну, а теперь предоставим слово самому Исааку Давыдовичу, и послушаем его рассказ о страстном увлечении Шостаковича... футболом! Он вспоминает: «Мне где-то довелось прочесть небезымыслицы о странствиях Дмитрия Дмитриевича по разным городам, вплоть до Тбилиси, в поисках футбольных матчей. Ничего подобного я, разумеется, вспомнить не могу. Мне приходит на память маленькая, быть может, не лишённая интереса история о малом футбольном вояже Дмитрия Дмитриевича, в котором я принимал

Д. Шостакович, И. Гликман. Ленинград. 1958 г.

участие.

В июле 1937 года он пригласил меня пожить у него на даче, снятой в деревне Даймище неподалеку от города Луги. Мы уселись в душный, переполненный поезд, который, не торопясь, шел около четырех часов, затем пересели на телегу и добрались до места назначения. Путешествие это мне показалось неприятным и тягостным, а Дмитрий Дмитриевич переносил его как истинный философ-стоик и посмеивался над моим ропотом.

В Даймище было чудесно: лес, луга, поля, тихоструйная речка, — все располагало к безмятежному отдыху. Прошло несколько дней. И вот в одно прекрасное утро Дмитрий Дмитриевич с чуть виноватой улыбкой предложил прервать отдых и поехать в Ленинград на футбольный матч, который якобы обещает быть интересным. Я всячески отнекивался от этого проекта, но, в конце концов, уступил. Мы пустились в длинный путь и в «час назначенный», после мощной, с громом и молнией, грозы оказались на стадионе.

Поездку эту я расценил как *forse taieug*, как одну из кульминаций увлечения Шостаковича футболом. Должен отметить, что он сам иногда подтрунивал над своим пристрастием к этой игре, не собираясь, однако, от него отказываться.

Известно, что Куприн дружил с циркачами, а Хемингуэй с матадорами. Что касается Дмитрия Дмитриевича, то он не имел ни приятелей, ни друзей среди футболистов, хотя об этом пишут иные биографы. Тем не менее, его интересовало, что представляют собой игроки за пределами стадиона. Каковы они не в исключительных обстоятельствах футбольных событий, а в обыденной жизни, в повседневном быту. Некоторые футболисты знали об интересе, который проявлял к ним знаменитый композитор, и им это было и приятно, и лестно».

Кто знает, если бы не это страстное увлечение Д.Д. Шостаковича футболом, узнали бы мы когда-нибудь о том, что в конце 30-х годов он снимал дачу в деревне Даймище, Гатчинского района, Ленинградской области? И стал бы тогда об этом упоминать в своих воспоминаниях И.Д. Гликман, если бы эта поездка на футбол так не

врезалась ему в память? Наверное, это хорошо, что случилось все именно так, а не иначе. И мы должны быть благодарны судьбе за то, что теперь в истории старинная русская деревня Даймище будет всегда неотъемлемо связана с именем великого русского композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

Литература:

1. Гликман, И.Д. Я все равно буду писать музыку // Советская музыка, 1989, № 10.
2. Хентова, С.М. Молодые годы Шостаковича. М., 1975;
3. Хентова, С.М. Шостакович в Петрограде - Ленинграде. Л., 1981;
4. Хентова, С.М. Шостакович: Жизнь и творчество. В 2 т. 2-е изд., доп. М., 1996. Ю.Н. Кружнов.

Интернет-ресурсы:

1. <http://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/sov/43660/bio/>

Виктор Васильев

Хорошо, когда ты юный,
хорошо, когда поешь
и, натягивая струны,
золотую чарку пьешь.
И тоскуешь, словно в радость,
и печалишься — к стихам,
чтобы сердце заметалось,
словно солнце, по углам.
И дожди пока — грибные,
и все радуги — твои.
И гуляют бури злые,
чтоб запели соловьи,
и к свиданиям — разлуки,
и к волнениям — покой.
И судьба разводит руки
перед каждой строкой.

КРАЕВЕДЕНИЕ

О тени прошлого, как властны вы над нами!

В. Брюсов

РЕКА ОРЕДЕЖ – ЖЕМЧУЖИНА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Дмитрий Рябов

Людам тягостна неизвестность: она их откровенно пугает. А все, что пугает, автоматически притягивает к себе внимание. Незнакомое слово – что это, что означает? Надо разобраться, найти объяснение. Есть объяснение – наступает облегчение, и можно идти дальше...

Есть на юго-западе Ленинградской области замечательная река Оредеж. Замечательная, прежде всего, своей кристально чистой, прозрачной водой, да красными обрывистыми берегами, сложенными железистыми песчаниками – не случайно петербургский поэт Александр Кушнер назвал оредежские пейзажи «марсианскими». Да и протяженность реки не малая – всего нескольких километров не хватило для того, чтобы отнести Оредеж не к малым, а к средним рекам¹. Тот же, кто побывал в месте впадения Оредежа в Лугу, начинает понимать, что и река Луга – на самом деле Оредеж: встречаясь с Лугой, он превосходит последнюю и по расходу воды, и по площади бассейна, и по протяженности².

«Река Оредеж на карте Ленинградской области выглядит многокилометровой «скобкой», – пишет А.А. Абакумов. – Исток реки находится на возвышенности в районе Елизаветино и Курковиц, отсюда начинается первая – «широтная» – компонента скобки: река течет почти строго на восток. Сразу за Вырицей Оредеж делает поворот на юг... это «меридианная» компонента скобки. Достигнув Ям-Тесова, река делает еще один резкий поворот и течет по широте с вос-

На реке Оредеж близ ст. Сиверской.
Фото С.М. Прокудина-Горского,
между 1905 и 1915 гг.

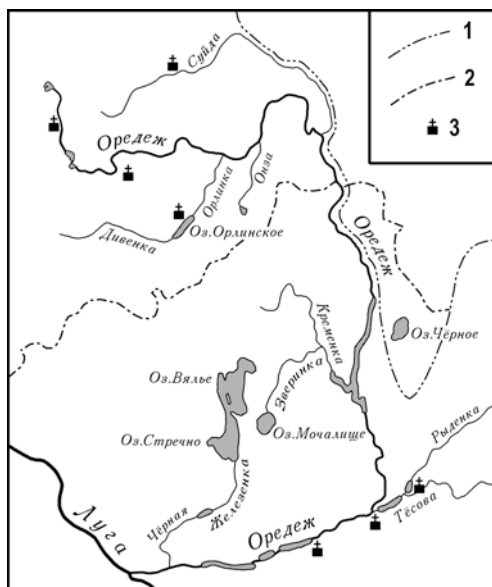
тока на запад до слияния с Лугой».

«Каждый помнит какую-то русскую реку... с именем милым, с именем, что камышовая тишь», – писал Владимир Набоков, чье детство неразрывно связано с оредежскими усадьбами Выра, Рождествено и Батово. «Конечно, каждый помнит какую-то реку... и каждый из нас способен вместить только ее одну, – вторит здешний краевед А.А. Семочкин, – и вот она начинается разом, сотней родников в озерно-водном лабиринте под названием урочище Донцо. Там кембрийские синие глины лежат на дне, и оттого вода кажется небывало голубой; ладно бы небо было синее, но небо здесь серое большую часть года». И, хотя глины там ордовикские, первые километры своего пути, скатываясь с карстового Ижорского плато, Оредеж пробегает среди буйства изумрудной,

ослепительно белой — цвета высохшей на солнце гаж³ — и небесно-голубой красок.

После плотины рыбопитомника Федерального селекционно-генетического центра рыбоводства река постепенно становится шире, вода ее теплее и мягче, а нрав — спокойнее: сказывается подпор Чикинских озер; здесь река проходит в коридоре заповедного елового леса, покрытая зарослями рдеста и извивающимися лентами ежеголовника, что признают одной из визитных карточек Оредежа. В преддверии Даймища, в районе базы практики Гидрометеорологического университета, впервые встречаются обнажения красных песчаников, которые будут сопровождать Оредеж на весьма протяженных участках до самого устья. Здесь река меандрирует в глубокой долине; фарватер петляет между берегами, один из которых обычно отлогий, другой — крутой. В районе Грязно, Старосиверской и других местах в русле реки встречаются камни и каменистые гряды, а рядом с мостом в Новосиверской имеется небольшой порог. За Хаймино, в среднем течении, Оредеж протекает в низменных берегах — границы поймы расходятся в стороны, освобождая место заливным лугам; в нижнем течении, проходя по древней речной долине, река образует несколько озеровидных расширений до 0,5 км шириной: озера Антоново, Дорогань и Хвойлово. Недалеко от устья, в 3 км от левого берега Оредежа, находятся одноименные поселок и железнодорожная станция⁴.

Оредеж — река историческая: одно из ее поселений — городок Тесов — упоминается еще в Новгородской первой летописи под 1233 и 1240 гг. По древней Ивангородской дороге, дважды пересекавшей реку, — допетровскому «окну

Бассейн р. Оредеж: 1 — границы летописной Ижорской земли (по Е.А. Рябинину); 2 — уездные границы XV–XVIII вв.; 3 — центры погостов XV в.

в Европу» — проезжали едва ли не все русские правители: от Александра Невского до Петра Великого. Даже в годы последней войны командование 18-й немецкой армии, осаждавшей Ленинград, выбрало для своей штаб-квартиры Сиверскую. А в Сиверской дачной местности, часто называемой, вслед за поэтом С.Я. Надсоном, «петербургской Швейцарией», в разное время бывали (и — творили) многие выдающиеся деятели отечественной культуры.

Оредеж — река судоходная и сплавная⁵. Она богата рыбой, есть сведения о нахождении здесь речного жемчуга, в былые годы водилось много раков. Имеются многочисленные родники, среди которых источник с минеральной водой, а сам Оредежский край расположен в районе геологической аномалии — предположительно «трубки взрыва»: у Батово и Дивенской за-

фиксируются проявления самородной ртути, а у дер. Бор в одной только пробе были найдены сразу 12 алмазов.

Оредеж – река заповедная. На ее берегах расположены четыре памятника природы, предлагается к созданию природно-исторический парк «Верхний Оредеж»; поскольку вода реки радиоактивна и целительна, по берегам расположены многочисленные детские здравницы и базы отдыха.

Наконец, у Оредежского края есть свои небесные покровители. В начале XVI в. прп. Макарий Оредежский (Римлянин) основал среди лесистых болот Успенскую пустынь, названную Макарьевским (Оредежским) монастырем. В прошлом веке, в годы гонений на веру одним из «молитвенных форпостов России» стала Вырица; в этом дачном поселке два последних десятилетия своей жизни провел и был похоронен прп. Серафим Вырицкий.

Впрочем, они были не единственными, кто отметил топонимию Оредежского края в другом разделе ономастики – антропонимике. Так, название деревни Выра дало имена и пушкинскому Самсону Вырину, и – вполне возможно – В. Сирину (псевдоним В.В. Набокова). Под «эгофутуристическим» псевдонимом «Иван Оредеж» публиковал свои стихотворения другой русский писатель-эмигрант И.С. Лукаш, а в сегодняшнем Интернете представлены публикации Андрея Оредежа, причем, А.Е. Оредеж утверждает, что это его настоящая фамилия...

Итак, получив общее представление об объекте номинации, можно перейти собственно к вопросам топонимики. И для начала разговора будет нелишним сделать ряд пояснений.

В процессе этимологизации любого названия необходимо получить ответ на несколько стандартных вопросов. Когда и каким народом дано имя?

Оредеж в Вырице. Справа – частный дворец в стиле русского барокко.

Фото из журнала «SALON-interior», 2009 г.

Какова его исходная форма? Наконец, что оно означало и почему именно так названа река, озеро, поселение?

Ответы на первые два вопроса ищут в исторических документах, либо привлекают данные археологии. Выясняют, есть ли по соседству другие названия, оставленные тем же этносом, а если народ ушел из этих мест, характерны ли сходные названия для его новой родины? Затем слово берет языковед, которое как бы реставрирует топоним: с учетом возможных искажений и известных тенденций фонетических изменений, происходящих со временем в языке, ретроспективно восстанавливает его исходную форму. Наконец, отвечая на последнее «почему», рассматривают внеязыковые факторы: выясняется, какой мотивационный признак мог быть положен в основу номинации объекта. И в результате логических построений создается более или менее удачная этимология названия.

Обширная топонимия Ленинградской области основывается на славянских, балтийских, финно-угорских языках, которые и сформировали ее на разных этапах богатой на события истории региона. Так, древнейшие из архео-

логических находок Пооредержья датируются эпохой мезолита — раннего неолита; порой дофинно-угорский субстрат определяют как «волго-окский», но независимо от генезиса, его топонимы неизбежно должны были подвергнуться, как минимум, последующей фонетической переработке в соответствии с нормами финно-угорских языков, а то и — переосмыслению. Ведь даже относительно поздние топонимы древнерусского происхождения в ряде случаев могут быть надежно истолкованы лишь благодаря фиксации их в документах (*Вопша < Овсица, Вырица < Дверницы* и т. д.).

Непосредственными предшественниками прибалтийских финнов на Европейском Севере традиционно принято считать саамов, а на Белозерско-Онежском водоразделе имеется компактная группа гидронимов типа *Егинжа, Илинжа* и *Илинжозеро* (ср. р. *Иленка* — приток Верхнего Оредежа), наконец, *Оренжа*, сохранивших прасаамский суффикс *-nje* с деминутивной семантикой, чрезвычайно продуктивной в топонимии. «Для саамского языка характерны гидронимы на *-нжа* (*Оренжа*, от нее *Оредеж*)», — вторит нижегородский краевед Д.Д. Машина⁶. Не будем столь категоричны, но и известный московский путешественник и топонимист, д. х. н. А.Л. Шилов относил топоним *Оредеж* к «выразительно саамским»⁷. К сожалению, Шилов (ныне покойный) не уточнил конкретные этимологии, но если попытаться домыслить его версию, то различные справочные издания дадут нам немало созвучных саамских апеллятивов, например: *ard, aredd* — «коптильня», *ord(a)* (фин. *uurto*) — «граница леса на вершине горы», *õrrje, õrhedte* — «быть спокойным (*о воде*)», *ordyš* — «небольшой горный хребет», *redd* — «берег», *ugr't* — «скалистая гора» и т. п. Но

дело это, на наш взгляд, бесперспективное, т.к. у столь короткой топоосновы найдутся фонетические соответствия в самых разнообразных языках (и их топонимиях)⁸; в данном случае мы имеем дело как раз с совершенно невыразительной, не имеющей характерного облика (комбинаторики фонем) топоосновой, в то время как до одной трети саамской лексики, будучи субстратной, не имеет аналогий в других языках. Да и ареал былого расселения прасаамов на территории Ленобласти располагается куда восточнее.

Однако окончательно отказываться от саамских версий происхождения гидронима *Оредеж* нельзя. Дело в том, что Пооредержье получало культурные импульсы из летописной Лопской земли — бывшей прасаамской территории, топонимия которой была впоследствии усвоена нынешними вепсами. Так, женские украшения из Вырицкого могильника находят ближайšie аналогии в Юго-Восточном Приладожье — очевидно, на рубеже X-XI вв. небольшая группа людей переселилась отсюда на Оредеж и вполне возможно, что их поселок стал магистральным пунктом на речном пути, связывающем со славянами Верхнего Полужья.

В бассейне Оредежа, кроме находок каменного века, известны многочисленные археологические памятники позднего средневековья, которые сконцентрированы в двух культурно-исторических зонах: Ижорское плато (верхнее течение реки) и Верхнее Полужье (нижнее течение). Считается, что славяне заселяли эти места, редко населенные прибалтийско-финскими племенами, двумя миграционными потоками, оставившими культуру сопки и т.н. длинных курганов. При этом нога первого славянина — будь то представитель племени новгородских

словен (лингвистически близкого южным славянам), либо псковских кривичей (близкого славянам западным) — ступила на берега Оредежа в его нижнем течении; процесс номинации (или усвоения субстратного названия реки) происходил где-то в этом районе. По-видимому, с наличием двух выраженных зон освоения Пооредешья связан и тот факт, что в Переписной книге Водской пятины 1499/1500 г., где впервые упоминается гидроним⁹, он зафиксирован в двух вариантах. Одни и те же московские чиновники, которые по долгу службы должны были разбираться в местных диалектах (либо строго копировать документы местного делопроизводства) — в описании погостов Копорского уезда (верхнее течение) употребляли вариант *Оредеж*, а Новгородского уезда (нижнее течение реки) — *Аредеж*.

Кроме того, с конца XVIII в. не существовало единого мнения, какой из двух потоков, что, сливаясь в районе Большого Заречья, образуют Оредеж, считать собственно истоком этой реки. Так, зареченские жители принимали за исток небольшое озерцо напротив кладбища, а русло, выходящее из болот в районе дер. Донцо (р. *Донец* (1727, 1863 гг.), *Мархинская* (1834 г.), *Соколовка* (1920-е гг.), *Федоров ручей* (1936 г.), *Коневка* (1965 г.) считали притоком Оредежа. При подготовке Государственного водного кадастра это русло, по-видимому, в качестве наиболее удаленной точки водной системы, было принято за исток реки, а другое — объявлено ее правым притоком, получившим название Старая (!) Оредеж. Так что первые километры реки в пределах известнякового плато можно исключить из этимологического анализа.

Основной же поток дает нам следующие варианты названия: *Oridis flu:*

(1626 г.), *Оредежь* (1633 г.), *Зарецка* (до устья р. Черная Речка) — *Орыде* (у Вырицы) — *Осередеш* (в среднем течении) (1770 г.), *Оредеж* (1834, 1879 гг.), *то же*, но с «ять» вместо первой «е» (1790 г.), *Ордеж* (1863 г.) и др. Экзотические варианты типа *Орыде* (ср. р. *Рыденка* в басс. Нижнего Оредежа) и *Осередеш* (ср. р. *Осередь* (*Середа*, *Усеред*) в Воронежской обл.) можно отнести на счет нерусского происхождения картографов XVIII в. Я.Ф. Шмидта и И.Д. Шлеппера; вариант *Ордеж* (по-видимому, эллипсис фин. *Ortešjoki*) был популярен во второй половине XIX в. Наконец, в «Лексиконе» Л.М. Максимовича — первом полном географическом словаре Российского государства (1788 г.) река носит название *Оредуш*.

Возвращаясь к этимологии, заметим, что вторым генетическим компонентом саамской лексики, на которой мы остановились, является древнефинская речь, поэтому настало время перейти к рассмотрению прибалтийско-финских этимологий гидронима *Оредеж* (фин. *Ortešjoki*, *Ortesjoki* — явно позднее финское заимствование), которых и придерживается сегодня большинство исследователей.

Так, эстонский исследователь ономастикона новгородских писцовых книг Г.Г. Трусман приводил ряд «чудских» апеллативов еще в конце XIX в.¹⁰ Гатчинский краевед, действительный член Географического общества СССР А.Н. Лбовский считал гидроним древневодским, со значением «голова коня»¹¹. Наконец, согласно сообщению жителя дер. Ляды И. Ахтияйна, «старики рассказывали, что *Оредеж* в переводе — «скачущий конь».

«Ну, лошадь, вернее, жеребца — фин. *ori*, карел. *ori*, *oreh* можно разглядеть в названии, ну а где же голова? — не соглашается участник лингвофорума

Аргунь, имя, Пажерв. Ш. русс. аргунт — плотникъ; ср. лоп. arkko, ф. arkku — ящикъ, ларь.

Оредежъ, оз. р. Дягил., Спаск. и др. В. Ср. р. Arude (Эстл.); русс. аред — престарѣлый человекъ, старый скряга; злой колдунъ; (Кошту нарѣчје Олон. губ.) трудящийся человекъ; дьяволъ (бранное слово) = ф. aarre (вм. aarte) — сокровище; aarni — (мио.) охранитель сокровища, безмѣрно большое дерево, большой коренастый человекъ, грубиянъ, великанъ, чудовище; ср. также эст. arendama, arandama — силиться, стараться, дерзать, мочь; ф. artti — споръ, ссора; зыр. artašny — артачиться.

Арендга, д. Сердовол. В. Тоже. **Аркепалто**, д. Ижор. В. лоп. arkke — жалкій, плачевный; ф. paltto —

Первые этимологии гидронима Оредеж.
Г.Г. Трусман, 1898 г.

«Финская топонимика СПб и окрестностей», Выборгский карел с ником Матти. — Не вижу «скачущего коня» в корнях — хоть убей»¹².

Матти, разумеется прав, однако народная этимология домысливает, случается, и не такие подробности! А культ коня был распространен не только у Прибалтийских финнов (семантически связан с солнцем), но и у славян (символ добра, благоденствия и счастья), пользовался популярностью у балтов, и в Оредежских курганах археологи не раз встречали зооморфные украшения с изображением данного тотема. «Лазоревая (синяя, голубая) конская голова — символ реки Оредеж, — записано в обосновании герба Сиверского городского поселения. — Конь в символике совмещает в себе лучшие свойства нескольких животных». Наконец, старожилы Волосовского района до сих пор называют верховья реки *Коневкой* — это параллельное назва-

Символ Оредежа на гербе Сиверского ГП

ние Оредежа в 1960-е годы попало в Государственный водный кадастр, а оттуда — в Большую советскую энциклопедию¹³.

Если предоставить слово специалистам, то автор многотомного «Этимологического словаря русского языка», немецкий филолог, уроженец Петербурга Макс Фасмер писал: «*Оредежь*... Я хотел бы толковать его как фин. *Oritjoki*. Содержащееся в нем *orit* можно было бы сопоставить с фин. *ori* — «жеребец». Можно привести в доказательство фин. *Oritselkä* в Выборгской и Санкт-Михельской губ., *Oritniemi* и *Oritsaari* в Выборгской губ. Возможно, река называется так потому, что она скачет, как молодой жеребец»¹⁴.

Вот вам и «скачущий конь»! Вспоминаются строки сиверского поэта с финскими корнями Ю. Дементьева, которому хочется...

...просто посидеть
Возле звонкой речки
С финским именем Оредеж,
Что ныряет под отвесные скалы
Тускло-красного цвета
И бежит куда-то, очертя голову,
Как молодая девушка
С распущенными волосами.

С мнением Фасмера семантически связана и этимология другого специалиста — ленинградского ученого-полиглота, к. филол. н. С.Г. Халипова, увлекавшегося топонимикой. «Каждый, глядя на реку Оредеж из окна электрички с моста у Вырицы, видит порожистую стремнину и невольно думает: «Какая быстрая река!» — писал сборник «Глобус-86». — Отсюда логично предположить, что и имя реки, до сих пор нераскрытое, может заключать в себе понятие «быстрый»¹⁵.

Поскольку древнерусским заимствованиям на «о» в лексемах языка-донора может соответствовать сочетание *he* (*Ольга* < *Helga*), Халипов приводил финское прилагательное *hegeä* — «быстрый»; еще более полное соответствие обнаруживается с вепс. *hered* с тем же значением. Благодаря чередованию г — ж (*Пудож* < *Пудог*), первоначальная форма названия — *Оредег*, в свою очередь возникшая из *Оредега*. Часто встречающийся гидроформант *-ега* (ср. р. *Щига* — приток Среднего Оредежа) — древнерусское оформление ижорского и вепсского *jogi* — «река», следовательно, *Оредеж* означает «Быстрая река»¹⁶.

Финно-угорские гидронимы обычно представляют собой результат сложения атрибутирующей части с географическим термином-детерминантом («река», «озеро» и т. д.). При этом известно явление редукции детерминантной части топонима-композиата, а главное, в процессе усвоения русским

языком субстратных названий очень часто происходит фонетическая или морфологическая субституция: в русской передаче детерминант воспринимается как суффикс. Добавим, что в рамках этимологии Халипова, формант *-еж* по своему генезису может отражать непосредственно водск. *jetši*, *jōtši* — «река». А что касается атрибута, то вепс. *he-* обыкновенно переходит в русск. *e-*, русский же *o-* (нередко с протетическим *в*) в ранних заимствованиях отражает начальный вепсский *e-*, отсутствующий в исконно русских словах.

«А почему *Оредеж* нельзя перевести как «река с кладом, река с сокровищем», ну нашли или зарыли на ее берегу клад и назвали ее в честь этого события», — размышляет уже известный нам Матти и приводит ряд финно-угорских апеллативов с соответствующим значением, на некоторые из которых «по сходству звона» указывал еще Трусман. «Немало легенд о кладках связывают с озерами и реками, — свидетельствует известный специалист по кладкам культуролог А.Ю. Низовский. — Таких рассказов — о бочках и сундуках с золотом и серебром и другими драгоценностями, которые иной раз в ясный день видно на дне, — существует великое множество»¹⁷. Но не называли реки по поводу событий в то время, возражает форумчанин Игорь З., тем более, Оредеж — достаточно длинная река¹⁸.

Еще одна оригинальная этимология принадлежит писателю и краеведу из Луги А.А. Аимину. «Восточнее води, на южном побережье Финского залива и по Неве проживала... небольшая финно-угорская народность — ижора, — пишет он. — Вполне возможно, с народом ижора связано и название реки Оредеж (в древней транскрипции Аредеж). Дело в том, что истоки

рек Ижора и Оредеж находились поблизости, хотя реки текли совершенно в разные стороны. В топонимике довольно часто встречаются словесные «перевертыши» и потому Ижора могла легко перевернуться в Ардеж»¹⁹.

Комментируя последнюю версию, скажем: да, обе реки стекают с Ижорского плато и на первых километрах весьма схожи; действительно, в Среднем Поореденье имеется компактная группа ижорских деревень, откуда происходит оредежский или верхнелужский диалект — один из четырех диалектов ижорского языка. Но на этом сходство и заканчивается, а кроме того, явление метатезы обычно захватывает не весь топоним, а лишь часть топоосновы, например, в названии р. *Лемовжа* (< др.-русск. *Нелмовжа*)²⁰, притока той же Луги.

Составной частью любого топонимического исследования является анализ структуры имени, в частности, анализ его финали. Не вызывает сомнения отнесение гидронима *Оредеж* к формантному ряду на *-еж*, модели сравнительно редкой и еще недостаточно изученной. Топонимы на *-ж(а)*, как и *-да* (ср. рр. *Суйда*, *Перепрянда* — притоки Верхнего Оредежа), *-кса*, *-ма*, в которых усматривают «речные» детерминанты, ранее относили к дофинно-угорскому субстрату. Успехи исследований последних лет способствуют пересмотру подобных взглядов топонимистами, большинство которых сегодня полагает, что топоформант *-с* (*-ш*, *-ж*, *-з*) имеет вепское или саамское происхождение, а его варианты *-за*, *-жа*, *-ца* (ср. рр. *Онза* (*Онца*), *Коноза* (*Хонози*) — притоки Верхнего Оредежа) обусловлены русской переработкой потамонимов в соответствии с грамматическим родом слова «река».

Так, основатель Уральской онома-

Кувшинки на Среднем Оредеже.
Фото diabaz'a, 2011 г.

стической школы, д. филол. н. А.К. Матвеев считал топоформант *-Вж(а)* вероятным деминутивным маркером; с ним согласились А.Л. Шилов, П. Рахконен, Я. Саарикиви. При этом следует учитывать, что в топонимии грамматическая функция суффикса (*Оредеж* — река все же не маленькая) отходит на второй план; в данном случае суффиксы могут выступать в качестве формального элемента, отличающего имя от апеллятива. Уменьшительная модель, кстати, активно функционирует в связке с топоосновами нерусского происхождения.

Вообще, наличие нескольких вариантов названия воспринимается как знак того, что он с трудом входил в русский язык, т. е. был иноязычным, а непрозрачность для современного носителя русского языка и наличие большого количества версий происхождения усиливает это впечатление. Однако, финно-угорские этимологии гидронима *Оредеж* — далеко не единственные: так, для этнической истории Северо-Запада России важное значение имел балтийский компонент, и московский академик, д. филол. н. В.Н. Топоров насчитал на территории Новгородской земли до полусотни вероятных балтизмов.

Ученый составил внушительные спи-

ски, куда попал и *Оредеж* с именами ряда притоков: р. *Вырка* (ср. лтш. *urga, urdze* – «ручей»), р. *Орлинка/оз. Орлинское*²¹, оз. *Стречно*. Собственно *Оредеж* он сравнивал с лит. **Ard-ėž-*, где *-ėž-* может быть как суффиксом, так и частью сложного слова (ср. *ežia* – «граница», «стена») со значением «разрушающая преграду» (в частности берега)²². Следует отметить, что группа объектов со сходными названиями имеется в Витебской области Белоруссии: небольшие реки *Орежданка* (блр. *Ардзяжанка*) и *Ордышевка* (блр. *Ардышэўка*), село *Оредеж* (блр. *Ордзеи*), озера *Ордышево*, *Ордово*, *Ордосно*. Подобные топонимы известный белорусский топонимист, д. г. н. В.А. Жучкевич возводил к балтийскому термину *ardas* со значением «спор, раздел» и полагал, что они соответствуют славянским типа *Рубеж*, *Спорное*, *Споровское*²³.

Следует заметить, что вопрос о балтийском влиянии на северо-западные русские говоры весьма сложен, поскольку речь идет о языках близкородственных групп. Поэтому настало время рассмотреть, наконец, славянские этимологии гидронима *Оредеж*.

«Доказывать балто-финизмы на русской земле целесообразно тогда, когда перечислены все русские версии. В ином случае провокации неизбежны, – негодует профессор Новгородского университета, д.и.н. П.М. Золин. – Тысячи и тысячи раз надо повторять и повторять упорствующим лингвистам... *Валдай*, *Оредеж*, *Вельгуя*, *Мста* и др. в истоках появления доказываются как словено-русскими так и иными корнями и закономерностями образования. *Валдай* – отдай, *Оредеж* – падеж, *Вельгуя* – вертуя, *Мста* – мостя места...». И действительно, хотя гидронимия (по крайней мере, достаточно крупных объектов) традицион-

но признается одним из старейших и устойчивых во времени слоев топонимии, для этимологизации гидронима *Оредеж* вовсе не требуется обращаться к значительной древности.

«Оредеж = Орей дежа – «путь Орея». Орей – сын Велеса и земной женщины. Легендарный прародитель русских, отец Кия, Шека, Хорива и их сестры Лыбеди, поставивших Киев и положивших начало Отечеству», – пишут безымянные создатели странички, посвященной проявлениям язычества в гатчинской топонимии²⁴. «Более правдоподобная версия опирается на древние карты, где Оредеж пишется как *Уредеж* или *Урядеж* – «договор», – возражает А.А. Семочкин, – река служила естественной границей между Новгородом и Швецией... Следовательно, *Оредеж* может означать «граничную реку» с характерным суффиксом *-еж* славян. происхождения (ср. Трубеж, Воронеж, Радимеж, Китеж)²⁵. С Семочкиным согласен С.Б. Егоров, согласно которому по одной из народных этимологий название реки имеет шведское (!) происхождение и в переводе означает «рубеж» (вспомним версию Жучкевича)²⁶.

Как можно прокомментировать эти этимологии? Из пантеона славянских богов, пожалуй, только имя «скотьего бога» Велеса нашло отражение в топонимии юго-запада Ленинградской области (г. *Волосово* и др.), но и в этом случае теонимическое толкование не единственно. Что же касается варианта с границей, то Оредеж никогда не был шведским рубежом: ни по Ореховецкому, ни по Тязвинскому, ни по Столбовскому договорам. Если речь и может идти о границе, то только этнического плана: петербургский археолог, д. и. н. Е.А. Рябинин проводил по Оредежу границу Водской и Ижорской земель Господина Великого

Новгорода²⁷. Вариант *Уредеж* встречается единственный раз — в «Книге Большому чертежу» (XVI-XVII вв.); вариант *Урядеж* нам неизвестен. Правда, в одной из грамот 1641 г., опубликованной академиком П. Кеппеном, упоминается «погост Спаской на *Рядеже*» (ср. фин. **räid* — «ряд, порядок», вепс. *rid* — «спор, ссора»), но там же имеется и вариант «на *Оредеже*». Таким образом, и эту этимологию приходится признать весьма спорной.

Между тем, варианты названия предоставляют неоценимую помощь для выяснения его этимологии. Так, если принять за основной вариант *Оредеж/Аредеж*, то вариант *Рядеж* следует считать вторичным: явление отпадения начального гласного известно в русских (в частности — в новгородских) говорах, но в этом случае объяснить возникновение варианта *Уредеж* будет несколько затруднительно²⁸. Если же основным вариантом считать *Рядеж* (ср. дер. *Редежа* на р. Луге), наличие разных протетических гласных в других вариантах вполне объяснимо с точки зрения фонетики, тем более что еще в конце XIX в. лингвисты отмечали в говорах Нижнего Поореджья «приставное о»: *оржануй* < *ржаной*, *охлйв* < *хлев*.

По-видимому, и гидроним *Оредеж* ранее имел ударение на втором слоге, что, с одной стороны, характерно для русского языка²⁹, а с другой — хорошо объясняет наличие синхронных вариантов с протетическими гласными. Символично, что и поэт Игорь Северянин в стихотворении «Оредеж», написанном им на Сиверской в 1911 г., трижды упоминая это название, все три раза ударяет его на второй слог:

О, швейцарец обрусевший, — о, Орéдеж!
Ты течешь недоуменно, тайно бредишь
Об утонченных притоках. Звонко, тонок,

Ты опошился от ласки рек-чухонок.

В XVII в., судя по документам, общепотребительным становится вариант *Оредеж*, что и закрепляется финноязычным населением Ингерманландии путем переноса ударения на первый слог в соответствии с просодическими особенностями финского языка.

Что же касается финали гидронима, то нас не должно смущать все, сказанное выше относительно финноугорского топоформанта *-еж*, ибо по наблюдениям Р.А. Агеевой, среди названий с элементом *-ж-* в исходе встречаются как финно-угорские, так и балтийские, и славянские³⁰. Если же обратить внимание на тот факт, что в Переписной книге 1499/1500 г. гидроним склоняется по женскому роду («на *Оредежи*»)³¹, то можно предположить суффикс *-ежь*, который, по В. Шмилауэру, продуктивен именно в славянской топонимии.

Вообще, в материалах конца XIX — первой половины XX в. можно часто встретить (вспомним Набокова) написание *Оредежь* с мягким знаком на конце, признаваемое сегодня устаревшим. Думается, этот вариант, опять же, обусловлен приспособлением топонима к форме женского рода по согласованию со словом «река» — ср. *Старая Оредеж*, *Гнилая Береж* и др.

Итак, что же мы имеем «в сухом остатке»? Морфологический анализ позволяет выделить основу *-ред-* (о *-ряд-* см. выше), которую допустимо произвести от **rǣd-* — ср. др.-русс. *редрый* — «бурый, рыжий, красноватый», фр. *rouge*, нем. *rot*, швед. *röd*, англ. *red* — «ржавый; красный»: в отличие от русского, в основных языках Европы исходный индоевропейский корень сохранился до настоящего времени. Эту нашу мысль подхватывает «первый регионавт» П.О. Мирошниченко, ко-

торый пишет: «Предполагаю, что все просто. Обычный «рыжий» корень: *рыд, руд* и т. д. Топонимы: *Рыденка, Редежа, Рудная Горка*, есть еще... и сам *Оредеж* вполне естественно вписывается в этот ряд. В вольной трактовке — «обрыжевшая река» :). Что вполне соответствует реальности, так как сверху донизу течет в красных девонских песках и песчаниках»³².

Таким образом, приходится признать, что на сегодняшний день окончательно этимологизировать «темный» гидроним *Оредеж* не представляется возможным. Топонимисты склонны считать его иноязычным: саамским (А.Л. Шилов), прибалтийско-финским (С.В. Кисловской, М. Фасмер, С.Г. Халипов, В.Л. Васильев), как, кстати, и гидроним *Луга*, либо балтийским (В.Н. Топоров). С ними не соглашаются местные краеведы, которым интуитивно ближе славянские этимологии. Однако дело не безнадежно: так, например, известно, что не все лексемы обладают одинаковой востребованностью при становлении топонимии — это позволит оценить вероятность той или иной этимологии статистически, т. е. количественно. Определенные успехи делают смежные науки, открываются новые памятники, в т. ч. письменные свидетельства «времен минувших». Кто знает, может быть, очередная найденная берестяная грамота позволит расставить точки над *i* и в нашем случае?

Топонимика — наука весьма сложная и довольно противоречивая но, как бы там ни было, наука все же — филологическая. Вместе с тем, стужит сказать несколько слов и о популярных в наше смутное время альтернативных подходах. Так, в последнее время все большее внимание привлекают представления об едином праязыке, «языке Адама с Евой», из которого впо-

следствии развились языки мира: «На всей земле был один язык и одно наречие» (Бытие, II:1). Вот и ученый-физик В.С. Смирнов, автор одной из моделей мироздания — универсальной дуально-квантовой модели рудона,— приняв за гипотетический праязык язык Библии, проанализировал философский «первосмысл» около 600 географических названий, среди которых и ряд топонимов Ленинградской области.

Оредеж (в' рдш): *в'/o/* — «символ двух взаимодействующих начал»; *рд* — «строговластвовать», «низвергать, опускать вниз»; *дша* — «тучнеть, жирнеть». С системной точки зрения, по Смирнову, речь здесь может идти о поглощающем женском начале, увеличивающем свою массу (тучнеть) за счет родончиков (манны небесной), извергающихся из мужского начала³³.

Дальше — больше. В конце 2011 г. лейбл *Fulldozer Records* выпустил полноформатный аудио-CD — сборник экспериментальной музыки «*Oredezh*», в котором музыканты со всего мира — представители авангардной электроники — выразили свои звуковые ассоциации, возникающие при прочтении гидронима *Оредеж*. А закончить разговор хочется строками из посвящения одного потомственного оредежца, московского поэта и критика А.Ю. Чернова, другому — неоднократно упоминавшемуся здесь А.А. Семочкину:

Вот и твердишь, извлекая из мреж
Тяжких — куда их не кинешь —
Оредеж, Радонеж, Трубеж, Сенеж.
Радонеж. Оредеж. Китеж.

¹ Кадастровая длина Оредежа — 192 км.

² На географических картах кон. XVI — нач. XVII вв. Оредеж изображался как верхнее течение Луги. Хотя, по такой логи-

ке, и Волгу следовало бы считать Окой!

³ Озерный мел; добывался здесь как сырье для производства портланд-цемента.

⁴ В 1927-1959 гг. в составе Ленинградской обл. существовал Оредежский р-н с центром в пос. Оредеж.

⁵ Судходна на последних 46 км (участок от дер. Бережок до устья).

⁶ *Машина Д.Д.* О происхождении названия Волга // <http://book-hall.ru/kanavino/zhivaya-entsiklopediya-kanavina/rus-ipormanny-v-istoricheskom-rassledovanii-dd-mashinoi/o->.

⁷ *Шилов А.Л.* «Чудские мотивы» в древнерусской топонимии. М., 1996. С. 24, 31 (сноска 8).

⁸ Ср., напр., р. *Арджеи* (*Argeş*, 350 км) в Румынии, приток Дуная, которая, как считают, упоминается еще у Геродота под именем *Ordessus*.

⁹ А.А. Абакумов утверждает, что собственно гидроним *Оредеж* появляется в документах ок. 1460 г. См.: *Абакумов А.А.* Нижний Оредеж: Очерк истории поселений (X-XVI вв.). Луга, 2011. С.13.

¹⁰ *Трусман Ю.Ю.* Чудско-литовские элементы в Новгородских пятинах. Ч.1: Пятины Водьская, Деревская и Шелонская. Ревель, 1898. С. 3.

¹¹ *Лбовский А.* Река Оредежь // Гатчинская правда. 1948. 17 апреля.

¹² <http://lingvoforum.net/index.php/topic,20393.0.html>.

¹³ Интересная параллель: как Оредеж в верховьях называют *Коневкой* (ср. фин., ижор., водск. *ogí* – «жеребец»), так и р. Москва в верхнем течении – *Коноплевка/Коноплянка* (эзря-морд. *мушка* – «конопля»). См.: *Халипов С.Г.* Что значит Москва // Сов. финно-угроведение. 1984. № 2. С.129-131.

¹⁴ *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Bd.I. Berlin, 1971. S.304.

¹⁵ Глобус: Геогр. науч.-худож. сб. /Сост. В.А. Смирнов. Л., 1986. С.115.

¹⁶ «От фин. «херес» произошло назв. бы-

строй рыбы, к-рая раньше обильно заселяла Оредеж, – хариус», – добавляет А.А. Семочкин, см.: Три века Санкт-Петербурга. Энцикл. в 3 т. Т.2: Деятнадцатый век. Кн.6: С-Т. СПб., 2008. С. 286. – Однако, признавая прибалтийско-финское происхождение русского термина *хариус*, лингвисты считают его изначально германским заимствованием.

¹⁷ Ср. микротопоним *Серебренник* у Батова, происхождение которого местные жители объясняют тем, что частички слюды, которых необычайно много на дне Оредежа в этом месте, блестят на солнце, как серебро.

¹⁸ «Мой родственник-серб (а они до сих пор говорят на том языке, который максимально близок к тому самому старому славянскому), – продолжает Игорь З., – говорит, что в сербском «оредеж» может означать «продирающийся сквозь лес», но эту версию я не рассматриваю, так как слишком притянута...»

¹⁹ *Аимин А.* Финно-угры и балты Северо-Запада // www.proza.ru/2009/05/27/1040.

²⁰ В этом смысле более правдоподобным видится метатетическое соответствие потапонимов *Оредеж* и *Одер/Одра* (ср. одрб – по М. Фасмеру «кляча, скверная лошадь»): московский историк и публицист Л.Е. Болотин обратил внимание на одерско-оредежскую параллель “как в типичной славянской инверсии «медведь-ведмедь»”. См.: *Болотин Л.* Наследие Валтасара // http://ruskline.ru/analitika/2009/08/02/nasledie_valtасara.

²¹ Д. филол. н. В.Л. Васильев относит данный топоним к плохо дифференцируемым «балто-славянским» названиям, при этом гидроним *Оредеж* новгородский филолог поместил в список «вероятных и очевидных финских названий». См.: *Васильев В.Л.* О проблеме древнебалтийского топонимического наследия на Русском Северо-Западе // Вопр. языкознания. 2008. № 3. С. 79.

²² *Топоров В.Н.* Балтийский элемент

в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 282 (сноска 8). — Любопытно отметить, продолжал академик, что название литовской речки *Ardijá* в польском звучит как *Ordziejá*.

²³ *Жучкевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Мн., 1974. С.271.

²⁴ www.region.gatchina.biz/history.

²⁵ Три века Санкт-Петербурга... С. 286.

²⁶ *Егоров С.Б.* Топонимические предания // Культура Ленинградской области: Электрон. энцикл. // <http://enclo.lenobl.ru/object/1803558236?lc=ru>. — Добавим, что несколько лет назад нам была сообщена аналогичная трактовка происхождения ойконима Каушта — деревни на востоке басс. Верхнего Оредежа.

²⁷ Так, согласно краеведу из Гатчины А.В. Бурлакову, Кобрино считается ижорским поселением, а соседняя Суйда — водским. А историк конца XVIII в. Ф.О. Туманский проводил по Верхнему Оредежу границу между ижорами и славянами.

²⁸ Но возможно — ср., напр., саам. гидроним *Or-jogk, Orajok* (фин. *Uurajoki* (1550

г.), русск. *река Ура*).

²⁹ Впрочем, различные гласные основы (вариант *Рядеж* и ойконим *Редежа*) не исключают ударения на последнем слоге, по аналогии с русскими отглагольными существительными на *-еж* (др.-русск. *-ежь*) либо с топонимами финно-угорского происхождения (ударение на рефлексе детерминанта — ср. ойконим *Куремá* (от эст. *mägi* — «гора»)).

³⁰ Ср., напр., древнерусские ойконимы *Устеж* (дер. Суйдовского пог. на Верхнем Оредеже), который производят от географического термина или *Хотнежа* (дер. в басс. р. Луги) — от личного имени.

³¹ Если только мы не имеем дело с меной «ять» (флексия предл. пад. м. р. ед. ч.) > *и*, характерной для новгородских документов XVI в. Впрочем, вариант «на *Аредежы*» позволяет усомниться в этом.

³² Форум клуба «ВелоПитер», 2011 г. // <http://velopiter.spb.ru/forum/index.php?t=msg&goto=1062327&rid=0>.

³³ *Смирнов В.С.* Тайна географических названий Земли или Путешествие в тьму веков: Космос, мифы, праязык. СПб., 1998. С.208-209.

Вечернее озеро

Сергей Яковлев-Славянов

Когда бросает солнце луч
Последний в озеро лесное
С высот небесных синих круч,
И все объято тишиною,

Тогда плывут из тростника
Четыре лебедя прекрасных,
Прохладный ветерок слегка
Колелет их наряд атласный.

За каждым остается след,
Плывут, плывут себе куда-то,
И на воде янтарный свет
Дрожит в последний миг заката.

Средь елей, сумрачных подруг
Шумит задумчиво береза
И, будто вспомнив что-то вдруг,
Роняет листья, точно слезы.

(Продолжение. Начало в № 8, 9)

В каком виде достались казне деревни Славянской и Мозинской мыз? Подробных описаний явно нет, но некоторое представление могут дать сводки Статистического Комитета и скудные публикации в периодической печати. Возьмем для примера деревню Верево.

Первые сведения о количестве жителей приведены, как уже говорилось, на карте, датируемой приблизительно серединой 1790-х годов — 29 лиц мужского пола. Это значит, что всего населения в Вереве на этот период насчитывалось около 60 человек, хотя, судя по статистическим данным, в большинстве деревень количество женщин превышало количество мужчин.

Следующие сводки за 1862 год:

Число дворов: в Большом Вереве — 2, в Малом Вереве — 23.

Число жителей: в Большом Вереве — 15 муж. и 17 женск. пола; в Малом Вереве — 82 муж. и 70 женск. пола.

Данные за 1882 год:

Малое Верево: число семей — 16 лютеран — 53 человека; мужчин — 36, грамотных — 20 чел.; женщин — 38. Имеющих полевые и усадебные наделы — 15 семей. Только усадебная оседлость — 1 семья. Лошадей — 20. Изб и домов — 20.

Большое Верево: число семей — 28 лютеран — 104; мужчин — 68 грамотных — 11; женщин — 85. Имеющих полевые и усадебные наделы — 28 семей. Лошадей — 25. Изб и домов — 37. Кузниц — 2. Возделываемые культуры:

рожь, овес, лен, ячмень, картофель.

Данные за 1896 год:

Малое Верево: мужчин — 28, женщин — 31. Постоянно живущих — 27 муж. и 29 жен.. Некрестьянского сословия — 2 чел..

Выселки Малого Верева: мужчин — 39, женщин — 25. Постоянно живущих — 31 муж. и 24 жен.. Некрестьянского сословия — нет. Большое Верево: мужчин — 51, женщин — 74. Постоянно живущих — 56 муж. и 78 жен.. Некрестьянского сословия — 3 чел..

Выселки Большого Верева: мужчин — 17, женщин — 20. Постоянно живущих — 18 муж. и 20 жен.. Некрестьянского сословия — 1.

Из приведенных данных видно, что деревни растут, не вымирают. Вместо одного Верева стало два, а с выселками — четыре.

Что представляла деревня Малое Верево к концу XIX века? Судя по материалам первой Всероссийской переписи, проведенной в апреле 1896 года, облик деревни складывается следующим образом:

Деревня состояла из одной улицы. Все дома деревянные, крыты в большинстве случаев тесом, либо дранкой, в отдельных случаях соломой. В обследовании не зафиксировано, сколько домов топились по-черному, но можно с уверенностью сказать, что такие дома были, потому что даже поныне здравствующая жительница деревни Горки Екатерина Андреевна Кекконен (ей идет 84-й год), говорит, что она застала в своем детстве курные избы, где дым из печи выходил прямо в избу.

Ни в одной из деревень Мозинской мызы не было ни одного кирпичного или каменного жилого дома. Всего два дома были крыты железом. В Веревах таких домов не было.

Население Малого Верева, если учитывать хозяев домов, было исключительно финское, лютеранского вероисповедания. Более того, на момент переписи 1896 года в Малом Веревах жили финны только одной фамилии Вангонен. В работниках у них жило несколько человек финской и русской национальности. В выселках Малого Верева жили также Вангонены и Морозовы. В этих семьях также жили работники разных фамилий. В семье Вангонена Ивана Андреевича, например, состоявшей из 12 человек, было в работниках 9 человек. И это не единственный пример.

Самыми популярными именами в финских семьях были библейские Адам, Ева (также писалось Евва), Петр, Павел, Андрей, Софья, Исак, Екатерина, Елизавета. Подавляющее большинство жителей как в Веревах, так и в других деревнях, были грамотные. Многие читали по-фински и по-русски. Дома детей начинали обучать с 5 лет. В школу начинали ходить с 8 лет. В Веревах в то время своей школы не было (она открылась в 1912 году). Ходили в Мозинское Министерское училище (позже стало называться Романово-Владимирским Министерским училищем), которое открылось в 1873 году как сельская школа и через два года – в 1875 году – было преобразовано в училище. Первоначально учение продолжалось 4 года, затем увеличилось до 7 лет. Все, оканчивавшие училище, могли читать по-фински и по-русски, независимо от национальности. Жившие в работниках финны, как правило, были также грамотными, русские же, нанимавши-

Дом старожилов – семьи Вангоненов в деревне Малое Верево. Фото 2011 г.

еся в работники, чаще всего были неграмотные. Объяснялось это тем, как объяснили мне финские старожилы, что пастор приходской кирхи, находившейся в Царской Славянке, отказывался венчать неграмотных прихожан, так что стимул изучить грамоту был достаточно эффективным.

Семьи в деревнях Мозинской волости (всего таких деревень было 37) были довольно многочисленны. В своем большинстве это большие финские семьи, которые стремились объединить под общей крышей всех ближайших родственников. Если не хватало одного дома, рядом ставили второй дом, но хозяйство вели общее. Члены семьи, вошедшие в возраст, но не заведшие собственной семьи, жили тут же. Женились и замуж выходили, по нашим понятиям, поздно, в среднем не ранее 27 лет. Но даже для такого среднестатистического возраста вступления в брак количество людей, оставшихся холостыми уже в зрелом возрасте, в деревнях Мозинской волости было слишком высоким. Бросается также в глаза большое количество вдов – явное следствие завоевательной политики Александра II – война на Кавказе, война с Турцией, война в Средней Азии.

Занятия. Подавляющее большинство жителей Мозинской волости занимались земледелием. Сеяли рожь, овес, ячмень и даже лен. Большинство также держали скот — коров, лошадей, коз и овец. Некоторые вели молочное хозяйство и возили молочные продукты в Гатчину. Мужское население в качестве приработка занималось извозом — ломовым и легковым, возили песок и «красную землю» в Санкт-Петербург, на фарфоровый завод и в литейные цеха. Были также свои, местные портные, кузнецы, шорники, колесники, нанимались чернорабочими, работали на бумажной фабрике на реке Веревке. Молодые женщины нанимались прислужкой в Гатчине и Петербурге, вязали кружева, чулки на продажу, прирабатывали стиркой белья. Мужчины, кроме того, нанимались работать сторожами, егерями в лесное ведомство. В Кокколово жил ученик серебряных дел мастера, а в Романове ученик золотых дел мастера. Хорошим подспорьем семье служил также лов рыбы в Ижоре. В Кокколово и Верева одно время в течение нескольких сезонов обитала артель, поставлявшая форель для Гатчинского дворца. Форель ловили и местные крестьяне. Вообще же в Ижоре ловились язи, караси, ерши, плотва, налимы, щуки.

Газета «Царскосельское дело» сообщила читателям 4 декабря 1915 года в статье «Налимы»: «С 24 ноября на реке Ижоре в Царскосельском уезде начался обычный зимний лов налимов. В этом году налимов особенно много и лов их идет крайне успешно».

Эта же газета в феврале 1908 года писала в заметке «Редкое обилие выдры»: «В местностях, прилегающих к реке Ижоре, близ Гатчины, наблюдается небывалое еще обилие выдры. Последнее обстоятельство дает крупный заработок охотящимся на

них крестьянам, которые выручают от продажи каждой шкурки зверя от 30 до 40 рублей. Кроме крестьян на выдры, ютящихся преимущественно в норах берегов Ижоры, приезжают охотиться целые охотничьи экспедиции».

Жительница Малого Верева Софья Семеновна Сузи, которой в 1996 году исполнилось 80 лет, рассказывает: «Ижора раньше была чище и шире. Воду из Ижоры пили без опаски. Муж ловил рыбу каждый день по ведру. Идет, бывало, с рыбалки и раздает каждому встречному».

Сейчас Ижора даже в самые суровые зимы не замерзает. Но по свидетельству всех старожилов, раньше Ижора каждый год замерзала, и крестьяне возили весной лед в погреба, и его хватало до осени.

В конце XIX века инициативные аграрии трех ближайших к столице уездов — Петергофского, Царскосельского и Ямбургского — объединились в Общество сельских хозяев и выступили с инициативой организации регулярных сельскохозяйственных выставок. Первая такая выставка прошла в г. Гатчине с 5 по 10 августа 1898 год (сам город Гатчина был безуездным). В этой выставке приняли участие и крестьяне Малого и Большого Верева. Выставка состояла из семи главных разделов: 1/сельскохозяйственных животных, 2/земледелия, 3/лесоводства, 4/огородничества, плодоводства и садоводства, 5/кустарно-промышленный, 6/строительный, 7/научный. На выставке, как сообщал журнал «Нива», «можно было насчитать немало голиафов местной культуры, вроде, например, крыжовника величиною с добрую сливу, огурцов, мало уступающие пресловутому «римскому» огурцу дедушки Крылова или спаржи толщиной в обыкновенную стеариновую свечку».

В целом, если учесть все вышесказанное, принять во внимание, что безлошадных, судя по сводкам, в наших деревнях не было, а также то, что в пределах досягаемости от Верева были достаточно обширные леса с обилием грибов и ягод, то можно сделать вывод, что уровень жизни в этих краях был достаточно приемлемый. Подтверждением такого вывода служит тот факт, что в ряде семей, помимо своих детей, а их в каждой семье было по несколько, жили еще воспитанники, взятые из Санкт-Петербургского Воспитательного Дома, например в семействе Семена Ивановича Вирки в соседнем с Веревым Кокколово, в семье Абрама Петровича Вирки, в этой же деревне. Практика отдачи сирот на воспитание в другие семьи началась еще в 1792 году. На каждого отдаваемого из Воспитательного дома ребенка выдавался билет с номером, удостоверяющим право крестьянина на получение вознаграждения и личность питомца. Некоторые из приемных родителей пользовались такими билетами как залоговыми векселями в лавках для получения товаров, что, разумеется, преследовалось законом.

В пользу относительно благополучного существования крестьян говорит и тот факт, что в переписных листах 1896 года числятся лишь единицы нищих, существующих подаями. Показательно также, что в солдатах числились тоже считанные единицы.

При всем при этом продолжительность жизни для населения этих краев нельзя назвать высокой, хотя для женщин дожить до 70-75 лет была не редкость. Но зато для мужчин 60-65 летний возраст был, по-видимому уже предел. Могу назвать всего два исключения — это Иван Гаврилович Мулло из Кокколово, которому на день переписи исполнился 71 год, и

Якушов Федор Игнатьевич из выселок Большого Верева, которому в тот день было 85 лет. Средний же возраст населения в наших деревнях, благодаря многочисленным детям в семьях финнов, оказался достаточно низким.

Быт и образ жизни. В течение нескольких лет перед революцией в нашу деревню, Малое Верево, ежегодно приезжала на лето семья петербургского служащего Федора Семенова. Останавливались они неизменно в семье Марии Мюллеринен, отца которой они называли Юсси, а ее маленького сына Пекко. Саму Марию Мюллеринен они называли «Маша Румяниста».

Маленький сын Семеновых, Боря, ровесник Пекко, впоследствии стал известным художником-графиком, но кроме этого у него был и литературный дар. Одна из его книг называется «Время моих друзей», одна из глав которой посвящена описанию жизни этой семьи на отдыхе летом в Малом Верево. Вот что Борис Федорович писал о быте веревских финнов:

«В Малом Вереве люди говорили не на моем родном языке. Они назывались ингерманландцы, или чухонцы, коренные жители страны Инкери, пролежавшей исстари на топких просторах невской равнины. Только никакие не «убогие чухонцы», а работающий, добрый народ, населявший берега быстротекущей Ижоры между Тайцами и Гатчиной.

Чухонцы, может быть, это звучит не так красиво, как испанцы, но разве в этом дело? Разноязычье не мешало нам жить в своих, почти родственных отношениях со всем старым и малым веревским народом.

Тут жили мы среди людей библейски простодушных, работающих и честных. Непривычно звучали их имена: Мириам, Авраам, Исаак, Дебора —

словно читаешь старинную книгу. Все они по-русски говорили плохо, иной раз вовсе не разберешь, о чем толкует какая-нибудь добрая старушка.

Жили мы на одной половине просторного рубленого дома, очень чистого, с выскобленными полами, а снаружи бревна были темные, старые, окна с белеными ставнями. Наш хозяин был добродушный исполин по фамилии Мюллеринен. Его детишки всю зиму ждали нашего приезда, ведь мы привозили мячики, игрушки, кегли, сытинские книжки с картинками.

Мой друг и ровесник Пекко был чудесный маленький крепыш. Волосы у него были белые, как сухая солома, и, подстриженные небрежными взмахами ножниц, торчали во все стороны, как соломенная крыша какого-нибудь овина.

В конюшне у нас жила могучая лошадь, рыжая с белой грудью. Иногда разрешалось прокатиться на ее широкой спине. Имелось еще две коровы, одна из них так любила нашу бабушку, что, возвращаясь с поля, перегоняла других коров и, выразительно мыча, совала морду в окно бабушкиной светелки.

...Веревские старики сплетали из ивовых прутьев мережи, вроде маленьких дирижаблей, устанавливали их под вечер на дно реки, а утром приносили добычу. Трудно вообразить что-нибудь красивее этой серебряной рыбы с красными пятнышками на боках. А что за вкуснейшее блюдо — отварная форель с молодой картошкой! «Вот уж действительно царская еда», — говорила бабушка, и она была права: совсем недалеко, в двух верстах, была царская охота, гатчинский заповедник, полный всяческой живности».

У пожилых людей, местных жителей, досуга практически не было. Целый день проводили они в трудах и забо-

тах. В редкие минуты отдыха вспоминали былое, читали Библию, по праздникам ходили в церковь. Успокоение от забот находили только на кладбище. Но время, войны, смуты и недоброхотство людей не пощадили и эти их последние приюты. Срыты и распаханы древние курганы, уничтожены кладбища, лежат в руинах кирхи в Графской Славянке, на Кирхгофе, в Петрово. На Кирхгофе (по-русски «на погосте»), на самой высокой точке гряды, откуда открывается удивительно живописный вид на Петербург и окрестности, лежат развалины кирхи, зияют провалами раскопанные могилы, заросла орешником сложенная из валунов ограда кладбища, валяются в кустах и кое-где еще стоят сиротливо железные кресты с загнутыми концами. Когда-то здесь можно было услышать потрясающий по своей поэтической выразительности надгробный плач:

Не зарывайте в землю глубокую меня
родившую,
Не опускайте глубоко на дно могилы
на коленях державшую,
Если будет мне неизбежно горько
без баюкавшей меня,
мне, великой страдальце,
Если буду сильно скучать
по высидевшей меня,
я, слабая, маятная
Я приду зябким вечером,
раскидаю песок с могилы
моей родительницы,
Я подниму ее тогда на могилушку,
слабая, маятная,
Я подниму ее, оперев о крест,
бессильная сама,
И стану все сетовать о своей кручине
дорогой, носившей меня...

В июне, на праздник Юханнуса / по-русски на Иванов день/ здесь на

обширной красивой поляне, где по сие время растут огромные кусты сирени, и стоит мощный, расколотый на три части валун, собирались и стар и млад. Украшались венками, водили хороводы, пели песни, играли в игры. Софья Семеновна Сузи говорит, что недавно эта традиция возобновилась, и с окрестных деревень опять стали собираться на Юханнуса инкери.

А как развлекалась молодежь? Да так же, как молодежь развлекается везде — собирались вместе на посиделки, танцевали под гармонь, играли в городки, рюхи (по-фински «поппи»), качались на качелях, девушки любили поочередно подпрыгивать на доске, положенной на бревно. На реке Вережке была мельница, которая превратилась в бумажную фабрику. Это было любимое место прогулок, потому что речка была в том месте, где сейчас мост и гаражи, перекрыта плотиною и вся низменная территория по обеим сторонам Вережки, где сейчас пасут коз и настроены погребя, была затоплена. Пруд был настолько большой, что была устроена лодочная станция, а вокруг пруда проложена аллея и даже высаживались на клумбах цветы.

Сама фабрика представляла собой двухэтажное красивое здание с большим балконом. Рядом стоял дом хозяина фабрики, дома для рабочих.

История этой фабрики длинная. В «Санкт-Петербургских ведомостях» за октябрь 1805 года в заметке «Сдается на откуп мельница» сообщалось: «Софийского уезда вотчины Ея Сиятельства Графини Марии Павловны фон дер Пален, в Мозинской мызе на Большой Гатчинской дороге, отдается на откуп на один год и более, мучная о трех поставах мельница, на которой ныне содержанием делается перловая крупа. Желаящие взять

оную на откуп, благоволят явиться для торгу в Славянскую Ея Сиятельства мызу, сего октября месяца 21 числа».

В 1830 году появляются сообщения о «бумажной мануфактуре графини Юлии Павловны Самойловой», которая была построена на базе мельницы. В 1878 году фабрика была закрыта. Затем старую бездействовавшую фабрику Департамент Уделов продал купцу Григорьеву, который осуществил ее реконструкцию и модернизацию. Потом попеременно ее хозяевами были некто Крылов, Перельман, уездный дворянин и, наконец, К.В. Мясковский и фабрикант Иван Григорьевич Кононов. Рассказ о фабрике этих лет прилагается в изложении дочери Кононова Анны Ивановны.

Жизнь деревни тянулась довольно однообразно, нарушаемая лишь событиями местного масштаба, как-то: «Дер. Верево. Пожар: 8-го ноября в 2 часа ночи в дер. Верево сгорела кузница крестьянина И.И. Вангонена. В огне погибли новые кузнечные меха, много колес, телег, саней и инструментов. Причина пожара не выяснена». (Газета «Жизнь Царскосельского уезда», 16 ноября 1913 года).

А вот более приятное сообщение:

«В дер. Мозино директор завода Товарищества А.С. Лаврова В.Ф. Гернс пожертвовал добровольной пожарной дружине 2-х пудовый медный колокол /ценою в 50 руб./ для производства тревог». (газета «Гатчинская неделя», 1 июня 1913 г.)

Но чаще все-таки сообщения носили тревожный характер:

«Малое Верево: Из-за недостатка дров в деревне Малое Верево на днях закрылась земская школа. Нельзя обойти молчанием действия учительницы М. Пейгини, которая, отобрав от учеников все книги, спрятала их

под замок у деревенского старосты. Между тем большинство учеников, не желая прерывать занятия, перебрались в Мозино, во Владимир-Романовское министерское училище, где, к большому сожалению, как раз и не достаёт тех учебников, которые от них отобрала чересчур ретивая учительница». (газета «Царскосельское дело», 20 ноября 1915 г.)

«9 июня двое рабочих фабрики Кононова подверглись нападению крестьян деревни Большое Верево. На стороне нападавших был количественный перевес /их было около 10 человек/, а потому, как ни отбивались от них рабочие, а все же поплатились жестоко. Один получил сквозную ножевую рану на правой щеке и рану на лбу. Второй пострадал еще сильнее. По оказании раненым первой помощи они были направлены в Гатчину в Госпиталь. Вообще драки с более или менее печальными результатами часто наблюдаются в окрестных деревнях. Одна из причин — это пьянство. Водку достают не только в казенных винных лавках, но торгуют ею и крестьяне, что наблюдается, например, в Романове.

Среди рогатого скота в пределах волости участились за последнее время заболевания ящуром и потому необходимо особенно осторожно пользоваться молоком». (газета «Гатчинская неделя», 22 июня 1913 г.)

Что касается санитарного состояния в деревнях Мозинской волости, то, судя по газетным сообщениям, ситуация с годами изменялась к худшему, из статьи «Санитарное состояние Царскосельского уезда в 1913 году»:

«Количество инфекционных заболеваний Царскосельского уезда за истекший декабрь выражается сравнительно небольшой цифрой — 75, что можно объяснить сильными морозами, старательно убивающими всякую бак-

терию. На первое место стала опять скарлатина, давшая 33 заболевания, распределившаяся следующим образом: Гатчинская волость: Ново-Гатчина — 3, Дудергофская — Рюттелево и Пикколово — по 1, Красносельско-Коломенское — 2, Бугры и Верево — по 1 и т.д.» (газета «Царскосельское дело», 21 февраля 1914 г.)

Сообщение «О заразных заболеваниях в уезде»: «Из разосланной ведомости о заразных заболеваниях в нашем уезде за август месяц сего года видно, что свирепствует дизентерия, в общей сложности в уезде 90 случаев, причем на Покровскую волость, а именно на Антропшино, выпало 23 случая заболевания. Эта цифра довольно внушительная. Далее идут село Кузьмино Пулковской волости — 14 заболеваний и в Мозинской волости — 6. В Большом Верево — 9 заболеваний. Из других заразных заболеваний — 9 случаев скарлатины...» (газета «Царскосельское дело», 21 февраля 1914 г.)

Постепенно Верево перестало быть чисто сельскохозяйственным поселением. Перед революцией на бумажной фабрике работали почти все жители Верева. Отток рабочей силы из деревни усилился с постройкой сначала станции Ижора на Варшавской железной дороге, потом платформ Старое и Новое Мозино. Еще и до этого некоторые жители Мозинской волости ездили на работу в Санкт-Петербург, в Царское Село и в Гатчину. Последовавшие грозные события — I мировая война, революция, Гражданская война привели к сокращению мужского населения.

Многие предприимчивые, инициативные крестьяне были раскулачены, репрессированы и высланы на север, на Урал и в Сибирь, среди них владелец фабрики Кононов, Парфенов. Во время второй мировой войны все финские

семьи были вывезены в Финляндию, а по своем возвращении в 1945 году им было отказано в праве поселиться на своих исконных землях. Пришлось им скитаться по чужим краям. Так искоренялась любовь к земле, уродовался привычный крестьянский уклад и люди, живущие в деревне, на земле, стали питать отвращение к крестьянскому труду.

Следствие не замедлило сказаться — страна, которая до революции не только кормила себя, но и продавала большую часть сельскохозяйственной продукции за рубеж, стала закупать зерно, сахар за рубежом. Сейчас предпринимаются попытки исправить положение дел. Будем надеяться, что со временем они принесут плоды, и окружающие нас деревни примут более достойный вид.

Автор выражает благодарность Сквопневу Сергею Леонидовичу за помощь, оказанную в написании данной статьи, а также Крюкову Алексею за критические замечания.

Ниже приводим интервью, взятое санкт-петербургским журналом Денисом Муком, у Анны Ивановны Михайловой, дочери Ивана Григорьевича Кононова, бывшего владельца бумажной фабрики в деревне Малое Верево. (материал предоставлен Сергеем Леонидовичем Сквопневым).

Наши старожилы *(Малое Верево сквозь призму воспоминаний 80-летней давности)*

В пяти километрах от Гатчины находится поселок Малое Верево. Ничем не примечательный — таких тысячи на карте нашей страны. Здесь есть своя школа, поликлиника, аптека, детские сады и — обязательная примета подобных населенных пунктов - мону-

ментальный муравейник из безликих блочных домов. Практически ничего уже здесь не напоминает о русской старине. Сохранилось только несколько деревянных домов начала XIX века да развалины какой-то фабрики на реке Верева. Оказывается, однако, что история этого населенного пункта уходит в глубь веков.

Впервые Малое Верево обозначено на шведских картах за 1600 год. В последующие столетия определяющую роль в жизни поселка сыграла река Верева, которая, кстати, помимо всего прочего, дала ему и название. Здесь были построена мельница, а впоследствии бумажная фабрика. Детально проследить всю историю этого места, конечно, очень трудно. Однако мы можем осветить некоторые ее промежутки, а именно, жизнь поселка в начале XX века. Живой свидетель тех относительно далеких времен всегда является самым ценным источником информации. Анна Ивановна Михайлова, дочь фабриканта Ивана Григорьевича Кононова, который до 1917 года арендовал у Департамента уделов бумажную фабрику в Малом Вереве, родилась в 1905 году и, несмотря на свой пожилой возраст, сохранила интереснейшие воспоминания о детских годах.

— Уважаемая Анна Ивановна, а вы сами родились в Гатчине?

— Нет, я родилась в Санкт-Петербурге на Тамбовской, а когда мне было пять лет, мы всей семьей переехали в Малое Верево. Это было решение отца.

— А почему вашего отца заинтересовала именно эта деревня?

— Мой отец еще мальчиком работал в Москве у богатого купца Минина. Видимо, там он и заработал немного денег и перебрался затем в Петербург. Уже здесь он на свои деньги устроил

мастерскую. Это было некое подобие семейного предприятия: там, помимо его самого, работали два брата и сосед. Постепенно разбогатев, он приобрел бумажную фабрику в Малом Верево. Что именно тогда заставило его обратиться к этой деревне, я, честно говоря, не помню, а может быть, даже и не знала. Не думаю, чтобы такие подробности интересовали меня в пять лет: ведь я была еще совсем ребенком. Помню только, что сама фабрика была в нерабочей состоянии, и отец долго приводил ее в порядок.

— А много рабочих трудилось тогда на фабрике у вашего отца?

— У отца работали почти все жители Малого Верева. Работал, кстати, один немец — механик; был и поляк.

— Анна Ивановна, а что из себя представляла сама фабрика, из каких она состояла построек?

— Помимо самих рабочих зданий, цехов, у фабрики была устроена контора. Был еще дом в два этажа — усадебного типа, — где жили мы сами, а также три дома для рабочих.

Наш дом достался нам от прежнего владельца. Был он на большом фундаменте, а мебели в нем почти не было. Что же касается фабрики, то это было двухэтажное здание. Первый этаж был бетонированной, там находилось моторное отделение.

— Помните ли вы, как жили рабочие, трудившиеся на фабрике вашего отца?

— Когда мы приехали в Малое Верево, то у фабрики уже стояло два дома для рабочих. Помню, что еще один выстроил сам отец. Все эти дома были одноэтажные, на три комнаты. Только около нашего особняка был разбит сад, а дом был обнесен забором.

— Чем занималась фабрика?

— Как и на любой другой бумажной

фабрике, у нас занимались производством бумаги. У отца было шесть лошадей, на которых затем бумагу отвозили в Петербург.

— Сохранились ли у вас еще какие-нибудь воспоминания о фабрике?

— Немного. Помню, что в Мариинской гимназии, где я училась, преподавал священник дворцовой церкви отец Виктор. И когда был праздник Троицы, то отец приглашал отца Виктора на фабрику в Малое Верево отслужить молебен, так как в самой деревне храма не было.

Еще помню, как один раз на фабрике произошел пожар — в моторном отделении на первом этаже. А я в это время была в школе.

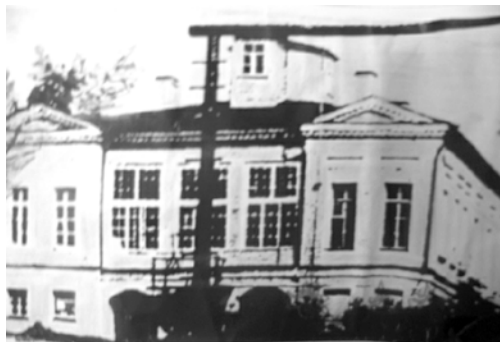
— Где вы тогда учились, Анна Ивановна?

— Училась я в Гатчине на Багговутовской улице в частной школе. Это был второй дом по правой стороне от Павловского собора. В школе было только три класса. После ее окончания девочки поступали в Мариинскую гимназию, находившуюся на проспекте Императора Павла I.

В гимназии Закон Божий нам преподавал отец Виктор, о котором я уже вспоминала. Он был другом моего отца. За хорошую учебу он мне подарил картину одного из гатчинских художников — она у меня дома висит уже 75 лет. А после революции я училась на Николаевской улице в доме какого-то князя.

— Анна Ивановна, известно, что в нынешней деревне Романовке было устроено Министерское Романовское училище...

— Насчет училища не помню. Но знаю, что в Мозино — оно находилось перед Романовкой — была дача Гатчинского Сиротского Института, где отдыхали воспитанники этого заведения. Тогда это было красивое

Летняя дача Гатчинского сиротского института в деревне Романовка. Здание не сохранилось

трехэтажное каменное здание, построенное в стиле классицизма. Но в 1912 году произошел пожар, и оно сгорело. Позже его местные жители растащили на кирпичи.

Помню одну интересную историю. Там, рядом с этой дачей, через реку Ижору был построен мост, с которого любили прыгать в воду воспитанники Сиротского Института. И однажды по этому мосту проезжала на моторе Государыня Мария Федоровна, а в это время дети голышом пришли купаться. Увидев это, Мария Федоровна приказала построить купальню в течение одной ночи!

— Скажите пожалуйста, а Малое Верево тогда, в начале века, было большим?

— Деревня располагалась вдоль реки Веревки, и дома также стояли вдоль шоссе по обе его стороны. По реке стояло около десяти домов. Помню, что до революции в деревне была устроена лавка. Кроме лавки, товары покупали в магазинах, которые были в деревне Горки, а также в Кокколово. Деревня Кокколово находилась за рекой Ижорой со стороны Гатчины.

— А чем вам запомнилась близлежащая деревня Большое Верево?

— Помню только, что там, в Большом Верево, у одного финна была устрое-

на заводь, где он разводил форель. Больше, пожалуй, ничего.

— Анна Ивановна, а Первая Мировая война 1914 года коснулась вашей семьи?

— Помню, что папа очень много помогал фронту. Мы же сами вышивали кисеты. В каждый такой кисет мы клали открытку, пачку махорки и письмо, а потом отправляли на фронт. Я уже говорила, у нас служил один немец. Да и вообще у нас много раз бывали иностранцы. К отцу часто приезжали из Англии, Германии, Финляндии. Одного из таких гостей я даже помню, как зовут: Вимберг, англичанин. Он несколько раз бывал у нас.

— А как сложилась судьба вашей семьи после октября 1917 года?

— После революции в 1917 году папа нас отправил в Ярославль к бабушке, и там мы жили, пока здесь, в Петербурге, все не успокоилось. Позже фабрику закрыли, а машины и оборудование увезли в Антропшино. Сначала папа работал на мельнице в Гатчине, а потом тоже перебрался в Антропшино, где заведовал бумажной фабрикой вплоть до Великой Отечественной войны. Затем в блокаду он эвакуировался к сестрам в Ярославль, где к этому времени уже находилась вся семья. Однако в Череповце на пересадочной станции его сильно избили и ограбили. Он там ослеп, но был в сознании и дал медсестре адрес родственников. И уже от врачей мы узнали, что он скончался...

Анна Ивановна дала нам фотографию из семейного альбома. Сделана она была в Гатчине в начале второго десятилетия нашего века. На черно-белом снимке — семья Анны Ивановны Михайловой: Иван Григорьевич Кононов, ее отец, мать, Мария Борисовна; между ними — сама маленькая Анюта и ее старшая

Окраина деревни Верева. Фотография 2011 г.

Ведение нового. Деревня Верево.
Фотография 2011 г.

Меморил воинской славы в деревне
Малое Верево. Фотография 2011 г.

Будущее деревни Верево.
Фотография 2011 г.

Фото семьи Кононовых. Начало XX века.

сестра Александра; на коленях сидят бритоголовые, похожие друг на друга, Сергей, Константин и Дмитрий; мать держит на руках совсем еще маленького Виктора. Ни на одном из лиц нет улыбки. Грядет война, а затем революция, которые положат конец мирному, размеренному существованию семьи Кононовых, конец безоблачному детству маленькой Анюты и ее братьев на берегу тихой реки в поселке Малое Верево... И вот более чем через три четверти века Малое Верево разрослось и полностью изменило свой дореволюционный облик, а развалины старой фабрики, которой когда-то владел отец той самой Анюты, ни в ком уже не смогут пробудить столько ностальгических воспоминаний, сколько сохранилось в душе и в сердце Анны Ивановны.

=====**ГАТЧИНСКИЙ АРХИВ**=====

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
(к 95-летию архивной службы России)

*Татьяна Архангельская
Елена Серова*

1 июня 2013 года в истории отечественных архивов – знаменательная дата: 95 лет архивной службе Российской Федерации. Эта дата связана с принятием в 1918 году Советом народных комиссаров Декрета о реорганизации и централизации архивного дела в Советской России. По сей день этот Декрет является основополагающим документом в организации архивного дела в нашем государстве, а архивисты России считают 1 июня, наряду с 10 марта, когда отмечается День архивов, своим вторым профессиональным праздником. Об истории архивного дела в России написано немало работ: и больших монографий, охватывающих периоды от Древней Руси до сегодняшнего дня, и небольших исследований об отдельных этапах развития российских архивов. Нам же хочется познакомить наших земляков с историей гатчинских архивов. Наша работа основана исключительно на документах архивного отдела администрации Гатчинского муниципального района: фондах, научно-справочном аппарате (исторических справках, предисловиях к описям), на данных учетных документов, а также на воспоминаниях ветерана архивной службы Галины Григорьевны Мелеховой, бессменной заведующей гатчинского межведомственного архива по личному составу, а также на личных воспоминаниях и впечатлениях специалистов, которые сегодня трудятся в архивных учреждениях Гатчинского района.

30-ые годы

История гатчинского архива берет свое начало в 30-х гг. прошлого столетия. В соответствии с постановлением Президиума Леноблисполкома от 12 февраля 1932 года и Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 10 декабря 1934 года во всех в областях РСФСР при райисполкомах для обеспечения хранения документов районных организаций по их основной деятельности начали создаваться районные архивы.

Установить точную дату образования гатчинского райгосархива не удалось из-за отсутствия документальных материалов за 1932-1936 гг. Первое упоминание об архиве встречается в

приказах председателя райисполкома за 1937 год: на должность заведующего райархивом зачисляется Самуйлов Василий Самуйлович после увольнения с этой должности Савиной Ольги Ивановны.

Какие документы и от каких организаций города и района поступали в райгосархив? Список источников комплектования – организаций, которые обязаны были ежегодно передавать управленческую документацию в госархив, – был определен и утвержден Ленинградским областным архивным управлением. Конечно, в этом списке в первую очередь были представлены органы городской и районной власти, а также Советы и

исполкомы поселковых и сельских Советов. Кроме того, документы поступали от колхозов, сельхозартелей района, поскольку Гатчинский район (в ту пору – Красногвардейский) считался сельскохозяйственным, а также от учреждений, документы которых отражали различные стороны жизни города Гатчины и района: промышленность, культуру, образование и т.п. Организации-источники комплектования на хранение в гатчинский госархив передавали наиболее важные документы – документы постоянного срока хранения: протоколы, решения, приказы по основной деятельности, плановую, отчетную и финансовую документацию.

В структуре всесильного министерства

Поскольку в 1938 году архивные органы были переданы в ведение НКВД СССР (с 1946 г. – МВД) и Гатчинский Райгосархив вошел в состав районного отдела НКВД (затем – МВД), узнать что-либо о деятельности районного архива в этот период оказалось очень сложно: документальные свидетельства скрыты в недрах все-сильного министерства. Но, так как зарплату работникам архива начисляла централизованная бухгалтерия райисполкома, мы можем, по крайней мере, обозначить фамилии заведующих райгосархивом: Крамская М.Ф. (1945?), Аникина Анна Михайловна, 1921 г.р. (с 20.03.1948. по 24.08.1951.), Суворова Людмила Владимировна, 1922 г.р. (с 20.08.1951. по 16.05.1952.), Федорова Валентина Петровна, 1921 г.р. (с 10.05.1952. по 22.10.1954.), Аладьина Лилия Александровна (с 19.10.1954г. по 10.12.1955.), Гузевич (до 1959-Демидова) Вера Федоровна, 1932 г.р. (с 06.12.1955. по 07.01.1960.). На этом пока остановимся, потому что

с 1960 г. начинается другая история архива – прозрачная, нашедшая свое отражение в документах сегодняшнего архива: в начале 1960 г. архивная служба страны была выведена из подчинения МВД и вновь получила самостоятельность. Вследствие указанных преобразований райгосархивы Ленинградской области, в том числе и Гатчинский архив, как и прежде, стали подчиняться непосредственно райисполкомам, а также Архивному отделу Леноблисполкома.

В период нахождения архива в подчинении МВД обращает на себя внимание частая смена заведующих районным архивом. Судя по выпискам из приказов начальника архивного отдела УМВД Ленинградской области (копии этих документов отложились в приказах по личному составу райисполкома), которому непосредственно подчинялся Гатчинский райгосархив, увольнялись работники архива исключительно по собственной инициативе. Возможно, этим людям не хватало специальных знаний, может, архивная работа была для них тяжела физически (ведь архивистам приходится постоянно поднимать тяжести), да и зарплата в архиве в тот период была невелика. Но вот на последнюю фамилию в списке заведующих этого периода следует обратить внимание – Вера Федоровна Гузевич. Спустя 13 лет она (уже как Шендеровская) вернется в Гатчинский госархив и будет возглавлять архивную службу города и района до 1988 года, а потом будет служить в госархиве в должности инспектора и специалиста до 2001 года!

Военные годы и послевоенная пора

Районные государственные архивы изначально создавались как архивы с переменным составом: по истечении 5 лет хранения документов в организа-

циях, документы должны были поступать в госархив, а из районного архива через 10 лет — на постоянное (вечное) хранение в Ленинградский областной архив Октябрьской революции (ныне Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Но этим планам не суждено было осуществиться: началась Великая Отечественная война. И лишь после войны районные государственные архивы, которые практически сразу возобновили свою работу, начали комплектоваться документами городских и районных организаций. Так, первый акт передачи документов исполкома Гатчинского районного Совета в райгосархив датирован 30 марта 1945 г. Судя по описи документов, сохранить в годы войны удалось немного. Враг наступал так стремительно, что эвакуировать документы (а их планировалось переправить в тыл после эвакуации оборудования предприятий и людей) многим предприятиям и учреждениям не удалось. И тогда было принято решение об уничтожении документальных материалов, свидетельство этому мы обнаружили в деле фонда завода «Дружная Горка». Вспоминает Александра Ивановна Бышнева, которая в 1941 г. работала в центральной бухгалтерии стеклозавода: «В июле 1941 г. с первой эвакуацией уехали служащие и рабочие основных специальностей, меня оставили за главного бухгалтера, велели приготовить все документы к отправке в тыл, в Татарскую АССР... Немцы были уже рядом в г. Луге, и путь был отрезан. 17 или 18 августа директор завода получил по телефону распоряжение вышестоящей организации: немцам архивных документов стеклозавода «Дружная Горка» и завкома не оставлять, а сжечь, что и было сделано 18 и 19 августа 1941 г. Сами рабочие стеклозавода возили на

лошадях документы завода, в том числе документы по личному составу отдела кадров, бухгалтерии, заводского комитета, и сжигали в топке электростанции завода. 25 августа 1941 г. в поселок Дружная Горка пришли немцы».

В конце 1951 г. филиал Центрального государственного архива НКВД Карело-финской ССР в городе Выборге был преобразован в Государственный архив Ленинградской области. И теперь райгосархивы Ленинградской области, в том числе и Гатчинский архив, должны были по истечении 10-летнего срока хранения передавать документы городских и районных организаций именно туда. Но комплектоваться Выборгский архив начал только в 1958 г., так как лишь к этому времени работникам областного архива удалось завершить разбор и систематизацию вернувшихся из эвакуации документов и подготовить площади и оборудование для приема документов из районных архивов Ленинградской области.

Гатчинский райгосархив в 60-е — начале 70-х

Первая передача документов из Гатчинского архива в областной была осуществлена только в ноябре 1960 г. заведующей райгосархивом Григорьевой Антониной Алексеевной (она заведовала архивом с 03.01.1960. по 01.05.1963.). К тому времени архив уже вышел из подчинения МВД и находился в ведении исполкома Гатчинского районного Совета и Архивного отдела Леноблисполкома (с марта 1969 г. — Архивного управления Леноблгорисполкомов).

До начала 1973 г. заведующие райгосархивом менялись довольно часто: с 14 мая 1963 г. архивом заведовала Никульшина Станислава Ивановна, в

сентябре 1966 г. ее сменила Сергеева Галина Васильевна, а уже в июне 1968 г. заведующей райгосархивом была назначена Лиски Сильва Ивановна, которая проработала в этой должности до 25 декабря 1972 г.

Согласно акту приема-передачи документов госархива, составленному 16.06.1968 г. при вступлении в должность заведующей С.И. Лиски, на хранении в архиве находилось 144 фонда документов постоянного срока хранения (управленческой документации) предприятий города Гатчины и района и документов по личному составу ликвидированных и действующих организаций (хранение документов действующих организаций осуществлялось на договорной основе). На 01.01.1972 г. в гатчинском райгосархиве на учете было 12 004 единицы хранения за 1935-1969 гг., в том числе: постоянного хранения — 8936 ед.хр. и 3068 ед.хр. по личному составу. Отчет о работе архива за 1971 г. позволяет говорить о разнообразной работе с организациями архивистов того времени. Судите сами, вот лишь несколько фрагментов из отчета зав. архивом С.И. Лиски за 1971 г.: «...подготовлено два выступления на заседаниях исполкома и два решения исполкома «Об организации и проведении смотра делопроизводства и архивов в сельских и поселковых Советах» и «Об итогах смотра»; проведено 3 методических совещания со специалистами колхозов и совхозов по делопроизводству», 3 методических совещания по делопроизводству с секретарями сельских и поселковых Советов; подготовлено выступление на радио об архивном деле в организациях и учреждениях района, проведено обследование сохранности документов и состояния делопроизводства в 54 (!) организациях, оказана практическая помощь в обработке документов 16

организациям, проведена проверка по внедрению номенклатуры дел в делопроизводство 32 (!) организаций»... И это не считая работы по приему документов от организаций, передаче документов в областной архив и исполнению запросов граждан и организаций (запросов, правда, в то время было совсем немного — всего 63 положительных справки за год)! А ведь штат райгосархива в 1971 году — 2 человека: заведующий да архивариус!

Благодаря нелегкому труду прежних работников, по собранным и сохраненным ими архивным документам специалистами архивного отдела, краеведами, представителями организаций, органов власти проводится сегодня разнообразная исследовательская деятельность, ведь за «сухими» цифрами, распоряжениями и приказами — судьбы людей, наших земляков.

70-е годы — время реформ

Начало 1970-х гг. — время серьезных преобразований в области архивного дела. Еще с середины 1960-х гг., благодаря общей тенденции объединения горисполкомов с райисполкомами и ликвидации последних, большинство райгосархивов становятся городскими государственными архивами с сохранением своих функций на территории всего района.

Гатчина с районом не были объединены, но следуя принципу единообразия, гатчинский райгосархив с 1 апреля 1972 г. на основании распоряжения исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся от 23.03.1972. № 242-р был предан из ведения райисполкома в структуру исполкома Гатчинского городского Совета депутатов трудящихся и с этого времени стал именоваться Гатчинским городским государственным архивом.

В том же 1972 г., в соответствии с

распоряжением Леноблисполкома от 24.02.1972. №153-р «О мерах по дальнейшему улучшению архивного дела в РФ» в районных центрах области при райгорисполкомках стали образовываться объединенные междуведомственные архивы (ОМВА) документов по личному составу организаций и предприятий города и района (включая ликвидированные), т.е. документов, необходимых для исполнения запросов граждан о стаже работы и заработной плате за прошлые годы и имеющих срок хранения, как правило, 75 лет. Целью создания архивов по личному составу было наиболее полное удовлетворение социально-правовых интересов граждан и обеспечение сохранности документов по личному составу.

1 ноября 1972 г. решением исполкома Гатчинского городского Совета народных депутатов от 26.10.1972. №220 был образован Объединенный междуведомственный архив по личному составу при исполкоме Гатчинского городского Совета народных депутатов. Исполком Гатчинского райсовета принял решение от 14.09.1972. №374 «Об организации Объединенного междуведомственного архива по личному составу при Гатчинском райисполкоме». Оба вновь образованных архива разместились в том же помещении (это была 17-метровая комната), что и гатчинский государственный архив, по адресу: ул. Красная, д. 17.

Заведующей гатчинским госархивом в начале 1973 года была назначена Шендеровская Вера Федоровна, которая уже имела опыт архивной работы; заведующей городским архивом по личному составу стала Мелехова Галина Григорьевна, а районный архив возглавила Бернацкая Людмила Петровна. Работа архивов по личному составу началась с приема фон-

Шендеровская Вера Федоровна – заведующая гатчинским государственным архивом с 1955 по 1960 гг. и с 1973 по 1988 гг. В должности специалиста архивного отдела администрации г. Гатчины проработала до 2001 г.

Мелехова Галина Григорьевна – заведующая Гатчинским городским междуведомственным архивом по личному составу с 1973 по 1993 гг. В должности специалиста архивного отдела администрации г. Гатчины проработала до 1997 г.

дов по личному составу из госархива. Городской архив по личному составу принял от госархива 44 фонда (2442 единицы хранения), а районный архив – 84 фонда (1745 единиц хранения). Параллельно шла работа по комплектованию архива документами действующих организаций и предприятий: ра-

ботники архива разъясняли руководителям гатчинских городских и районных учреждений, почему важно сохранить документы по личному составу, и убеждали передавать эти документы за небольшую плату на хранение и для использования в гатчинские архивы по личному составу. Как вспоминает заведующая гатчинского архива Г.Г. Мелехова, «все сдавали документы с удовольствием, потому что места для хранения документов на предприятиях не было, помещения были маленькие». Жизнь гатчинских архивов, которые до 1978 г. продолжали совместное существование, осложнялась тем, что за столь короткий промежуток времени архивам пришлось четырежды (!) «сменить свою прописку». Вот как об этом вспоминает Галина Григорьевна Мелехова, бессменная заведующая гатчинского городского межведомственного архива по личному составу: «В здании на Красной улице, где архивы находились в 1973 г., располагались и медицинские учреждения, которым вскоре понадобилось помещение, которое занимали архивы. В мае 1974 г. Гатчинский горисполком предоставил архивам временное помещение в полуподвальном помещении жилого деревянного двухэтажного дома по улице Урицкого, 12. Это была комната 16 м² под архивохранилище и 6 метров – рабочее место. Конечно, это помещение было совершенно не приспособлено под архив, да и крысы в нашем подвале бегали: откроешь коробку – а там крыса. [Из справки о работе архива от 23.09.1975. для заседания коллегии архивного управления Леноблисполкомов: «Помещение сырое, влажность 90%, температура воздуха +16, помещение полностью забито документами, документы размещены в коробках на полу, стеллажи отсутствуют»]. Конечно, то, что архив

ул. Красная, д. 17.

На первом этаже этого здания в 17-метровой комнате до 1974 г. располагались Гатчинский городской государственный архив и архивы по личному составу – городской и районный

ул. Урицкого, д. 12.

В полуподвальном помещении этого здания (зарешеченные окна) в комнате 16 м² временно располагались гатчинские архивы в 1974-1975 гг.

«Егерская будка»

на ул. Хохлова напротив Березовых ворот.
В этом здании в 1975-1976 гг. находились гатчинские архивы

ул. Володарского, д. 34.

В этом блочном жилом доме в 3-х комнатной квартире на первом этаже (зарешеченные окна) с 1976 по 1978 гг. располагались гатчинские архивы

д. Б. Колпаны, ул. 30 лет Победы, д.5.

В этом доме Гатчинский районный междуведомственный архив по личному составу с 1978 по 1998 гг. занимал две 3-х комнатные квартиры на первом этаже (окна справа и слева от входной двери)

пр. 25 Октября, д.2 (ныне территория Гатчинского молочного завода). В этом здании с 1978 по 1996 гг. находились Гатчинский городской государственный архив и Городской архив по личному составу (с 1993 года объединенные и преобразованные в архивный отдел администрации города Гатчины)

находился в деревянном жилом здании, создавало постоянную угрозу документам. И тогда для архивов нашли новое помещение – отдельно стоящее здание по улице Хохлова («Красная будка» – егерский домик). Все три архива помещались в одной комнате и пристройке для скота. Помещение по условиям оказалось немногим лучше, чем прежнее: постоянно стояла вода. И вновь архивам предстоял переезд. Перевозили документы на тракторе, а поскольку борта у трактора были низкие, мы, работники архива, боялись, что коробки с документами могут упасть, и бежали за трактором, контролируя, чтобы все документы доехали до нового места. Теперь архивы переезжали на Володарского, д.34, в трехкомнатную квартиру 5-этажного блочного жилого дома, там еще была кирпичная пристройка под встроенный милицейский опорный пункт. Одна комната была отдана госархиву, вторая – архиву по личному составу, а в третьей расположился районный архив. Вот в таких комнатушках и ютились...»

Наконец, в 1978 г. районному архиву была выделена 3-х комнатная квартира (площадь архивохранилища составила 43 м²) в жилом 5-этажном панельном доме в д. Большие Колпаны по улице 30 лет Победы, д. 5, кв. 61. Городские архивы в том же 1978 г. переехали в каменное двухэтажное здание на проспекте 25 Октября, д. 2 (ныне это территория молочного завода). Гатчинский госархив и архив по личному составу расположились в помещениях общей площадью 75 м² на первом этаже этого здания. С этого времени гатчинский госархив, архив по личному составу города и районный архив начинают свое автономное существование.

Период стабильности

С 1978 г. до начала 90-х гг. прошлого тысячелетия в жизни гатчинского государственного архива и городского архива по личному составу период относительной стабильности: помещение под архивы достаточно большое (вскоре после переселения в здание на территории молзавода площадь архивов была еще увеличена за счет освободившихся помещений на втором этаже здания), штат архивов укомплектован и, самое главное, стабилен: госархивом по-прежнему руководит Вера Федоровна Шендеровская, рядом трудится и набирается опыта молодой специалист – инспектор Лиски Татьяна Сергеевна; междуведомственным архивом заведует Галина Григорьевна Мелехова. И хотя оба архива имеют статус самостоятельных учреждений, работники городских архивов живут и работают очень дружно: вместе ездят с проверками и с целью оказания методической и практической помощи в организации города и района, вместе берутся за обработку документов, совместно занимаются обустройством архивных помещений – делают ремонт, устанавливают стеллажи, приобретают архивные коробки... Галина Григорьевна с благодарностью вспоминает секретаря исполкома Гатчинского городского Совета народных депутатов Капиталину Константиновну Васькову, которая курировала городские архивы. К ней, говорит Галина Григорьевна, всегда можно было обратиться за помощью по любому вопросу – Капиталина Константиновна оперативно и, как правило, положительно решала любые насущные проблемы архивов.

Лихие 90-ые

В начале 90-х годов областной государственный архив в г. Выборге из-

за недостатка площадей прекращает принимать от городских государственных архивов управленческую документацию, и гатчинский госархив, по сути дела, становится архивом с постоянным составом, а это значит, что свободные архивные площади быстро начинают сокращаться. Реорганизация государственных предприятий, пришедшая также на начало 90-х годов, приводит к тому, что и городской междуведомственный архив по личному составу тоже быстро начинает комплектоваться документами ликвидированных в результате акционирования государственных предприятий. К тому же архив по личному составу, который с момента образования содержался за счет денежных средств, поступавших от предприятий за хранение и использование документов, оказался в катастрофическом положении, поскольку предприятиям платить было нечем. Администрация города (в ноябре 1991г. исполком горсовета был ликвидирован – была создана администрация города Гатчины) взяла архив по личному составу на бюджетное содержание. А в мае 1993 г. в соответствии с Решением 17-ой сессии Гатчинского городского Совета народных депутатов от 21.05.1993 Гатчинский городской государственный архив и Гатчинский объединенный междуведомственный архив по личному составу были объединены в архивный отдел администрации города Гатчины. Заведующей отделом была назначена Лиски Татьяна Сергеевна. Архивный отдел городской администрации принял от госархива 62 фонда управленческой документации (5847 ед. хранения постоянного срока хранения за 1976-1991 гг.), а от гатчинского городского объединенного междуведомственного архива по личному составу – 112 фондов (14337 ед. хранения за 1938-1990 гг.).

В середине 90-х гг. Гатчинскому молочному заводу в связи с расширением производства потребовались помещения, которые занимал Гатчинский архив. Новое помещение для городского архива нашлось не сразу – работникам архива вместе с главой администрации города С.С. Богдановым пришлось обойти несколько адресов предполагаемой дислокации архива, прежде чем нашлось подходящее помещение. Архив решено было разместить в одном из освободившихся производственных помещений Гатчинской трикотажной фабрики. Помещение оказалось большим, но совершенно не приспособленным под архив: полы имели большой крен (а металлические стеллажи можно установить только на ровную поверхность), освещение, да и температурный режим не соответствовал требованиям хранения документов на бумажной основе – помещению требовался серьезный ремонт. Все заботы о ремонте взял на себя инициатор переселения архива – молочный завод. В конце 1996 года архивный отдел администрации города Гатчины переехал в новое помещение по адресу: Красноармейский проспект, дом 11-б. К этому времени городской архив насчитывал 214 фондов (в т.ч. 69 – постоянного хранения), около 25 тыс. единиц хранения (из них 8,5 тыс. ед. хранения – управленческой документации).

В 1997 г. администрация города Коммунар, получившего еще в 1993 г. статус города районного подчинения, создает в своей структуре архивный отдел. Заведующей отделом назначают Чернову Татьяну Викторовну. В 1998 г. архив Коммунара принимает от архивного отдела администрации МО «Город Гатчина» управленческую документацию Коммунарского поселкового Совета; гатчинский рай-

Красноармейский пр., д. 11-б.

Здание одного из цехов бывшей трикотажной фабрики. Сегодня в этом здании на территории гатчинской оранжереи находится архивный отдел Гатчинского муниципального района (районный архив)

онный архив передает Коммунару фонды по личному составу учреждений г. Коммунара: исполкома и Коммунарского потребительского общества.

Таким образом, к 1998 г. на территории Гатчинского района действуют 3 муниципальных архива: архивные отделы администраций г. Гатчины и г. Коммунара и гатчинский районный архив по личному составу.

Гатчинский районный архив по личному составу

Гатчинский районный междуведомственный архив по личному составу, получивший в 1978 г. постоянную прописку в д. Большие Колпаны, не может похвастаться таким же постоянством штатного состава, как городские архивы. За первое десятилетие своего существования архив сменил несколько руководителей: после Бернацкой Людмилы Петровны руководителем районного архива в феврале 1977 г. стала Алехина Татьяна Александровна (под ее руководством осуществлялся переезд архива на новое место), а уже в сентябре 1978 г. ее сменила Панкратова Раиса Семеновна. В

ноябре 1982 г. заведующей районным архивом была назначена совсем юная, 19-летняя, Александрова Инна Николаевна.

О работе районного архива в период с 1972 по октябрь 1987 гг. мы можем судить лишь по немногочисленным учетным документам архива: спискам и делам фондов, книгам приема документов, планам и отчетам, по ежегодному паспорту архива. Уже к началу 1981 года площадь архивохранилищ была заполнена на 90%. К концу 1981 года по списку фондов в архиве числилось 173 фонда, 9252 единицы хранения. Несмотря на то, что архив из-за недостатка площадей почти не комплектуется (оставлен резерв — примерно 10% площади — на случай ликвидации каких-либо организаций), в 1984 году штат райархива увеличивают; на должность инспектора районного междуведомственного архива принимают Иванченко Аллу Васильевну. Оба молодых сотрудника не имеют ни специального архивного образования, ни опыта работы, но рьяно берутся за дело: проведена полная проверка архивных фондов, в результате которой выявлены непрофильные документы (например, нотариальные), обнаружены документы, принадлежащие учреждениям других (смежных) районов (Ломоносовскому, Лужскому). Все эти документы возвращены по принадлежности. Молодые специалисты архива пытаются наладить связь с учреждениями района: руководителям всех крупных предприятий разосланы письма с требованием в кратчайшие сроки назначить в учреждениях экспертные комиссии и разработать номенклатуры дел. Архивисты начинают выезжать в организации района с тем, чтобы не только проверить, как обеспечивается хранение документов на местах, но и оказать предприятиям

района методическую и практическую помощь в организации ведомственного хранения документов. Кроме того, заведующая архивом И. Александрова начинает работу по усовершенствованию научно-справочного аппарата фондов (пишет исторические справки, перерабатывает описи), приводит в порядок учетную документацию архива. В конце 80-х годов штатный состав архива вновь меняется: И.Н. Александрову как молодого перспективного руководителя переводят в отдел по комплексному экономическому развитию, а на должность заведующего в 1987 г. назначают Иванову Ирину Петровну, в 1988 г. на работу в архив принимаются Серова Елена Николаевна и Мефодьева Мария Ивановна, которые по сей день трудятся на архивном поприще.

К 1988 г. степень загруженности архивохранилищ достигла 100%. Остро встал вопрос о расширении архивных площадей. В 1991 г. Райисполком выделяет архиву еще одну трехкомнатную квартиру в Больших Колпанах. Здесь самое время вспомнить тех людей, без реальной помощи и моральной поддержки которых архиву было бы просто не выжить: это председатель Райисполкома Анатолий Алексеевич Ледовских и секретарь исполкома Вера Анатольевна Селезнева.

Параллельно с оборудованием архива (установкой стеллажей, противопожарной и охранной сигнализации, приобретением архивных коробов) начинается прием документов от организаций.

В начале 90-х гг. районный архив по личному составу испытывает те же проблемы, что и городской архив: сложное финансовое положение предприятий-источников комплектования архива приводит к недостаточному финансированию архива, и испол-

ком районного Совета берет райархив на бюджетное содержание.

90-е гг. — время перемен во всех сферах жизни нашего государства. Государственные предприятия акционируются — мудрые, ответственные руководители спешат передать в архив государственную часть документации. Начинаются пенсионные реформы: хлынул поток посетителей, желающих подтвердить колхозный стаж, который раньше не засчитывался в общий стаж работы при начислении пенсии; старшее поколение спешит подтвердить свою работу в тылу в годы Великой Отечественной войны, поскольку это дает прибавку к пенсии... У архивистов значительно прибавилось работы — штат архива увеличивается.

К середине 90-х гг. районный архив вновь начинает испытывать дефицит площади: ликвидируются большие предприятия, прекращают свое существование многочисленные частные предприятия, созданные в начале 90-х гг. Кроме того, гатчинский районный объединенный междуведомственный архив по личному составу — единственный в Ленинградской области архив, не получивший статус отдела в структуре администрации. Но чтобы получить это право, необходимо было принять от городского архива фонды постоянного хранения всех районных организаций. Но это было невозможно опять-таки из-за отсутствия архивных площадей.

Поиск нового помещения привел архивных работников в здание, где уже около 2-х лет находился архивный отдел городской администрации — на Красноармейский проспект, д.11-б. Руководство районной администрации принимает решение арендовать у города помещение, расположенное параллельно городскому архиву. В конце 1998 г. после ремонта и установки

оборудования районный архив переехал на новое место. С 1 января 1999 г., согласно распоряжению главы администрации МО «Гатчинский район» от 22.12.1998. № 300-р, районный междуведомственный архив преобразован в архивный отдел администрации. К моменту образования архивного отдела по учетным данным в архиве числилось 244 фонда по личному составу, 25445 единиц хранения за 1924-1998 гг. В течение ближайшего времени архивному отделу предстояло принять от городского отдела свыше 9000 единиц хранения управленческой документации за 1976-1997 гг.

И вот, как когда-то в далеких 70-х гг., архивы города и района вновь под одной крышей, чтобы вместе решать общие задачи по обеспечению сохранности документов города и района и помогать людям подтверждать свои имущественные права, права на пенсионное обеспечение, социальные льготы и компенсации.

Архив на Красноармейском

1999 г. для работников городского и районного архивов очень напряженный: начинается передача фондов от города району — процедура трудоемкая, длительная, требующая большого внимания и ответственности. Летом 1999 г. этот процесс внезапно прерывается трагической гибелью заведующей городским архивом Лиски Татьяны Сергеевны. На ее должность назначают Яковлеву Татьяну Эдуардовну. Но, поскольку у нового заведующего недостаточно опыта, ответственность за передачу документов берет на себя 67-летняя В.Ф. Шендеровская. Завершается передача документов только к концу 1999 г.

Одновременно с работами, связанными с приемом документов: картонированием (укладкой документов

в архивные короба), наклеиванием ярлычков на них, рациональным размещением документов в архивохранилище — специалисты районного архивного отдела ежедневно работают над исполнением запросов граждан и организаций. Наряду с привычными запросами по личному составу теперь в архив поступают и запросы иного характера: о правоустанавливающих документах на землю и строения, о регистрации предприятий и их ликвидации и т.п. Если архив по личному составу не имел плана комплектования (документы поступали в архив в случае ликвидации того или иного предприятия), то теперь у архивного отдела появился жесткий график приема управленческой документации, упорядочения документов в организациях-источниках комплектования и утверждения и согласования описей. А эти виды работы требуют регулярных выездов специалистов в организации и на предприятия Гатчинского района. Первые же проверки показали, что подавляющее большинство организаций-источников комплектования не имеют номенклатур дел и инструкций по делопроизводству, экспертные комиссии учреждений работают формально, ответственные за делопроизводство на предприятиях и в организациях нуждаются в четких инструкциях и обучении основам научно-технической обработки документов. Архивный отдел района включает в план работы семинары по обучению ответственных за архив и делопроизводство в учреждениях и в течение 2001-2003 годов, несмотря на все увеличивающийся поток справок, проводит обучающие семинары для специалистов администраций поселков и волостей, сельхозпредприятий, для предприятий торговли.

В это же время архивный комитет Санкт-Петербурга и Ленинградской

области начинает внедрять в работу архивных отделов области новые учетные документы: реестры описей, новую форму сведений о составе и количестве единиц хранения, чуть позже — листов фондов, что повлекло за собой фронтальную выверку имеющихся в архивах учетных документов, проверку наличия и состояния дел многих фондов. В архивах вводится должность главных хранителей фондов. В гатчинском городском архиве на эту должность назначают Архангельскую Татьяну Альбертовну, в районном — Серову Елену Николаевну, а в Коммунарковском — Филатову Галину Викторовну.

Архивный комитет Санкт-Петербурга и Ленинградской области ежегодно проводит обучение специалистов архивных учреждений области. Знания и накопившийся опыт позволяют работникам гатчинских архивов успешно вести не только привычную для архивистов работу, такую как: переработка описей, усовершенствование научно-справочного аппарата к описям дел, объединение фондов, но и осваивать новые виды работы: создание фондов личного происхождения, оформление выставок по документам архива, проведение экскурсий, уроков по профориентации для учащихся гатчинских школ. Налаживается сотрудничество с исследователями и, в первую очередь, — с гатчинскими краеведами. Так, частым гостем в гатчинском архиве становится краевед, корреспондент газеты «Гатчинская правда» Владимир Николаев, известный своими статьями, посвященными истории нашего края. Услугами городского и районного архива не раз пользовались: краевед Владислав Кислов, врач, отдавший много лет здравоохранению города и района, выпустивший немало книг, посвященных изучению

Краевед Николаев Владимир Иванович работает в архиве над историей гимназии им. К.Д. Ушинского (2013 г.)

Гатчины и развитию здравоохранения нашего города; Андрей Бурлаков, в прошлом директор Пушкинского музея в Суйде, организатор Гатчинского муниципального музея, музея дачного быта в Сиверской, автор многочисленных публикаций, посвященных краеведению, а теперь еще и организатор Краеведческих чтений, вот уже два раза проводившихся в Гатчинском районе. В качестве исследователей нередко стали выступать руководители и сотрудники различных гатчинских учреждений (например, большинство детских садов города и района восстанавливали историю своих учреждений по документам, находящимся в муниципальных архивах города и района). Работники архивов и сами начинают публиковать свои небольшие исследования в местной печати и краеведческих альманахах.

Особо хочется сказать о фондах личного происхождения. Первые фонды личного происхождения появились в архивном отделе администрации города Коммунар — это фонды старейших жителей Коммунара, участников Великой Отечественной войны: Сердюченко Антонины Александровны, Моисеевой (Якуничевой) Зинаиды Ивановны, Башкеева Андрея Федоровича, Романова Михаила Эльпидифоровича. Чуть позже, в 2008г., бесценный дар

городскому архиву сделал гатчинский краевед Николаев Владимир Иванович: он передал в архив документы (фотографии, воспоминания, письма, творческие документы и др.) поэта Куликова Владимира Ивановича и его матери Куликовой Антонины Семеновны, Буша Андрея Христофоровича — заслуженного учителя школ РСФСР и Тараненко Константина Архиповича — ветерана Великой Отечественной войны, почетного гражданина города Гатчины. Документы личного происхождения дают возможность работникам архива разнообразить привычные формы использования архивных документов: оживить выставочную работу, сделать более интересными экскурсии. Новые перспективы открываются и перед пользователями архива.

Думается, что в домашних архивах наших земляков, особенно старшего поколения, сохранилось немало интересных документальных материалов (фотографий, писем, дневниковых записей, вырезок из местной печати), которые, будь они в муниципальном архиве или музее, дополнили бы наши знания о тех или иных событиях в жизни родного края, а, может, открыли бы и новые, ранее не известные страницы.

Архив в 21 веке

К середине первого десятилетия XXI века хранилища районного архива оказываются занятыми более чем на 90%. Вновь встает вопрос об увеличении архивных площадей. Но вместо поиска новых помещений под архивохранилища решено использовать новое, более современное оборудование — перекатные стеллажи, которые дают возможность на тех же площадях разместить в полтора раза больше документов, чем прежде.

Благодаря поддержке управляющей делами Волковой Татьяны Ивановны, которая с 1991 г. курирует работу районного архива, администрация Гатчинского муниципального района в лице главы администрации Александра Петровича Худилайна, принимает решение о ремонте одного из хранилищ, поскольку новое оборудование требует идеально выровненной поверхности полов. Документы из хранилища приходится временно вывезти в арендованное помещение на территории бывшей трикотажной фабрики. Ремонт длится несколько месяцев, все это время гатчинцы, увы, не могли воспользоваться услугами архива по восстановлению стажа и выборке зарплаты по целому ряду фондов, поскольку доступа к документам не было.

За время ремонта в первом хранилище произведена стяжка пола, установлены стеклопакеты, заменена электропроводка и пожарное оборудование. Когда были установлены перекатные стеллажи и на них расположились коробки с документами, работать в обновленном светлом помещении стало намного комфортнее.

С 1 января 2006 г. города Гатчина и Коммунар становятся муниципальными образованиями поселенческого уровня, и архивные отделы преобразуются в сектора, но все функции, присущие муниципальным архивам, они пока сохраняют. Более того, областным законом от 29.12.2005. № 124-оз «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Ленинградской области отдельными государственными полномочиями Ленинградской области в сфере архивного дела» администрации МО «Город Гатчина» и МО «Город Коммунар» также, как администрация Гатчинского муниципального района, наделены от-

Хранилище №1 до ремонта

дельными государственными полномочиями по хранению, комплектованию, учету и использованию архивных документов, относящихся к собственности Ленинградской области. Эти полномочия подкреплены денежными субвенциями из области.

Однако в 2009 г., согласно приказу архивного комитета Ленинградской области от 09.07.2009. № 12 «О передаче архивных документов, относящихся к собственности Ленинградской области, в ГУ «Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге», управленческая документация из архивных секторов администраций МО «Город Гатчина» и МО «Город Коммунар» по 1996 г. включительно отправляется в ЛОГАВ. Правда, часть документов (в частности, документы Гороно и ЦРБ) удалось все-таки оставить в архиве или передать ближайшему соседу – архивному отделу районной администрации, поскольку без информации, содержащейся в них, невозможно было бы делать справки о льготном стаже педагогических и медицинских работников). На местах остаются только документы, отнесенные к муниципальной собственности. Лишенные серьезной денежной дотации из областного бюджета, городские архивы испытывают некоторые финансовые затруднения. Коммунар

сокращает штатную численность сотрудников архивного сектора, а администрация города Гатчины принимает решение о ликвидации архива и передаче документов в архивный отдел администрации Гатчинского муниципального района. В 2010 г. районный и городской архивы объединились.

Все жаркое лето 2010 г. сотрудники обоих архивов, районного и городского, провели за тяжелой работой по проверке наличия и передаче документов. Районная администрация взяла на себя ремонт одного из архивных помещений бывшего городского архива, а городская администрация приобрела перекатные стеллажи для отремонтированного архивного хранилища.

Планы и перспективы развития районного архива

Сегодня архивный отдел администрации Гатчинского муниципального района – самый крупный из районных архивов области: на 1 января 2013 г. по учетным документам в архиве числится 438 фондов, из них – 292 фонда по личному составу; 3 фонда личного происхождения и 2 коллекции: «Пушкинский праздник на Гатчинской земле» (документы переданы отделом культуры администрации Гатчинского муниципального района) и «Почетные граждане города Гатчины» (фонд образован на основе документов, переданных краеведом В.И. Николаевым). Всего в архиве 90529 ед. хранения, из них - 67960 ед.хр. по личному составу.

За год специалисты архива делают порядка 4000 справок.

Ежегодно в архив поступает около тысячи дел постоянного хранения от организаций-источников комплектования. По личному составу план комплектования не предусмотрен, поскольку в соответствии с Федеральным законом №125-ФЗ от 22 октября 2004 г. «Об ар-

Работники архивного отдела (слева направо): ведущий специалист Мефодьева Мария Ивановна, главный специалист Архангельская Татьяна Альбертовна, главный специалист архивного отдела Серова Елена Николаевна, начальник архивного отдела Иванова Ирина Петровна, ведущий специалист Новикова Наталья Сергеевна, главный специалист Борисовец Наталья Владимировна, главный специалист Антипова Елена Анатольевна

Мастер класс для архивных отделов области «О порядке учета фондов при присоединении фондов по личному составу», проведенный архивным отделом администрации ГМР для специалистов муниципальных архивов области 23 марта 2006 г.

хивном деле в Российской Федерации» все учреждения хранят документы по личному составу на месте в течение 75 лет; досрочно в архивы документы поступают только в случае ликвидации организации. Но поскольку ежегодно предприятия, увы, ликвидируются, то и документы по личному составу в архив поступают каждый год. Так, только за 2012 г. в архивный отдел районной

администрации поступило 5082 ед.хр. по личному составу, большая часть из которых принадлежала Гатчинскому ДСК, после череды реорганизаций прекратившего свое существование.

Сегодня в штате архива 7 человек: начальник отдела, 4 главных специалиста и 2 ведущих. Круг обязанностей работников архива достаточно широкий: прежде всего – это исполнение запросов граждан и организаций, но не менее важной стороной деятельности архивных работников является работа по ежегодному комплектованию архива и обеспечению сохранности документов, их скрупулезному учету. Кроме того, специалисты архивного отдела консультируют и оказывают методическую и практическую помощь не только ответственным за делопроизводство и архив учреждений, с которыми сотрудничают на постоянной основе, но и всем, кто заинтересован в обеспечении сохранности документов своих предприятий. В практику архивистов вошла и закрепилась как эффективная форма проведения выездных мини-семинаров по вопросам делопроизводства и обеспечения сохранности документов для специалистов различных учреждений Гатчины и района.

Все более разнообразными становятся и формы использования документов. Если раньше мы готовили выставки только в архиве, то с 2010 г. стали практиковать и выездные выставки. Так, в год учителя в комитете образования была организована подготовленная совместными усилиями специалистов комитета и архивного отдела выставка, состоящая из трех частей: «Судьбы, опаленные войной» (к 65-летию Победы – по воспоминаниям и автобиографиям учителей города и района), «К 100-летию заслуженного учителя школ РСФСР А.Х. Буша» и

Ученики 6-го класса 4-й средней школы (кл. руководитель Додон Л.Г.) на экскурсии «Гатчинский район в годы Великой Отечественной войны» (2006 г.)

Фрагмент выставки в приемном помещении архива, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне

экспозиция документов о педагогическом образовании в дореволюционной России и в 20-30-е гг. XX века.

Сегодня в планах архивного отдела, прежде всего, ремонт и оборудование оставшихся хранилищ и, по мере возможности, перепланировка приемного помещения с целью оборудования читального зала и более удобного зала ожидания, а также благоустройство территории у входа в архив.

С приобретением мощного сканера появится возможность постепенно цифровать распорядительные документы и создавать электронный архив управленческой документации, что

значительно ускорит исполнение запросов имущественного характера.

В ближайшие год-два архивисты планируют завершить работу над справочниками-путеводителями по фондам постоянного хранения и по личному составу.

А еще очень бы хотелось, чтобы руководители гатчинских предприятий обращались в архив не тогда, когда подписаны ликвидационные документы и предприятию предписано сдать документы в архив, а когда организация только начинает свою деятельность и есть возможность грамотно и своевременно организовать упорядочение документов постоянного и длительного хранения и законно избавиться от документов, не имеющих какой-либо ценности и утративших свое практическое назначение, а также обеспечить надежное хранение документов своего предприятия.

Конечно, небольшим организациям из-за тесноты в офисах бывает сложно разместить с каждым годом увеличивающееся количество документов, но теперь в Санкт-Петербурге есть немало коммерческих архивов, которые осуществляют на договорной основе депозитарное хранение и использование документов. Возможно,

и в Гатчине когда-нибудь будет такое архивное учреждение, которое предложит небольшим учреждениям свои услуги. Ну, а уж солидным, уважающим себя предприятиям, необходимо в своем штате иметь архивариуса и такую структурную единицу как архив.

Закончить цикл статей об истории гатчинского архива нам бы хотелось стихотворением поэта-корчагинца Леонида Ивановича Куликова, фонд которого есть в нашем архиве:

Архив

Годы мчатся торопливо,
Ветры времени шумят.
И спускается в архивы
Документов листопад.
Там живут приметы века,
Беды, радости, труды,
Письма, думы человека,
Краткой молнии следы.
Наша память вянет быстро
Все течет — таков закон.
Но спасают архивисты
От забвения бег времен.
Документы молчаливы,
Но история сама
Начинается с архива,
Где века легли в тома.

ИМЕНА В ИСТОРИИ

*Царская Россия – вера в подвиг ратный,
В торжество и славу мудрого правления,
Небом данный свыше жребий благодатный
Родине великой честного служения.*

С. Бехтеев

400-летие Дома Романовых

В ПАМЯТЬ О РОМАНОВЫХ И ИХ СВЯТЫХ ПОКРОВИТЕЛЯХ

Алена Тришина

Часть 1. Царственные землевладельцы

Династия, в переводе с греческого, — это власть, господство. «От Михаила — до Михаила»... Так говорят о правлении династии Романовых, которое продолжалось более 300 лет: с февраля 1613 г. по март 1917 г. Михаил Федорович Романов (1596-1645 гг.) — первый государь из династии Романовых, венчание на царство которого состоялось в Москве в июле 1613 г. Михаил Александрович Романов (1878-1918 гг.) — младший брат Николая II, которому отрехнувшись от престола за себя и за сына император передал право принять решение о вступлении на престол для дальнейшего управления Россией. Приехав в столицу из Гатчины, великий князь Михаил Александрович 3 марта 1917 г. в Санкт-Петербурге подписал акт отречения от верховной власти.

С ноября 1917 г. Михаил Александрович находился под домашним арестом в Гатчине. В марте 1918 г. из Гатчины его увезли в Пермь, и в ночь 13-го июня недалеко от Перми сотрудниками Пермской чрезвычайной комиссии Михаил Александрович был убит вместе со своим секретарем Н. Джонсоном. Якобы, из-за возможности организованного побега.

За написание статьи в защиту проживавшего под надзором в Гатчине великого князя Михаила Александровича

(опубликовано в газете «Молва» 22 июня 1918 г.), был арестован другой гатчинец: Александр Иванович Куприн. Продержав несколько дней в заключении (с 1 до 4 июля), писателя отпустили, и он снова вернулся в свой гатчинский дом — к семье. Однако в ноябре 1919 г. вместе с отступающими частями армии Юденича Куприны Гатчину покинули: отсюда начался их путь в эмиграцию.

Революции, Белая гвардия, Красная армия, Гражданская война — трагические страницы политической истории России первой четверти XX века. Страницы, россыпью фактов отмеченные в истории Гатчины. Это связано с принадлежностью данной земли представителям династии Романовых, длительным и разнообразным пребыванием как взрослых, так и детей, именно здесь.

Землевладение... История благоустройства и развития территории, расположенной к юго-западу от строящегося Петербурга, началась в начале XVIII века, когда Петр I (1672-1725 гг.) начал раздавать эти земли своим родственникам, государственным деятелям и приближенным. Так, в 1712 г. гатчинскую мызу с 23-мя деревнями в подарок от царя получила его сестра Наталья Алексеевна (1673-1716 гг.).

В 1713 году Куровицкая мыза Копорского уезда была пожалована сыну Петра I Алексею (1690-1718 гг.). При царевиче в с. Рождествено

выстроены деревянные дворец и Рождественский храм. После казни Алексея, Петр I подарил Рождественно своим племянницам Прасковье и Екатерине. Согласно указу Екатерины II, Рождественно стало уездным городом (1780-1797 гг.). Однако император Павел I отменил данное решение, городские права предоставив своим владениям — Павловску и Гатчине.

После смерти цесаревны Натальи Алексеевны владельцами Гатчины, как «аптекарского огорода», поочередно были придворные медики Р.К. Арескин и И.Л. Блюментрост. В 1726 г. Екатерина I останавливалась в Гатчине: здесь провели «Гатчинскую машкараду» и охоту, отмечая проводы в Курляндию племянницы Петра I Анны Иоанновны.

Императрица Елизавета Петровна (1709-1761 гг.) любила охотиться в окрестностях Гатчины, весьма богатых дичью. Согласно преданию, для нее устроили путевой дворец в местечке Дылицы (впоследствии — п. Елизаветино).

Дворяне Куракины в 1734 г. гатчинское поместье получили во владение от императрицы Анны Иоанновны (1693-1740 гг.). В 1765 г., выкупив Гатчину у семьи Куракиных, Екатерина II (1729-1796 гг.) подарила Ропшу, Лигово и Гатчину своему фавориту Григорию Орлову (1734-1783 гг.). В орловский период по проекту А. Ринальди в гатчинском имении выстроен Дворец, распланирован парк, в котором появились первые сооружения. В парке начались обильные посадки взрослых деревьев, на глади водоемов появились искусственные острова. В Гатчину Екатерина II и ее свита приезжали для увеселений и охоты, здесь принимали именитых гостей. Так, в 1773 г. (15.06) во Дворце устроили «домашний» обед в честь приезда в Россию ландграфини

Г.К. Дармштадской, одна из трех дочерей которой должна была стать супругой сына Екатерины II великого князя Павла Петровича (1754-1801 гг.). Правда, жениха на обед не пригласили: гостей принимали Екатерина II и граф Г. Орлов. После смерти Г.Г. Орлова Гатчина перешла в казну.

В августе 1783 г. вышел указ Екатерины II «Об отдаче мызы Гатчино во владение Его Императорскому Высочеству Князю Павлу Петровичу». Этот подарок сыну от матери был в честь рождения в его семье дочери Александры (1783-1801 гг.). Предоставив своей второй супруге — Марии Федоровне — возможность заниматься Павловском, великий князь начал преобразование Гатчины. Согласно его вкусу и желаниям «охотничье» имение все более принимало вид обустроенного на европейский лад небольшого образцового города, в котором установлен военно-дисциплинарный порядок. Для этого Павел Петрович обзавелся собственными воинскими подразделениями, численность которых через 10 лет составляла около 2-х тысяч человек. Вахт-парады, маневры, учения, строительство мини-крепостей... Главным помощником в гатчинской армии цесаревича стал А.А. Аракчеев (1769-1834 гг.). Гатчина и Павловск — это личные резиденции Малого Двора, т.е. семьи Павла Петровича.

Сто тридцать четыре года (в 1783-1917 гг.) Гатчина была собственностью российской императорской семьи. Сначала как великокняжеская резиденция, а затем (наряду с Царским Селом и Петергофом) — одна из официальных загородных императорских резиденций. Все царственные владельцы не жалели средств на содержание и развитие гатчинского дворцово-паркового ансамбля, уделяя внимание и благоустройству города.

Коллекцию Дворца называли «пригородным Эрмитажем», в гравюрах и картинах, на рисунках и фарфоре, в фотографиях отражены облик меняющейся Гатчины и гатчинская жизнь ее владельцев.

Не претендуя на полноту обзора и не увлекаясь цитатами, предлагаю тематическую подборку некоторых исторических фактов в связи с памятной датой 400-летия Дома Романовых.

Имена в Доме Романовых

Прежде всего, некоторое размышление об именах. Понятно, что имя новорожденному определяют весьма сознательно. Согласно православной традиции, имя выбирают в святцах, тем обретая покровительство вполне конкретного святого, о чем не должны забывать НИКОГДА!

Перелистываю сборник: «На золотом крыльце... Династия Романовых: Биографический и библиографический справочник» (Санкт-Петербург, 2007, 226 с.: илл.). В подзаголовочных данных указано: «К 400-летию Дома Романовых». Книга, автор-составитель которой И.В. Алексеева, подготовлена под общей редакцией директора ГМЗ «Павловск», а прежде директора ГМЗ «Гатчина» Н.С. Третьякова. Как указано в аннотации, «Рукопись книги получила высокую оценку Президента фонда Романовых князя Николая Романова».

Из всех книг, о которых я знаю, это действительно наиболее полный и достоверный по материалам биографический справочник. Хотя и в нем имеются опечатки.

Итак, Романовы: от Михаила — до Михаила, в данном сборнике — по алфавиту имен и отчеств. Выписываю имена царей и императоров, цариц и императриц, а также их ближай-

ших родственников, размещая текст в хронологической последовательности. Так, кроме прежде упомянутых мной царственных особ, Михаил (1798-1849 гг.) — младший сын императора Павла I и его супруги императрицы Марии Федоровны. Михаил (1832-1909 гг.) — младший сын императора Николая I и его супруги императрицы Александры Федоровны; Михаил Михайлович (1861-1929 гг.) — внук Николая I.

Согласно официальной хронике, правители России в 1613-1917 гг. — это 22 представителя династии Романовых. В том числе, соправители. Если не считать Софью Алексеевну (она самолично приняла на себя обязанности регентши при двух малолетних братьях-царевичах и не была коронована), Анну Леопольдовну (которая была регентшей недолго), Константина Павловича и Михаила Александровича (практически не управлявших государством), всего лишь 18 представителей из Дома Романовых, согласно праву династической власти, титулованы были как цари и императоры, императрицы. Почему же не популярным было имя для русского царя — Михаил?! Почему? Ведь «Михаил» — в честь Архангела и Архистратига Святого Михаила, покровителя небесного воинства. Михаил (древне-евр.) — это «кто равен Богу», «подобный Богу»! И символично, и значимо. Не прижилось...

Заглядывая в святцы, можно найти и по несколько одинаковых имен разных небесных покровителей, но... Традиционно: Александром мальчика называли в честь Александра Невского, имя Николай давали в честь Святителя Николая, а Ольгой называли девочку в честь Святой Равноапостольной Княгини Ольги. Петр и Павел — в честь Святых Первоверховных Апостолов, Мария, Анна, Иоанн... Известные библейские имена.

Приведенные ниже толкования имен взяты из книг: «Толковый месяцеслов с объяснениями имен и молитвами Ангелу Хранителю» (М, 1996) и Олейникова Т. «Твое православное имя» (М, 2010).

Наиболее популярные в семье Романовых мужские имена: Алексей (греч.) – «помощник, заступник, предотвратитель». Иоанн (древне-евр.) – «благодать Господня». Петр (греч.) – «крепкий, как камень, скала»; а Павел (римск.) – это «малый, маленький». Александр (греч.) – «защитник», «муж, мужественный». Николай (греч.) – «побеждающий народ», «народный победитель». Константин (римск.) – «стойкий, постоянный, твердый».

Наиболее популярные в семье Романовых женские имена: Мария (древне-евр.) – «госпожа, надежда», «любимая, желанная». Анна (древне-евр.) – «благодать, милостивая», «грация, миловидность». Наталия (римск.) – «родная, природная». Екатерина (греч.) – «надежда истинная, вечно чистая», «чистая, благопристойная». Елисавета (древне-евр.) – «клятва Божия, присяга», «почитающая Бога». Александра (греч.) – «помощь мужественная», «защитница, отгоняющая». Елена (греч.) – «избранная или свет», «факел, светлая, солнечная».

Как можно заметить, наиболее популярные женские имена в семье Романовых со времени Екатерины II и позже – Мария, Анна, Екатерина, Елизавета. Наиболее популярные мужские имена – Алексей, Петр, Александр, Николай, Константин и Михаил.

Смысл имени... Поскольку царь – это избранник Божий, можно понять, почему в царской семье предпочтение отдавали именам, согласно смысловому значению наиболее отражающим данную тему. Память о святых

покровителях была закреплена и в российской системе наград, большинство из которых были именованными: орден Св. Андрея Первозванного, орден Св. Александра Невского, орден Св. Владимира, орден Св. Георгия, орден Св. Анны. Ордена получали Романовы и за заслуги, и по праву рождения (орден Св. Екатерины), к случаю и в честь какого-либо события.

Как и многие русские семьи XVII – XX вв. семья Романовых была многочисленна. Во время коронации Павла I (5 апреля 1797 г., в Москве) был издан Указ – «Учреждение об императорской фамилии», который обеспечивал непрерывность престолонаследия. Этим фундаментальным законом были установлены правила, которые соблюдали все последующие правители России вплоть до Александра III. Согласно Указу которого «О степенях родства в Доме императорском», подписанного 2 июня 1886 г., были внесены дополнения и изменения. В данном документе окончательно и очень подробно регламентированы все мельчайшие детали прошлых, настоящих и будущих взаимоотношений между членами династии Романовых, к тому времени уже значительно разветвленной. Главное условие: старший сын императора – это Наследник престола.

У Павла I было 4 сына (Александр, Константин, Николай, Михаил); Александр I сыновей не имел; у Николая I тоже было 4 сына, от которых династически были потомки с отчествами Александровичи, Константиновичи, Николаевичи и Михайловичи.

В подробнейшем исследовании Стаффана Скотта «Романовы: Биография династии» (М, 2006) сказано, что «в последующем поколении почти все мужчины рода Романовых бу-

дут потомками ветви Михайловичей», а именно внука Николая I, — великого князя Александра Михайловича и его супруги Ксении Александровны (дочери Александра III). Получается, что имя Михаил, кровно сохраненное, все же является наиважнейшим для династии Романовых!

Между прочим, если девяти детям великого князя Павла Петровича имена давала их бабушка — императрица Екатерина II, то порфирородного сына (то есть рожденного в семье императора Павла I) отец назвал ... Михаил! И построили в Петербурге Михайловский замок. А в правление Николая I выстроили для семьи младшего брата царя Михайловский дворец (ныне это Русский музей). Загородным помещением для великокняжеской семьи был Ораниенбаум, по завещанию матери Павловск также достался Михаилу.

Вспоминаете: Михаил — это «Подобный Богу»... Был Михаил Павлович человеком военным, дисциплинированным, но особенных заслуг не имел, да и семейное счастье обрести, говорят, не смог, имея красивую, умную, активную и всеми уважаемую супругу Елену Павловну, мать их 5 дочерей. Четверо из которых имели имена такие же, как и родные сестры Михаила Павловича: Мария, Екатерина, Александра, Анна. Вторую по старшинству дочь назвали Елизаветой — также из «Романовского» списка имен.

Следует напомнить, что родоначальником Михайловичей, чье древо разветвляется до сих пор, был самый младший племянник великого князя Михаила Павловича: а у него будет шесть сыновей и дочь Анастасия (т.е. «воскресшая, воскрешенная, возроденная»). Имя Анастасия (1901-1918 гг.) было и у младшей дочери Николая II, о судьбе которой существует леген-

да, будто она не погибла в момент расстрела царской семьи. Княжна «Воскресшая»... Не одна самозванка стала героиней кинофильмов и публикаций об Анастасии Николаевне, которую за веселость и жизнерадостность в семье называли «солнечным лучом».

Имя, память, судьба... В 1981 г. зарубежная Русская православная церковь канонизировала семью Николая II и всех убитых в доме Ипатьева — в лике мучеников. В России же Николай II и его близкие канонизированы в 2000 г. — по чину страстотерпцев.

Часть 2. Память о Романовых в Гатчине и окрестностях

Изучая старинные топографические карты Гатчины, можно понять, сколько произошло изменений. Чехарда переименований, конечно же, имеет в основе политический элемент корректировки и «стирания» памяти. Тем не менее, мы знаем, что Екатеринвердер (недостроенный комплекс зданий вблизи гатчинского Дворца) — это именно уголок в честь императрицы Екатерины II. А гатчинский Мариенбург, условно говоря, «город Марии» — то есть жены Павла I.

Платформа «Татьянино» названа в честь дочери Николая II, которая в годы 1-й мировой войны была сестрой милосердия, свою заботу и денежные средства употребляя на пользу обществу.

Топонимика... Улицы Гатчины, названные в честь представителей семьи Романовых: Маринская (с 1820 г., ныне — ул. Киргетова), Александровская (с 1872 г., ныне — ул. Володарского), Елизаветинская (с 1872 г., ныне — ул. Достоевского), Константиновская (с 1872 г., ныне — ул. Радищева), Николаевская (с 1883

г., ныне – ул. Урицкого).

Улицы Гатчины, которые были названы в честь детей Александра III, то есть братьев и сестер императора Николая II: Георгиевская (с 1901 г., ныне – ул. лейтенанта Шмидта), Михайловская (с 1901 г., ныне – ул. Красная), Ксенинская (с 1901 г., ныне – ул. Леонова) и Ольгинская (с 1901 г., ныне – ул. Чехова).

К 100-летию города Гатчины по просьбе жителей города Большой проспект был переименован в проспект императора Павла I. Это название было официальным в 1896-1917 гг., после Октябрьской революции главную улицу Гатчины переименовали в проспект 25 Октября.

Памятники

В год 50-летия со дня смерти Павла I на площади перед гатчинским Дворцом состоялось открытие памятника императору Павлу I (ск. И. Витали, автор пьедестала арх. Р. Кузьмин). Это произошло 1 августа 1851 г. в присутствии членов императорской фамилии и свиты, а также многочисленных подразделений войск. Данное событие красочно запечатлено на нескольких художественных картинах, которые ныне находятся в музейных фондах.

В год 30-летия со дня смерти Александра II, то есть в 1911 г., памятник этому императору торжественно был установлен в деревне Чикино. /см. фото в книге: Лучинский А.А., Никитин Н.В. «Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге. Комментированное и дополненное переиздание книги 1910 года». (Луга, 2012, с. 60)/.

Храмы

В списке храмов, прежде и теперь расположенных на территории Гатчины и Гатчинского района, можно заметить многократное повторение некоторых имен святых покровителей членов семьи Романовых: Петр и Павел, Александр, Николай. Конечно же, это не случайность: храмы и часовни строили во здравие живущих и в память об умерших.

Храм святого благоверного князя Александра Невского был построен в д. Александровка (1790-1794 гг.). Вновь освящен 10 сентября 2011г.

Каменное здание Лютеранской кирхи Святых Апостолов Петра и Павла (1800 г., арх. А. Захаров; ныне действ.) было построено в Колпанах по указу Павла I. В память об императоре Петре I (30.05.1672-28.01.1725), правнук которого был император Павел, и в память об императоре Петре III (10.02.1728-05.07.1762), – отце Павла I.

Из книги «История финской евангелическо-лютеранской церкви Ингерманландии» (СПб, 2012, с. 293): «12 июля 1789 г. состоялась закладка каменной церкви свв. апостолов Петра и Павла, но вскоре строительство было остановлено. Продолжилось оно лишь при императоре Павле I в конце 1799 г.

По местным легендам, в том месте, где стоит церковь, находился охотничий домик Петра III, в котором он любил отдыхать. У лесника (шведа) была приемная дочь, 18-летняя красавица Мария Сюкияйнен, возлюбленная императора, родившая ему сына, нареченного при крещении Павлом. В это же время императрица Екатерина родила мертвого ребенка от русского офицера Салтыкова. Петр III уговорил Марию отдать сына на воспитание во дворец. Впоследствии мальчик

стал императором Павлом I. На месте своего рождения в память о родителях он приказал построить эту церковь. (...) Церковь освятили 2 февраля 1802 г., в 1889 г. ее перестроили».

Историческая неточность: как известно, родился Павел Петрович в 1754 г., в это время Петр Федорович был великим князем и Екатерина — великой княгиней. А императрицей России была Елизавета Петровна! Вот такие оговорки в тексте новой книги...

Многое (и ныне сохранившееся) было построено в Гатчине, когда владелицей этого края была вдовствующая императрица Мария Федоровна, известная своей благотворительностью, а также строительством богоугодных и учебных заведений. Так, более 20 лет приходским храмом Гатчины была церковь Святого апостола Павла (с 1823 г.), находившаяся в здании городского госпиталя (ныне — здание Администрации МО «Город Гатчина», храм не сохранился).

В гатчинском Сиротском доме (ныне — гимназия им. К.Д. Ушинского) была открыта Церковь Святого благоверного князя Александра Невского. Храм был освящен 23 ноября 1826 г. — в годовщину памяти об императоре Александре I (12.12.1777-19.11.1825).

Еще в 1794 году на главной улице города великий князь Павел Петрович повелел возвести деревянную церковь для военных (протестантов и католиков). Строительство каменного здания кирхи Святого Николая вели уже при Марии Федоровне: в 1825-1828 гг. (проект — арх. Д.И. Квадри, изменения — арх. А.М. Байков; ныне действ.). Было это в годы правления императора Николая I — самого любимого, пожалуй, сына Марии Федоровны.

Собор Святого Апостола Павла. (1846-1852 гг., арх. Р.И. Кузьмин; ныне действ.) — главный городской храм,

возведен по велению Николая I в честь Святого апостола Павла, — в память об императоре Павле I (20.09.1754-12.03.1801). Строился собор на средства, отпущенные из государственного казначейства, освящен 29 июня 1852 г. — в день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла.

Композиционным центром города стал Павловский собор, задуманный как храм-памятник Павлу I, Марии Федоровне (14.10.1759-24.10.1828), их детям Константину (27.04.1779-15.06.1831) и Елене (13.12.1784-12.09.1803), в память о святых покровителях которых были освящены приделы храма. По просьбе гатчинцев осенью 1852 г. император Николай I возобновил праздник перенесения Мальтийских святынь из Петербурга в Гатчину.

По распоряжению императора Павла I возле гатчинского дворца были построены Большие конюшни (арх. В. Бренна и А. Захаров). В 1830-х гг. конюшни были перестроены (арх. К. Висконти) под казармы для размещения Кирасирского полка. В марте 1861 г. в присутствии императора Александра II и его семьи состоялось освящение полкового храма — в честь Святителя Николая и в память императора Николая I (25.06.1796-18.02.1855). В память спасения царской семьи при крушении поезда в Борках (1888 г.) в храме был установлен киот с образом Спасителя, а на мраморном постаменте была укреплена позолоченная доска с надписью об этом событии.

Немало церквей, построенных на собранные населением деньги, было посвящено событиям, связанным с династией Романовых. Так, в память чудесного избавления от грозившей опасности Александру II (покушение 4.04.1866 г.) в Гатчине была построена часовня Иосифа, Георгия и Зосимы

(1866 г., арх. Р.И. Кузьмин). При советской власти в 1926 г. часовню снесли, и на этом месте был установлен памятник В.И. Ленину.

В память об императоре Александре II (17.04.1818-01.03.1881) были построены два гатчинских храма. В Егерской слободе Гатчины по распоряжению Александра III выстроена церковь Покрова Пресвятой Богородицы (1886-1888 гг., арх. Д.И. Grimm; ныне действ., освящение храма состоялось через месяц после спасения царской семьи при крушении поезда близ Харькова). В Гатчине на городском кладбище построили Церковь во имя Всех Святых (1889 г., арх. Н.В. Дмитриев; ныне ведутся восстановительные работы). Этот храм был построен на средства, собранные жителями Гатчины.

Проект петербургского храма Воскресения Христова (впоследствии именуемого «Спас на крови») император Александр III подписал в Гатчине 1 мая 1887 г. Авторы проекта храма, выстроенного на месте, где смертельно ранили Александра II, это архитектор А. Парланд и архимандрит Игнатий. Кстати, шотландец Альфред Парланд был сыном Джона Парланда, который являлся преподавателем английского языка в семье Павла I. Как все взаимосвязано: люди, события, факты!

События... В память спасения царской семьи во время крушения поезда в Борках (17.10.1888 г.) построены: Церковь Святых апостолов Петра и Павла (1889 г., п. Сиверский; ныне действ.); Часовня святых мучеников и безсеребренников Косьмы и Дамиана (1892 г., д. Выра; восстановлена в 1987 г.); Церковь Святых апостолов Петра и Павла (1906-1908 гг., п. Вырица; ныне действ.).

В честь рождения Цесаревича Алексея (30.07.1904-17.07.1918, - сына Николая II) построен Храм Святителя

Алексия Митрополита Московского (в п.Тайцы: 1904-1906 гг., деревянный; в 1913-1916 гг.. каменный храм выстроили в связи с празднованием 300-летия Дома Романовых; ныне действ.).

В 1913 г. в честь 300-летия Дома Романовых построили: Церковь Преображения Господня (1912-1913, арх. А.П. Аплаксин, п. Сиверский, освящена 4 августа 1913 г.; в 1938 г. храм закрыли, ныне в здании находится автомастерская); Церковь святых апостолов Петра и Павла (1913 г., в п. Карташевская; храм сгорел, ныне ведутся восстановительные работы); Храм Казанской иконы Божией Матери (1913-1914 гг., в п. Вырица, освящен 6 июля 1914 г.; ныне действ.).

В Гатчине находилось подворье Вохоновского Пятогорского Богородицкого женского монастыря, на территории которого построили Храм Покрова Божией Матери (1904-1914 гг., арх. Л.М. Харламов; освящен 8 октября 1914 г.; ныне действ.). Здание возводилось по благословению Иоанна Кронштадского первоначально на средства купца 3-й гильдии К.К. Карпова, а впоследствии и других жертвователей. В частности, брат Николая II великий князь Михаил Александрович в качестве частного лица внес 3 тысячи рублей. Главный придел собора освящен в честь Покрова Пресвятой Богородицы, правый придел — в честь Святого благоверного князя Александра Невского и в память Александра III (26.02.1845-20.10.1894), левый придел — в честь Святого Николая Чудотворца.

Торжественное освящение домового церкви во имя Святой Живоначальной Троицы при Гатчинском Реальном училище состоялось 18 декабря 1911 г. Храм был устроен на втором этаже здания, вход в него был через акто-

вый зал, в котором находился киот с образом Святого благоверного князя Александра Невского.

В Гатчине не построено...

Для кавалеров Ордена Иоанна Иерусалимского и для хранения Мальтийских святынь предназначен был монастырь Святого Харлампия (не построен: 1800 г., арх. А. Захаров). Этот монастырь Павел I задумал посвятить святому Харлампию, в день памяти которого родился его отец — будущий император Петр III (10.11.1728-05.07.1762). В 1800 году (9 ноября) император Павел I издал Указ о построении монастыря в Гатчине. Чертеж утвержден собственноручной надписью: «Быть по сему». Постройку не удалось осуществить из-за смерти Павла I.

Подробнее о строительстве Харлампиева монастыря можно узнать из сборника, подготовленного сотрудниками ГМЗ «Гатчина»: «В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций». Материалы X научной конференции 22-23 ноября 2012 г. (СПб, 2012). Два выступления на конференции были посвящены этой теме: 1). Каргапольцев С.Ю., Каргапольцев М.Ю., Семенов В.А. Археологические исследования на месте начального этапа строительных работ монастыря Св. Харлампия в Гатчине. 2). Яцук Н.М. Харлампиев монастырь — нереализованный замысел Павла I.

Между прочим, в 1845 г. свой проект главного храма Гатчины, то есть собора Святого Апостола Павла, на конкурс представлял архитектор А.П. Брюллов. Однако, «Александр Павлович Брюллов довольно рано отошел от практической деятельности. Николай I отвергал работы зодчего.

Брюллов А.
Проект соборной церкви в Гатчине. 1845 г.

Отвергнуты три варианта проекта храма в Гатчине из-за несоответствия их архитектуры официально признанному «русско-византийскому» стилю» (см: Оль Г.А. Александр Брюллов. Л, 1983, с. 134-135).

В 1898 г. художник Михаил Васильевич Нестеров (1862-1942 гг.) получает предложение расписать церковь Александра Невского в Абастумане. Это заказ для одного из членов императорской семьи. Конкретно, для Великого князя Георгия Александровича (27.04.1871-28.06.1899) — сына Александра III. Брат императора Николая II, наследник-цесаревич с 1894 г. подолгу жил вдали от Петербурга. С юности Георгий страдал болезнью легких, в последние годы большую часть времени проводил в своем имении Абастуман (около Тифлиса), где и скончался от чахотки. Похоронен в Петербурге, в Петропавловском соборе.

Любил Абастуман и Великий князь Георгий Михайлович (11.08.1863-

29.01.1919) — внук Николая I. Поскольку он с 1895 г. являлся управляющим Русским музеем Императора Александра III, ему было о чем поговорить с художником М.В. Нестеровым, который в 1899-1904 гг. исполнял заказ по росписи абастуманского храма, время от времени приезжая туда.

В свой первый приезд художник познакомился с Георгием Александровичем, который произвел на него хорошее впечатление. Ранняя смерть цесаревича и болезненное состояние дочери М. Нестерова Ольги угнетали художника. Кроме того, строительные огрехи и просчеты строителей, неурядицы со сметой...

Из книги: Нестеров М.В. Воспоминания (М., 1989, с. 273): «При изменившемся положении в Абастумане Свиный задумал обесценить абастуманский храм, созданный талантливым Симансоном. Он бранил Симансона, говорил, что храм недолговечен, о чем намекал вел. кн. Георгию Михайловичу и императрице Марии Федоровне — «старухе», как он называл императрицу за глаза. И, подготовив почву, думая встретить во мне соучастника, сообщил мне свою счастливую мысль — доложить государю и императрице-матери о безнадежном положении абастуманского храма, предложить им построить, по образцу Зарзмской церкви, другой — лучший — в Гатчине, поблизости дворца. Такой храм должен был не только сохранить память о наследнике, но своим видом напоминать о нем августейшей матери. Я должен поддержать такой проект, потому что я же и распишу гатчинскую церковь. Мне выгодно это тем, что не надо будет жить где-то в скучном Абастуманском ущелье, я буду «на виду» и т.д.

Свиному казалось все делом легким. От предложения я наотрез отка-

зался, о чем и написал простодушному вятскому мужичку... Все же я доверил ему загрузку церковных стен...».

Храм Александра Невского в Абастумане, роспись которого М. Нестеров считал своей неудачей, открыт и поныне. Восстановлен был храм Зарзмского монастыря, являющийся его прототипом. Образец православного храма в грузинском стиле, как память о Георгии Романове, в Гатчине построен не был.

Гатчинские учебные заведения

Из книги Т.Ф. Родионовой «Гатчина: страницы истории» (Гатчина, 2006, с. 144): «Список учебных заведений города, существовавших в два первых десятилетия XX в., выглядит весьма внушительно. Первоначальное обучение грамоте и счету могли получить все желающие, так как в городе было около двух десятков различных начальных училищ: пятиклассное городское, высшее начальное, четырехклассное железнодорожное, двухгодичная школа для православных эстонцев, лютеранское училище, двухклассная школа при семинарии, трехклассное приходское училище, несколько школ и училищ при благотворительных обществах. Существовало и более десятка частных начальных училищ и школ».

Если частные учебные заведения именовали по фамилии их организаторов, то казенные учебные заведения имели право претендовать на именное покровительство Дома Романовых.

В мае 1803 г. по личному указанию вдовы Павла I императрицы Марии Федоровны был открыт Гатчинский Сельский воспитательный дом. В 1837 г. данное учебное заведение было преобразовано в Сиротский институт для мальчиков из офицерских и чиновничьих семей (ныне в зданиях бывшего

института размещены два учебных заведения: гатчинская школа-интернат и гимназия им. К.Д. Ушинского). Гатчинский сиротский институт имел программу Реального училища и готовил чиновников для государственных учреждений.

В марте 1855 г. Александр II подписал Указ «О именовании Николаевскими сиротских институтов Санкт-Петербургского, Московского и Гатчинского» – в память скончавшегося императора Николая I (25.06.1796-18.02.1855).

В 1848 г. (30.09) утверждено «Положение о женском пансионе при Гатчинском Сиротском институте императорского воспитательного дома». В 1867 году пансион был переименован в Мариинскую гимназию: в память об императрице Марии Федоровне (14.10.1759-24.10.1828) и в честь императрицы Марии Александровны (27.07.1824-22.05.1880) – супруги Александра II, которая возглавляла Ведомство Императрицы Марии. Ныне в этом здании (пр. 25 Октября, д. 18) находится Музей истории Гатчины (на 1-м этаже), и гатчинская вечерняя школа.

В 1871 г. было высочайше утверждено мнение Государственного Совета «Об учреждении новых учительских семинарий в Санкт-Петербургском, Московском, Казанском, Харьковском и Одесском учебных округах». Земская Учительская семинария (пр. Императора Павла I, д. 40) была открыта в Гатчине 15 октября 1871 г. Здесь готовили учителей для начальных школ. В 1911 г. (28.02.) император Николай II подписал указ «О присвоении Гатчинской учительской семинарии имени Императора Александра II».

Два царственных владельца из семьи Романовых более других посвяти-

ли преобразованию и благоустройству Гатчины: Павел I и Александр III. О чем гатчинцы не забывали, добиваясь присвоения имени каким-либо учреждениям в благодарность и в память. Так, было в Гатчине начальное училище имени императора Павла I (пр. Императора Павла I, д. 48). По случаю 100-летнего юбилея Гатчины в 1896 г. жителями города было подано прошение об учреждении реального училища имени Императора Александра III. В 1898 г. (10.01) высочайше было утверждено мнение Департамента государственной экономии Государственного совета «Об учреждении в городе Гатчине Реального Училища»: «Учредить с 1 июля 1898 г. в городе Гатчине шестиклассное Реальное Училище с приготовительным классом и с основным отделением в V и VI классах».

В 1898 г. (15.07.) состоялась торжественная закладка здания Гатчинского Реального Училища в присутствии императрицы Марии Федоровны и великой княжны Ольги Александровны. Официальное открытие гатчинского Реального училища состоялось 4 октября 1898 г., правда, учебные занятия вначале проходили в частном доме С.П. Веревкина. Ученикам Реального училища имени Императора Александра III было дано разрешение иметь на фуражках над заглавными буквами названия города и училища знак «А» с императорскою над ним короной.

К ноябрю 1900 г. завершили строительство двухэтажного каменного здания на Люцевской улице (ныне – ул. Чкалова, д. 2: это 4-я средняя школа), автором проекта Реального училища был архитектор Гатчинского дворцового управления Н.В. Дмитриев. 20 декабря 1900 г. в присутствии ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны и великого князя

Фото с акварели А. Бегрова.
Реальное училище в Гатчине. 1908 г.

Михаила Александровича состоялось освящение здания. В классах разместили портреты императора Николая II и членов его семьи, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая стала шефом этого учебного заведения.

Еще одна страница из биографии императрицы Марии Федоровны: она была шефом лейб-гвардии Кирасирского полка, расквартированного в Гатчине. Этот факт, правда, является сюжетом из военной истории России, и к заявленной в названии данной статьи темы имеет лишь косвенное отношение.

В 1901 г. в Реальном училище училось 150 учеников, обучение было платным, но для беднейших 6-ти учеников учредили стипендии имени Веры Николаевны фон Дервиз. Вдова

действительного статского советника пожертвовала для этого проценты с капитала в пять тысяч рублей.

Из журнала «Зодчий» за август 1901 г.: «Рядом с Реальным училищем выстроено 3-х этажное здание для квартир служащих, а именно: 1) квартира директора; 2) инспектора; 3) наставников и письмоводителя». Как учебное заведение, Гатчинское Реальное училище по своей значимости было вторым после Сиротского института. Главное внимание при обучении уделяли математике, физике, химии, естествознанию. Выпускники получали право на поступление в технические институты.

Единая Советская трудовая школа II ступени имени В.И. Ленина — так называлось бывшее Реальное училище в 20-е гг., с 1949 г. — это 4-я средняя школа г. Гатчины.

Старинные здания и учреждения Гатчины... В мае 2013 г. исполняется 210 лет со дня основания Сиротского института, недавно 140-летие отметил Педагогический колледж (продолжающий традиции воспитания будущих учителей), осенью 2013 г. исполняется 115 лет со дня открытия Реального училища. В прошлом году отметили 160-летие со дня освящения Павловского собора, в этом году — круглая юбилейная дата Дома Романовых. Историческая память — в летописи и жизни как прошлой, так и современной Гатчины.

«...ВОТ Я И ОПЯТЬ В НАШЕЙ МИЛОЙ ГАТЧИНЕ...»

Елена Кочерова

В 1865 г. великий князь Александр Александрович после неожиданной смерти своего старшего брата Николая становится наследником русского престола. Он унаследовал и невесту брата, юную датскую принцессу Дагмар (Дагмара по-датски «утренняя заря», аналог имени Аврора), в которую страстно влюбился с первого взгляда. В октябре 1866 г. она становится его женой и при крещении получает имя Марии Федоровны. Брак ее с великим князем Александром Александровичем, несмотря на то, что их отношения завязались при таких скорбных обстоятельствах, оказался удачным. Один за другим в семье появляются дети: Николай, Георгий, Ксения, Михаил, Ольга. В отличие от своего отца, Александр III был приверженцем крепких семейных уз. А может быть, ему просто повезло с женой: его Минни оказалась кладезем достоинств. У редкой женщины хватит такта и терпения одновременно заботиться о муже, уважать императора и почти тридцать лет оставаться для него «самой интересной и интригующей женщиной». Так или иначе, но современники в один голос поражались редкой нежности их отношений, которую супруги сохраняли до самой смерти императора.

В 1881 г. в возрасте тридцати шести лет великий князь Александр Александрович после трагической смерти отца вступает на русский престол. Став императором, он большую часть времени отдает делам государственным. Министр финансов С.Ю. Витте в своих воспоминаниях писал:

«... у Императора Александра III было совершенно выдающееся благородство и чистота сердца, чистота нравов и помышлений. Как семьянин — это был образцовый семьянин; как начальник и хозяин — это был образцовый начальник и образцовый хозяин... был хороший хозяин не из-за чувства корысти, а из-за чувства долга. Я не только в Царской семье, но и у сановников, никогда не встречал того чувства уважения к государственному рублю, к государственной копейке, которым обладал Император... Он умел внушить уверенность за границу, с одной стороны, в том, что Он не поступит несправедливо по отношению к кому бы то ни было, не пожелает никаких захватов; все были покойны, что Он не затеет никакой авантюры... У Императора Александра III никогда слово не расходилось с делом. То, что он говорил — было им прочувствовано, и он никогда уже не отступал от сказанного им... Император Александр III был человек чрезвычайно мужественный».

Придворный этикет и церемониал при Александре стали гораздо проще. Он сильно сократил штат министерства Двора, уменьшил число слуг и ввел строгий надзор за расходованием денег. Дорогие заграничные вина были заменены крымскими и кавказскими, а число балов ограничено четырьмя в год.

У всех русских монархов, предшественников Александра III, были свои пристрастия в выборе резиденций. Были они и у Александра III: первые месяцы зимы семья Александра III

проводила в Петербурге в Аничковом дворце, летние месяцы — в Петергофе, откуда совершала недельную прогулку на яхте в финские шхеры, сентябрь — в Ливадии или Дании, октябрь — в Спале. Но любимым местом, где Александр III чувствует себя наиболее комфортно, ведя жизнь богатого помещика, становится Гатчина. Здесь он проводит позднюю осень, конец зимы и начало весны.

Гатчина с дворцом, напоминающим средневековый замок, подземным ходом, обширными парками, большими озерами, охотничьими угодьями, была самой отдаленной от Петербурга резиденцией. Дворец в Гатчине был построен итальянским архитектором Антонио Ринальди для князя Григория Орлова в годы правления Екатерины II. Вскоре Гатчина переходит во владение ее сына Павла Петровича и становится великокняжеской, а затем и любимой императорской резиденцией. Любимым местом Гатчина стала и для его правнука Александра Александровича, «...вот я и опять в нашей милой Гатчине, и ты не можешь себе представить, до чего я рад и как наслаждаюсь вырваться из этого кошмарного Петербурга», — писал он в одном из писем к своей жене. Дневники и обширная переписка, которую ведут все члены семьи, пестрят упоминаниями о Гатчине. «У нас здесь летняя погода, все зеленеет и становится прекрасным, и мы наслаждаемся нашим чудным парком и ежедневно катаемся на лодке с детьми, и нам здесь вполне хорошо и приятно. Это лучший момент в Гатчине...», — писала Мария Федоровна в письме к матери датской королеве Луизе.

Поселившись в Гатчине, Александр III начинает большие работы по благоустройству резиденции. В первую очередь это коснулось зверинца и оранжерей. При Александре III теплицы

дворцового сада стали состоять из 35 отделений, в 21 из них выращивали декоративные цветы, в остальных — виноград, землянику, абрикосы, персики, сливы. Еще при Александре II в 1857 г. в Гатчину из Петергофа была переведена царская охота. Зверинец занимал площадь около 400 гектаров и располагался к северу от Дворцового парка. Гатчинский зверинец был образцовым и в конце XIX в. В нем было 347 особей различных животных, которые содержались в загонах и на свободе. Оленей, ланей, кабанов и зубров доставляли из Беловежа. Неподалеку от зверинца находился Заячий ремиз. Это был достаточно большой участок, поросший кустарником, в загонах которого содержались зайцы, волки и лисицы.

По воспоминаниям современников, Александр III не был страстным охотником. Из всех видов охоты предпочитал охоту на оленя. «На этой охоте при восходе солнца он мог любоваться чудными картинами природы. На облаках он даже не всегда стрелял... стоя на номере, вырезал ножом фигуры и вензеля в коре деревьев и пропускал зверя без выстрела, только любуюсь на него, как на картину».

У Александра III было несколько собак. Особенно он любил лайку Камчатку, которую ему подарили матросы крейсера «Африка» в июле 1883 г. Дети часто упоминали ее в своих дневниках. В 1888 г. она погибла во время крушения царского поезда на станции Борки. Через несколько лет император писал: «...сегодня я воздержался кого-либо приглашать, в подобных случаях страшно не достает хотя бы собаки; все же не так одиноко себя чувствуешь, и я с таким отчаянием вспоминаю моего верного Камчатку, ведь это глупо, малодушие, а что же делать — оно все-таки так! Разве из людей у меня есть хоть один бескорыстный друг; нет и быть не

может, а пес может, и Камчатка был такой». Памятники Камчатке и другим любимым животным сохранились. Их и сейчас можно увидеть в Собственном саду под окнами комнат императора.

У правителя страны, занимавшей шестую часть суши, редко выдавались свободные от государственных забот часы, а уж тем более дни. Когда же такое случалось, Александр III наслаждался тихими семейными радостями. Любимая жена и дети составляли тот «департамент», делам которого он отдавался всей душой. При всей своей внешней строгости в отношении своих близких он неизменно оставался преданным семьянином и любящим отцом. Не только ни разу в жизни не тронул и пальцем детей, но и резким словом не обидел. Они росли под пристальным вниманием со стороны родителей в атмосфере самого блестящего в Европе императорского двора. С девяти лет у великих князей и княжон наступали годы учебы. По традиции великим князьям запрещалось обучение в казенных и частных учебных заведениях. Индивидуальная учебная программа включала обязательные предметы: математику, химию, физику, географию, астрономию, русскую словесность, русскую и всемирную историю, политическую экономию. Обязательным было изучение английского, французского и немецкого языков. В программу обучения входили рисование, танцы и игра на фортепиано, скрипке или флейте. Родители не допускали никаких поблажек в деле их воспитания. Для детей устанавливался строгий распорядок дня с ежедневными уроками, посещениями церковных служб, визитами к родственникам и обязательным участием в многочисленных официальных церемониях. Большое внимание уделялось физическому воспитанию. Николай, Георгий и Михаил учились фехтовать,

катались на лыжах и коньках, любили плавать, играли в теннис. Привлекал детей и велосипедный спорт. Во дворце был велосипедный парк, состоявший из трех- и двухколесных велосипедов английского и американского производства. Любимым отдыхом для детей, как свидетельствуют записи в великокняжеских дневниках, служили пешие прогулки и семейные пикники, до которых Александр III был большой охотник: «... в половине двенадцатого пошли к обедне, после которой Папа выпустил в сад 150 птиц, купленных для этого в Петербурге», «...пошли с матросами к маленьким прудам за Адмиралтейством. Наловивши там массу карасей, отправились к Карпичному пруду. Прошли неводом четыре раза и вытащили 30 огромных карасей, 11 щук и изобилие малявки...».

Императорская семья жила в Гатчине очень уединенно. «Живем мы здесь как кроты, вполне для себя, и только по воскресеньям даем большие обеды, а обычно обедаем здесь с двумя, самое большее — с тремя лицами из живущей здесь свиты», — вспоминала Мария Федоровна. Из придворных и свиты, кроме фрейлин графинь Кутузовых и Е.С. Озеровой, в Гатчине постоянно жили только: начальник охраны генерал-адъютант П.Л. Черевин, его помощник генерал П.П. Гессе, командир сводного гвардейского полка флигель-адъютант С.С. Озеров, другие чины охраны, врач Г.И. Гирш и воспитатели детей. Кроме того, в Егерской слободе зимой жил начальник императорской охоты Д.В. Голицын с семьей и ловчий В.Р. Диц. Очень часто и подолгу в Гатчине жил художник-любитель П.В. Жуковский, сын известного поэта. В гости на несколько дней приезжали в Гатчину министр Двора и уделов граф И.И. Воронцов-Дашков с супругой, князя В.С. Оболенский и В.А.

Шереметев с женами.

Несмотря на то, что Гатчинский дворец был самым большим в окрестностях Петербурга, а число помещений в нем достигало семисот, для аудиенции и официальных приемов использовались только парадные залы Главного корпуса, Арсенальный зал и комнаты первого этажа, и бельэтажа Арсенального каре. Личные помещения императорской семьи находились в низком сводчатом антресольном этаже, окнами они выходили частью в Собственный сад, частью — в «Голландию». «Мы вполне довольны быть здесь в Гатчине в наших прелестных маленьких комнатах, таких уютных, но более похожих на пароходную каюту. Саша любит свои маленькие, миниатюрные комнаты, в которых он кажется великаном», — вспоминала императрица. Стены комнат и современная мебель личной половины были обиты английским ситцем и кретоном, а полы застелены бархатными коврами. Среди картин преобладали произведения русских художников: А. Боголюбова, В. Поленова, Л. Лагорио и А. Бегрова. Приемные комнаты Александра III в бельэтаже были куда роскошнее. Здесь находилось много предметов мебели XVIII в., в том числе работы прославленного Д. Рентгена. Повсюду была бронза лучших парижских мастеров: часы, канделябры, вазы. Стены украшали фламандские шпалеры XVII века.

В обыденной жизни Александр III носил генеральскую тужурку (укороченное пальто), свободные блузы, брюки заправлял в сапоги, на голове — шотландская шапочка летом и барашковая без козырька, галунов и орла — зимой. Эти пристрастия императора в одежде послужили основой реформы обмундирования русской армии и флота.

Утром Александр III вставал в девятom часу и иногда отправлялся в сад

на недолгую прогулку, по возвращении принимал представлявшихся и министров с докладами. Мария Федоровна принимала доклады своего секретаря, главного управляющего ведомством императрицы Марии, начальниц институтов. Около часа семья собиралась к завтраку в маленькой столовой на личной половине, к которому приглашались ежедневно П.В. Жуковский и по очереди очень немногие из министров, имевших доклады в этот день, а также некоторые придворные. После завтрака Александр III закуривал большую сигару и пил кофе в гостиной жены. Затем он проводил часа два на воздухе, в парке. К обеду, длившемуся полтора часа, по очереди приглашались лица свиты, жившие в Гатчине, и иногда немногочисленные гости из Петербурга. Императорский день завершался очень поздно. С девяти часов вечера Александр III «уходил в ночное» — уединялся в кабинете, где работал далеко за полночь. В два или три часа ночи он изредка отправлялся на рыбную ловлю, скорее для прогулки, нежели по рыболовной страсти. «...Был я два раза на озере, ловил рыбу, но все еще холодно по ночам, и рыбы мало», — писал он жене.

По праздникам и воскресным дням все жившие в Гатчине и некоторые из более близких придворных, приезжавших из города, присутствовали в дворцовой церкви на обедне, потом их приглашали к завтраку в Арсенальном зале, занимавшем часть нижнего этажа Арсенального каре, где помещалась сцена с большим органом, на котором играли разные музыкальные пьесы. Тут и завтракали, и обедали, и проводили вместе день и вечер. За завтраком обыкновенно играл придворный оркестр, причем программа составлялась императрицей. К вечеру включали электрическое освещение, появив-

шея в Гатчине в 1881 г. (в Зимнем дворце — только в 1887 г.), и началась игра в «винт», «безик», разыгрывались бильярдные партии. Часто император, очень любивший музыку, играл с женой на фортепиано в четыре руки или исполнял на геликоне свои любимые пьесы. Семья Александра III была музыкальной. «Имperiалы», как тогда называли правящую фамилию в художественной среде, не только музицировали и посещали оперу, но и придумали совершенно особое развлечение — слушали спектакли по телефону. В дневнике наследника есть запись 1884 г. о прослушанной таким образом новой опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин», которая ему весьма понравилась.

Благодаря стараниям российского императора в конце XIX в. Гатчина стала официальной резиденцией и изменилась до неузнаваемости. В своей книге, посвященной столетию города, С.И. Рождественский отмечал безусловное влияние императора на благоустройство города: «При обзоре внешнего благоустройства Гатчины за тринадцатилетнее пребывание в ней государя-императора Александра III, очевидным представляется стремление покойного Монарха обеспечить цветущее благосостояние ее на далекое будущее. Это стремление выразилось в той систематичности производившихся улучшений, с которой предпринималось каждое новое сооружение и которой до 1881 г. Гатчина не знала. Только строго систематическое отношение к делу могло привести город к такому внешнему виду и санитарному состоянию, в каком Гатчина находится ныне».

В городе кипела жизнь: строились дома, школы, гимназии, больницы, развивалась благотворительность. Под покровительством императрицы Марии

Федоровны в 1883 году в Гатчине была открыта лечебница для хронически больных детей, а в 1886 — Дом попечения о хронически больных детях. В эти же годы были основаны Гатчинское благотворительное общество, Общество любителей природы, Общество попечения о народной трезвости и многие другие. Ранее основанные учебные заведения претерпели значительные реформы. Например, благодаря вниманию со стороны императрицы в эти годы Гатчинская женская гимназия расширила свой штат. Не менее значимым учебным заведением был Гатчинский сиротский институт имени императора Николая I. В Гатчинском институте в разное время преподавали Н. Шильдер и К. Ушинский. К концу царствования Александра III в Гатчине помимо Сиротского института существовали — женская гимназия и городское училище, земская учительская семинария, частные школы для начального обучения, профессиональное женское училище и церковно-приходская школа. Приоратский парк, открытый для свободного доступа еще в царствование императора Александра II, стал любимым местом отдыха горожан. При Александре III парк был приведен в образцовое состояние, был отремонтирован и Приоратский дворец.

Важным культурным событием для города и его жителей был ежегодный праздник «синих» гатчинских кирасир, проводившийся 9 мая в Николин день, так как полковая церковь была освящена в честь Николая Чудотворца. Обычно на праздник приглашались великие князья, генералы и гвардейские офицеры, съезжались все вышедшие в отставку полковые офицеры. К этому дню из дворцовых оранжерей доставляли для праздничного украшения померанцевые деревья. Утром на плацу перед Гатчинским дворцом выстраи-

вался весь полк в летней форме, имея на правом фланге трубачей. Для почетных гостей на плацу отводилось особое место, причем всем дамам вручались большие букеты роз, перевитые белыми и синими лентами (цветами полка). После молебна с акафистом и многолетием, старшие из присутствующих, налив водку в чарку, провозглашали несколько здравий за царя, царицу, наследника и за полк, причем каждая здравница сопровождалась криками: «ура» и оркестром. После команды «К церемониальному маршу!», полк проходил мимо гостей по плацу перед Гатчинским дворцом. Императрица Мария Федоровна в присутствии императора принимала парад, так как была назначена еще Александром II шефом двух гвардейских полков: лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка (31 мая 1880 г.) и Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка (2 марта 1881 г.).

До настоящего времени в Российских и зарубежных архивах сохранилось большое количество документов, дневников, отражающих разные моменты в повседневной жизни императорской семьи, но одними из самых достоверных остаются фотографии, поскольку они в буквальном смысле фиксировали «мгновенья жизни» императорской семьи, в том числе касающиеся пребывания во дворце и парке Гатчины.

Во второй половине XIX в. практически во всех городах России открываются фотоателье. Фотографии «императорской семьи и членов императорской фамилии» можно разделить на две группы, каждая из которых имела свою историю. К первой относятся официальные фотографии, работы профессиональных фотографов, а ко второй — любительские, выполненные

Цесаревич Александр Александрович и Цесаревна Мария Федоровна.
Фотограф С.Л. Левицкий. Петербург. 1865 г.

Великий князь Михаил Александрович, вдовствующая императрица Мария Федоровна, великие княжны Ксения и Ольга.
Фотограф А. Смирнов. Гатчина. 1900 г.

Император Александр III с Великим князем Михаилом Александровичем и учителями К. Хисом (справа) и Ф Тормейром (слева) у снежной крепости в Гатчинском парке.
Фотограф неизвестен.
Конец 1880 – начало 1890-х гг.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна с фотоаппаратом Kodak на прогулке.
Киев. 1916 г.

Императрица Мария Федоровна на полковом параде в Гатчине.
Фотоателье К.Е. Ганн и К в Царском Селе.
Начало XX в.

либо лично членами императорской семьи, либо лицами, входившими в их ближайшее окружение. Одним из общепризнанных мастеров фотографии не только в Европе, но и в России был Сергей Львович Левицкий. В 1867 г., после возвращения на родину, в Петербурге он открывает фотоателье с большим павильоном и особым отделением для увеличения портретов. В 1877 г. Левицкий получает звание придворного мастера, а его фотоателье называется «Фотографы Их Императорских Величеств «Левицкий и сын». В 1888 г. С.Л. Левицкий открывает фотомастерскую и в Гатчине, которую часто посещают члены императорской семьи. Работы С.Л. Левицкого имели большой успех, поэтому тиражировались и публиковались во всех официальных печатных изданиях в России и за рубежом. Для фотографирования императорской семьи на протяжении нескольких десятилетий в Гатчину из Петербурга приезжали и другие известные фотографы. В самой Гатчине в это время открываются и работают фотоателье «Кудрявцев и Ко», А. Борисова, М. Будунова, Н. Мелентьева и Д.Н. Сахновского. Они работали по заказам горожан, «светописали» город, иногда приглашались во дворец для фотографирования членов семьи императора Александра III. Свои работы они оформляли в виде альбомов. В счете фотографа Д.Н. Сахновского на сумму 372 рубля, поданном на имя вдовствующей императрицы Марии Федоровны, упоминаются: «... альбом снимков закладки детской лечебницы в г. Гатчине в июне 1898 г., альбом снимков парада Лейб-гвардии Кирасирского ЕВ Марии Федоровны полка 9 мая 1900г., снимки пребывания их Величеств в Гатчинском институте..., 20 видов Гатчины, 4 вида дворца, 1 вид дворца.»

На рубеже веков искусство фотографии становится общедоступным. Любительской съемкой увлеклись и члены императорской семьи, в частности, император Николай II и вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Александр III и Мария Федоровна подарили своим сыновьям Николаю и Георгию в 1886 г. одинаковые «фотографические аппараты, камеры с затворами внутренним и наружным, к ним по две кассеты для бумаги, по два парных объектива Штейнгеля «антипланет» и негативную бумагу на 20 снимков» по 178 руб 50 коп. комплект. По тем временам это была значительная сумма, приобретенные они были в Фотографической лаборатории «Варнерке и К». В 1891 г. Мария Федоровна покупает у склада фотографических принадлежностей К.И. Фреландта «1 камеру Макенштейна, объектив Штейнгеля». В 1893 г. Фабрика фотографических принадлежностей «Бруно Зенгер и К» поставляет императрице «камеру «Турист» и десять дюжин пластин Мюльера» и моментальную камеру «Луч», с шестью шторными кассетами». В 1896 г. в Депо фотографических принадлежностей Мария Федоровна покупает «камеру Мак-Келена, с объективом «Анастигмат Цейса» и складным штативом». С 1904 г. императрица переходит на фотоаппараты производства фирмы «Кодак», в это время она приобретает «аппарат Картридж Кодак № 4» и вплоть до 1917 г. использует для фотосъемки исключительно фотоаппараты производства фирмы «Кодак». Одним из любителей фотографирования был А.И. Смирнов. В 1880-е гг. он, специалист по электрооборудованию, работал в Гатчинском дворце. Смирнов не только много фотографировал, но и обучал великого князя Михаила Александровича искусству фотографии. Проявлялись пленки и пе-

Александр III на охоте. Конец 1880 -х гг.

Приемный кабинет императора Александра III в Гатчинском дворце. Гатчина. 1940 г.

чатались любительские фотографии в заведении Карпова в Петербурге.

В канун 400-летия Дома Романовых, по всей стране проводятся праздничные мероприятия, конференции, в музеях открываются выставки. Свой вклад в общие торжества внесла Гатчина. Музей истории города Гатчины представляет посетителям четыре фотовыставки, посвященные этому событию: «Празднование 300-летнего юбилея Дома Романовых», «Император Александр III и его семья», «Николай II. Семейный альбом», «Императоры тоже люди».

ПАМЯТКА КИРАСИР ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Составитель: Василий Пестряк-Головатый

Являясь коллекционером и краеведом, собираю все, что связано с историей Гатчины, т.е., фотографии, открытки, документы, указы, знаки, жетоны и предметы быта. Мне попалась уникальная книга воспоминаний офицеров-эмигрантов Кирасирского Ее Величества полка, изданная в Берлине 4 ноября 1927 г. с дарственной надписью автора А.А. Фон Баумгартена «Тебе столь любящему полку, не будет безразлична его история». Это именной экземпляр № 38, принадлежащий Константину Константиновичу Изразцову. Первое и единственное издание, прижизненное, тиражом в 50 экземпляров, является чрезвычайной редкостью. Это издание приобретено мною на аукционе, и оно находится в моей личной коллекции.

Фон Баумгартен Александр Александрович (1889-1955 гг.) — ротмистр, командир эскадрона лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка, полковник, помощник командира по хозяйству Сводно-Гвардейского эскадрона и Сводного полка Гвардейской Кирасирской дивизии, командир дивизиона в первом Гвардейском Сводно-Кирасирском полку. Тяжело ранен в 1919 г. В Русской армии помощник командира Гвардейского кавалерийского полка. В эмиграции жил в Константинополе, в Германии, с 1929 г. — в Бразилии. Уполномоченный Союза Инвалидов в Бразилии, товарищ председателя Общества Св. Владимира, на 1951 г. — заместитель старшего руководителя объединения лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка.

Изразцов Константин Константинович — чиновник МИД, произведен в офицеры за боевое отличие из вольноопределяющихся в 1915 г., штаб-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка, состоял при посольстве в Париже. В эмиграции жил во Франции, на 1921 г. — член объединения Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества полка. Из описания А. Савина становится понятно, что настоящая памятка была написана офицерами полка в Константинополе. В 1921 г. при эвакуации Белой армии. Цель написания памятки — запечатлеть историю полка во время Гражданской войны, т.к. архив полка был потерян при эвакуации из Крыма.

«Задачей памятки является сохранение для будущих потомков полка в кратких словах его истории. И если чтение памятки осветит условия и жизнь полка за истекшие смутные годы — скорбные страницы развала полка после революции, быт и боевую работу в рядах Добровольческой армии, — то цель, преследуемая ее выпуском, достигнута».

Из-за отсутствия средств памятку удалось отпечатать только в 1927 г. в Берлине в мизерном количестве, в котором отражены ценнейшие материалы по истории Русской Императорской армии и ее полков.

Итак, уважаемый читатель, начинаем спустя почти сто лет повествование уникального архива наших героев Великой Европейской войны Отечества Российского.

Глава 1

Состояние лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка перед революцией

(январь-февраль 1917 г.)

1 января 1917 г. лейб-гвардии Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк состоял... из 6 эскадронов, пушечно-пулеметной команды (в составе 6 пулеметов «Максим» и двух 37» пушек «Виккерса»), команд связи, учебной и обозов I и II разрядов и числилась в своих списках 57 офицеров и около 950 кирасир; кроме действующей части полк имел в г. Луге — слабосильную команду, куда направлялись больные и раненые лошади и в Гвардейском Запасном Кавалерийском полку, в селе Трубичино и Муравьевских казармах — 2 маршевых эскадрона и 1 эскадрон молодых солдат.

Полк совместно с лейб-гвардии Кирасирским Его Величеством полком составлял 2-ую бригаду 1-ой Гвардейской Кавалерийской Дивизии Гвардейского Кавалерийского Корпуса, входившего в состав Особой Армии Юго-Западного фронта.

С начала Великой войны полк понес потери: убитыми и пропавшими без вести — 10 офицеров и около 200 кирасир, и ранеными и контужеными — 24 офицера и около 300 кирасир.

После тяжелых летних боев 1916 г. на реке Стоходь, в Ковельском направлении, части Особой армии переходят к позиционной войне и части Гвардейского Кавалерийского корпуса поочередно, дивизиями занимают разные участки окопов по реке Стоходу. В первых числах декабря 1916 г. полк сменяется в занимаемых им окопах на реке Стоходь у фольварка «Райместо» и в январе 1917 г. переходит из района станции Клевань в район м. Гоща, (что в сорока верстах к востоку от го-

рода Ровно). Штаб полка становится в господский двор Воскодавы. К концу января полк опять меняет место своего расположения, перейдя к югу от шоссе Ровно — Новгород — Волынский, оставаясь по-прежнему в районе м. Гоща, где стоит Штаб 1-ой Гвардейской Кавалерийской Дивизии; Штаб полка и команды: связи, учебная и обозы 1-ого и 2-ого разрядов располагается в господском дворе и в селе Бочаницы.

Командный состав полка к январю был следующий: командир полка генерал-майор Свечин, помощник командира полка по строевой части полковник Данилов, по хозяйственной части полковник Кордашевский, младший штаб-офицер полковник барон Таубе, полковой адъютант штаб-ротмистр Одинцов, начальник полковой учебной команды штаб-ротмистр Рубец, начальник обоза 1-го разряда штаб-ротмистр Максимович, начальник обоза 2-го разряда прикомандированный к полку прапорщик Радкевич, полковой казначей штаб-ротмистр Поливанов, командиры эскадронов: Ее Величества — ротмистр Гросман, 2-го — штаб-ротмистр Ф. Баумгартен, 3-го ротмистр Палицын, 4-го — ротмистр Афанасьев, 5-го ротмистр Чебышев, 6-го — ротмистр Соколов, начальник полковой пушечно-пулеметной команды штаб-ротмистр барон Ф. Кнорринг, начальник команды связи штаб-ротмистр Мусман, начальник Слабосильной команды в г. Луге штаб-ротмистр барон Розенберг, командиры маршевых эскадронов — штаб-ротмистры Погоржанский и поручик Эрдели, командир эскадрона молодых солдат поручик Ф. Витторф.

Продолжительной стоянкой и сравнительно удобными условиями расквартирования полк к этому времени был доведен до отличного внутреннего состояния, как снаряжением, воору-

жением, обмундированием, конским составом, так и большим количеством рядов во взводах (в среднем не менее 15).

Благодаря оторванности от больших центров и сравнительно редкой получки газет, о том, что делается внутри России, полк имел мало представления и жил своей совершенно обособленной полковой жизнью. В эскадронах и командах, стоявших довольно разбросанно, производились усиленные занятия и учения, в штабе полка устраивалась для офицеров военная игра. В свободное время офицеры ездили в гости друг к другу в эскадроны, процветал «бридж», устраивались балы и загулы, выходил юмористический журнал «Противогаз». Жизнь в полку шла спокойная, дружная и сравнительно веселая.

Судя по теме приготовления, которая готовилась к началу весеннего наступления, казалось ясно, что поворотный пункт кампании будет решен весенними боями, и все твердо верили в победоносное окончание войны в течение 1917 г.

Глава 2

Первые дни революции

(март 1917 г.)

Рок сулил иначе. 3 и 4 марта появились первые неясные и глухие слухи о беспорядках в Петрограде. 4 марта было совещание командиров отдельных частей у командира Гвардейского Кавалерийского Корпуса генерал-адъютанта Хана Нахичеванского, и Государю на имя Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего после совещания была послана телеграмма следующего содержания:

«До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность Гвардейской

Кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого монарха».

Впоследствии, как выяснилось, на эту телеграмму был получен ответ, не дошедший до частей в силу политической обстановки. Ответная телеграмма Государя гласила: «Никогда не сомневался в чувствах Гвардейской Кавалерии, прошу подчиниться временному правительству».

Вечером 4 марта прибыл из отпуска командир полка генерал-майор Свечин, и на утро, 5 марта, собрав командиров эскадронов и офицеров, находившихся близ штаб-полка, примерно следующим образом обрисовал обстановку происшедших событий в столице и аудиенцию в Киеве у Августейшего Шефа полка: в первый день своего отъезда из Гатчины, 1-го марта, генерал Свечин получил из Петрограда сведения, что беспорядки в столице с 28-го февраля приняли острый характер. Волнения среди рабочих перекинулись в некоторые части запасных батальонов, часть коих перешла на сторону бунтовщиков. По городу идет стрельба, начались эксцессы над офицерами; многие виноторговли разгромлены и пьяная толпа, подзадориваемая разными проходимцами, убивает городских. Полицейские участки и окружной суд подожжены и горят. Правительство арестовано, а взамен образовано Временное Правительство во главе с князем Львовым, появление коего во главе Временного Правительства совпало с назначением его Государем Императором, председателем Совета министров.

Ввиду столь серьезной обстановки генерал Свечин решил немедленно отправиться к полку и в тот же день, 1-го марта, выехал на автомобиле из Гатчины в Царское Село, где и сел в скорый поезд, шедший из Петрограда

в Киев.

В Гатчине при отъезде все было совершенно спокойно, при въезде в Царское Село, на Софийском плацу, происходили обычные строевые занятия с молодыми солдатами, но у вокзала уже было заметно волнение, и на станции не было жандармской полиции. В подошедшем около 4-х часов дня из Петрограда поезде было очень мало пассажиров, и все офицеры, ехавшие в нем, были без оружия, так что севший в этот поезд генерал-майор Свечин был единственный при оружии. Оказалось, что у офицеров отнимали оружие толпы бездельничавших и по большей части пьяных рабочих, бродивших по улице столицы и производивших под руководством революционных вожakov всякие насилия над одиночными военными, видимо, находя в этом особую «революционную» доблесть. Трамваи в Петрограде прекратили движение еще с 26 февраля, а извозчики, боясь насилия и хулиганов, тоже не выезжали, а потому многие лица, имевшие багаж, были лишены возможности попасть на вокзал, и поэтому поезд был наполовину пуст.

На всех станциях до Киева было совершенно спокойно. В Киев, куда командир полка прибыл около полудня, 3-го марта, также наружно было спокойно, и лишь всюду шли горячие разговоры и передавались всевозможные слухи о происходящих событиях.

В Киеве генерал Свечин встретил командира Кавалергардского полка, который только что представлялся Августейшему шефу, и от него узнал, что Ее Величество очень взволновано слухами, ходящими по городу, и не имеет сведений о событиях, происходящих в столице, по-этому было бы желательно, чтобы командир полка явился к императрице и доложил бы, что ему известно по этому поводу.

Генерал Свечин тот час же отправился в Киевский дворец, где в это время изволила проживать Государыня Императрица Мария Федоровна.

Ее Величество приказало принять командира полка. Поднявшись наверх, генерал Свечин подходил уже к покоям, где находилась Государыня Императрица, когда его быстро обогнал придворный скороход, несший довольно объемистую телеграмму. Командир полка пропустил скорохода и остановился в ожидании разрешения войти. Ждать пришлось около 15-20 минут в большом зале, куда в это время вошел Великий Князь Александр Михайлович. Его высочество передал командиру полка, что сегодня первоначально была получена телеграмма об отречении Государя Императора, но вслед затем получена новая телеграмма о задержании 1-ой, так что циркулирующие слухи о сложении Его Величеством Верховной Власти неверны, и Государем лишь утверждено правительство, ответственное перед Законодательными Палатами, во главе с князем Львовым. Означенные сведения несколько успокоили командира полка. Генерал Свечин был затем принят Государыней, которая не скрывала своего волнения и беспокойства из-за событий в Петрограде и внимательно выслушала доклад командира полка о том, что ему было известно о происшедшем в столице.

Во время доклада Ее Величества несколько раз сквозь слезы повторяла: «Что им нужно? Неужели забывают, что теперь идет война с этими ужасными врагами? Что делает Родзянка? Не хочу верить, что он против Государя...».

К концу доклада, продолжавшегося около получаса, Ее Величество немного успокоилась и сообщила генералу Свечину о своем намерении выехать

Обер-офицер лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка (в обыкновенной форме).
4 сентября 1856 г.

Ветераны Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка. Фотография начала XX в.

немедленно к Его Величеству в ставку. При прощании, на вопрос, что Ее Величеству угодно передать полку, Императрица с твердостью в голосе сказала: «Передайте полку, что бы

все продолжали свое священное дело борьбы на фронте и продолжали бы бить этих противных немцев». Подавая руку, Ее Величество перекрестила командира полка.

Выйдя от Императрицы, которая ничего не сказала про отречение Его Величества, командир полка оставался под впечатлением разговора с Великим Князем Александром Михайловичем и прибыл в полк к вечеру 4-го марта полный уверенности, что сведения об отречении Государя неверны, о чем и передал 5-го марта собравшимся офицерам в штабе полка.

Разъяснив, как указано выше, обстановку, командир полка перешел к собеседованию с офицерами о происшедших событиях, после которого решено было, ввиду того, что события эти являются достоянием солдатской массы, рассказать кирасирам в главных чертах происшедшее в Петрограде, причем рассказ должен был быть следующий: в Петрограде произошли беспорядки на почве голода, во время беспорядков арестованы все министры, взамен коих образовано временное правительство во главе с князем Львовым, назначенным Государем. На этом совещание окончилось и все разъехались.

В течение ночи был получен приказ из штаба армии, и к утру 6-го марта полк узнал о событиях последних дней.

Из приказа по Особой Армии узнали, что 2-го марта Государь Император отрекся от Престола за Себя и Наследника в пользу Великого Князя Михаила Александровича; Михаил Александрович отказался принять власть до созыва и решения учредительного собрания, передав свои права Верховной Власти Временному Правительству. Далее в приказе по

армии, корпусу, дивизии были заключительные слова об исполнении последней воли Государя о службе Временному Правительству.

Вполне понятно, каким погребальным звоном прозвучали в наших ушах слова «Временное Правительство», и какая тоска и тяжесть легли на сердце при чтении манифеста. Последовательность, в которой дошли до полка события последнего времени, уже в форме законных юридических актов, принудила, затаив глубоко свои внутренние желания, безропотно склониться перед одним из величайших актов благородства Государя, отказавшегося от Престола, дабы избежать кровопролития. По прочтении Манифеста об отречении Государя в некоторых эскадронах и командах пели гимн.

И только в средних числах марта, лишь по получении газет из Киева, Петрограда и прочих крупных центров, возвращения из отпусков офицеров и кирасир, встала перед полком воочию картина «Великой бескровной».

Первые дни революции совпали с отсутствием из полка всех младших офицеров, посланных согласно распоряжению штаба армии для исправления топографических карт. Будучи оторваны во время своей командировки от всех центров, проезжая при возвращении в полк через г. Ровно, они неожиданно попадали в город, полный революционного угара с толпами солдат, бродивших по улицам с красными лентами и бантами. На почве неотдания чести и красных лент происходили между ними и солдатами недоразумения, окончившиеся арестами поручика Рихтера и поручика Кожина, с трудом избежавших самосуда толпы. Через несколько дней после ареста, согласно ходатайству полка, они были освобождены губернским комиссаром и ночью,

Торжественное построение по случаю 200-летия лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка.
Фотография К. Буллы. 1904 г.

Подпрапорщик Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Марии Федоровны полка Иван Клементович Квасный со своей семьей. Фото 1915 г.

тайком, на автомобиле вывезены из города. Дни стоянки полка в районе г. Ровно, несмотря на события, проходили спокойно и без недоразумений.

Шеф полка Императрица Мария Федоровна и Великая Княгиня Мария Павловна на полковом параде. Фото начала XX в.

Прошли в жизнь приказы об обращении на «Вы» и о введении титулования по чинам, родились и первые комитеты, начавшие робко и неуверенно разбираться в хозяйстве, что на них было возложено по закону.

Немало недоразумений среди посторонних частей вызвало название полка, и комитеты именовали полк по большей части «Гатчинским кирасирским». В начале апреля дошел до полка приказ по военному ведомству от 4-го марта о переименовании полка лейб-гвардии 2-ой Кирасирский, приказом от 8-го июня полк был переименован в Гвардейский Кирасирский, хотя приказы по полку до конца его существования издавались под названием лейб-гвардии Кирасирского полка. Одно время поднимался вопрос о возвращении полку его старого Петровского названия — Невского полка. После оживленных дебатов вопрос об этом отпал, и полк сохранил название Кирасирского, потеряв в официальном названии Кирасир Ее Величества.

С первых дней революции революционные власти и гарнизон г. Ровно были напуганы слухами о том, что части гвардейской кавалерии, стоящие вокруг г. Ровно, идут на подавление революции; случайные совпадения не-

подвоза в эти дни продовольствия из ровенских складов, породили среди дивизии слухи о том, что продовольствие не выдается частям гвардейской кавалерии умышленно за их нереволюционность; для разъяснения слухов о нереволюционности частей 1-ой гвардейской кавалерийской дивизии были посланы дивизионным комитетом депутаты в ровенский совдеп. В середине марта полк был приведен к присяге Временному Правительству (Причем в некоторых эскадронах подписывать присяжные листы люди отказались). Слова старинной присяги времен Петра Великого были переделаны на современную.

С первых же дней революции в частях, особенно запасных, начинают происходить недоразумения и трения с офицерским составом. Волнения эти перебрасываются на стрелковый полк нашей дивизии, где положеная в течение нескольких дней было более чем обостренное, и солдаты охотились за офицерами; после долгих уговоров стрелковый полк сравнительно успокаивается. В это же время появляется среди частей дивизии недоверие и гонения на офицеров, носящих немецкие фамилии. Сравнительно далекая от г. Ровно стоянка полка лишила возможности проникновения большого количества агитаторов в ряды полка. Образовавшийся к этому времени полковой комитет (без офицеров) бурно заседает целыми днями, по эскадронам ходят всевозможные слухи, но порядок нигде не нарушается. Характерным признаком этих дней было появление красных бантов, косичек и лент, одеваемых и вплетаемых всюду и во всех случаях.

В 20-тых числах марта на собрании старших офицеров был поднят вопрос о перевозке в более сохранное место серебра офицерского собрания, хра-

нившегося в Гатчине в полковом цейхгаузе, и о спасении царских грамот и портретов, находящихся в офицерском собрании; учитывая возможности появления немцев в Петрограде, означенное имущество было решено перевезти в Москву. В июне, согласно этого постановления, Царские грамоты (№1 Императора Павла I о пожаловании полку 5-ти новых Штандартов от 20-го июня 1798 г., № 2 Императора Николая I о пожаловании полку 19-ти Георгиевских серебряных труб с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г.» от 19-го марта 1826 г., № 3 Императора Николая II о пожаловании полку нового штандарта, украшенного андреевскими лентами по случаю двухсот-

летнего существования полка от 9-го мая 1904 г.), Царские подарки, шифское серебро и посуда (подарок августейшего шефа полка Императрицы Марии Александровны), столовое серебро, кубки, братины и т.п., кроме библиотеки Императрицы Марии Александровны, штаб-ротмистром Ф. Баумгартенем были перевезены в Москву. Полковые регалии (отличие полка, старые знамена и штандарты со времен Императрицы Елизаветы Петровны), литавры, трубы с драгоценными камнями, а также мундиры почивших императоров и августейших шефов полка, хранившиеся в полковой церкви, были сданы 19-го июля 1914 г., согласно мобилизационного дневника полка, в Гатчинский дворец, и дальнейшая судьба их неизвестна.

Продолжение следует

Молчание

Геннадий Михеев

Молчание имеет разный цвет
С оттенками за сотню или больше.
Всех тяжелей свинцового отсвет,
И желтого, с ухмылкой, нету горше.

Есть светлое, влюбленное – сердец,
Когда не прогнозируют конец
Магнитного друг к другу притяженья,
Прекрасного мгновенья единенья.

Небесное есть, нежное надежд,
Иллюзий и мечтаний, ожиданий,
Как солнечных лучистых созиданий,
Закрытых тучами дремучими невежд

Когда молчат – ищите свой ответ.
Молчание имеет разный цвет.

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ВУЛЬФЕРТ-БРАСОВА (1880 – 1952)

Владислав Кислов

Об этой женщине обычно пишут как об умной красавице, сводящей с ума поклонников; расчетливой искальнице выгодных браков. А у меня сложилось впечатление, что Наталия была обычной женщиной, мечтающей о семейном счастье и очень долго не имеющей его. В ее жизни не было, насколько мне известно, каких-то авантур, неблагородных поступков и обмана. Судьба, в конце концов, все-таки дала ей счастье с любимым человеком и детьми. И счастье это длилось менее десяти лет. Пять из них прошли в старой Гатчине – городе, где издавна жили достойные женщины. В этом меня убедили судьбы сотен жительниц Гатчины, о которых я узнал, работая над книгами по истории города. Евгения Ивановна Бельшева, Софья Федоровна Колчак, Мария Михайловна Эссен, светлейшая княгиня Лидия Петровна Ливен – самые яркие примеры достойных жен достойных людей. И в этот ряд можно поставить имя Наталии Сергеевны, графини Брасовой.

О жизни Наталии Сергеевны Шереметьевской (ее девичья фамилия) написано немало книг и статей. Например, книга Розмар и Дональда Кроуфорд «Михаил и Наталья. Жизнь и любовь», изданная в 2008 г. в Москве. В настоящем очерке речь пойдет лишь о гатчинском периоде жизни Наталии Брасовой, о ее вкладе в историю нашего города.

В Гатчине Наталия Сергеевна появилась в 1906 г., вступив во второй брак и получив фамилию Вульферт. Ее муж, Владимир Владимирович Вульферт (1879 – 1937 гг.) с 1903 г. служил в нашем городе поручиком Кирасирского полка. Наталия, Владимир и дочь Наталии от первого брака, Наталия (Тата), поселились в доме № 14 на Елизаветинской (Достоевского) улице.

История их отношений такова. Наезжая в Москву, уроженцем которой он был, Вульферт познакомился там с Наталией и даже ухаживал за ней. И вот она стала его женой и переехала к нему в Гатчину. Но, как довольно часто бывает, период ухаживания – это одно, а семейная жизнь – другое. Владимир, хотя и не был красавцем, да к тому же, по отзывам многих, слыл довольно сухим и неприятным в общении человеком, все же был умен, образован, увлекался искусством и, казалось бы, вполне подходил молодой Наталии Сергеевне. Он любил, когда в доме бывали гости. Уже после развода с Вульфертом Наталия признавалась также, что он, несомненно, повлиял на ее развитие, особенно в смысле художественного и музыкального вкуса. И не будь роковой встречи Наталии Сергеевны и Великого Князя Михаила Александровича, неизвестно еще, как сложилась бы дальше судьба четы Вульфертов.

В 1907 (по другим данным – в 1908) году на полковом празднике на жену

Вульфберта обратил внимание, а затем и влюбился в нее, его эскадронный командир. История романтических связей в полках русской гвардии стара, как мир. Но все осложнялось тем, что командиром этим был Великий Князь Михаил Александрович! Узнав о любовной связи между женой и Великим Князем, Вульфберт, как умный человек, понял, что тягаться ему с Михаилом Александровичем бесполезно. Но поделать с собой ничего не мог. В семье начались ссоры. Из воспоминаний Таты: «В ровное течение нашей жизни почти незаметно проникла какая-то диссонансная нотка. Часто повышались голоса, хлопали двери, мой отчим ходил по дому грозный, как туча, мама часто плакала, а моя няня вздыхала и крестилась чаще, чем обычно. Великого Князя стали реже упоминать и он перестал приходить в наш дом».

Не буду больше тревожить прах давно уже ушедших в иной мир людей. Скажу только, что супруги Вульфберты разошлись. Владимир Вульфберт переехал в дом № 7 на Багговутовской. В 1909 г. его перевели в Москву чиновником особых поручений при Дворцовом ведомстве. А Великий Князь в том же году выбыл из Гатчины в Орел, где получил под свое командование 17-й Черниговский гусарский Великой Княгини Елизаветы Федоровны полк.

Покинула Гатчину и Наталия Сергеевна. В 1910 г. у нее родился Георгий, сын Великого Князя. В 1912 г. Наталия и Михаил Александрович тайно венчались в сербской православной церкви в Вене. В наказание, Михаил был лишен всех должностей и постов; ему запретили возвращаться в Россию. Пришлось жить в Европе.

Лишь в 1914 г., с началом войны с Германией, последовало разрешение вернуться в Россию. Семья поселилась в доме на Николаевской, 24. Великий

Князь Михаил Александрович купил этот дом у прежнего владельца, начальника Гатчинского Дворцового управления, генерал-лейтенанта Константина Карловича Гернета.

Вскоре Михаилу пришлось покинуть Гатчину: высочайшим повелением он был назначен начальником Кавказской туземной конной дивизии. Дивизия эта, сформированная 23 августа 1914 г., на 90 % состояла из добровольцев-мусульман Северного Кавказа и Закавказья. По закону Российской империи все коренные жители Кавказа и Средней Азии не подлежали призыву на военную службу. Полки дивизии формировались по национальному признаку. 1-я бригада: Кабардинский конный полк (кабардинцы и балкарцы) и 2-й Дагестанский конный полк. 2-я бригада: Татарский конный полк (азербайджанцы) и Чеченский конный полк. 3-я бригада: Черкесский конный полк (черкесы и карачаевцы) и Ингушский конный полк. Дивизии были приданы Осетинская пешая бригада и 8-й Донской казачий артиллерийский дивизион. В каждом полку был мулла. Причем, в отличие от православных полковых священников, которые никогда не сражались с оружием в руках, муллы участвовали в боях, наравне с воинами. В боях на Юго-западном (Австрийском) фронте дивизия покрыла себя неувядаемой славой. Из семи с лишним тысяч ее воинов, около трех с половиной тысяч, в т. ч. и Великий Князь, были награждены Георгиевскими крестами и медалями. Дивизию нередко называли Дикой. Вот что написал по этому поводу военный журналист Илья Толстой, сын Льва Николаевича Толстого (кстати, брат Ильи, Михаил Львович Толстой, служил во 2-м Дагестанском полку Кавказской Туземной конной дивизии): «Их называли «дикими», потому

что на них надеты страшные мохнатые папахи, потому что они завязывают на голове башлыки, как чалмы, и потому, что многие из них — абреки, земляки знаменитого Зелимхана. Я жил целый месяц в халупе в центре расположения «диких полков», мне показывали людей, которые на Кавказе прославились тем, что из мести убили нескольких человек, — и что же я видел? Я видел этих убийц, нянчивших и кормящих остатками шашлыка чужих детей, я видел, как полки снимались со своих стоянок и как жители жалели об их уходе, благодарили их за то, что они не только платили, но и помогали своими подаваниями, я видел их выполняющими самые трудные и сложные военные поручения, я видел их в боях, дисциплинированных, безумно отважных и непоколебимых».

В июле 1914 г. Михаил Александрович заразился на фронте дифтерией и едва не умер. Великому Князю дали отпуск домой для лечения. В дневнике, за 22 июля он записал: «Я остался в постели, т. к. у меня температура и болит горло». Три дня спустя его гатчинский лечащий врач Котон сообщил, что обнаружена дифтерийная палочка. Неделю спустя Михаилу стало лучше.

А Наталия Сергеевна обживалась в доме на Николаевской. Гатчина ей не нравилась. Этому способствовали разлука с любимым и осенняя непогода. Наталия Сергеевна отмечала: «В Гатчине такая мертвечина, Джонсон (секретарь Великого Князя; жил на Багговутовской — В.К.) справедливо говорит, что Гатчину надо переименовать в «Помпею»... Такой же мертвый город, и погода самая невозможная».

В 1915 г. Наталия относилась к Гатчине уже иначе: не сказать, что полюбила ее, скорее смирилась с необходимостью жить, пусть в нелюбимом месте, зато в собственном доме-

крепости. Брасова с удовольствием занялась благоустройством дома, флигелей и сада. Из ее письма в июне: «...наняла рабочих, чтобы замостить мелким щебнем двор и покрасить белой краской беседку, посадила множество цветов и купила финскую мебель, а также маленький садовый домик и гарнитур маленькой мебели для детей, расположив это детское хозяйство рядом с теннисным кортом». Дом и его сад стали для Брасовой и ее детей настоящим убежищем. Имелась даже прачечная, расположенная в отдельном домике на заднем дворе. Прачка жила наверху этого домика. Участок при доме был огромен. Он простирался от Николаевской (Урицкого) до Багговутовской (К. Маркса) улицы. Главное строение смотрело фасадом на Николаевскую, еще одно строение — на Багговутовскую (№ 65). В глубине сада имелось несколько флигелей. На фотографии Михаил и Наталья позируют во дворе своего дома. Они еще счастливы, беды и трагедии — впереди.

Когда началась Германская война, Великий Князь и Наталия Сергеевна, подобно другим состоятельным гатчинцам, внесли свой вклад в оказание помощи раненым и больным воинам. 10 декабря 1914 г. состоялось освящение эвакуационного лазарета на

средства Великого Князя Михаила Александровича на Багговутовской улице, 9. Этот дом стоит и сейчас. В советское время в нем располагался детский дом; позднее дом стал жилым. На открытии лазарета присутствовала Наталия Сергеевна Брасова, ставшая попечительницей учреждения. Заведующим лазаретом назначили врача Городового госпиталя, Константина Антоновича Котона. Заведующей по хозяйственной части стала его жена, Екатерина Петровна Котон. Сестрами милосердия пригласили Марию Евдокимову и Надежду Александровну Калачеву, заканчивающую обучение на курсах при Госпитале. Сиделкой приняли Татьяну Михайлову, санитаром — Фаддея Голубева. Лазарет был рассчитан на 30 мест. Следует добавить, что лазарет в Гатчине был открыт как филиал большого лазарета, организованного в Петрограде во дворце Великого Князя Михаила Александровича. В ознаменование заслуг Наталии Брасовой по организации помощи больным и раненым воинам была выпущена специальная почтовая открытка.

В мае 1915 г. персонал лазарета, имеющего № 11 и имя Великого Князя Михаила Александровича, получил первые за войну награды, медали с надписью «за усердие»: золотую на Аннинской ленте — занимающаяся по хозяйственной части, жена врача Котона, Екатерина Котон; серебряную на Аннинской ленте — сестры милосердия Мария Евдокимова и Надежда Калачева; серебряную на Станиславской ленте — сиделка Татьяна Михайлова и санитар Фаддей Голубев. Старшему врачу лазарета Константину Котону вручили почетный Знак Красного Креста.

В сентябре 1915 г. награду, почетный Знак Красного Креста, получила

попечительница лазарета Брасова «за труды по особым обстоятельствам, вызванным войной». К этому времени Наталия Сергеевна действительно немало сделала для раненых и больных воинов. Кроме лазарета в Петрограде и Гатчине, Брасова на свои средства содержала такие же во Львове и Киеве. Брасова и Великий Князь уделяли гатчинскому лазарету особое внимание. Наталия Сергеевна часто посещала его. И Михаил Александрович, несмотря на военные обстоятельства, тоже бывал в нем. В памятной книжке Великого Князя в пятницу, 2 января 1915 года записано: «После чая зажгли елку, потом поехали в наш маленький лазарет, Багговутовская, 9, где 30 раненых солдатиков; заведуют Клевезаль и Котон». Среда, 9 декабря 1915 г.: «В 11 ¼ часа Наташа и я поехали в наш лазарет, где отслужили молебен после ремонта, присутствовал только персонал лазарета». На Рождество 1915 года Наталия Сергеевна подарила каждому солдату-пациенту лазарета серебряные часы с вензелем Великого Князя Михаила Александровича и кiset с табаком.

После 2 и 3 марта 1917 г., когда Великий Князь едва не стал Его Императорским Величеством Михаилом Вторым, он поселился в своем гатчинском доме. Наконец-то вся семья собралась вместе! Но счастье было тревожным и длилось недолго. С понедельника, 21 августа Михаил находился под домашним арестом. Осенью власть в Гатчине несколько раз переходила из рук в руки. Но за действиями Великого Князя следили и обо всем немедленно докладывали Петроградскому Военно-революционному комитету (ВРК).

Из сводки ВРК от 29 октября 1917 г.: «В Гатчине мы стояли около пяти часов вечера; вечером я там от извест-

ного в латышских кругах Альтмана-Бредета узнал, что Керенский вместе с Корниловым и Михаилом Александровичем находятся в Гатчине, и штаб их помещается в Гатчинском замке. Действуют они все совместно. Город Гатчина объявлен на военном положении... Всякие сборища свыше трех человек воспрещены. В распоряжении Керенского находится одна Казачья Дикая дивизия и гатчинские юнкера (курсанты гатчинской Школы прапорщиков Северного фронта — В. К.). Солдаты-пехотинцы в душе на стороне Военно-революционного комитета, но они одни не в силах подняться и организовать и находятся в ожидании лучшего момента. Старший милиционер (подпись неразборчива)».

Из сводки ВРК от 30 октября 1917 года: «В Гатчине среди казаков находится Михаил Романов. Он ждет, когда Керенский откроет ему въезд в Зимний дворец... Разогнанный Керенским Гатчинский Совет вновь собирается, ибо у Керенского не хватает сил при движении вперед закреплять «тыл». Вся армия Керенского — 5000 казаков при нескольких орудиях. Среди казаков — раскол. Часть их категорически заявляет, что не выпустит ни одной пули. При орудиях работают ударники офицеры. Ввиду начавшегося братания казацких дозоров с нашими, казаки смещаются и заменяются юнкерами. Керенский в Гатчино лично агитировал на площади за свое дело, собственноручно раздавая свои листки. Казаки встречают его холодно, и в разговорах с нашими объясняют свое выступление против народа невозможностью для них идти против своих офицеров».

Одним из последних счастливых дней семьи Михаила Александровича в Гатчине было, вероятно, Рождество 1918 г. Наталия Сергеевна воспомина-

ла: «Мы зажгли елку, плясали вокруг нее и играли в кошку и мышку. Дети надели маски и маршировали в таком комичном виде...».

В первые дни марта 1918 г. Михаил заболел. Словно чувствуя скорое расставание с родной Гатчиной, он подолгу лежал на кушетке на балконе своей спальни, выходящей на заснеженное поле. И смотрел, не мог насмотреться... В один из таких моментов, 7 марта, его арестовали по постановлению Гатчинского совета. 9 марта 1918 вышло постановление Совета Народных Комиссаров: «Бывшего великого князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона, делопроизводителя Гатчинского дворца Александра Михайловича Власова (жил на Люцевской, 36 — В.К.) и бывшего начальника Гатчинского железнодорожного жандармского управления Петра Людвиговича Знамеровского выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения».

Бывший Великий Князь оправился в свое последнее путешествие в Пермь. Дальнейшие трагические события описаны в моей книге «Ольгинская и Георгиевская улицы», в очерке о Знамеровских. Михаил Александрович и лица его окружения были реабилитированы Генеральной прокуратурой Российской Федерации в 2009 г.

После ареста и высылки Великого Князя Наталия Сергеевна добивалась его возвращения; ездила для этого в Москву, встречалась с Лениным. Все было безуспешно. Брасова трижды навещала мужа в Перми. Когда ей стало известно о его «исчезновении», она добивалась встречи с Урицким. Результатом стало... заключение в тюрьму. Несколько месяцев бедная женщина, вся вина которой заключалась в желании спасти мужа, провела

в тюрьме. Потом ей удалось сбежать, и вместе с дочерью выехать из советской России. На фотографии того времени, сделанной для документов, Наталия Брасова предстает перед нами как измученная невзгодами, но все еще не побежденная ими женщина, борющаяся за своих детей и мужа.

Еще до заключения в тюрьму Брасова отправила сына Георгия в Данию. В Гатчине оставалась дочь Тата. Наталия Сергеевна находилась в тюрьме, а за обитателями дома на Николаевской установили наблюдение, якобы для защиты от хулиганов. Но, как вспоминала позднее Тата, главные неприятности происходили не от хулиганов, а от сотрудников местной ЧК. Ее председатель, Серов, испытывал что-то вроде садистского удовольствия, пугая обитателей дома своими чуть ли не ежедневными посещениями в сопровождении вооруженной охраны. Главным его развлечением во время таких визитов было дразнить и изводить Тату. Позднее Тате все-таки удалось уехать к матери и брату.

Весной 1917 г. Временное прави-

тельство установило около дома постоянную охрану якобы для защиты от хулиганов и мародеров. В 1918 г., при советской власти, один из флигелей занимало посольство Дании. 6 сентября 1918 г. дом был муниципализирован и на него наложена огромная контрибуция, которую Брасова оспаривала.

Гатчинский совет планировал разместить в доме детские приюты. В защиту дома и его интерьеров выступили представители культуры, в т. ч. член Комиссии по сохранению культурных ценностей А.Н. Бенуа. Однако 28 октября 1918 г. на заседании Гатчинского Совета начальник городской милиции (он же — комиссар дворца) Барциковский сообщил: «Художник Бенуа после осмотра дома Михаила Романова нашел его обстановку не представляющей особой музейной ценности». С этого момента участь дома была решена. Совет постановил (орфография оригинала): «1. Оставить в силе постановление Совета о переводе в дом Михаила Романова детских приютов. 2. В дачи, расположенные вокруг приюта, организовать «детский городок».

Брасовой пришлось покинуть дом. В апреле 1919 г., согласно документу, подписанному председателем отдела социального обеспечения Архиповым, был муниципализирован в пользу Отдела принадлежащий Брасовой и находящийся на ее участке дом № 65 по Багговутовской улице.

Чудом уцелевших членов семьи несчастья преследовали и за границей. Тата, тайком от матери и вопреки ее желанию, в 1921 г. вышла замуж (потом она была замужем еще два раза). В 1931 г. сын Брасовой, Георгий, погиб в автомобильной аварии. Оставшись почти в одиночестве, всеми брошенная, несчастная Наталия Сергеевна жила в бедности, постепенно теряя последние

средства к существованию. Ко всем бедам прибавилась тяжелая болезнь. 26 января 1952 г. Наталия Сергеевна Брасова окончила свои дни в благотворительной больнице Парижа. Ее похоронили на парижском кладбище Пасси, вместе с сыном.

Долгие годы дом Михаила и Наталии считался утраченным. Но в марте 2013

г., когда я заканчивал писать книгу «Николаевская (Урицкого) улица», решил еще раз пройтись по улице и сфотографировать сохранившиеся старые дома в конце улицы. Тем более что в городской газете появилось сообщение о предстоящем в марте сносе одного из них. И тут мне удалось обнаружить на участке бывшего дома Брасовой двухэтажное строение, в котором угадываются черты английского стиля, который был присущ почти всем домам этой части улицы.

Заканчивая очерк, замечу, что улицу Николаевскую, где стоял дом № 24 гатчинские власти в 1922 г. переименовали в улицу Урицкого. Так был увековечен один из главных виновников трагической судьбы Великого Князя Михаила Александровича и Наталии Сергеевны Брасовой.

Маргарита Карташёва

Если хочешь быть счастливой – будь!
Каждый день живи сегодня – не вчера!
Не теряй к мечте далекой путь,
Прогони печали, склоки со двора!

Возлюби себя. Себя пойми
В этой жизни очень непростой.
И прими, от всей души прими! -
Наполняй любовью, красотой.

Добрые поступки совершай,
Ласкою кого-то обними,
Восхищай собою, утешай,
Боль с души обиженной сними.

Делай маленькие радости себе
И себя погладить не забудь!
Ты – хозяйка в собственной судьбе!
Если хочешь быть счастливой – будь!

СЛАВНАЯ ФАМИЛИЯ ЧИКЕРОВ

В ИСТОРИИ СИВЕРСКОЙ, В ИСТОРИИ РОССИИ

Галина Хохлова

Среди многих известных людей, жизнь которых так или иначе была связана с Сиверской, особое место занимает династия Чикеров. Всего несколько десятилетий назад их дом на Федоровской был известен каждому жителю поселка. Сегодня, к сожалению, о них знают лишь местные краеведы да старожилы.

Летом 2007 г. по инициативе патриотического благотворительного фонда «Моя малая родина» в Сиверской на Дружносельском кладбище, где находятся могилы членов этой славной фамилии, впервые был проведен день их памяти. Много интересного было рассказано присутствующими родственниками Чикеров, президентом фонда Андреем Николаевичем Колобовниковым и особенно Александром Генриховичем Софроновым, выпускником Военно-медицинской Академии, профессором, в прошлом врачом-подводником, а ныне главным наркологом Петербурга и сиверским дачником. Хорошо, что о династии Чикеров узнали ребята из лагеря «Адмиралтеец», дети и внуки корабелов, а также учащиеся Сиверской гимназии, которых привела их педагог З.А. Ли. Думается, что этот рассказ будет интересен и поучителен и для наших читателей и также послужит восстановлению доброй памяти о Чикерах.

Родоначальник династии Петр Иванович Чикер (1875-1954 гг.) приехал в Сиверскую из Белоруссии еще

молодым человеком. Не имея высшего медицинского образования, он был врачом от Бога, прекрасным диагностом, травником, самостоятельно составляющим лекарства. Интересно, что Петр Иванович никогда не давал своим пациентам таблетки, предпочитая порошки и микстуры. Сначала он практиковал в кирпичном доме возле станции, который сохранился до наших дней. Здесь с 1911 г. располагался Сиверский участок Рождественской земской больницы, где Петр Иванович служил фельдшером в 1912 - 1918 гг.. Но деятельность его была столь успешной, что в начале XX в. П.И. Чикер приобрел большой участок земли по улице Федоровской, где построил три по тем временам солидных дома в перспективе на сына и двух дочерей. Его услугами пользовались не только жители Сиверской, но страждущие приезжали специально из Петербурга и даже других городов России. Известно, что постоянно и успешно Петр Иванович лечил балерин Мариинского театра. Возле его дома всегда можно было увидеть очередь нуждающихся в лечении. Думается, что далеко не случайно еще до октября 1917 г. он был удостоен звания почетного гражданина Сиверской.

После революции два дома и, соответственно, большую часть земли отобрали. В последнем доме и сейчас живут представители этой семьи. Дом интересен богатством и затейливостью резного убранства, в нем со-

Петр Иванович Чикер в кругу семьи

Петр Иванович Чикер с сыном Николаем

П.И. Чикер с супругой Зинаидой Васильевной и невесткой Надеждой Андреевной

хранился кабинет, в котором принимал пациентов легендарный доктор Чикер, хранится альбом старых фотографий. Многие из них мы публикуем впервые. Фото подтверждают, что Петр Иванович был, помимо прочего, и знатным пчеловодом. На одной из фотографий можно увидеть сказочной красоты резные ворота, к сожалению, не сохранившиеся. Во время войны он продолжал лечить местных жителей, помогал партизанам. В послевоенное время П.И. Чикеру официально запретили медицинскую практику. В немилость у властей он попал из-за дочери Валентины, которая служила во время войны аккомпаниатором предвоенного солиста Кировского театра Николая Константиновича Печковского, волею судьбы оказавшегося в оккупации. У другой его дочери Лидии жизнь сложилась более удачно. Она вышла замуж за известного летчика-испытателя и жила в Москве. Музыкальное образование и способности дочери получили, скорее всего, от матери Зинаиды Васильевны Ананьевой, дворянки по происхождению, младший брат которой, Константин Ананьев, пел в Императорской Капелле (а позднее писал книги, например о Фрунзе).

Единственный сын Чикера, Николай Петрович (1910 – 1988 гг.), прославил эту фамилию не менее отца. После успешного окончания Сиверской школы он продолжил учебу на рабфаке и вскоре заинтересовался подводным флотом. Его заметил и взял под свое крыло адмирал Фотий Крылов. Еще до войны они первыми начали налаживать дело по судоподъему, по отысканию ценностей и их поднятию с морского дна. Эта деятельность имела большое значение в связи со сложной экономической ситуацией в стране. Тем не менее, организаторам и большинству участников работ не удалось

избежать ареста в годы массовых репрессий. Эта доля обошла стороной Николая Чикера, вероятно, по молодости лет. Работы были продолжены во время войны в Баку в специально созданном тогда институте. В конце войны Николай Петрович принимает участие в подъеме затонувших судов, а в послевоенное время становится организатором Аварийно-спасательной службы (АСС). Ее штаб располагался тогда на Английской набережной, в том здании, которое позднее будет отдано под Дворец бракосочетания, а сам институт - в Ломоносове. Здесь будет разработана концепция глубоководных судов, физиологические таблицы декомпрессии, которыми пользуются подводники всего мира и которые не потеряли значения и сегодня. Контр-адмирала Н.П. Чикера знают и уважают не только наши подводники, но и специалисты подводного дела во многих странах. Как президент Мировой ассоциации подводного спорта он был знаком с Жаком Кусто, подарившем ему амуницию подводника. Самый крупный в мире спасательный корабль носит имя уроженца Сиверской, выпускника Сиверской школы контр-адмирала Николая Петровича Чикера.

Единственный сын Николая Петровича и его супруги Надежды Андреевны Юрий Николаевич Чикер (1934 – 1974 гг.) умер в возрасте 40 лет от астмы. Он, как и его вдова, был корабелом, инженером-гидромехаником

и успел объездить весь мир. В семейном альбоме есть его фотография в компании с всемирно известным футболистом Пеле. Она сделана после дружеской встречи по волейболу во время плавания в Южную Америку.

Его сын Николай Юрьевич Чикер (1959 – 2001 гг.) прожил также короткую, но интересную жизнь. Как и прадед, он посвятил себя медицине. Окончив Военно-медицинскую академию, Николай Юрьевич прослужил большую часть жизни на Дальнем Востоке. Морская жилка проявилась у Николая Чикера в том, что он активно занимался таким экстремальным видом спорта, как сплав на катамаранах, имел разряд, участвовал в соревнованиях различного ранга. А еще на Дальнем Востоке его хорошо знают и помнят как барда. Проходящий там ежегодный фестиваль авторской песни носит его имя. К сожалению, у него не было детей, но подрастает на сиверской даче, в доме, построенном еще прапрадедом, племянник Юрий Чикер. Пока он ученик школы № 371 Санкт-Петербурга, но хорошо знает историю своего славного рода и полон желания в будущем служить Отечеству. Юра передал в дар новому музею «Дачная столица» большой кожаный диван, на котором принимал и осматривал больных Петр Иванович Чикер (экспонируется в восьмигранном зале), а также ящичек с медицинскими инструментами и другие личные вещи легендарного эскулапа.

ПРОТОИЕРЕЙ ИОАНН НИКОЛАЕВСКИЙ

*К 130-летию юбилею пастырской службы и
155-летию со дня рождения
протоиерея о. Иоанна Николаевского*

Елена Нургалиева-Николаевская

Сколько себя помню, хотела знать, кто мои бабушки и дедушки. Слышала от родителей, что наш прадедушка был священнослужителем очень высокого духовного звания, но об этом надо молчать и никому не говорить. Но пришли другие времена. Пытаюсь собирать, по мере возможности, сведения о своих прадедах – исходя из воспоминаний и тех немногочисленных документов, что сохранились в семье. Поиски информации в Интернете. Поиски и общение с местными старожилами – их воспоминания. Встречи с краеведами и музейщиками. Общение с историками по вопросам религии. Запросы в Центральный Государственный Исторический Архив СПб. Запросы в архивы Комитетов по делам ЗАГС СПб и Ленинградской области и Гатчинского муниципального района. Изучение периодических изданий СПб 100-летней давности - в фондах читальных залов библиотеки Академии Наук РФ. Запросы в Центральный Архив Министерства Обороны РФ. Заявления в Информационный центр ГУ МВД России по СПб и Ленинградской области. Обращение к митрополиту СПб епархии Владимиру и его личному секретарю отцу Сергию. Обращение к епископу Гатчинскому и Лужскому Митрофану Гатчинской епархии и его личному секретарю о.Георгию. Помощь священнослужи-

телей СПб и Гатчинской епархий. Оказание помощи сотрудниками администрации г.Гатчины и Гатчинского района. Размещение полученной информации в печатных изданиях – для получения откликов и помощи тех, кто обладает любой информацией по интересующей меня теме. Удалось узнать, что мой прадед, Иоанн (Иван Петрович) Николаевский, был настоятелем храма святой Марии Магдалины Вохоновского женского монастыря. Монастырь находился в нескольких км от железнодорожной станции Елизаветино - по Балтийской железной дороге. Прихожанкой подворья Вохоновской обители в Гатчине, в Покровском соборе, в то время была Лидия Александровна Лелянова (будущая новомученица Мария Гатчинская).

Иоанн - выпускник Новгородской духовной семинарии СПб епархии, получивший аттестат 2 степени об ее окончании. В возрасте 25 лет женился на Марии Петровне, был рукоположен в сан священника и определен в церковь во имя свт. Николая Чудотворца. Службу пастырем христианской Русской Православной Церкви Санкт-Петербургской епархии он начал 24 мая 1883 года в сельце Рель Гдовского уезда (сейчас это Лужский район). Где священствовал целых 17 лет. Благодаря его хлопотам

и под его непосредственным руководством было построено много храмов. Был председателем и делопроизводителем Комиссий по постройке: трехпрестольного каменного храма во имя Святителя и Чудотворца Николая и Покровской церкви на кладбище в селе Рель, каменной колокольни для Каменской церкви во имя св. Николая Чудотворца. В селе Юр-Михалка, в 10 км от с. Рель, для отдаленных деревень прихода его трудами была создана церковь во имя св. Феодосия Архиепископа Черниговского. В дальнейшем там стал отдельный приход. Благодарные прихожане переименовали свое поселение в село Николаевское - по сей день оно носит его имя. Строил, открывал школы - затем безвозмездно преподавал Закон Божий - за что Земские Собрания выражали ему неоднократно Благодарности. По зимам дети учились в домах прихожан под наблюдением священника. Инспектировал храмы и церковно-приходские школы. Был почетным членом Учительского Совета СПб епархии. Особое внимание он всегда уделял церковно-школьному образованию. За время пастырской деятельности служил в Боровичском духовном училище; учил детей в Рельской, Юр-Михалкинской (Николаевской), Ставотинской, Лаптовитской, Горской, Каменской, Щепетской, Вохоновской и др. школах грамоты. Во все сельские праздники организовывались крестные ходы.

11 мая 1902 года зародилась традиция паломничества (около 130 детей) школьников из Каменного погоста в г. Гдов - в честь первоучителей Словенских: Кирилла и Мефодия - которую возглавил священник Каменного погоста о. Иоанн Николаевский. Пройдя 15 верст, юные паломники молились в Гдовском Дмитриевском

Протоиерей от. Иоанн НИКОЛАЕВСКИЙ,
настоятель церкви Вохоновского монастыря.
Къ 30-лѣтїю его пастырской дѣятельности.
(См. «Петербургскій Листокъ» № 141).

соборе за литургией; совершал ее о. Дмитрий Федоров. Через 10 лет паломничество в г. Гдов объединило уже почти тысячу школьников и множество взрослых богомольцев.

До революции храм в с. Рель являлся местом паломничества прокаженных Ямбургской колонии (нынешнем глухом урочище Крутые Ручьи). Почему они выбрали именно этот храм - остается только догадываться. В 1941 году эта колония была полностью уничтожена фашистами.

Православной Церковью о.Иоанн был неоднократно награжден, в том числе: Набедренником, Скуфьей, Камилавкой, Наперсным Крестом. За особые заслуги перед Отечеством был награжден Государевой наградой: Орденом Российской империи святой Анны 2-й степени. И другими.

В 1906 году был перемещен на службу в Вохоновский и Пятогорский женские монастыри, которые были разрушены во время ВОВ. Монастыри вели миссионерскую работу среди эстонцев-лютеран, принимали бого-

мольцев. Никакой внешней роскоши — труд, молитва, утешение. Монастырь всем необходимым обеспечивал себя сам. Главной заботой в обители было служение Церкви. Служба правилась в храме св. Марии Магдалины с необыкновенной торжественностью и с неуклонным соблюдением всех установленных церковных правил. Службы проходили несколько раз в день. В Вохоновском монастыре был выстроен двухэтажный Странноприимный дом. В нем в праздничные дни, особенно в дни памяти св. Марии Магдалины и великомученика Пантелеимона, число богомольцев насчитывалось десятками, а в дни великого поста бывало до семисот исповедников, в основном, бедных паломников; и все они находили себе бесплатный приют и пищу. Монастырь пользовался большой симпатией всего Гатчинского и Царскосельского округа. В августе, каждый год, из Гатчины и Царского Села сюда приходили крестные ходы трезвенников. Для детей-сирот была открыта школа, обучали их: грамоте, закону божьему, арифметике, русской истории, географии. Учили девочек и рукоделию, и башмачному делу. Чудом сохранился дом священника, сейчас он в очень ветхом состоянии, и живут в нем дачники. В настоящее время, монастырь восстанавливается, восстанавливается и храм св. Марии Магдалины. В возрождающемся Вохоновском монастыре появились первые насельницы — монахини, матушки Зинаида и Варвара. Здесь когда-то служил (до 75 лет), верой и правдой, (общий стаж - полных 50 лет, с 1883 по 1933года - год до закрытия монастыря) Богу и людям, православный священник Иоанн Николаевский. После закрытия монастыря он жил с

семьей своего сына Никонора (моего дедушки) в выкупленном ими доме священника. В этом доме в 1922 году родился и мой отец Николаевский Александр Никонорович. По воспоминаниям местных жителей от. Иоанна забрали ночью в 30-х годах, дальнейшая его судьба мне пока неизвестна. 24 мая 1913 года СПб епархия отмечала 30-летний юбилей одного из своих ревностных пастырей - протоиерея о. Иоанна Николаевского. В 2013 году исполнилось 130 лет с начала его пастырской службы и 155 лет со дня рождения. 26 мая 2013 года в 14-00 в поселке Сиверском, в храме во имя святых апостолов Петра и Павла и в музейно-краеведческом центре Гатчинского района - историко-краеведческом музее «Дачная столица», мною был подготовлен и проведен День памяти одного из ревностных пастырей Санкт-Петербургской епархии, настоятеля храма равноапостольной святой Марии Магдалины Вохоновского женского монастыря - протоиерея от. Иоанна (Петровича) Николаевского.

Много удалось узнать, но еще больше предстоит заниматься поиском достоверной информации.

С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ

О, вера чистая, святая.

Ты дверь души в обитель рая...

К.Р.

Виктор Васильев

Почерневшими губами светлый образ поцелую,
Онемевшими губами имя Божье призову.
Видно, жаловаться поздно на свою судьбину злую,
на истлевшие надежды, на сгоревшую траву.

Оглядеться бы спокойно: сколько медленной обиды
за спиной проходит следом, замутив слова и кровь.
В ту мучительную повесть наши годы перелиты,
где с последним пораженьем зарифмуется любовь.

Купола горят, как свечи, погибающим, погибшим.
Так случается, что вроде и с крестом, да без креста.
И летят, как листья с кленов, наши временные крыши,
чтоб мы чаще ночевали под опорами моста.

И на кладбище старинном, где шиповника уголья
прожигают из-под снега наши зябкие сердца,
У разрушенных часовен, у покинутого поля
Слышно, как звучит молитва без начала и конца.

Дай мне руку, дай мне руку, чтобы время прекратилось.
Пусть затеплится тропинка ледяною синевою.
Все, что есть и все, что было — безответный дар и милость,
что бы с нами ни случилось — все от Бога нам с тобой.

Побелевшими губами прошепчу я о спасенье
Всех, кто есть, кто был и будет. Закружится голова
от бесчисленных ошибок, от бессмысленных падений,
лишь на губы навернутся покаянные слова.

Что же — вороны нависли над беззвездною пустыней
этих царственных молчаний — разгадать я не могу.
Мы от берега иного — там деревья ли, кусты ли, —
но святых свечений ветер на рассветном берегу.

В дом, которого не знаем, мы заглянем. Этот трепет
сродни трепету деревьев в час отлета к теплоте.
Если б время было явью, я б сказал, что время терпит,
я б сказал, что время любит узнавать, что мы — не те.

Жизнь в начале — лишь эскизик, лишь набросок карандашный.
Отчего так неумело мы с годами держим кисть?
Помолись за всех, кто ближе, помолись за все, что дальше.
И за все, что с нами будет и не будет — помолись.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ГОСУДАРЬ

160-летию Павловского собора посвящается

«А Государь въ Бозѣ почившій... Императоръ Павелъ Петровичъ какъ любилъ Церковь святую, какъ чтилъ святыя уставы Ея и сколько сдѣлалъ для блага Ея, не многіе изъ Царей Русскихъ подобно Ему послужили Церкви Божіей...»

Преподобный Серафимъ Саровскій

Виктор Васильев

В.Л. Боровиковский. Парадный портрет Императора Павла. ГРМ

...Многие годы имя императора Павла Петровича (1754 — 1801 гг.) всячески очернялось, и лишь теперь, когда выявляется правда, перед нами возникает облик глубоко верующего и мудрого монарха, посвятившего свою жизнь благу Православной Церкви и России.

Свое раннее детство великий князь провел в обществе нянь, первыми утвердившими в нем веру и любовь к храму. Закон Божий преподавал Царевичу иеромонах Платон (Левшин, впоследствии — митрополит Московский). «Что касается преподавания Закона Божия, — повествует владыка Платон, — то положено было учение великому князю преподавать три раза в неделю по часу, а по воскресеньям и праздникам перед Обеднею читать Священное Писание с объяснением, сколько время позволит... Высокий воспитанник, по счастью, всегда был к набожности расположен и рассуждение ли, разговор ли относительно Бога и Веры были ему всегда приятны. Сие, по примечанию, ему внедрено было с млеком покойною императрицей Елизаветой Петровной, которая горячо любила его и воспитывала представленными от нее весьма набожными женскими особами».

С самого раннего возраста цесаревич испытал немало горя: кончину отца и отчуждение матери, занявшей престол.

Известно, что цесаревичу Павлу в 1778 г. было сделано предложение о дворцовом перевороте в его пользу, с сохранением Екатерине жизни. Благородный Павел отказывается, а день

Указ о трехдневной барщине

спустя, из боязни, что он все откроет матери, его отравляют сильным ядом. И хотя врачам удалось спасти цесаревича, но последствия этого отравления сказались на его здоровье на всю жизнь. У него появились мучительные удушья и нервозность в характере.

Строго соблюдая Заповеди Божии, государь Павел I всячески заботился о своих подданных. Уже в день своей коронации Павел обнародовал манифест о помещичьих крестьянах, положивший начало ограничению крепостного права. Манифест гласил: «Закон Божий, в десятословии Нам преподанный, научает Нас седьмой день посвящать Богу; почему в день настоящий, торжеством Веры прославленный и в который Мы удостоились воспринять священное миропомазание и царское на Прародительском Престоле нашем венчание, почитаем долгом Нашим пред Творцом всех благ Подателем подтвердить во всей Империи Нашей о

точном и непрременном сего Закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам...»

Император Павел I заботливо относился к православному духовенству. Он стремился к тому, чтобы священство имело более «соответственные важности сана своего образ и состояние». Для поощрения духовенства к более ревностному исполнению своего служения введены были знаки внешнего отличия. Духовные лица получали награды и, по личному почину Государя, вновь учрежден был для них наградной наперсный крест. До революции на обратной стороне синодальных крестов стояла буква «П» — инициал имп. Павла Петровича. Ревновал Государь и о просвещении духовенства. При Нем учреждено было несколько семинарий и духовные академии в Петербурге и в Казани.

Особую заботу императора Павла составляло восстановление закрытых при Екатерине русских монастырей.

Решительный и смелый шаг сделал Государь и к установлению единоверия, стремясь преодолеть раскол Русской Церкви. Император даже молился вместе со старообрядцами, которым дал возможность открывать храмы, о чем до этого было даже трудно помыслить.

Современник Государя, которому благодаря службе при Царском Дворе посчастливилось лично знать Императора, Н.А. Саблуков запомнил императора Павла «человеком глубоко религиозным, исполненным истинного благочестия и страха Божия». «Это был человек... великодушный, готовый прощать обиды и повиниться в своих ошибках, — пишет Саблуков в своих воспоминаниях. — Он высоко ценил правду, ненавидел ложь и обман,

заботился о правосудии и беспощадно преследовал всякие злоупотребления, в особенности же — лихоимство и взяточничество».

О высоком религиозном настрое Императора говорят и следующие слова Саблукова: «Еще до настоящего времени показывают места, на которых Павел имел обыкновение стоять на коленях, погруженный в молитву и часто обливаясь слезами. Паркет, положительно, протерт в этих местах. Офицерская караульная комната, в которой я сидел во время моих дежурств в Гатчине, находилась рядом с частным кабинетом Павла, и мне нередко приходилось слышать вздохи Императора, когда Он стоял на молитве».

Конечно, в том потоке клеветы, который в течение всего XIX в. изливался на деяния Павла I, было немало упреков и чисто религиозного свойства. Прежде всего, это — обвинения в католических симпатиях и масонстве.

При внимательном рассмотрении можно прийти к выводу, что сближение с католической церковью и переговоры с ее представителями, равно как и принятие на себя титула Великого магистра ордена св. Иоанна Иерусалимского, — имели действительной целью восстановление единства христианства, которому угрожало уничтожение.

Государь сознавал опасность, грозящую Европе от революционной Франции. В этом отношении он проявил большую дальновидность и ясность ума. Спасти Россию и даже Европу от проникновения революционной заразы поставил Павел себе первой задачей. Борьба с революцией была для него делом религиозным, он ратовал за христианскую веру и установленное Богом монархическое начало.

Если в свое время православные греки в обмен на помощь Запада про-

тив мусульман должны были принять Флорентийскую унию, то теперь в положении просителя оказывался Святейший Престол. А инициатива предложения условий воссоединения была в руках могущественного православного государя, который единственный мог защитить христианство в Европе. И склонить его на сторону католицизма посланникам Рима не удалось.

Что же касается принадлежности Павла Петровича к масонству, то и здесь все говорит против этого предположения. На пути масонов к получению власти над великим князем стало его благородство. Он не мог представить себе получение власти с помощью заговора. Кроме того, принимая в масоны великого князя, отличавшегося глубоким умом и проницательностью, «братья» должны были дать ему соответствующий ранг, который предполагал осведомленность и знакомство с тайными целями масонства, которые были и остаются весьма далеки от декларируемых... Могли бы они на это решиться, зная, что великий князь не терпит никакой лжи и лицемерия?

А когда французская революция, проведенная масонами, стала сметать троны и алтари, маски были сброшены и масонство показало свое истинное лицо. Своим знакомым, например, Баженову, великий князь запрещает в своем присутствии говорить о масонских идеях: «Я тебя люблю и принимаю, как художника, а не как мартиниста: о них я слышать не хочу, и ты рта не разевай о них». Многие серьезные исследователи жизни Павла Петровича, такие, как, например, директор Императорской Публичной библиотеки Д. Кобеко, однозначно говорили о том, что в братство великий князь принят так и не был.

Похоже, что масоны выдали желаемое за действительное, зачислив вели-

кого князя в ряды своих сторонников, а тем более — «братьев». Возможно, это было сделано преднамеренно, чтобы отчитаться перед «вышестоящей организацией» на Западе «о проделанной работе» и тем повысить свой статус. Так или иначе, но красноречивее всего о позиции Государя говорят его поступки. Достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что, вступив на престол, он подтвердил анти-масонский указ Екатерины. Так ли поступил бы «вольный каменщик»? И если бы Государь исполнял волю масонской организации, то зачем «братьям» было бы его убивать?

Часто приходится слышать и о том, что Государь был масоном, потому что возглавил Орден св. Иоанна Иерусалимского. Это утверждение также не выдерживает никакой критики. Странноприимный орден, основанный в XI в. в Палестине для защиты паломников, первоначально был православным. Впоследствии он был главным противником и оппонентом ордена тамплиеров, превратившегося в организацию нечестивую и антихристианскую. Иоанниты же во все времена были защитниками христианства и с честью несли свое послушание. Орден не имел (по крайней мере, до начала XX в.) ничего общего с масонством. Принимая под свою опеку рыцарей-странноприимцев, Павел Петрович стремился к объединению христиан на основе православного вероучения перед лицом той опасности, которая грозила всему христианству. Да и расхождения в вероучении у католиков с православными в XVIII в. еще не были столь велики, как сейчас. Именно развивая православную направляющую орденской идеи, Государь делает Никандрову пустынь пустыней орденской...

После смерти Императора Пав-

Личная орденская Библия Императора Павла

Личная печать Павла I

Тронное кресло Павла I

ла всенародное почитание его росло с каждым годом. На могилу Царя в Петропавловской крепости приходили с молитвенными прошениями люди самых разных положений, сословий и вероисповеданий. Здесь можно было увидеть и дворянина, и купца, и про-

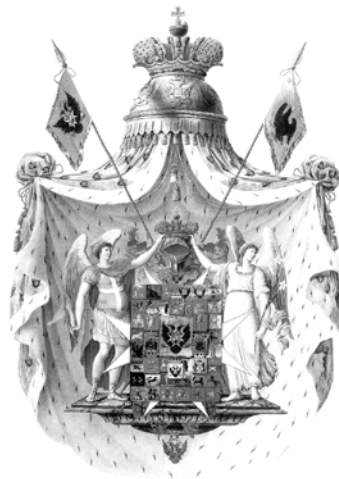

Павел I

стого крестьянина из далекой деревни. Все они искали утешения и помощи, служа панихиды на могиле «народного царя», претерпевшего мученическую кончину от рук врагов России.

И эта небесная помощь неизменно приходила. Причтом собора святых апостолов Петра и Павла велась особая тетрадь, в которой были записаны более трехсот случаев благодатной помощи на могиле убиенного Императора. И только революционные события помешали завершить подготовку материалов для канонизации его в лике святых Русской Православной Церкви.

В 1852 году в Гатчине был освящен вновь построенный по повелению Императора Николая I собор в честь святого апостола Павла – небесного покровителя Императора Павла. Он стал мемориальным храмом Семьи убиенного Императора. Его именем был назван форт в Кронштадте, корабль русского военно-морского фло-

Полный герб Российской империи, в котором использована символика Ордена святого Иоанна Иерусалимского

та, несколько учебных заведений, воздвигнуты памятники, один из которых чудом пережил годы цареворческого и безбожного лихолетья.

В Гатчине в честь Императора Павла был назван проспект, но в советский период он был переименован в проспект 25 октября. В начале 1990-х проспекту было возвращено его историческое название. Но по неведомым причинам в год празднования 200-летия основания Гатчины на всех домах проспекта появились нелепые таблички, где рядом с императорским гербом Гатчины и надписью, посвященной 200-летию основания города, вновь появилось советское название главной улицы города. Будем надеяться, что историческая справедливость будет восстановлена и имя основателя нашего города вновь будет увековечено в названии проспекта, им же построенного.

Наша любимая Гатчина славится не только своей историей, архитектурными памятниками и дворцовыми парками, но главным образом — людьми. Людьми, которые внесли свой вклад в науку, технику, образование, культуру России. Память об этих людях запечатлена в мемориальных досках, находящихся в тех местах, где они проводили свою жизнь или деятельность. Недавно в Покровском соборе нашего города появилась еще одна мемориальная доска. Она посвящена Козьме и Ирине Карповым. Почему эти супруги были удостоены такой высокой чести?

Для прихода Покровского собора очень значимо и символично то, что памятная доска, о которой мы будем говорить, появилась именно в канун такого великого события, как освящение главного престола и храма епископом Гатчинским Амвросием. На памятной доске написан простой и всем понятный текст: «Здесь покоится прах рабов Божиих Козьмы и Ирины — основателей сей обители и сего храма». Текст повторяет надпись мраморной доски, куски которой были найдены при очистке оскверненных склепов в притворе собора в 2001 г. В этом тексте запечатлена целая эпоха, судьба и жизнь людей, благодаря которым стоит ныне Покровский собор.

В 1872 г. из Псковской губернии приезжает в Гатчину молодая христианская семья — Козьма Карпович и Ирина Афанасьевна Карповы.

Что представляла из себя Гатчина в конце XIX — начале XX века? Это был один из красивейших городов Европы.

Ведь не напрасно на международной выставке он получил 1-ое место по городскому благоустройству. Рассматривая открытки с видами нашего города того времени, невольно хочется вздохнуть. Очевидно, Козьма Карпов полюбил Гатчину, решив жить и работать в этом городе. Имея начальный капитал и талант купца, Козьма Карпович приобрел городскую усадьбу, состоявшую из двух жилых двухэтажных корпусов и хозяйственных построек, сохранившихся до наших дней, площадью в 2 га, в центре города. Со своей родины Козьма Карпович привез в Гатчину икону Покрова Пресвятой Богородицы, почитаемую им как чудотворную, чудесным образом уцелевшую при страшном пожаре, которая впоследствии стала святыней нашего города.

Войдя в деловой мир Гатчины и преуспевая в своем деле, он, будучи человеком религиозным, всегда помнил о Боге. Козьма Карпов знакомится с о. Иоанном Кронштадтским, «всероссийским батюшкой», ярким проповедником, миссионерские проповеди которого находят отклик в его сердце.

Имея христианское мировоззрение, Карповы не служили богатству, а желали употребить его на действительно необходимое людям дело, во славу Божию. Как гражданин, Карпов видел признаки гибели православной империи, расшатывание которой началось в XIX в. Как христианин, он переживал навязывание русскому народу безбожных идей социализма и сектантского разложения самосознания, результатом которых стал переворот

1917 г. В такой внешне благополучной, но уже безбожной среде, супруги Карповы решают отдать свою усадьбу для устройства монастыря. Надеюсь, что монастырская жизнь, в которой будет постоянно звучать молитва Богу, напомним обществу о вечных ценностях. Иоанн Кронштадтский благословляет их решение и указывает на Пятогорский Богородицкий Вохоновский женский монастырь, находившийся в 30 км от Гатчины.

Являясь деятельным по натуре человеком, Козьма Карпович встретился с не менее деятельной игуменьей монастыря Аполлонией, которая в то время вела строительство двух монастырей в Вохоново и Курковицах и подворья в Кикерино. В монастыре находился приют для девочек-сирот, где они воспитывались, получали начальное образование и обучались различным профессиям. Там же имелись больница и богадельня для престарелых и болящих сестер. Монастырь занимался в округе активной просветительской деятельностью, что было так необходимо в те годы.

В 1896 г. Карповы отдают свою усадьбу Пятогорскому Богородицкому Вохоновскому монастырю для устройства в Гатчине монастырского подворья.

В том же году на углу улиц Госпитальной и Елизаветинской была построена Покровская церковь с двумя приделами — Покрова Пресвятой Богородицы и Святого Благоверного князя Александра Невского, где храмовым образом являлась икона Козьмы Карпова Покров Божией Матери. Из Пятогорского женского монастыря на подворье переехали 30 монахинь. Тогда же там были организованы иконописная, золотощвейная, золотильная, швейная, башмачная мастерские. С появлением подворья и храма ожил один из красивейших уголков Гатчины. Вокруг подворья развернулась

деятельная жизнь.

Живя подобно монахам при подворье, Козьма и Ирина Карповы до последних дней оставались обычными мирянами, отдав все свое состояние, жили в небольшой комнате, питаясь в монастырской трапезной. Из личного имущества они имели две кровати и два гроба, в которых и были похоронены в притворе собора. Эти люди могли бы жить в роскоши, но они, как истинно духовно богатые люди, в этом не нуждались. Какие это счастливые люди, которые могут позволить себе жить достаточно и скромно. Не остается без наград тот, кто жертвует во славу Бога. Будь то на храм, нищему, сироте... Стократно возвращает плату Господь за ту милость. Особенно очевидно это на примере жизни Козьмы Карпова.

Неслучайной случайностью можно назвать то, что супруги Карповы спустя некоторое время выиграли по городской благотворительной лотерее значительную сумму в 90 тысяч рублей. На наши деньги — приблизительно 100 миллионов. Остались записи современников, советовавших Карпову вложить эти деньги в образование и разные учреждения, но Козьма Карпович всерьез задумался об этой проблеме. Он обращается к о. Иоанну Кронштадтскому, который говорит ему пророческие слова. Великий пастырь благословляет Карпова строить на подворье большой каменный храм.

Только спустя годы понимаешь, насколько в словах святого все значимо. Не сказал Иоанн Кронштадтский: «строй такой, на сколько денег хватит», а сказал: «строй большой храм». Подобно Ною, в безбожной среде Козьма Карпович с игуменьей Аполлонией начинает строительство Покровского собора, как ковчега, корабля спасения. Не напрасно на куполах храмов Крест напоминает якорь — символ спасения. Осветил закладку собора духовный

руководитель Карпова о. Иоанн Кронштадтский. Спустя годы собор был возведен, распisan монахинями монастыря, но в полной мере завершить строительство не удалось. Большой каменный храм уцелел в XX в., несмотря на то, что его хотели снести, был закрыт, использовался как склад, планировали его переоборудовать под светские учреждения. А он, никогда не прекращая славить Бога, своим монументальным видом говорил: «Жив Господь!». Будь он маленьким, храм до наших дней не достоял бы. Был бы там магазин, кинотеатр, но не храм.

Еще одна неслучайная случайность состоит в том, что с каких бы точек ни смотреть на собор — это маяк, доминанта города, которая организует вокруг себя все пространство. Получается, как будто специально искали место, где его поставить, а поставлен он на том месте, где более 30-ти лет назад молодая семья купила усадьбу и не могла даже предположить, что Господь пошлет им такие средства, и здесь будет стоять величественный собор. Новый храм назвали Покровским собором, так как главный придел посвящен Покрову Пресвятой Богородицы. Икона Божией Матери, перенесенная в собор, заняла в нем достойное место. Монашествующие и жители Гатчины почитали Ее, как святыню. В годы гонений, когда храм и подворье были закрыты, святыни увозили в действующие церкви. Таким же образом была перенесена святыня Карпова на сохранение в собор ап. Павла, где она с особым почитанием сохранялась. 19 мая 2013 г. в жизни православной Гатчины произошло историческое знаменательное событие. По улицам города (ул. Соборная и ул. Красная) торжественно, крестным ходом после Божественной литургии, под звон колоколов двух соборов совершился перенос местночтимой иконы Покрова Пресвятой Богородицы из Павловско-

Гатчина. Монастырь. Торговая площадь.
GATCHINA. Le couvent et la place de commerce.

Гатчина. Подворье Малого монастыря.
Gatchina. Convent de Monsieur Marie.

Edouard de Wittmann. No 111.

го собора в Покровский собор. Торжественное шествие возглавил епископ Гатчинский и Лужский Митрофан.

О Козьме и Ирине Карповых можем сказать, что они при жизни не искали земной славы, недаром о них практически нет публикаций в газетах и журналах, не имеется фотографий. Благочестивая семья избегала этих проявлений суетной славы, сохраняя себя от губительной гордости и растлевающего самомнения. Только после смерти, в 1918 г., они были удостоены наивысшей земной награды — быть похороненными в храме. Почему они похоронены вместе? За совместное несение жизненного подвига. Супруга Ирина Афанасьевна полностью разделяла все тяготы и заботы, думы и переживания Козьмы Карповича, во всем поддерживала своего мужа. Легко ли это было? Она поистине была второй половиной своего супруга. Оба они своей жизнью явили образ взаимной любви и семейного счастья. Можно только пожелать молодым парам, ко-

торые венчаются у нас в соборе, брать с них пример христианской любви и верности.

Трудно оценить вклад Козьмы и Ирины Карповых в историю города Гатчины. Они не только украсили город величественным собором. Самое главное — они утверждали на земле вечные ценности. Нам выпала честь поучаствовать в деле этих «несвятых — святых» людей, посильно восстановить их детище, прикоснуться к их великому делу. Собор будет всегда напоминать людям, чтобы они поднимались над суетой земной плотской жизни и не забывали, что они сыны Божии. Сама жизнь супругов Карповых стала для нас назиданием. Бескорыстное служение Богу и людям, пример всей их жизни дает каждому человеку возможность достойно оценить сегодняшний день и увидеть себя. Благодаря заложенному ими камню веры и благо-

честия, в историю города вошли имена тех, кто был непосредственно связан с жизнью обители и собора — святой Марии Гатчинской, известного на всю Россию проповедника о. Иоанна Смолина, расстрелянного настоятеля о. Севастиана, многих монашествующих и других, за веру пострадавших людей. Не напрасно говорится, что если даже только один человек спасется, то был смысл построить храм. А это место и сегодня служит тем же высоким задачам. Люди молятся, растут духовно, нравственно, и славят Бога. И мы уверены, что это будет продолжаться.

В конце памятной доски есть одна надпись: «Помяни, Господи, во царствии Твоем рабов Божиих Козьму и Ирину», которая сделана нами. Если человек, зайдя в храм с пониманием и от сердца, произнесет эти слова, то это будет наивысшая благодарность от вас этим людям.

В Покровском соборе

Зоя Бобкова

Строго глядит на меня
Николай-чудотворец.
В храме два-три человека,
Покой, тишина.
Служба закончилась.
Здесь я и в счастье, и в горе.
Вижу икону.
Теперь я пред нею одна.

Брови насуплены.
Лик обрамлен сединою,
Матово светят
Из глуби столетий глаза.
Цельный неведомый мир
Для себя я открою,
Словно включу в свою жизнь,
Хоть на миг, небеса...

Не оставляет желание
Выкроить благо
Из полотна
Под крикливым названием «Жизнь»,
Вот и пришла я к святому.
Очей его тяга
Неизъяснима
И слышу: «Не падай, держись!»

Я помолилась.
Немного, но стало мне легче..
Лето в зените,
И травы раскинули плат,
В воздухе тесно от звуков,
Так много в нем певчих,
Музыкой делится каждый,
И этому рад.

≡≡≡ НЕБЕСНАЯ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ≡≡≡ ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛИ

*Преподобномученица Мария Гатчинская
(1874 – 1932 гг.)*

Виктор Васильев

«Иные из них не знали обвинителей, не видали судилищ..., но безвременно ночью похищены насильственно, сосланы <...>, и зло-страданиями, какие должны были терпеть в пустыне, доведены до смерти».

Свт. Василий Великий

Имя этой великой страдальицы известно далеко за пределами Гатчины, но гатчинцам оно особенно дорого, поскольку матушка Мария почитается в церковном народе как небесная заступница града Гатчины и всего Гатчинского края. Ее смиренный образ незримо присутствует на месте ее подвигов, а ее целебные мощи освящают ныне гатчинскую землю, пребывая в Гатчинском Павловском соборе.

Три десятилетия тому назад, в 1981 г., Русской православной Церковью за рубежом была прославлена в лике Новомучеников и исповедников Российских преподобномученица Мария Гатчинская. А пять лет тому назад, в 2006 г., она была канонизирована и на Родине. Произошло это событие в день памяти Святых Царственных мучеников, память которых святая благоговейно чтит.

В истории русской святости имя преподобномученицы Марии Гатчинской стоит в одном ряду с именами таких святых, как святые блаженные Ксения Петербургская и Матрена Мо-

сковская. Пораженная еще в юности тяжелым неизлечимым недугом, святая страдальица стяжала благодатные дары утешения, прозорливости и молитвенной помощи скорбящим и страждущим. Почитание м. Марии еще при жизни было настолько велико, что место ее молитвенного подвига стало местом паломничества верующих со всех концов России. Уже тогда, в годы безбожного лихолетья, ее именовали не иначе, как «святая мать Мария», настолько очевидными были ее духовные дарования и чудеса, являемые по ее молитвам.

В 1874 году в Санкт-Петербурге, неподалеку от Новодевичьего монастыря, в доме № 101 по Забалканскому проспекту в семье владельца сургучного завода Александра Ивановича Лелянова, родилась девочка, получившая в Святом Крещении имя Лидия. Купеческая династия Леляновых была в столице известной, богатой и уважаемой, ибо давно числилась по первой гильдии. Дядя будущей святой подвижницы – Петр Иванович Лелянов – был владельцем крупного мехового магазина на Большой Морской и принимал деятельное участие в общественной и городской жизни, несколько лет был гласным Санкт-Петербургской Думы. Именно в его доме прошли детские и юношеские годы будущей святой, потому что отец ее отошел ко Господу, когда ей было лишь три с половиной года, а ее младшей сестре – полтора.

Всю заботу об осиротевшей семье взял на себя дядя осиротевших девочек.

Но потеря отца была лишь первой скорбью в череде тех испытаний и скорбей, которые будут посланы подвижнице Господом. Через тяжкую неизлечимую болезнь она будет призвана Божественным Промыслом к равноангельному служению Богу и ближнему.

В шестнадцать лет девушку поразил тяжелый недуг — болезнь Паркинсона, которая стала следствием заболевания энцефалитом. На выпускные экзамены в женской гимназии, которую она заканчивала, Лидию привезли в инвалидной коляске.

Не помогли долгие курсы лечения, в том числе и за границей. Болезнь продолжала неумолимо отнимать у девушки телесное здравие: у нее стали сохнуть руки и ноги, все тело ссыхалось и уменьшалось в размере. По воспоминаниям современников, никакое лечение не помогало. Она не стала владеть ногами и всегда вынуждена была лежать, так как сидеть ей не давала постоянная страшная боль во всех тканях. Постепенно и руки ей отказали, и все тело ссохлось. Только голова и лицо оставались без всякого изменения. Лицо оставалось благообразным и светлым.

В том, что болезнь будущей матери Марии протекала необычно, видится особое действие Промысла Божиего. Тяжелый недуг не приобрел тех форм, которые обычно бывают неизбежными и, кроме поражения телесного, приводят также к разрушению личности.

Как отмечал первый составитель жизнеописаний многих новомучеников и исповедников Российских, в том числе, и м. Марии, протопресвитер Михаил Польский, *«оказавшись полным физическим инвалидом, (мать Мария) не только не деградировала*

психически, но обнаружила совершенно необычные, не свойственные таким больным черты личности и характера: она сделалась чрезвычайно кроткой, смиренной, покорной, непритязательной, сосредоточенной в себе, углубилась в постоянную молитву, без малейшего ропота перенося свое тяжкое состояние»¹.

Борясь с телесными искушениями и страданиями, подвижница постепенно стяжала благодатный дар утешения скорбящих и страждущих. Забывая собственную боль, она принимала на себя боль и страдания других людей. О ее прозорливости впоследствии свидетельствовали многие и многие люди, часто даже неверующие или малоцерковные

После того, как Лидия полностью потеряла подвижность, она, по совету врачей, вместе с сестрой и матерью переселилась в императорский пригород — Гатчину, где жил ее старший брат Владимир. Этому городу, основанному императором Павлом, суждено было стать местом монашеского и исповеднического подвига преподобномученицы Марии Гатчинской.

Зеленому двухэтажному деревянному дому в центре Гатчины, неподалеку от Гатчинского Павловского собора, суждено было на два десятилетия стать местом паломничества сотен людей, ехавших в Гатчину с одной целью: посетить смиренную страдальницу, чтобы от нее получить утешение и духовный совет. Среди посетителей матери Марии были люди всех сословий и положений: простые крестьяне и мещане, бывшие генералы, священнослужители, монашествующие, и даже архиереи.

На стенах большой комнаты, которая служила приемной и прилежала

¹ Польский М., протопр. Новые Мученики Российские. Jordanville, 1957, т. II, с. 254-257.

к келье м. Марии, можно было увидеть фотографии священномученика митрополита Вениамина Петроградского и митрополита Иосифа (Петровых). Владыка Вениамин написал на своей фотографии: «Глубокочтимой страдалице матушке Марии, утешившей, среди многих скорбящих, и меня грешного». Владыка Иосиф оставил на своей фотографии большую выписку из своего духовного дневника «В объятьях Отчих».

Именно по благословению священномученика Вениамина раба Божия Лидия была пострижена в монахини с наречением имени Мария в честь прп. Марии Египетской. Ровно десять лет после принятия ангельского чина продолжалось благословенное Господом служение матери Марии. Мать Мария лежала всегда на спине; тела ее не было видно; от шеи она была покрыта, до конца постели, черной мантией. На голове был черный монашеский апостольник. Руками она не владела совершенно, но на мантии ее всегда лежали четки. Многие посещали Матушку... и пользовались ее советами, мудрыми, полными нежной любви к каждому наставлениями. *«Мать Мария пользовалась большой известностью, к ней приходила масса народу, особенно из окружающих деревень»,* — вспоминает современница². Вдова вице-адмирала Сильман на следствии показала: *«Живу я в г. Красногвардейске [Гатчине] 25-26 лет, за это время уже давно слышала, что в городе по ул. К. Маркса [Багговутовской] живет Мария, которая слыла в городе как исцелительница и святая. Нередко проходя по улице, меня останавливали прохожие и священники и спрашивали, где живет святая Мария.»*³ Таких свидетельств в след-

² А. Епанчина. Цит.пр.

³ Архив УФСБ СПб и ЛО. Д. 8894. Т. 2, л. 458 об.

м. Мария в своей келье. 1920-е гг.

Багговутовская улица,
на которой жила м. Мария

ственном деле множество. Приходившие приносили деньги и продукты, а сестра матушки Юлия Александровна раздавала их нуждающимся.

Почитание м. Марии усиливалось с каждым годом. Ее имя постепенно сделалось известным далеко за пределами Гатчины. Как явствует из материалов следственного дела, фотографии подвижницы *«распространялись по всему СССР»*. Большая комната, примыкавшая к келье монахини Ма-

Духовный отец м. Марии о. Петр Белавский
в 1920-е гг.

рии и служившая приемной, бывала полна приезжих. «Посещало м. Марию очень много народу, — показывала на следствии Александра Ивановна Анц, — служились у нее на квартире молебны и бывало духовенство. В городе она пользуется большой известностью, и если она помолится, то после все сбывается. Поэтому к ней ходит народ и просят помолиться для того, чтобы исполнилось какое-либо желание»⁴.

Лишь в последние годы количество посетителей м. Марии уменьшилось, поскольку многие были арестованы, некоторые умерли. Но и тогда к ма-

тушке приходило по 5-10 человек в день.

Среди посетителей м. Марии были такие известные личности, как епископ Димитрий (Любимов), священномученик протоиерей Викторин Добронравов, священник Алексей Кибардин, м. Варсонофий, служивший в Федоровском соборе Царского Села, архимандрит Лев (Егоров), его брат Гурий (будущий митрополит) и другие. Многие из посетителей м. Марии позже примут мученическую кончину. В непоколебимом стоянии за истину Христову и Его Церковь укрепляла этих исповедников и мучеников благодатная страдалница.

Живую картину служения монахини Марии запечатлел в своих воспоминаниях профессор Иван Михайлович Андреевский, побывавший в марте 1927 года у праведницы и получивший от нее духовную помощь. Сила слов и молитвы матери Марии была такова, что посетитель, по его собственному признанию, вышел от нее «другим человеком». Он пожаловался матери Марии на приступы тоски, на что та сказала ему: *«Тоска есть крест духовный — посылается она в помощь кающимся, которые не умеют раскаиваться, то есть после покаяния снова впадают в прежние грехи... А потому — только два лекарства лечат это, порой крайне тяжкое, душевное страдание. Надо или научиться раскаиваться и приносить плоды покаяния, или со смирением, кротостью и терпением и великой благодарностию Господу нести этот крест духовный, тоску свою, памятуя, что несение этого креста вменяется Господом за плод покаяния... А ведь какое это великое утешение — сознавать, что тоска твоя есть неосознанный плод покаяния, подсознательное самонаказание за отсутствие требуемых плодов.*

⁴ Архив УФСБ СПб и ЛО. Д. 8894. Т. 1, л. 24.

От мысли этой — в умиление придти надо, и тогда тоска постепенно растает, и истинные плоды покаяния зачтутся...»⁵ На этих глубоких, бесценных словах лежит отпечаток святоотеческой мудрости, глубокого смирения и личного опыта терпения скорбей, приведшего м. Марию ко всецелому покаянию перед Господом и полной покорности Его святой воле.

Андреевский, сам получивший утешение от матушки Марии, был также свидетелем ее чудесного воздействия на других. «Юноша, унывающий после ареста и ссылки отца-священника, вышел от матушки с радостной улыбкой, сам решившись принять сан диакона. Молодая женщина от грусти пришла к светлой радости, также решившись на монашество. Пожилой мужчина, глубоко страдавший от смерти сына, вышел от матушки выпрямленный и ободренный. Пожилая женщина, вошедшая с плачем, вышла спокойная и твердая». И таких людей были не десятки, а многие и многие сотни⁶.

Воспоминания современников м. Марии, собранные в последние годы, говорят о силе молитвы матушки и ее даре прозорливости.

Большое влияние оказала личность м. Марии и на духовную атмосферу Гатчины 1920-х годов. Среди мрака воинствующего безбожия и нравственного растрепывания появляется община девушек, чьи чистые души тянулись ко Господу и стремились выстраивать свою жизнь в соответствии с заповедями Божиими. Таким образом, вокруг матери Марии создается православное сестричество, сестры которого занимались молитвой, чтением и изуче-

⁵ Польский М., протопр. Новые Мученики Российские. Jordanville, 1957, т. II, с. 254-257.

⁶ Цит. по: В.В.Антонов. Она имела дар утешения. «Возвращение», № 3(7). С. 47.

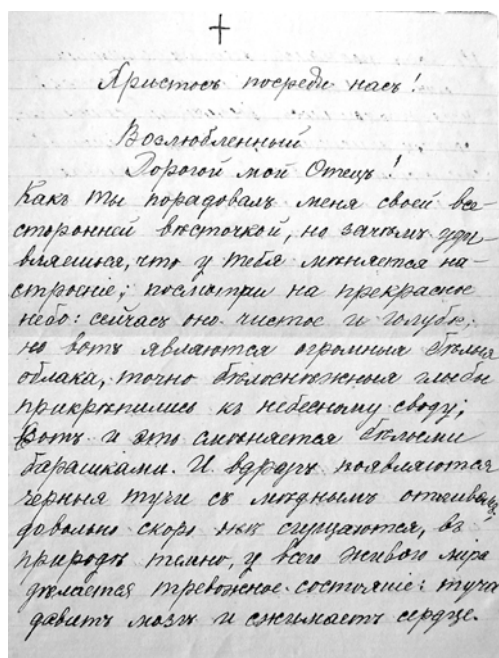
Икона святой, находящаяся в Павловском соборе

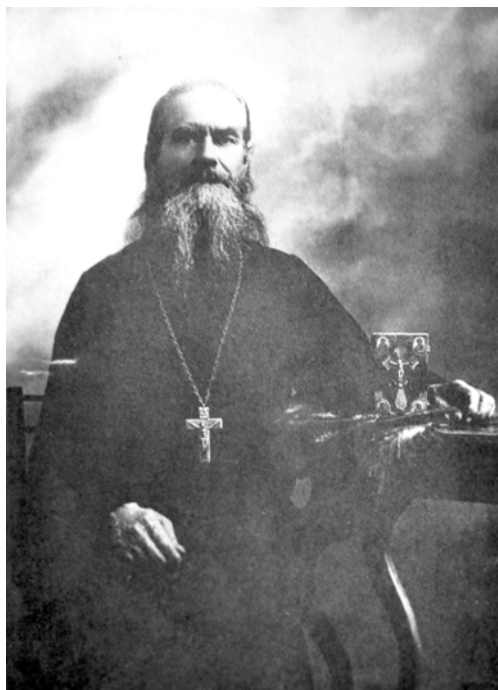
Конверт письма м. Марии о. Петру в Соловки

нием Священного Писания и делами милосердия.

Сестричество это называлось кружком почитания о. Иоанна Кронштадтского. Почитать память святого пастыря в то лютое время было большим дерзновением, но небесное заступничество святого хранило и укрепляло сестер в их благом делании. Основан кружок почитания был 11 сентября 1921 г. «Вокруг матери Марии, —

Письмо м. Марии о. Петру Белавскому
в Соловки

Протоиерей Иоанн Смолин

вспоминала А. А. Епанчина, – сложились два «кружка» – большой и маленький, большой помогал в разных домашних делах, маленький – большей частью пел молебны... В малом кружке нас было примерно 16 девочек, руководил нами о. Иоанн Смолин, с которым мы много пели у матушки Марии, навещали больных, отпевали покойников... На Рождество и Пасху мы ходили... «славить» к жителям Гатчины, почитателям матушки Марии»⁷. «Целью кружка, – по свидетельству одной из сестер – Ольги Эдуардовны Вейерт⁸, – было поддержание духовно-нравственного общения с больной, а также воспитание в этом духе; проведение в квартире болящей панихид, молебнов, молитвенных собраний в наше развращенное и безбожное время».⁹

После кончины первого духовника м. Марии, известного миссионера и исповедника православной веры, протоиерея Иоанна Смолина, духовником матери Марии становится молодой батюшка о. Петр Белавский (1892-1983 г.). Отец Петр был рукоположен во священника священномучеником митрополитом Вениамином 19 декабря / 1 января 1921 г. Таким образом, и он, и матушка Мария получили благословение на служение у этого святого архиерея. Светлый образ священномученика Вениамина являл им пример

⁷ А. Епанчина. Новые материалы к жизнеописанию преподобномученицы Марии Гатчинской. «Православная Русь», № 9, 1996. С. 12.

⁸ Вейерт Ольга Эдуардовна. 1900 – (?). Родилась в СПб. Жила в Гатчине была знакома с м. Марией Гатчинской. Регент хора Сретенской церкви в Полюстрове. Арестована 4.10.1932 в Ленинграде по «церковному делу». Приговорена 08.12. 1932 к 3 годам концлагерей. (Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб., 2002. С. 74).

⁹ В.В. Антонов. Цит. пр. С. 46.

стойкости и непреклонности в отстаивании правды Божией, и вместе с тем, — молитвенности, смирения и любви к ближнему.

Духовное окормление отцом Петром матушки Марии и сестер Иоанновского кружка длилось без малого три года. Осенью 1929 г. он вместе с архиепископом Димитрием (Любимовым) был арестован в своем доме в Тайцах и затем отправлен в Соловки¹⁰. С заключенным в Соловки о. Петром м. Мария поддерживала переписку. Она диктовала свои письма сестре Юлии. Одно из писем к о. Петру, пришедшее в Соловки, сохранилось. Духом христианской любви и надежды веет от его проникновенных строк. Написано оно в Прощеное воскресенье, 22 февраля 1931 г., то есть за год до ареста страдальцы, и подписано мирским именем монахини Марии (для глаз тех, кто будет его просматривать). Из письма мы узнаем, что и после ареста о. Петра кружок вокруг матери Марии продолжал существовать, а также, что ее физические страдания невероятно усилились и даже любое прикосновение вызывало сильную боль. *«Сестра и птенцы низко кланяются, поздравляют, целуют твою отеческую руку. — Говорится в письме. — Скажу несколько слов о себе. Здоровье сильно ухудшилось; чувствуется болезненность во всем, стала недотрога, но все же Господь милостив ко мне»¹¹.*

Дочь о. Петра Белавского Ксения Петровна свидетельствует, что когда они с матерью Ксенией Васильевной и сестрой Александрой приходили к матери Марии, Ксения Васильевна предупреждала девочек, чтобы ни в коем случае они не сделали неосторожного движения: не толкнули кровать, на

¹⁰ В.В. Антонов. Цит. пр. С. 48.

¹¹ Интернет-сайт Гачинского Покровского собора.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
По делу № 278-32г.

Группы монашек Золотоборского Рождественского монастыря, Покровского подворья Пятгорского монастыря и Сергиевской пустыни

в условиях обостренной классовой борьбы и ожесточенного сопротивления классовых врагов — контр-революционными элементами правых и левых элементов форм хозяйствования, активную роль играют Церкви, монастыри, пытаясь всяческими способами противодействовать делу социалистической революции.

Вступавшие в Ленинградский Сперсектор ОГПУ в течение прошедшего времени неоднократно указывали, что в местах ликвидированных монастырей в районах Сектора, как-то: Вохиновский женский монастырь в районе Покровского монастыря, Покровский женский монастырь (около Невы), Сергиевский район, и другие подворья Пятгорского женского монастыря (гор. Красной Горы, Красная ул. д. № 3, монастырь помещался в дер. Алитино, Покровского с/совета Золотоборского р-на) и Сергиевская пустынь, уездно-пригородного р-на, продолжают проживать и заниматься всяческими действиями.

Обвинительное заключение

Соборная улица. Справа виден дом м. Марии

Место, на котором стоял дом м. Марии

которой лежала мать Мария или не задела ее саму, так как любое прикосновение приносило ей тяжкие физические страдания¹². Это подтвердит и медицинское заключение, сделанное

¹² Запись беседы с К.А. Белавской. 8 февраля 2004 г. Личный архив В.А. Васильева.

главврачом дома предварительного заключения...

18 февраля 1932 г. повсеместно прошли массовые аресты монашествующих. В Гатчине были арестованы сестры закрытого Нежадовского монастыря и сестры Покровского подворья Пятогорского Вохоновского женского монастыря. А на следующий день, в пятницу 19 февраля, арестовали и мать Марию с сестрой Юлией Александровной. В постановлении на арест м. Марии прямо вменялось в вину исповедание веры: «Участвует на нелегальных сборищах, где читается евангелие, на которые приглашается местное население и в беседах на религиозные темы ведет антисоветскую пропаганду»¹³

Как вспоминали современники, *«мать Марию волокли со второго этажа их дома два чекиста, прямо по полу, несмотря на ее крики от боли, погрузили в грузовую машину и увезли в Ленинград»*¹⁴.

Можно представить, какие невероятные физические страдания испытывала м. Мария и во время ареста, и во время транспортировки в кузове промерзшего грузовика по ухабистой дороге. Но на этом ее муки не кончались...

Страдалицу привезли в больницу, которая находилась на Фонтанке и называлась больницей им. 25 октября (бывшая Александровская). На следующий день после ареста в больнице ДПЗ беспомощную монахиню подвергли осмотру. Главным врачом было подписано медицинское освидетельствование тяжелого заболевания м. Марии, в котором говорилось, что больная страдает *«ревматизмом и*

*подагрой в течение двадцати лет, настолько в сильной форме, что находится в вынужденном лежачем положении на спине в течение всего времени своей болезни. В настоящее время она представляет из себя редкую уродливость и болезнь ее в данном состоянии неизлечима»*¹⁵. Здесь же было отмечено, что больная нуждается в постоянном уходе не менее 2-х человек. Кроме того, главврач указал, что больная подлежит переводу в гражданскую больницу или в дом призрения... Но жестокий механизм не дал обратного хода...

Проходила м. Мария по делу *«группы монашек Вохоновского, Нежадовского монастырей, Покровского подворья Пятогорского монастыря и Сергиевой пустыни»*. Монахине Марии было предъявлено стандартное обвинение по статье 58/10.

На самом же деле причиной ареста было огромное духовное и общественное значение матушки Марии. Она *«была настолько популярна, что ее считают даже ясновидящей и предсказательницей... Слава ее святости была большая и далеко за пределами района»*¹⁶.

Действительно, какую опасность для властей могла представлять прикованная к постели монахиня-инвалид? Тем не менее, безбожные власти эту опасность осознавали. Духовная сила и авторитет, а также полная безбоязненность м. Марии были страшны богборцам. К ней обращали взоры те, кому требовалось укрепление в противостоянии явно антихристианскому миру, насаждаемому на месте Святой Руси. Видя смиренное ежедневное мученичество и неземной дар Божественной любви м. Марии, а также твердое

¹³ Постановление о предъявлении обвинений и избрании меры пресечения. Архив УФСБ СПб ЛО. Д. 8894. Т.1, л. 376.

¹⁴ А. Епанчина. Цит. пр. С. 12.

¹⁵ В.В. Антонов. Цит. Пр. С. 46.

¹⁶ В.В. Антонов. Цит. Пр. С. 46.

стояние в вере, страждущие чувствовали живое дыхание Духа Божия, воочию созерцая, как «неможное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1Кор.1:27). И это живое веяние благодати укрепляло их на путях исповедничества.

Показания жителей Гатчины дали Коллегии ГПУ вполне ясную картину жизни и служения матери Марии, а ее собственные показания, зафиксированные 16 марта 1932 г., подписали ей приговор. Мать Мария заявила следователю, что по религиозным убеждениям она является истинно православной. Кроме того, она сказала: «Я считаю, что митрополит Сергей напрасно велел молиться за совласть, так как ей это не нужно. И вообще, пусть за нее молится кто сам хочет...»¹⁷ На вопрос следователя о том, кто приходил к ней, мать Мария отвечала лаконично, что «народ меня посещал, но не в большом количестве. Приходили за советами по разным вопросам». Имен тех людей, кто приходил, м. Мария не назвала, кроме имен нескольких священнослужителей, которые были хорошо известны «органам», и были к тому времени уже отправлены в ссылку...

22 марта 1932 г. коллегия ОГПУ приговорила м. Марию к ссылке на три года в глухую провинцию, что было равносильно смертному приговору, потому что этого пути она выдержать бы не смогла.

Но Господь избавил мученицу от дальнейших страданий. Однажды тем, кто носил передачи для матери Марии, было объявлено: «Скончалась в госпитале». По сведениям из архива ЗАГСа, смерть последовала 17 апреля 1932 г.¹⁸ Последняя дата согласо-

¹⁷ Архив УФСБ СПб ЛО. Д. 8894. Т. 2, л. 313.

¹⁸ Справка отдела ЗАГС Адмиралтейского района г. Санкт-Петербурга № 27/1 от 29.04.2004 г.

Пренесение св. мощей м. Марии
в Гатчинский Павловский собор

ется и с другими данными, например, записями современников м. Марии. Скончалась страдальца в больнице 2-го отделения дома предварительного заключения.

Честные останки блаженной страдальцы были выданы ее невестке. Похоронить тело матери Марии было велено без огласки. Погребение состоялось на Смоленском кладбище неподалеку от часовни Ксении Петербургской. С тех пор ее смиренная могилка стала местом непрекращающегося паломничества верующих людей. Приходя поклониться блаженной Ксении, паломники потом шли на могилку и м. Марии.

В 1981 г. монахиня Мария Гатчинская была прославлена в сонме Новомучеников и Исповедников Русской Православной Церкви за границей. Приходило и время ее прославления на Родине, которое стало возможным благодаря новому взвешенному подходу к подвигу тех страдальцев за веру Христову, кто не согласился с Декларацией митрополита Сергия, но сохранял верность Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру (Полянскому).

На протяжении нескольких лет Гатчинское благочиние вело тщательную исследовательскую работу, готовя ма-

териалы для прославления м. Марии Русской Православной Церковью на Родине. Это радостное событие произошло в день памяти Святых Царственных мучеников летом 2006 г., а весной следующего, 2007 г., состоялось обретение святых мощей м. Марии и их торжественное перенесение в Павловский собор г. Гатчины, где они пребывают и поныне.

С тех пор неуклонно растет почитание мученицы, количество паломников к раке ее святых мощей из разных уголков России, ближнего и дальнего зарубежья, появляются свидетельства

о новых чудесах благодатной помощи по молитвам преподобномученицы Марии Гатчинской. Ежегодный крестный ход в день памяти святой с ее святыми мощами собирает многие сотни богомольцев, и этот праздник приобретает все большее духовное значение в жизни Санкт-Петербургской епархии.

Смиренный образ матери Марии незримо предстает пред нами, являя свет Христовой любви, пример безропотного терпения скорбей, веры и упования, а также полного самопожертвования в служении Богу и ближнему.

Мольба

Дмитрий Быковицкий

На паперти стою на коленях.
Прошу вас не судить меня строго.
Не хлеба я молю и не денег,
Подайте мне любви, ради Бога.
Зачем сердца волнует тревога?
Подайте мне любви, ради Бога.

Зачем сердца волнует тревога?
Кому из нас важней подаянье?
Ведет ли к храму эта дорога?
Подайте мне любви на прощанье.
Мы — след звезды во тьме мирозданья.
Подайте мне любви на прощанье.

Мы — след звезды во тьме мирозданья.
Что ждет нас? — Крест да камень в ограде.
Имел я власть, награды и званья,

Подайте мне любви, Бога ради.
Стою я, словно шут на эстраде.
Подайте мне любви, Бога ради.

Стою я, словно шут на эстраде,
Где маска за лицо выдается.
Кружится шар земной в маскарade.
Подайте мне любви, вам зачтется.
Чей голос в пустоте отзовется?
Подайте мне любви, вам зачтется.

Чей голос в пустоте отзовется?
Травую зарастает дорога.
Есть деньги, да не все продается.
Подайте мне любви, ради Бога.
На паперти стою у порога...
Подайте мне любви, ради Бога.

ДЕТСКАЯ МОЛИТВА

Людмила Иванова

Мальчик Ваня любит вместе с папой ловить на удочку рыбу. Однажды папа взял его на зимнюю рыбалку. К большому удивлению, Ваня вытащил из проруби приличную щуку. Папе ни разу не везло на щуку, в основном на зимнюю удочку клевала мелкая рыбешка. Он был удивлен и, конечно же, рад за сына.

Дома щуку взвесили – оказалась на килограмм. Мама тоже порадовалась за Ваню, ну а бабушка полушутя спросила:

– ...Ваня, ты, наверное, хорошо помолился?

Внук серьезно кивнул.

– ...А как ты это сделал??? – тихо спросила она.

– Я попросил: «Бог, пошли мне щуку»...

Вот так!!! Детская чистая молитва быстро доходит до Бога...

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ БЕЛОГОРСКОГО ХРАМА

Галина Хохлова

С историей нашего района связано имя крупнейших представителей российского и, прежде всего, петербургского купечества - Елисеевых. «Империя Елисеевых» включала в себя не только поражающие до сей поры своим величием магазины в Петербурге, Москве и Киеве, огромные винные погреба, как в столицах, так и за рубежом. Это были крупнейшие финансисты, вкладывавшие свои капиталы в пароходства, железные дороги, промышленные предприятия, стоявшие у основания российского страхового дела. При этом Елисеевы, не жалея ни времени, ни средств усердно занимались и делом благотворительности (1). Пример такого рода их деятельности есть и у нас. Это, прежде всего, храм Святителя и Чудотворца Николая в бывшей усадьбе Белогорка. Усадьба принадлежала единственной наследнице Александра Григорьевича Елисеева (старшего из братьев) Елизавете Александровне Фоминой.

Эта церковь стала третьей после Петропавловской (1889 г.) и Тихвинской приютской (1897 г.) и первой каменной, из построенных к тому времени в Сиверской. Храм был закончен и освящен в 1906 г. Если до сих пор спорным остается вопрос об имени архитектора белогорского усадебного дома, замечательного образца стиля модерн (пока, во всяком случае, проектные чертежи не найдены), то авторство белогорского храма установлено точно. Это двоюродный брат хозяйки усадьбы Степан Федорович Овсянников (1873-?). В ЦГИА Санкт-Петербурга сохранились

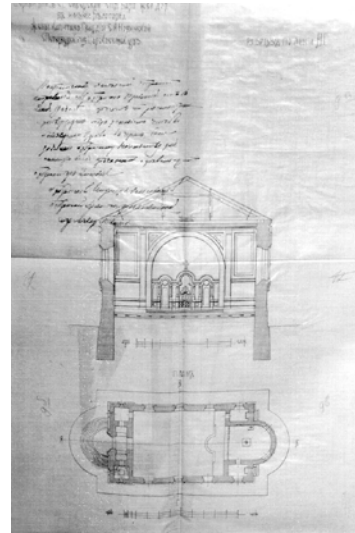

чертежи проекта церкви, где на каждой странице указано имя архитектора(2). Правда, построенный в действительности, храм несколько отличался от первоначально задуманного. В данной работе впервые публикуются чертежи первого проекта, а также известные фотографии храма, относящиеся к десятым годам XX в. Возможно, это дало основание Б.М. Кириллову в справочнике «Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — второй половины XX вв.» (3) утверждать, что церковь в Белогорке, как и здание коммерческой школы А.Г. Елисеева 1901-1902 гг. (6-я Советская, 3), были построены Овсянниковым совместно с Владимиром Петровичем

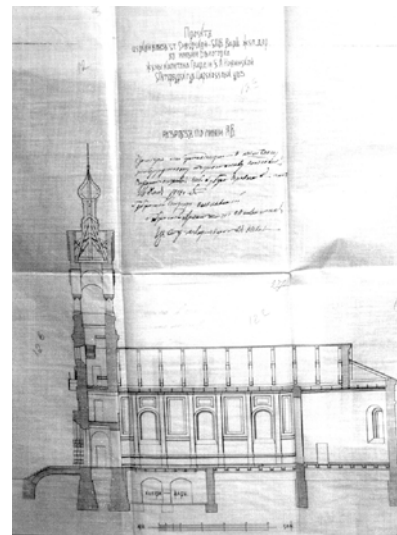
Тавлиновым (1873-?). Оба архитектора не только одноклассники, но и окончили Институт гражданских инженеров: С.Ф. Овсянников в 1898 г., а В.П. Тавлинов в 1897 г. Они вместе работали еще в правлении Владикавказской ж/д. Оба считаются учениками одного из ярких представителей петербургского модерна Гавриила Васильевича Барановского (1860-1920), который ранее, в 1879 г., также стал выпускником ИГИ. Барановский известен не только, как архитектор, но и как пропагандист новой архитектуры, редактор журнала «Строитель», автор многотомной «Архитектурной энциклопедии второй половины XIX в.» и других изданий по вопросам архитектуры. Кроме того, Гавриилу Васильевичу принадлежит много проектов, сделанных по заказам Елисеевых: дома Г.Г. Елисеева (на наб. Макарова, д. 10, наб. Фонтанки, д. 64, ул. Ломоносова, д. 14), здание женской гимназии (Басков пер., д. 8), знаменитый торговый дом Елисеевых (Невский пр., д.56), дача Елисеевых «Эрро» (т.н. «белая дача») в Усть-Нарве (4).

И все же хранящиеся в архиве фонда Градостроительного комитета чертежи первого проекта не позволяют усомниться, что именно своему кузену хозяйка имения доверила проектирование и постройку первой значительной каменной постройки в Белогорке. И теперь в самый раз сделать небольшое отступление от архитектурной темы и поговорить с читателем о личности архитектора.

Родоначальник петербургской линии купеческой династии Овсянниковых Степан Тарасович начал свою деятельность в 1835 г. Он вел крупную оптовую торговлю зерном и мукой, имел собственные конторы в разных городах. В Петербурге в районе Калашниковской пристани (с 1952 г.

Проект Никольского храма 1904 г.
в деревне Белогорка года в разрезе.
Главный фасад

Проект Никольского храма 1904 г.
в деревне Белогорка года в разрезе.
Боковой фасад

— Синопская набережная) ему принадлежало 65 лавок и амбаров. С.Т. Овсянников заработал огромное состояние по казенным заказам, а именно по поставкам хлеба и хлебопродуктов Военному ведомству. К началу 1870-х

Сиверская, Николаевская церковь.

Почтовая открытка из Сиверской Музея

Сиверская, Дебальцевская церковь.

Почтовые открытки начала XX в.
Собрание Музея истории Сиверской

гг. его капитал исчислялся астрономической суммой в 12 миллионов рублей. Он владел несколькими доходными домами, в одном из которых проживала вся многочисленная семья (№ 9 по ул. Бакунина, бывший Калашниковский пр., 4-х этажном, угловом с ул. Херсонской). Он подарил горожанам небольшой садик, расположенный по со-

седству, который по сию пору называется Овсянниковским. Мои дедушка и бабушка по отцовской линии в 1950-е гг. жили именно в этом угловом доме, а в Овсянниковском садике я гуляла, приезжая к ним в гости. Конечно, в ту пору я не могла знать, что сад называется Овсянниковским и тем более, кто такие Овсянниковы. Степан Тарасович по неписанным правилам образа жизни русского купца занимался благотворительностью. Получил чин статского советника, еще раньше возведен с семейством в сословие потомственных почетных граждан, был удостоен многих высших государственных наград. При всем том, с годами он превратился в опасного для общества самодура. Купеческая карьера С.Т. Овсянникова бесславно завершилась в 1875 г. громким судебным процессом, о котором писали все российские газеты. Только что введенный в судебную практику суд присяжных обвинил его в уголовном преступлении — организации преднамеренного поджога — и приговорил к тюремному заключению с высылкой в Сибирь. Над его имуществом учредили опеку, обязав возместить причиненные убытки. Привыкнув к попустительству прикормленной полиции, купец не ожидал внезапного обыска, в котором участвовал в качестве прокурора А.Ф. Кони. Взяли Степана Тарасовича с поличным, причем выяснилось, что за ним числилось до 15 уголовных дел, по которым он старым судом был только «оставлен в подозрении». Не правда ли, все очень узнаваемо?

Вторым браком С.Т. Овсянников женился на Елизавете Семеновне Золотовой, происходившей, как и он, из московского старообрядческого купеческого рода. От этого брака родились три сына и четыре дочери. Отцовское торговое дело в Петербурге продол-

жил второй сын Федор Степанович. Он продолжал жить на Херсонской ул., д. 2\9. Однако через 13 лет после начала самостоятельной коммерческой деятельности и Ф.С. Овсянников потерпел крах. В 1891 г. петербургский суд объявил его несостоятельным должником. В феврале 1892 г. Сенат признал его должником злостным, из чего следовало неминуемое тюремное заключение, вероятно, и развод.

В 1872 г. Федор Степанович женился по выбору своего крутонравного отца на Ольге Григорьевне Елисеевой, родной сестре отца Елизаветы Александровны Фоминой (урожденной Елисеевой). Елисеевы пришли на помощь Ольге, когда в 1875 г. осудили ее свекра, помогали и после повторного краха. Так, Александр Григорьевич помог племяннику Степану Федоровичу получить достойное образование, а потом, как видим, не раз доверял заказы на строительство, в том числе и каменной церкви в Белогорке. Получив звание инженера путей сообщения, до 1917 г. Овсянников служил на строительстве дороги Бологое-Полоцк, на Владикавказской ж/д, затем стал директором в каменноугольном донецком товариществе «Овсянников и Яромкин», выполнял частные заказы на строительство. Степан Федорович особенно сблизился с семьей своего дяди Александра Григорьевича, жил в его петербургском доме на Гагаринской набережной, всячески поддерживал его начинания. Так, вместе с Тавлиновым они строили здание коммерческой школы Петровского общества распространения коммерческого образования на 6-й Рождественской улице, д. 3. 1 января 1904 г. С.Ф.Овсянников получил орден Св. Станислава III степени за труды и особые заслуги как член Петровского общества. Сведения о династии Овсянниковых почерпнуты

мною из новой монографии А.В. Краско (5). В книге описаны во многом поучительные истории представителей 19-ти родов крупного петербургского купечества. Все они связаны родственными узами с Елисеевыми.

У нас бытует много легенд о якобы счастливой жизни Елизаветы Александровны Елисеевой в первом браке с Николаем Новинским. Но Алле Владимировне удалось по документам выяснить обратное: «Молодые поселились в доме А.Г. Елисеева на Французской наб., 24. Однако, как сказано в послужном списке Николая, 29 ноября 1903 г. их брак расторгнут духовными властями «с осуждением его на всегдашнее безбрачие». Эта формула означает, что Новинского уличили в некоем серьезном нарушении супружеских обязанностей. Детей в этом браке не было». Добавлю, что в декабре 1903 г. Николай Новинский покончил с собой. Какая уж тут семейная идиллия!

На чертежах проекта еще стоит фамилия заказчицы по первому браку: «Вдова капитана Е.А. Новинская». Если внимательно присмотреться к первому проекту, выполненному единолично С.Ф. Овсянниковым, и сравнить его с фотографиями белогорского храма начала XX в., то можно заметить как многие черты их сходства, так и существенные различия. Неизменными остались размеры основного объема, расположение и декор окон, декор карниза и подоконного тяжа. Правда, отсутствует орнаментальный тяж, проходящий на уровне верхнего декора окон, в виде выпуклых квадратов, резонно теперь кажущийся явным излишеством. Вместо отсутствовавшего на проекте крытого крыльца в окончательном варианте мы наблюдаем прекрасно декорированное двускатное крыльцо в стиле московского зодче-

ства XVI в., которое не только больше отвечает всему убранству церкви, но и само по себе является ее украшением (чертеж главного фасада). Замечу, что такое крыльцо практичнее по нашей погоде. Сегодня это крыльцо остается самым ярким и православным элементом храма. Сверху недавно поместили икону Св. Николая-Чудотворца, любоваться можно и по сей день.

К великому сожалению, этого нельзя сказать о колокольне и куполах, которые были варварски взорваны в 1962 г. Сложены они были настолько прочно, что все попытки разобрать их вручную инструментами не удавались. Сколько помню, потолок в тех местах, где раньше крепились барабаны луковичных куполов, при сильных дождях постоянно протекал, так что находившийся под ними паркет вспучивался. Забегая вперед, скажу, что после передачи здания вновь церкви, паркет сняли, и под ним открылась изначальная мраморная плитка, когда-то доставленная из Италии.

Как раз в колокольне (естественно, помимо соответствующего ей крыльца) и наблюдаются самые существенные различия. Построенная колокольня придает всему зданию соразмерную с длиной и шириной пропорциональность и, я бы сказала, кряжистость, русскость. Это очень талантливая стилизация под русскую старину. Разных размеров кокошники, скаты, закомары, «пузатые» декорированные столбики и придающий ей легкость, завершающий колокольню изящный барабан с небольшой луковичкой — делают ее подлинным украшением Никольского храма. На первоначальном проекте колокольня несоразмерно высока (это особенно бросается в глаза на чертежах бокового фасада) и в совокупности с крыльцом напоминает скорее западную архитектуру, что явно было

не в духе времени. Помимо прочего, у храма появились две дополнительные симметричные боковые луковички, естественно, несколько ниже и по сторонам от колокольни. Высокий цоколь облицован гранитом, а весь фасад — так называемой плиткой-кабанчиком желтого цвета. В сочетании с затейливым белым декором окон, столбов это выглядит очень нарядно. На чертеже бокового разреза показано наличие калориферов, что свидетельствует о том, что отопление также проектировалось по последнему слову техники. Вероятно, окончательный вариант храма больше соответствовал и вкусам заказчицы. Старые фотографии дают представление о том, как органично вписался оригинальный профиль колокольни в окружающие его березы и ели. Это была отчетливая доминанта на въезде в усадьбу со стороны Ново-Сиверской, ведь храм стоит на крутом высоком берегу Оредежа. Никольская церковь и по сей день является самой внушительной в окрестностях Сиверской. Судя по ее размерам, она изначально предназначалась стать приходским храмом, но никак не семейным.

Надо заметить, что первоначальный проект был отклонен Градостроительным комитетом вовсе не по эстетическим соображениям. Просто было предложено произвести дополнительное усиление надежности кровли и соответствующий перерасчет нагрузок на нее. После предоставления чертежей окончательного варианта проекта, по-видимому, все замечания были устранены, после чего проект одобрен и разрешен к строительству. Сами же эти последние чертежи, как правило, отдавались затем на руки заказчикам после уплаты ими госпошлины.

События, начиная с весны 1917 г, приняли для семьи трагический характер. Сначала пропадает Елиза-

вета Александровна, отправившаяся весной подлечить слабые легкие кумысом. В том же году ее супруг Иван Яковлевич Фомин скончался в усадьбе при невыясненных обстоятельствах. Следом умирает и отец хозяйки белогорской усадьбы Александр Григорьевич Елисеев. Достоверно известно, что в сентябре 1918 г. его уже не было в живых. После смерти хозяина его квартира на углу Гагаринской улицы и Французской набережной (дом 24/1) была ограблена. Так исчезла коллекция изделий из серебра из 110 предметов и многое другое. Понятно, что о сохранности семейных архивов не может быть и речи. Скорее всего, мы так доподлинно никогда и не узнаем, кто же был архитектором окончательного варианта и Никольского храма и усадебного дома. Возможно, что это даже был коллектив авторов. Чертежи безвозвратно утеряны.

Оставшиеся сиротами дети Фоминых, Платон и Алла (соответственно 1905 и 1908 гг. рождения), в первое время были приняты в семью настоятеля храма отца Иоанна Сажина. Впоследствии их воспитанием занимались сводные взрослые сестры Вера и Нина Ивановны, дети от первого брака И.Я. Фомина (по воспоминаниям Татьяны Платоновны Соколовой, внучки Елизаветы Александровны).

Хозяйка усадьбы, подавая в 1903 г. прошение о строительстве каменного храма, брала на себя обязательство пожертвовать под нужды церкви 1200 сажень земли, построить его, содержать на собственные средства причт: священник должен был получать 100 рублей в месяц, а дьякон — 50 рублей. Она выполнила все обязательства, построила также рядом с храмом двухэтажное деревянное здание для проживания семей священнослужителей. Этот дом сейчас коммунальный, но

в народе прочно сохранилось за ним название «церковный». Он уцелел удивительным образом, ведь при наступлении наших войск в январе 1944 г. горел усадебный дом, дачи и трехэтажное здание школы, непосредственно примыкавшей к нему. Эта школа для местной детворы также была построена Елизаветой Александровной, первые годы существовала только на ее средства. Но и потом она была главой попечительского совета и постоянно жертвовала на школу деньги, принимала выпускные экзамены, делала детям подарки к праздникам. До самой Великой Отечественной войны в этом здании помещалась сельская школа, ставшая симилеткой, там же показывали кинофильмы для всех жителей Белогорки (по воспоминаниям белогорского старожила Владимира Исаевича Богданова).

Никольская церковь была закрыта властями в 1936 г. Первое время она использовалась под хозяйственные нужды Ленинградской опытной станции. Там было даже зернохранилище. Перед войной здание приспособили под Дом культуры. Здесь показывали кинофильмы, проходили праздничные вечера для работников института, гремела дискотека. В начале девяностых оно приняло совсем плачевный вид: разбитые люстры, грязные подвалы, бывшие некогда гардеробной, вспученные и даже частично разобранные паркетные полы, переломанные кресла — словом, повсюду следы запустения. Между прочим, тогда усадебный дом выглядел вполне прилично, поскольку был обитаем, любим и храним сотрудниками СЗНИИСХ, трудившимися в нем многие годы. Теперь все смотрится буквально наоборот. 19 декабря 1993 г., в день престольного праздника Святителя и Чудотворца Николая белогорский храм был вновь освящен,

и в нем началась служба.

Отец Иоанн Сажин служил в Никольской церкви вплоть до ее закрытия, первым дьяконом был Владимир Дубровицкий. Отца Иоанна, по рассказам старожил, сначала выселили из церковного дома, и его приютили прихожане из Ново-Сиверской (ул. Речная), а затем отправили в систему ГУЛАГ, где он и пропал. У Дубровицких была большая семья церковнослужителей. Служил и его отец, и братья. Скорее всего, и им не удалось избежать репрессий.

С 1993 г. по сей день служит и одновременно возглавляет работы по восстановлению Никольского храма в прежнем виде отец Александр Квасов. Ему удалось сплотить при церкви многочисленный дружный приход. Люди постепенно восстановили внутреннее и внешнее убранство. Благодаря пожертвованиям была перекрыта крыша, поставлена ограда. Бывшая сотрудница института, прихожанка Татьяна Чашина возглавляет работы по озеленению прицерковной территории, в результате — цветники у нашего храма, пожалуй, лучшие в округе, и радуют глаз весь теплый сезон.

Не хватает лишь самой важной детали — красавицы колокольни и куполов с крестами. Сейчас храм по облику сильно напоминает лютеранскую кирху. Нужен архитектор, который сможет по сохранившимся фотографиям воссоздать былую красоту.

Храм у реки

Храм стоит. Поручен грубо.
Над обрывистой рекой
Колокольня, как обрубок
Кровоточит пустотой.

Благовесты разрывали
Тишину округи всей.

«Адмиральским» называли
Храм Николы прежних дней...

Верю я: с небесной сини
Вновь прольется благовест.
Покаянная Россия,
Береги над храмом крест!

Это стихотворение я писала в 1998 году, глядя на Никольскую церковь из окна своей квартиры. Но колокольни пока нет, а вокруг церкви и по оврагу лепятся страшного вида сарайчики. И все-таки, я надеюсь, что люди осознают их неуместность, да и властям не мешает проявить принципиальность. Сноса требуют все сараи-развалюхи до здания института. После благоустройства это могла бы стать отличная зона отдыха для жителей поселка. И туриста не стыдно было бы привести. Ведь здесь открывается потрясающий вид на плотину! Хватит уже жить по-свински, надо же себя уважать!

Литература:

1. Краско А.В. Дома купцов Елисеевых. — СПб. ООО «Черное и белое», 1997 г., 159 стр.
2. ЦГИА Санкт-Петербурга, фонд 256, опись 27, дело 216. О рассмотрении проекта церкви в имени Белогорка Царкосельского уезда вдовы капитана Гвардии Е.А. Новинской. Проект, чертежи, 1904 г.
3. Кириллов Б.М. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — второй половины XX века. Справочник.
4. Горюнов В.С., Тубли М.П. Архитектура эпохи модерна. — СПб. Стройиздат. С.-Петербургское отделение, 1992 г., 360 стр.
5. Краско А.В. Петербургское купечество: Страницы семейных историй. — М.: Издательство Центрполиграф, 2010 г., 414 стр.

НА ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛЕ – ПРАВОСЛАВНАЯ ЕПАРХИЯ

Галина Елфимова

Решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 12 марта 2013 г. из состава Санкт-Петербургской епархии выделены три новых епархии – Выборгская, Гатчинская и Тихвинская.

С таким предложением на заседании в столичной Патриаршей и Синодальной резиденции в Даниловом монастыре под председательством Патриарха Московского и всея Руси Кирилла выступил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир.

Владыка, в частности, отметил:

«Санкт-Петербургская епархия является одной из крупнейших в Русской Православной Церкви. Она включает в себя две административные единицы Российской Федерации: город Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Поскольку Санкт-Петербург — крупный административный и культурный центр, деятельность правящего архиерея по взаимодействию с государственными и общественными структурами носит особо интенсивный характер. Современная церковная жизнь требует развития миссионерского, благотворительного, молодежного, катехизического, просветительского и социального служения, также повышенного внимания и контроля со стороны правящего архиерея за постоянно увеличивающимся числом приходов и монастырей, в том числе и над удаленными приходами и монастырями, располагающимися на территории Ленинградской области. В связи с этим прошу Ваше Святейшество и Священный Синод образовать три

новых епархий, выделив их из состава Санкт-Петербургской епархии».

Согласно постановлению, образованы Выборгская, Гатчинская и Тихвинская епархии».

Гатчинская епархия объединяет приходы в административных границах Волосовского, Гатчинского, Кингисеппского, Ломоносовского, Лужского, Сланцевского и Тосненского районов Ленинградской области. Она преобразована в самостоятельную, будучи выделенной из состава Санкт-Петербургской епархии. Одновременно Гатчинская епархия включена в состав новоучрежденной Санкт-Петербургской митрополии.

Епископом Гатчинским и Лужским избран клирик Санкт-Петербургской епархии игумен Митрофан (Осяка).

Епископ Гатчинский и Лужский Митрофан родился 19 ноября 1972 года в Ростове-на-Дону в семье священника.

Учился в Ростовском строительном техникуме. В 1990 году поступил в Минскую духовную семинарию. 21 сентября 1992-го в Ростове-на-Дону был рукоположен во диакона. 6 июня 1993 г. в Ростове-на-Дону митрополитом Ростовским и Новочеркасским Владимиром (Котляровым) был рукоположен во пресвитера. Заочно продолжил обучение в Московской духовной семинарии. 11 апреля 1994 г. был пострижен в монашество с наречением имени Митрофан в честь святителя Митрофана Воронежского. Служил экономом и келарем в Свято-Донском Старочеркасском монастыре.

13 октября 1997 г. был принят в клир Санкт-Петербургской епархии и назначен на должность и.о. настоятеля Иоанно-Богословского Черемнецкого монастыря. 3 июля 1998-го утвержден в должности настоятеля этой обители с возведением в сан игумена.

В 2007 году окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. В сентябре 2009 г. был назначен председателем отдела реставрации Санкт-Петербургской епархии.

Решением Священного Синода от 12 марта 2013 года избран епископом Гатчинским и Лужским. 14 марта митрополитом Санкт-Петербургским Владимиром (Котляровым) в храме Тихвинской иконы Божией Матери митрополичьей резиденции на Каменном острове в Санкт-Петербурге был возведен в сан архимандрита.

На следующий день в храме Всех святых, в земле Российской просиявших, Патриаршей резиденции в Даниловом монастыре Москвы наречен во епископа.

Хиротонию архимандрита Митрофана (Осяка) во епископа Гатчинского и Лужского совершил Патриарх Кирилл 22 марта, в день памяти 40 мучеников Севастийских, за Боже-

ственной литургией в столичном храме святителя Николая в Хамовниках.

Его Святейшеству сослужили митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, первый викарий Патриарха Московского и всея Руси по Москве архиепископ Истринский Арсений, руководитель административного секретариата Московской Патриархии епископ Солнечногорский Сергей, епископ Подольский Тихон, викарий Санкт-Петербургской епархии епископ Кронштадтский Назарий и другие архиереи Русской Православной Церкви с многочисленным духовенством Москвы.

На богослужении присутствовали руководитель представительства правительства Ленинградской области при правительстве России Олег Кузин, глава администрации Гатчины Александр Калугин, глава администрации Лужского района Олег Малащенко и другие официальные лица.

По окончании богослужения Предстоятель напутствовал епископа Гатчинского и Лужского Митрофана на служение и вручил ему архиерейский жезл.

Х-х-х

24 апреля 2013 года — исторический день для новообразованной Гатчинской епархии: в Покровском соборе г. Гатчины состоялось первое епархиальное Собрание. В нем участвовало духовенство шести благочиний, более ста священнослужителей.

Кафедральным собором в Гатчине является Павловский собор (настоятель — митрофорный протоиерей Владимир Феер), в Луге — Казанский собор (настоятель — митрофорный протоиерей Николай Денисенко).

Х-х-х

Создание митрополий и епархий — это не новаторство, а, скорее, возврат к старому. Предпосылки реформы были еще в царской России. И если бы не революция, эта система уже давно была бы построена.

В 1917-1918 годах прошел Поместный собор Российской Православной Церкви. Революция не дала возможности все это совершить. Советская власть не хотела развития Церкви, и все затормозилось. Но настал такой момент, когда мы начали возвращаться к этой системе. Хотя движение в этом направлении было и раньше. В восьмидесятых годах, например, в ведении митрополита Алексия были Ле-

нинградская и Новгородская области. Затем было принято разумное решение эту огромную территорию разделить, и появились новые епархии.

Главный смысл этих преобразований — разукрупнение. Святейший Патриарх Кирилл привел показательное сравнение. Кровь в организме разносится по венам и крупным артериям, а дальше — по капиллярам. Это маленькие сосуды, которые доставляют кровь в самые отдаленные органы человеческого тела. Кровь дает жизнь. Также слово Божие — а это Кровь Господня — должно быть донесено до каждого населенного пункта. К тому же создание епархий сразу повышает статус территории.

Разливы души

Евгений Докучаев

Молитвы без просьб,
пожеланий свидетели,
уже позабыв навсегда
стародавнее,
всю жизнь эту вскользь,
навсегда о-рассветили
одним вопиющим
к Земле
состраданием...

Разливы Души...
как беседы бессловные...
свечением только
касаться мне хочется...
пространственно жить
в вышине одиночества...
теченья пополнив
объемом со-творчества...

О, сколько энергий
отправлено в плотности...
и таяла темь,
как снега придорожные...

и светлые реки
поили - в сомножестве —
подснежники темы
беспамятства к прошлому...

Такая молитва
без просьб...
пожелание —
открыться вовне,
раствориться до атомов...
вот этой Земле
отдавая признание —
рассветной своей
удивительной радугой...

Вот это во мне...
А пределы растаяли...
уже на ветвях расплавляет
жемчужное...
А я вырастаю над этим
в ментальное...
и там возрождения музыку
слушаю....

**В МОЛИТВЕ БЫТЬ И СЛЫШАТЬ БОГА –
СВЯТОГО ДУХА ТИШИНУ...**

*Патриарх Московский
и всея Руси Кирилл и
епископ Гатчинский и
Лужский Митрофан.
Москва. Март 2013 г.
Фото: Н. Безуглов*

Участники первого собрания Гатчинской епархии. Гатчина. Апрель 2013 г. Фото: Н. Безуглов

Епископ Гатчинский и Лужский Митрофан. Гатчина. 2013 г. Фото: Н. Безуглов

Епископ Гатчинский и Лужский Митрофан (справа) и секретарь епархиального управления, настоятель храма Казанской иконы Божией Матери пос. Вырица, протоиерей Георгий Преображенский. Гатчина. 2013 г. Фото: Н. Безуглов

На причастии. Фото: С. Ефимчук

Наши чадушки. Фото: С. Ефимчук

Живительная сила святой воды... Фото: С. Ефимчук

Крещение на озере. Фото: Л. Иванова

Крещение. Фото: Л. Иванова

Таинство исповеди. Фото: С. Ефимчук

Молитва матери. Фото: С. Ефимчук

Все дороги ведут в храм. Фото: С. Ефимчук

Поет воскресная школа. Фото: Л. Иванова

Огонек. Фото: Л. Иванова

У святого источника. Фото: Л. Иванова

Звонарь. Фото: Л. Иванова

На колокольне. Фото: Л. Иванова

Гимназист. Фото: Л. Иванова

Свечи надежды нашей. Фото: С. Ефимчук

Да не угаснет моя свеча в Твоем храме. Фото: С. Ефимчук

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ

Ингрия – ветер с Балтийского моря,

Сказочный берег в осеннем огне.

Ингрия – Ингрид в венчальном уборе,

Ингрия – дева на белом коне.

А. Деконская

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД ДЛЯ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ

Владимир Кокко

По статистике, 40% всех финнов, проживающих в Ленинградской области, живет именно в Гатчинском районе. А если рассматривать территорию исторической Ингерманландии, то город Гатчина окажется в самом ее центре. К тому же многие ключевые события истории местных финнов свершились именно на Гатчинской земле.

Колпанская семинария

Именно финны составляли в XIX в. большинство сельского населения пригородов Санкт-Петербурга, свидетельством тому преимущественно финские названия близлежащих к столице империи деревень.

Живет на Гатчинской земле легенда, что-де Павел Петрович вовсе не был сыном Екатерины. Первенец будущей императрицы, якобы, умер вскоре после рождения, а убитый страхом двор представил матери, в качестве ее новорожденного подмененного младенца, сына назначенной наследнику престола кормилицы. Так как все происходило в Царском Селе, то кормилица была из ближайшей финской деревни, и звали ее Мария Сюгияйнен. Если верить этой легенде, то император Павел I - вовсе не Романов, а простой финский крестьянин из ингерманландской семьи. Историки, правда, говорят, что эта легенда — чистый вымысел...

Так, наверное, оно и есть, но создается впечатление, что великий князь, а позднее император всероссийский Павел Петрович, сам временами верил в эту легенду. Иначе, чем объяснить

его исключительно положительное отношение к местным финнам, которых он отлично знал, прожив в ожидании престола в любимой им Гатчине многие годы?

Наследник престола на собственные деньги содержал открытую в 1782 г. в дер. Малые Колпаны первую в России начальную школу с преподаванием на финском языке. Муж Марии Сюгияйнен, Каарле Сюгияйнен получил вольную и вдобавок земельный надел в Парицах. Павел Петрович, впрочем, как и его последователи, давал деньги на строительство лютеранских церквей.

Кстати, императоры весьма дружелюбно относились к лютеранам вообще. Начиная с Павла Петровича и кончая последним Николаем Александровичем, все наследники российского престола выбирали себе невест из лютеранских государств (немецких княжеств или Дании).

Колпанская школа получила в 1800 г. новое здание близ новой каменной церкви. Школа давала лишь самые начальные знания, учили читать (по-фински и по-русски) и считать. Даже письмо было предметом необязательным. А первым ее директором (школмейстером) был Пиетари Райкерус. В первой половине XIX в. открылись также финские приходские школы в лютеранских приходах Хиетамяки, Тюре, Св. Марии (Петербург) и в Дудергофе.

Делу просвещения финнов Ингерманландии способствовала деятельность настоятеля петербургского при-

хода Святой Марии Уно Сюгнеуса. Этот финляндский уроженец был поборником народного образования и считал, что образование на финском языке в Петербургской губернии сдерживается нехваткой учителей. Кстати, закончив в 1858 г. свое служение в Петербурге, У. Сюгнеус вернулся в Финляндию, где и сегодня почитается отцом отечественной системы школьного образования. В начале 1860-х гг. в Ингерманландии было уже девять церковно-приходских школ, работавших на финском языке. Вопрос об учебном заведении, которое готовило бы учителей, назрел.

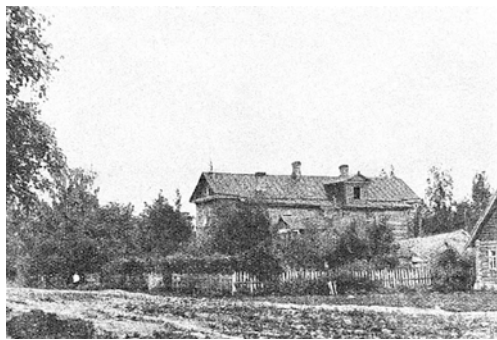
Радикальные преобразования, которые в начале 1860-х гг. проводил в стране император Александр II (отмена крепостничества, введение земств и независимого суда), создали новые, более свободные условия развития и для национальных меньшинств. В самом Великом Княжестве Финляндском чаяния местных фенноманов были поддержаны, и в 1863 г. финский язык стал вторым, наряду со шведским, официальным языком в стране. Поданное финскими лютеранскими пасторами прошение об учреждении учительской семинарии в Петербургской губернии также получило поддержку.

4 (16) сентября 1863 г. Колпанская лютеранская учительская семинария, как называлась она по-русски, открылась. Место для нее нашлось лишь на том же земельном участке, что принадлежал старой Колпанской школе, напротив кирхи, на другой стороне Псковского тракта. Первым ректором ее стал Фредрик Оскар Гроундстрем, родившийся в Котлах в 1835 г. Он получил образование в Хельсинкском и Московском университетах, преподавал в Петербурге в приходской школе шведского прихода Св. Екатерины, а ректором семинарии он проработал 16

лет до своей смерти в 1879 г. Похоронен Ф.О. Гроундстрем был на Колпанском кладбище.

Административно Колпанская семинария управлялась правлением, состоявшим из влиятельных и образованных священников, оно избирало ректора. Правление, в свою очередь, подчинялось лютеранской консистории, находившейся в столице империи. Финансировалось оно специальным фондом кассы взаимопомощи консистории. Так продолжалось до 1891 г., когда изменившееся законодательство перевело семинарию в ведение Министерства просвещения и подчинило ее главному инспектору народных училищ Петербургской губернии. Дипломы, выдаваемые семинарией, признавались на всей территории империи и до, и после 1891 г.

Семинария работала как интернат, учащиеся жили в ней во время учебы. В здании было тесно. Первый построенный для учреждения домик был совсем небольшим. Лишь позднее был выстроен двухэтажный дом, представленный на фото. К сожалению, это здание было утрачено в годы войны.

Полный курс семинарии длился три года, поэтому второй набор состоялся только в 1866 г. Преподавались: религия, финский язык (который был языком обучения), русский язык, история, география, ботаника, естествознание, арифметика, чистописание, рисование,

церковное пение и игра на органе.

Уже выпускники первого набора прославили свое учебное заведение. Среди них были Моозес Путро и Абрахам Тиснекка. А. Тиснекка был родом из прихода Тюре, после окончания семинарии работал учителем, директором школы, активно занимался журналистикой, писал в газеты, выходившие на финском языке в Петербурге. Его главная заслуга состоит в том, что к 25-летию Колпанской семинарии он написал довольно подробную историю финских школ Ингерманландии. Если бы не этот труд, мы сегодня почти ничего не знали бы о том, как в России зарождалось народное образование на финском языке.

Моозес Путро же вырос в нашего национального композитора. Он родился 18 октября 1848 г. в Дудергофе. В семинарии проявился его талант органиста, поэтому он продолжил обучение музыке в Лифляндии и Финляндии. Этапной была для него учеба в Петербургской консерватории, которую он — первым из ингерманландских финнов — окончил в 1878 г. М. Путро был кантором и органистом в приходе Св. Марии в Петербурге, писал музыку, в основном духовную. Месса, написанная им, до сих пор используется Евангелическо-лютеранской Церковью Ингрии. Созданная в 1888 г. патетическая песня *Nouse Inkeri* («Вставай, Ингерманландия»), к которой композитор сам написал и слова, стала вскоре гимном всех ингерманландских финнов. Моозес Путро стал инициатором летних музыкальных праздников, первый из которых состоялся 8-9 июня 1899 г. в Пудости. Путро был организатором финского хорового общества в Петербурге, даже участвовал в записи первой в мире грамофонной пластинки с финскими песнями (она, кстати, вышла в Петербурге, а не в

Финляндии). Пасмурным ноябрьским днем 1919 г. он отправился от финской церкви на Большой Конюшенной на отпевание на Митрофаньевское кладбище и не дошел до него. Композитор пропал без вести, могилы его не существует...

Среди других известных выпускников семинарии стоит упомянуть Иисакки Латту, ингерманландского финна, переехавшего в Финляндию и ставшего артистом Национального театра в Хельсинки, Пааво Ряйккенена, который некоторое время преподавал в семинарии, а затем вырос в выдающегося публициста, редактора газет и издателя «Народного календаря», бывшего настольной книгой в каждом финском доме в Ингерманландии (оба — четвертый выпуск). В восьмом выпуске семинарию окончил Аатами Халтсонен, снискавший известность и уважение за свою общественную деятельность, возглавляемое им общество трезвости «Инкери» было организатором первого летнего праздника в Пудости в 1899 г. Тогда же семинарию окончил Яакко Раски, ставший одним из ректоров своей *alma mater* и Аапо Весикко, публицист, видный активист национального движения. Юхана Перяляйнен, кандидат философии, филолог, поэт и просветитель, окончил семинарию в девятом выпуске, в 1896 г. К десятому выпуску относятся бесстрашный пастор Пекка Бракс, расстрелянный на Левашовской пустоши, и Каапре Тюнни, последний ректор семинарии и с 1917 г. подлинный лидер национального движения ингерманландских финнов того времени.

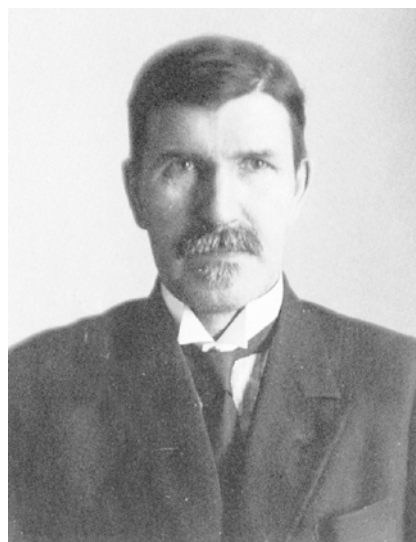
Всего за годы своего существования семинария подготовила свыше 200 человек, кстати, только мужчин. Огромное большинство их работали учителями в финноязычных школах. Впрочем, в начале XX в. школы эти можно было

лишь условно назвать финскими; при Николае II политика русификации привела к тому, что часто лишь религия и собственно финский язык преподавались по-фински, а остальные предметы — на русском языке. Школа и школьные учителя пользовались огромным уважением у ингерманландских финнов, недаром процент грамотных в Санкт-Петербургской губернии был самым высоким именно в среде финнов.

Не будет преувеличением сказать, что именно Колпанская учительская семинария стала местом рождения ингерманландско-финской интеллигенции. Здесь сложились целые учительские династии: Ряйккнен, Райкерус, Тиснекка, Парккинен, Тойкка, Халтсонен. Именно эта просвещенная элита и формировала национальное движение ингерманландских финнов, не только объясняя, но и демонстрируя своим примером народу, как можно и нужно отстаивать свои права на родной язык и праотеческую культуру. Выпускники учительской семинарии стали той закваской, на которой возшло национальное самосознание финнов-ингерманландцев, без них вряд ли когда-нибудь мы осознали бы себя народом.

Значение семинарии осознавалось уже в XIX в. Торжественно отмечалось ее 25-летие, к которому Моозес Путро написал гимн *Nouse Inkeri* («Вставай, Ингерманландия»), и 50-летие учебного заведения; к нему было подготовлено юбилейное издание, являющееся по сей день главным источником по истории семинарии. Наверное, понятно, почему в 2013 г. добровольное общество ингерманландских финнов «Инкерин Лиитто» решило достойно отметить 150-летие со дня основания Колпанской семинарии.

Колпанская семинария прекратила

Каапре Тюнни,
последний ректор Колпанской семинарии

свое существование в 1919 г., с отступающими войсками Юденича ушел, эмигрировав в Финляндию, ее последний ректор Каапре Тюнни.

Однако уже на следующий год в Гатчине было открыто педагогическое училище (позднее — Гатчинский педагогический техникум), в котором стали готовить учителей для финских школ нашего края. В начале 1920-х гг. развитию образования на национальных языках уделялось большое внимание. Число финских школ в Петроградской губернии быстро росло, а с ней росла и потребность в квалифицированных учительских кадрах. Поэтому масштабы подготовки учителей в Гатчинском педтехникуме были впечатляющими. Когда финский язык во второй половине 20-х гг. решили преподавать в школах Карелии, учителями туда командировали выпускников Гатчинского техникума. Можно сказать, что педтехникум в Гатчине явился наследником традиций Колпанской семинарии на ниве народного просвещения. История этого учебного заведения,

несомненно, достойна внимания и детального изучения.

25 лет обществу «Инкерин Лиитто»

На Гатчинской земле, в Тайцах, 15 октября 1988 г. состоялось учредительное собрание добровольного общества «Инкерин Лиитто». Inkerin Liitto переводится с финского как «Ингерманландский Союз».

Конечно, возникла эта общественная организация не на пустом месте. Расеянные по миру из-за неоднократных депортаций со своей исторической родины ингерманландские финны не мирились с судьбой отверженных и обвиненных во всех тяжких грехах. Их перестали считать «врагами народа» лишь после смерти Сталина, но в Ленинградскую область из мест ссылок возвратилась едва ли третья часть всех финнов-ингерманландцев. Другие после войны нашли новую родину в Карелии, Эстонии или так и остались жить в местах ссылок.

Вера помогала людям держаться своих корней. Даже в годы хрущевских гонений на религию в Ингерманландии финны собирались на кладбищах или в частных домах, чтобы помолиться, пообщаться на родном языке. Их чаяния не остались без вознаграждения, в 1977 г. в Пушкине открылся финский лютеранский приход. Он, кстати, стал местом встречи многих будущих активистов «Инкерин Лиитто».

Лишь перестройка дала народам России шанс на то, чтобы самостоятельно решать свою судьбу. В августе 1987 г. почти весь номер выходившего в Петрозаводске на финском языке журнала «Пуналиппу» был посвящен ингерманландским финнам, истории и трагедии нашего народа. Интервьюировавшие нас журналисты из Карелии уже тогда знали, что в Ленинградской

области есть знакомые между собой люди, болеющие за судьбу ингерманландских финнов.

Собрать на учредительное собрание, проходившее в частном доме, около ста человек было для нас делом более легким, чем всех их в этом доме разместить. На собрании участники согласились, что основной задачей общества будет «сохранение ингерманландских финнов как этнической общности на родной земле, в Ингерманландии». Единогласно поддержали предложение будущего пастора Арво Сурво назвать организацию Inkerin Liitto, а также избрали 11 человек в совет, которому поручили подготовить документы для официальной регистрации общества. 30 января 1989 г. Исполком Леноблсовета утвердил временный Устав «Инкерин Лиитто», и наша организация получила законное право действовать. Интересно, что зарегистрированы мы были на основании советского закона от 1932 г. (!) и стали первой в регионе национальной общественной организацией, получивший официальный статус. В 1989 г. первым председателем общества был избран Пааво Парккинен из Колтушей.

За 25 лет своего существования «Инкерин Лиитто» много сделал, многому научился, многое переосмыслил. Иначе и быть не могло, ведь радикально изменилась наша страна. Рухнул Советский Союз, плановую, вечно дефицитную экономику сменили жесткие рыночные отношения.

На первом этапе деятельности нашего общества остро стояла задача политической реабилитации ингерманландских финнов. Нелегкую юридическую работу мы вели вместе с Ингерманландским союзом финнов Карелии (предс. Юхо Муллонен) и добились результата. 29 июня 1993 г. было принято Постановление Верховного

Совета Российской Федерации «О реабилитации российских финнов». Хотя многие положения этого постановления так и остались только на бумаге, было чрезвычайно важным фактом то, что государство признавало таким образом незаконность массовых репрессий в отношении финнов и в такой форме принесло им свои извинения.

Неожиданно возникла и другая задача — помочь престарелым. Ведь вместе с СССР рухнула и пенсионная система, многие пожилые люди оказались в отчаянном положении на грани голода. Нашей молодой организации удалось привлечь внимание финских властей к проблеме, в итоге родился четырехсторонний проект, в котором участвовали Министерство соцобеспечения и здравоохранения Финляндии, органы соцзащиты населения Петербурга и области, наше общество «Инкерин Лиитто» и Церковь Ингрии. В декабре 1992 г. появились дома по уходу за престарелыми в Колтушах и Губаницах, а в декабре 1993 — в Тайцах. По договоренности финская сторона несла расходы по строительству и оснащению домов, а также подготовке их персонала; остальные договаривающиеся стороны должны были обеспечивать функционирование учреждений. Много сделал для успешного старта проекта председатель «Инкерин Лиитто» в 1990-92 гг. Виктор Хюренен, житель Гатчины. Развитие проекта вдохновило в Финляндии на подобную деятельность и других. В результате — сегодня в городе и области успешно действуют шесть центров по обслуживанию престарелых, построенных на финские деньги. Одни из них принадлежат нашей Церкви, другие — местным органам социальной защиты, но все, разумеется, обслуживают престарелых независимо от их национальности.

Дом по уходу за престарелыми в Тайцах

Задачи по сохранению этнической общности решались и решаются через преподавание финского языка, развитие культурной и просветительской деятельности.

Как только образовался наш союз, было решено провести летний праздник, он состоялся 25-26 июня 1989 г. в Колтушах. Два незабываемых дня! Не знаю, как узнавали мои соотечествен-

Первый Юханнус, проведенный «Инкерин Лиитто» в 1989 г. в Колтушах

Юханнус в Скворицах.

Финский народный костюм прихода Тюре, реконструированный кружком при «Инкерин Лиитто»

ники о празднике, но народу было несколько тысяч человек. Было много приехавших из Карелии и Эстонии. Почти спонтанно развивавшаяся концертная программа не могла вместить всех желающих выступить. Народные песни и танцы звучали допоздна. После костра многие остались ночевать в палатках на месте праздника. А на следующий день была еще и церковная программа, проведенная Арво Сурво.

С тех пор летний праздник, который обычно проходит в Juhannus («Иванов день» – суббота, ближайшая ко дню летнего солнцестояния), общество «Инкерин Лиитто» проводит ежегодно. «Праздничный календарь» нашего общества включает также совместное празднование Дня Калевалы, Масленицы, Дня Инкери (по финскому календарю – именины Инкери, Inkerin päivät, 5 октября) и «малого Рождества» (pikkujoulu).

При нашем обществе в Петербурге,

Ингерманландский номер журнала Punalippu, август 1987 г.

Токсове и Сосновом Боре имеется пять музыкальных коллективов, которые ориентируются на народную музыку и традиционную манеру исполнения песен и танцев. В Петербурге есть кружок реконструкции народного костюма и даже кружок игры на кантеле.

В Петербургском отделении общества под руководством профессионального этнографа Ольги Коньковой в 2007 г. был создан мобильный музей, рассказывающий о финно-угорских народах Ленинградской области. Его экспозиция, первоначально размещенная в Кунсткамере, в настоящее время выставляется в библиотеках и домах культуры разных населенных пунктов нашего края. Это лишь часть нашей просветительской работы, потому что еще мы проводим выездные семинары, при «Инкерин Лиитто» действует открытый для всех лекторий, мы поддерживаем тесные связи со средствами массовой информации и, конечно, имеем свой сайт в интернете.

Сколько существует «Инкерин Лиитто», столько преподается в нашем обществе финский язык. В середине 90-х гг. только в Петербурге число языковых групп при обществе достигало 26! В учебном году 2012-13 гг. все было скромнее – в Петербурге, Гатчине, Колтушах и Сестрорецке занималось восемь групп финского языка для взрослых разного уровня. Наше общество может гордиться своими опытными преподавателями финского, владеющими самыми современными методиками преподавания языка. Уже много лет они по заданию Комитета по образованию Петербурга готовят материалы и проводят региональные олимпиады по финскому языку для школьников.

Историческим можно назвать организованное нашим обществом в 2001 г. собрание литераторов-ингерманландцев, которое прошло в Гатчинском многофункциональном центре. На него собрались полтора десятка литераторов, ингерманландских финнов по национальности, из России, Финляндии, Эстонии и Швеции. К сожалению, история самого центра на ул. Карла Маркса была недолгой. Справиться с проблемой самоокупаемости местное подразделение «Инкерин Лиитто» не сумело.

В первые годы существования нашего общества случались и курьезы. Молодые, неопытные руководители его считали поначалу, что все, живущие в мире финны-ингерманландцы, только и мечтают о том, чтобы вернуться на родину предков. Мы выступали за их компактное расселение, воссоздание финских деревень. Самые горячие головы высказывались за какую-то «Малую Ингерманландию» не-то на Карельском перешейке, не-то близ эстонской границы.

«Большая» история распорядилась

На уроке финского, преподаватель В. Кокко

по-иному. Кризис начала 90-х съел накопления финнов-ингерманландцев, переезжать из других регионов России на родину предков им стало просто не на что. Те, кто жили в Эстонии, предпочли остаться в новой демократической Эстонии, а не ехать в непредсказуемую Россию. Возвращение ингерманландских финнов на историческую родину просто не состоялось.

С тех пор в «Инкерин Лиитто» вообладало мнение, что не стоит «выдумывать», в чем состоит счастье ингерманландских финнов. Мы решили просто внимательно прислушиваться к потребностям членов нашего общества. Тогда, когда у людей не было работы, мы занимались содействием трудоустройству и поддержкой фермеров (в этом деле ключевую роль играл доцент Аграрного университета Александр Пюльзю). Тогда, когда к нам приходили с вопросами получения справки о реабилитации, мы наладили юридические консультации.

Особое внимание в деятельности «Инкерин Лиитто» всегда уделялось поддержанию межингерманландских связей. У нас нет и никогда не было проблем в развитии сотрудничества с Ингерманландским союзом Финляндии, Ингерманландским союзом Швеции, Союзом ингерманландских

финнов Эстонии, Ингерманландским союзом финнов Карелии, другими общественными объединениями ингерманландских финнов, живущих в Финляндии.

«Инкерин Лиитто» достойно представляет интересы финнов-ингерманландцев и на международной арене. Мы участвовали в пяти из шести проведенных Всемирных конгрессов финно-угорских народов, с самого начала (1997 г.) работаем в Парламенте зарубежных финнов (его вице-спикером от региона Восточная Европа является в настоящее время автор этого текста).

Деятельность нашего общества, пожалуй, была бы просто невозможна, если бы не активное сотрудничество с местными и региональными властями. О конструктивной роли ингерманландских финнов знают и в Гатчинском районе, и в Правительстве Ленинградской области, и в Комитете по внешним связям Правительства Санкт-Петербурга.

Особым вызовом для всех нас стало то, что в 1990 г. ингерманландские финны получили право на репатриацию в Финляндию. Оказалось, что кроме исторической Ингерманландии, у нас есть еще одна родина — Финлян-

дия. Две родины, конечно, лучше, чем ни одной (в ссылке многим казалось, что родина утрачена и ее уже никогда не будет). Но задача сохранения этнической общности серьезно осложнилась. Отъезд наших соотечественников в Финляндию стал, увы, массовым. «Инкерин Лиитто», всегда боровшийся за то, чтобы ингерманландские финны имели как можно больше прав, не может препятствовать этому отъезду, но и не поощряет его. Но если финн-ингерманландец все-таки решил переехать в Финляндию, мы считаем своим долгом позаботиться о том, чтобы он отправился туда со знанием языка и культуры своих предков.

Естественная ассимиляция и отъезд в Финляндию приводят к тому, что численность ингерманландских финнов в Петербурге и Ленинградской области все время сокращается, по данным переписи 2010 г. нас осталось здесь всего 8 тысяч (в 1926 г. было 120 тысяч!), но мы не собираемся опускать руки, общество «Инкерин Лиитто» и через 25 лет после своего основания продолжает делать свое дело. Мы помогаем тем, кто хочет у себя на родине остаться финном и вырастить финнами своих детей.

КАЛЕНДАРНЫЕ ПОГОДНЫЕ ПРИМЕТЫ ИНГРО-ФИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Павел Крылов

Представление о погодных приметах, о том, что по определенной погоде в определенный день или период времени может считаться верным предзнаменованием погоды в другой определенный день или период известно у всех народов. В нем отразилось стремление прогнозировать будущее состояние природных сил, приспособиться к нему, согласовать с ним ритм жизни и повседневных занятий. При этом охотник или рыбак ищет в приметах информацию о состоянии погоды в ближайшее время — на несколько дней вперед, и, главным образом, на завтра, чтобы решить, выходить ли ему на промысел или оставаться дома. Основной интерес земледельца и скотовода, напротив, состоит в том, чтобы иметь представление о том, как распределится погода по временам года, ждать ли жаркого или холодного лета, будет ли много дождевой влаги, когда выпадет снег и т.п. Впрочем, едва ли следует проводить столь четкую линию между промысловиками, и землеробами. Погода на завтра и на год вперед могла занимать и тех, других, независимо от рода занятий.

Известный советский этнограф С.А. Токарев разделял погодные приметы на три группы:

1. краткосрочные — предсказывают погоду на следующий день. «Если в день Святого Олафа (29 июля) будет дождь, дождь будет и завтра, и еще семь недель вперед.

2. долгосрочные — дают представ-

ление о погоде на целый сезон. «Если Михайлов день (29 сентября) будет холодным — холодной будет вся зима»

3. фиксированные — в день такого-то святого полагается быть определенной погоде, или если в день такого-то святого определенная погода, то по ней можно судить о погоде на тот или иной период. (Пример: в день Юханнуса — Рождества Иоанна Крестителя — должен идти дождь, или погода в Масленицу повторится на Пасху). Один из самых показательных примеров — широко распространенное мнение о взаимной связи сезонов по модели: если зима была холодная, то лето будет жарким и наоборот, теплая и влажная зима предзнаменует холодное и дождливое лето.

В число традиционных занятий исторического населения Ижорской земли входили и охота, и рыбная ловля, и собирательство ягод, и земледелие, и скотоводство, что обусловило важность для него всех вышеперечисленных видов погодных примет, привязанных к датам церковного календаря. Несмотря на то, что христианский календарь появляется позднее, в его основе лежит та же, что и в календарях прежних эпох, идея единства существования человека и природы в едином космосе. Успехи конфирмационного обучения, насаждаемого евангелическо-лютеранской церковью среди населения сельской Ингерманландии с середины XVII в., привели к тому, что следы прежних календарных

названий оказались, фактически, стертыми и замещенными новыми, использующими имена святых, дни памяти которых отмечались Церковью в соответствующий день. К ним оказался привязан комплекс погодных примет, сформировавшихся на весьма небольшой по площади территории Невского края, на которой сконцентрировалась этническая группа ингро-финнов, а также их соседи – воедь и ижора. К сожалению, накопленное за многие века культурное богатство этих народов в области наблюдений за природой остается малоизвестным и не востребованным, главным образом, по причине языкового барьера. Последнее является тем более досадным, что современная аудитория сохраняет довольно стойкий интерес к старинным погодным приметам. В то же время средства массовой информации, не только центральные, но и региональные, удовлетворяют его, публикуя приметы, выработанные в культуре великороссов Средней Полосы и Подмосковья, которые едва ли актуальны для Северо-Запада ввиду довольно явных климатических отличий обоих географических комплексов. Возвращение в обиход итогов многолетних наблюдений над погодой ижорско-водско-финского населения Приневья является, таким образом, не только данью памяти ушедшим поколениям этих малых народов Восточной Прибалтики, но и вполне реальным вкладом в современную российскую культуру, в которой присутствует запрос на информацию подобного рода.

Посвященной ингро-финским представлениям о погоде литературы на русском языке не существует. Немного специальных исследований и на финском языке, среди которых следует отметить книгу Лилии-Эмилии Куйванен «Ингерманландские календарные

праздники и исчисление времени». На сегодняшний день, она является наиболее подробным и обобщающим собранием сведений о традиционном ингерманландском календаре и на ее материалах основана данная статья.

Исчисление Нового Года с 1 января в Ижорской земле официально утвердилось в правление Петра I и утвердилось в народном календаре, придававшем большое значение начальным дням в качестве предвестников погодных событий, которым предстоит произойти в течение всего года. Параллель с современной приметой «как встретишь Новый Год, так его и проведешь» в данном случае выглядит совершенно очевидной. Согласно этой «логике начального периода», каждый из первых 12 дней нового года указывал на погоду соответствующего месяца – 1-й день – января, 5-й – мая, 11-й – ноября и т.п. Добрым предзнаменованием считалась ясная новогодняя ночь в сочетании с туманным днем 1 января. Богатый год предвещал также иней на деревьях, если он оставался на месте с Рождества Христова (25 декабря) до Богоявления (6 января), а солнечный новогодний день предрекал обилие ягод. Облачный день служил знаком того, что лето будет холодным, в то же время, погода собственно в день 1 января являлась указанием на погоду в Иванов День (25 июня). Наконец, от первой после Нового Года оттепели отсчитывали начало жатвы – через 200 дней.

Первый в новом году праздник Богоявление, отмечаемый 6 января, в случае ясной ночи и инея на деревьях, обещал хороший урожай ячменя.

25 января отмечали день святого апостола Павла, на который привыкли ждать сильных морозов. Если же морозов не было, тогда, говорили ин-

германландские крестьяне, надо было ждать заморозков в июле.

День Свечей, как по-фински называют Сретение, приходящийся на 2 февраля, когда увеличение светового дня уже становится заметным, считался первым свидетельством приближения весны. Наступление Дня Свечей совпадало с отелом крупного рогатого скота. В данном случае, перед нами яркий пример того, что календарный праздник в народном сознании выглядит не как точка, а как пятно, маркирующий некий довольно большой отрезок времени.

Поэтический образ оказался в народном сознании ингро-финнов связан со днем Матфея-зимнего, 24 февраля: «Матти бросает в море горячий камень», - говорили они, вновь вспоминая о приближающейся весне. Одновременно мороз на Матфея предвещает летнее ведро.

Не следует забывать, что на позднюю зиму и весну приходится праздники пасхального цикла, даты которых не зафиксированы. Празднование Светлого Христова Воскресенья происходит в первый воскресный день после первого полнолуния после дня весеннего равноденствия, и от этого дня отсчитывается как период Великого Поста, включающий Страстную Неделю и предшествующую Посту Масленицу, а также период послепасхальный, главными событиями которого являются Вознесение и Пятидесятница в 40-й и 50-й день после Пасхи. Впрочем, несмотря на подвижность дат, существует представление о том, что погода в день Масленицы предвещает погоду на Пасху.

Центральный праздник марта — Благовещение или Марьян День, 25-й день месяца, обладает огромным значением для предсказания погоды в ближайшие весенние недели. «Если

на Марию не показывается земля, то до Георгия тепла не будет», - говорили в Ингрии, добавляя: «Если в ночь на Марию мороз, жди еще 40 холодных ночей». Напротив, «если до Марии зимний холод слабнет, то сразу после — он заканчивается». Оттепель на Благовещение сулит ягодный год.

Похожие приметы связаны и с днем святого Георгия 23 апреля. Теплая погода предвещает хороший июльский урожай, а холод — обещает 40 холодных утреников.

Холод на 1 мая — день Святой Вальпургии или Ваппу — предзнаменует холодное лето. К этому дню осенние припасы имели обыкновение подходить к концу, что отразилось в поговорке: «Вальпургия бедняку не товарищ», появившейся, как очевидно, задолго до того века, когда этот день связали с международной солидарностью трудящихся.

9 мая по ингерманландскому календарю приходится на день Николы-вешнего. Считалось, что в этот день приходит настоящее тепло, и земля начинает давать корм скоту: «Георгий приносит сено под мышкой, Вальпургия — в лукошке, Никола — полную телегу».

День Святого Эрика, 18 мая, ассоциировался с временной засухой. «Дождь в день Эрика, также как ведро в Юханнус, стоят тысячу бочек золота», говорили в народе.

В середине июня, точнее — 13 и 14 июня, ожидали холодных ночей, а перед Ивановым днем — дождей. Дождь перед Рождеством Иоанна Крестителя давал надежды на хороший урожай зерна. Если на Юханнус, 24 июня, рожь начинала колоситься, замечали крестьяне, то на Иакова, 25 июля, она давала зерно. Тихая погода в этот день была знаменем ягодного года, холодная ночь — неурожая ягод.

В Петров день 29 июня жители Ингрии смотрели на направление ветра. Северный ветер дул к хорошему урожаю брусники. Впрочем, если в тот же день шел дождь, то бруснику должна была поразить гниль.

Ключевым днем, по которому определяли погоду во второй половине лета, был день Святой Маргариты — 13 июля. Если в этот день шел дождь — ингерманландские крестьяне ждали еще семь дождливых недель. Точно такая же примета отмечалась и в день Святого Олафа — 29 июля, обещавшего те же семь недель дождя.

25 июля, в день апостола Иакова, ночь вновь становилась заметной, в доме опять надо было зажигать свечи, дыхание осени ощущалось все сильнее. «Яков бросил в воду холодный камень» — говорили наблюдательные аборигены.

Впрочем, отсчет началу осени вели скорее с дней Святого Лаврентия (10 августа) или Святого Варфоломея (24 августа) на которые уже начинали всерьез опасаться холодных ночей. Впрочем, две недели между этими двумя праздниками считали хорошим временем для сева озимых.

В день апостола Матфея-осеннего, 21 сентября, змеи, как полагали местные жители, уползают домой в Маналу. Одновременно, заморозки накануне праздника обещали долгую и слякотную осень.

Главным же праздником сентября был Михайлов день, приходящийся на 29 сентября и знаменующий собой окончание сбора урожая, время изобилия, пусть и относительного, а также расчетов с работниками за труд на поле, уплаты долгов и податей. «Кто летом хорошо трудился, тому в Михайлов день богатство», гласила по поводу этого дня народная мудрость. Холод в этот день был предвестником

долгой и морозной зимы — «Лед будет на реках до Вальпургии», — говорили по этому поводу. Кроме того, по погоде Михайлова дня можно было судить о погоде в День Всех Святых 1 ноября.

Дождливая погода, как отмечалось, была свойственна и для дня Святой Екатерины, 24 октября. Если же день неожиданно выдавался теплым, оставалось ждать мягкой зимы и хорошей погоды вплоть до Рождества.

Важным днем в скотоводческом календаре был день апостола Симона, 28 октября, когда забивали свиней. И этот же день служил первым предвестником приближающейся зимы.

По погоде в начале ноября определяли погоду в будущем июле. Один сухой и солнечный день между 1 и 13 ноября сулил девять ясных дней в июле. Одновременно, у ингерманландских крестьян была в ходу поговорка: «Если идет снег, когда листва еще осталась на деревьях — жди суровой зимы».

День Святого Мартина, отмечаемый 10 ноября, знаменовал собой наступление перемен в занятиях местных жителей. К этому дню стада возвращались в деревни с вольного выпаса, где заканчивался корм, пастухи получали в этот день расчет за летний сезон. «Пришел на землю Мартин, добавил льду крепости, пастухи возвращаются в деревню, а рыбаки — к проруби», — описывала народная пословица ожидаемые в Мартинов День погодные явления.

Впрочем, окончательный приход зимы, набравшей полную силу, связывали со днем Святого Андрея — 30 ноября, когда, как говорили, приходит пора надевать шубу.

Декабрь для ингерманландских финнов был, прежде всего, месяцем Рождества Христова, 25 декабря, вокруг

которого концентрировалась группа праздников поменьше: день Святого Фомы 21 декабря, Рождественский Сочельник 24 декабря и день Святого Стефана 26 декабря. Согласно местным представлениям, погода в рождественские дни предвещает погоду в конце июня, около Петрова дня. Иней на деревьях был знаком доброго урожая зерновых, а звездная ночь в день Святого Стефана — большого количества лесных грибов.

Заканчивая обзор ингро-финских календарных погодных примет, можно отметить, что их подавляющее большинство было ориентировано на важные для местных жителей занятия, составляющие основу их благосостояния. Одни из земледельческих примет напрямую обещали хороший урожай того или иного вида зерновых, другие, большинство, позволяли определить,

можно ли рассчитывать на довольно редкую для наших северных широт благоприятную погоду. Аккумулированная в них народная мудрость словно давала понять, что конечный результат зависит все же от умения и желания крестьянина работать, который может и не использовать самые лучшие условия. Более фаталистическими выглядят приметы, касающиеся урожая грибов, ягод и погоды на ближайшие дни, что совершенно естественно, поскольку все это уже ни в коей мере не может зависеть от человека и его качеств, и потому он еще в большей степени зависим от природных сил. Обнадежить могло только религиозное чувство, вера в Божью милость, которая в мировоззрении ингро-финнов не противоречила вере в силу примет. Впрочем, это уже несколько иная тема...

Зоя Бобкова

А лето ведренным стояло,
Июль покосом богател,
Цветным пестрея покрывалом,
Луг колокольцами звенел.

Шмель добавлял свои мотивы,
Мохнатый звук летел, как пух,
Ромашек ситцевое диво
Сияло солнечно вокруг.

Кузнечик тренькал на гитаре
В густой невидимый траве
И так хватил в лихом угаре,
Что отзывалось в голове.

Я по июлю шла, гуляла,
Трава стелила шелком путь,
Искала радости начало.
Найду его когда-нибудь...

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

ИЗ АРТЮШКИНО

Посвящается моему любимому отцу Эртэ Андрею Петровичу, ингерманландскому финну из деревни Артюшкино Волосовского района Ленинградской области, участнику Великой Отечественной войны, прошедшему через ГУЛАГ

Нина Эртэ-Аниконова

Встреча с Печковскими

С 1980 г. в Гатчине началось строительство микрорайона «Аэродром» (до этого были построены несколько пятиэтажных домов). Первый пятиэтажный дом из 14-ти подъездов по улице Слепнева, д. 15 принадлежал ЖСК «Заполярьник». В нем поселились северяне из городов Воркуты, Инты, Мурманска, а так же из Гатчины. Новоселы из Заполярья принялись с энтузиазмом благоустраивать территорию вдоль дома. Появились аллеи кустарников и молодых деревьев, цветники и лавочки у каждого подъезда. (Спустя тридцать лет деревья выросли и стоят вровень с пятиэтажным домом, а зеленые аллеи напоминают южный город). Мои родители приехали из северного города Инта в 1985 г. и поселились в этом доме. Зимой и летом они ходили на Балтийский вокзал пешком по тропинке через бывший аэродром, на поле которого мирно паслись коровы. Давние мечты сбылись, и они были безмерно счастливы. Особенно радовался отец, лишь в 65 лет вернувшийся в свои родные, милые края. В Гатчине у него жила родная любимая сестра Дуся. В городе Волосово — старший брат Иван с семьей, а в Ленинграде — племянники.

Строительство шло быстрыми темпами, и дома росли как грибы. На площа-

ди нового микрорайона «Аэродром», в многоэтажном жилом доме, на первом этаже открылась просторная районная библиотека. Мой отец Андрей Петрович Эртэ любил приходить в читальный зал библиотеки, чтобы полистать свежие газеты и журналы, спортивные издания. Однажды он прочитал объявление о том, что в библиотеке состоится встреча с сыном знаменитого певца Николая Константиновича Печковского — Ильей Николаевичем Печковским (199 ? году). В назначенный день он пришел на встречу, взяв с собой старые снимки. Илья Николаевич рассказал о творчестве своего отца — одного из лучших теноров довоенной России, о нелегкой судьбе артиста, показал фотографии. Все присутствовавшие слушали, затаив дыхание, задавали вопросы, благодарили. А затем мой отец встал и рассказал о своей встрече с Николаем Константиновичем Печковским, а также с другими известными людьми, находившимися в Интинском ГУЛАГе в военные годы, поделился некоторыми подробностями малоизвестных страниц биографии артиста.

В 1944 году Н.К. Печковский по статье 58-1 «А» УК РСФСР «за сотрудничество с оккупантами» (оказавшись на оккупированной территории, певец был вынужден давать концерты для немцев, чтобы прокормить себя и свою

больную мать), был сослан на десять лет в исправительно-трудовой лагерь поселка Инта Коми АССР. Начальство ГУЛАГа использовало бывшего известного солиста Кировского театра оперы и балета г. Ленинграда, народного артиста РСФСР, для создания театрального коллектива в Инте. Благодаря этому лагерная жизнь артиста напоминала скорее ссылку, т.к. певец пользовался всеми благами вольного гражданина и даже жил в отдельном домике в поселке.

В Инте силами заключенных был построен клуб, ставший с 1946 г. театром. В 1952 г. этому клубу и зрительному залу был придан праздничный театральный вид: высокохудожественная лепка стен и потолка, большая хрустальная люстра, кресла, обтянутые бордовым бархатом, нарядный занавес. Театр находился в составе ГУЛАГа. В нем было занято 100 человек, из которых — 75 заключенные, бывшие звезды столичных сцен, сосланные в Инту по 58-й статье и 25 человек — вольнонаемные. Руководителем творческого коллектива стал Николай Константинович Печковский, и в лагерных условиях сохранивший свою кипучую энергию. Он лично занимался с вокалистами, давал сольные концерты. Заключенные артисты были освобождены от непосильного физического труда на строительстве железной дороги, угольных шахт и лесозаготовках. В театральном коллективе были такие знаменитости, как Лев Гумилев, поэт и ученый, сын Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Он играл в спектаклях, исполняя даже женские роли. Впоследствии он вспоминал, что это было для него весьма трудное занятие, которое ни в какое сравнение не шло с работами на шахте или на лесоразработках. В коллективе работали: дирижер оперного

Андрей Эртэ.
Поселок Инта Коми АССР. 1948 г.

Центральный клуб п. Инта, в котором выступал
Н.К. Печковский, 1944-1952 гг.

Центральная улица им. С.М. Кирова.
г. Инта. 1960 г.

театра города Минска Н.П. Клаус, прима-балерина киевского оперного театра Тамара Владимировна Вераксо, ленинградская пианистка

Выступление в клубе. Слева - А. Эртэ. 1959 г.

Выступление в клубе. Справа А. Эртэ. 1955 г.

Водонапорная башня. г. Инта. 1960 г.

Ольга Ивановна Ачкасова, аккордеанист Игорь Салий. Сочинял музыку к драматическим спектаклям и дирижировал оркестром Александр Филиппович Ордынец. Декорации изготовлял художник и архитектор, швед по национальности, Артур Густавович Томвелиус, по проекту которого в Инте была построена необычайной красоты водонапорная башня. Драматическим режиссером был Александр Александрович Карпов. Актером и диктором радиовещания, а позднее директором театра был Дмитрий Санин. Освещением сцены занимался Петр Иванович Карпенко. В театре Инталлага с успехом ставились оперетты «Марица», «Роз-Мари», отрывки из оперы «Паяцы», «Тоска», «Кармен», балетные сцены из «Лебединого озера» и «Шелкунчика». Драматические спектакли, как например, «Бесприданница».

Николай Константинович Печковский оставил большой след в становлении культурной жизни далекого приполярного шахтерского городка Инта и в памяти его тогдашних обитателей. Такого высокого творческого подъема и мастерства артистов сцены, какие были при Печковском в Интинском клубе, уже никогда не было. А духовное единение талантливых людей возвращало их к прежней жизни, укрепляло их стойкость. Мой отец Андрей Петрович Эртэ с 1944 по 1956 г. был сослан в Инту по 58-й статье. Сначала он работал на угольной шахте, а затем библиотекарем, одновременно выполняя культурно-массовую работу в лагере. Ему приходилось бывать на репетициях художественной самодеятельности в центральном клубе, куда заключенных доставляли под конвоем (охрана с собаками). Отец мой хорошо играл на баяне, балалайке, мандолине, неплохо танцевал «Яблочко». В этом

В этой школе учился Евгений Урбанский
с 1946 по 1950 гг., п. Инта

же клубе встречался и разговаривал с Н.К. Печковским, выступал на одной сцене. На концертах художественной самодеятельности Н.К. Печковский пел русские народные песни и романсы.

Отец знал, что среди заключенных есть очень известные люди из Москвы и других столичных городов. С некоторыми из них он был знаком. В Интинских лагерях находился и сталинский лауреат, кинорежиссер Алексей Яковлевич Каплер (несостоявшийся зять И.В. Сталина), известный по фильмам «Котовский» (1942 г.), «Она защищает Родину» (1943 г.). А после реабилитации, вернувшись в Москву, он снял фильмы: «За витриной универмага» (1955 г.), «Полосатый рейс» (1961 г.), «Человек-амфибия» (1961 г.) и др. Киносценаристы — Валерий Семенович Фрид, Юлий Теодорович Дунской — отбывали свой срок в приполярной Инте, а позже жили в спецпоселении. После смерти Сталина их реабилитировали, и они уехали в Москву. А в 1957 г. вернулись в г. Инту снимать фильм по своему сценарию «Случай на шахте № 8» вместе с режиссером Владимиром Басовым. Сценарий они показали своему другу по лагерю Алексею Каплеру, который и помог ускорить съемки фильма. В маленький северный шахтерский го-

родок приехал целый мосфильмовский поезд. Фильм снимали в шахтах, улицах города. Наталья Фатеева, исполнительница главной роли, так и жила в Инте во время съемок, а за ней ходила толпа восхищенных поклонников. В г. Инте режиссер Владимир Басов сделал Наталье Фатеевой предложение, и она согласилась стать его женой. В этом фильме снимались актеры: Анатолий Кузнецов, Галина Польских и др. Несколько лет спустя Ю. Дунской и В. Фрид вновь вернулись в Инту и сняли фильм «Жили-были старик со старухой» (1964 г.). По сценариям Валерия Фрида и Юлия Дунского позднее были сняты кинофильмы: «Гори, гори, моя звезда», «Как царь Петр Арапа женил», «Экипаж» и другие.

В Инту был сослан по 58 статье отец Евгения Урбанского — Яков Самойлович Урбанский, к которому приехала жена с двумя маленькими сыновьями. Так Евгений Урбанский оказался на Крайнем Севере, окончил Интинскую школу № 1 и поехал учиться в Москву на артиста. Он стал известным киноактером по фильмам «Коммунист» (1957 г.), «Баллада о солдате» (1959 г.), «Испытательный срок» (1960 г.), «Чистое небо» (1961 г.), «Большая руда» (1964 г.) и другим.

В Интинском лагере находился генерал-лейтенант, бывший первый секретарь ЦК Компартии Карело-финской ССР, член Военного Совета Карельского фронта Геннадий Николаевич Куприянов. Мой отец дружил с ним и долгое время вел переписку. Писатель Р.А. Штильмарк написал в Интинском лагере роман «Наследник из Калькутты» (1951 г.), художник Н.А. Миллер — карандашом портреты заключенных.

Николай Константинович Печковский мог бы отбывать весь срок в

Интинском ГУЛАГе. Но из-за прямолинейного и взрывного характера (он позволил себе дерзко ответить полковнику М.И. Халееву – начальнику Инты и интинских лагерей) в октябре 1947 г. режим содержания Печковского изменился. Его перевели на «общие работы». Затем начались его мытарства по лагерям: в Кузбасс (1952 г.), под Омск (1953 г.). Николай Константинович Печковский был реабилитирован в 1956 г. В этот же год, живя в Ленинграде, он взял из детского дома мальчика Илью и усыновил его. Вырастил сына и дал ему музыкальное образование. В 1971 г. Илья

Николаевич окончил консерваторию по специальности «Музыковедение». Мой отец показал сыну певца И.Н. Печковскому старый альбом города Инты, снимок центрального клуба, в котором выступал Н.К. Печковский и в трудные годы сумел организовать театр «крепостных актеров». Илья Николаевич был удивлен, растроган и рад этой неожиданной встрече в Гатчине с очевидцем тех далеких и печальных лет. Оставшись наедине, за чашкой чая, попросил моего отца рассказать об истории своей жизни...

Продолжение следует

Песня о Белой Птице

Дмитрий Быковицкий

Как-то вечером, в пыльном чулане
Отыскал это зеркало я.
Словно птица, взлетая в тумане,
Дуновеньем коснулась меня.
Было странным то зеркало, что ли?
Паутину снимаю рукой.
Может кто-то дублирует роли,
Только в зеркале я молодой.

И такой же как я, помоложе,
С интересом и страхом глядя,
В том седом отраженьи, быть может,
Признавать не желает себя.
Зазеркалье, увы, не обманет,
Как по нотам сумеет сыграть
Все как было, как есть и как станет,
Чтоб надежду навек отобрать.

Тридцать лет пролегли между нами,
Перемешаны правда и ложь.
В деревянной некрашеной раме
Ты своей неизвестности ждешь.
Все нормально, дружок, все нормально.
Верь в удачу, надейся, живи!
Ты в холодном стекле зазеркалья
Не отыщешь разгадку любви.

Зазеркалье мое, зазеркалье,
Мне другой не дождаться поры.
Что поведаешь ты на прощанье...
Но в ответ, словно ветра порыв.
Покажи, что же станет с нами?
Я готов. Мне не нужен обман!
Птица белая машет крылами,
Улетая в холодный туман.

ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА

Земли лоскутик драгоценный...

И.М. Долгоруков

ЛЕСНАЯ НИМФА

Татьяна Иванова

В один из погожих весенних деньков, что обычно бывают в середине мая, наша веселая компания отправилась в лес — полюбоваться на цветущие первоцветы, посмотреть, как себя чувствуют орхидеи — венерины башмачки* после долгой и холодной зимы, встретить первых бабочек и шмелей, найти сморчков, если повезет. Мы, а это я, моя подруга Елена, ее сын Саша и «общенародный» пес Тоша, неспешно шагали по тропинке, которая через поле вела к лесу в окрестностях поселка Елизаветино. Наш лес мы очень любим. Во-первых, весной он красив из-за цветущих там первоцветов: волчьего лыка, печеночницы, сочевичника. Во-вторых, летом можно собирать в лесу ягоды и лекарственные травы (растет даже «дикий» шалфей!). В-третьих, зимой нет лучшего места для катания на лыжах и взрослым, и детям. Ну, и в-четвертых, конечно, осенью, когда лес полон всевозможных грибов: подосиновиков, белых, опят, груздей. Для меня знакомство с лесом, в общем-то, и началось с грибов, когда поздней осенью меня пригласили пойти в лес их собирать. Удивляясь тому, что в конце октября еще можно было набрать желтых груздей и рыжиков, которых было несметное количество в лесу и на полях вдоль леса, я все же обратила внимание на засохшие коричневые стебельки с овальными «коробочками» наверху. Волнуясь и не веря еще в свое открытие, я ста-

ла их пристально разглядывать. Вот это да! Весь лес, оказывается, полон отцветших и завядших орхидей — венериных башмачков. Поверить в это было трудно. Помню, на практике по ботанике нам, студентам биофака, показывали эту орхидею в единственном экземпляре в лесу близ ж/д станции Володарская. Мы благоговели... А здесь — целый лес! Еле дождавшись начала лета, я побежала в лес и, конечно, увиденное превзошло все мои ожидания...

Наша компания уже подходила к кромке леса, когда нас догнали двое мужчин. По их одежде и фотоаппаратам на груди можно было понять, что это или туристы, или какие-то ученые. Первый вопрос прозвучал одинаково и у них, и у нас: «Простите, а что вы делаете в лесу в такое время года?». Мы ответили, что любимся весенней природой, фотографируем цветы, первых бабочек. Тогда сотрудники петербургского Ботанического института (так они представились) сказали нам, что ищут орхидеи в этом лесу, и им очень интересно было бы узнать, какие орхидеи мы здесь видели весной и в начале лета. Подробно поговорили о венериных башмачках, что вызвало к нам доверие. Потом они спросили, не встречалась ли нам калипсо. Я знала это название, знала, что это тоже орхидея, но никогда в природе не видела это растение. Рассказав нам про местообитание, внешний вид и сроки цветения калипсо, ученые попросили сообщить им, если здесь нам встретится эта орхидея (оказывается, все усло-

*О наших северных орхидеях можно прочитать в альманахе «Оредеж», № 6,7.

вия нашего леса были очень для нее подходящими, особенно, почвы, залегающие на доломитах). С тех пор мое сердце лишилось покоя... Калипсо!

...Свое имя это прелестное растение получило в честь одной из главных красавиц древнего мира — нимфы и волшебницы Калипсо. На прекрасном, поросшем розами и лилиями острове, Калипсо несколько лет удерживала хитроумного Одиссея, мечтавшего вернуться на родину — в Итаку. И только вмешательство Зевса, помощь Гермеса и Афины Паллады позволили герою Эллады избежать вечного плена в чертогах соблазнительной красавицы нимфы. Покинул Одиссей Калипсо, и осталась она одна, печальная, в тенистом прохладном гроте, где часто сидели они с Одиссеем вдвоем. Где-то журчали подземные ручьи, а прекрасная нимфа тосковала, оплакивая свое одиночество...

Как и ее тезка, калипсо луковичная (*Calypso bulbosa*) тоже предпочитает тень и влагу. А ее нежная губка (характерная черта всех орхидных) точно так же трепещет при малейшем порыве ветра, как дрожали от рыданий губы прекрасной нимфы, вспоминаяшей свое недолгое счастье...

Калипсо — невысокое растение, имеющее на хрупком стебельке всего один продолговатый лист (к осени у калип-

со происходит замена листа — с новообразовавшимся листом она и встречает зимние холода). «Луковичной» ее называют, благодаря наличию у основания стебля псевдобульбы (ложной луковицы), которая является запасующим органом, как это «принято» у представителей семейства Орхидных.

Весной на стебельке калипсо распускается цветок — белая или кремовая губка (иногда расцвеченная красноватыми точками) в обрамлении розовых или сиреневых лепестков. Ароматный цветок опыляется шмелями. Это растение выглядит весьма экзотично на фоне мхов хвойных или смешанных лесов, где предпочитает расти. Размножается калипсо луковицами или семенами. Это самый редкий вид семейства Орхидных на Северо-западе Европейской России (занесен в Красную книгу России, статус редкости 3). Он стремительно вымирает.

Широко известно, что среди орхидей очень много редких и находящихся на пороге вымирания растений. Северо-Запад России, к сожалению, не является в этом отношении исключением. Из 28 наших видов Орхидных, только про 10 из них можно уверенно

сказать, что их численность не падает. Остальные виды или постепенно становятся все более и более редкими, или стремительно вымирают. Причин сокращения численности Орхидных несколько. На первом месте стоят причины, связанные с изменением режима природопользования, веками практиковавшегося на нашей земле. Лесное хозяйство за последние полтора столетия также изменилось коренным образом. Вместо небольших по объему рубок, становятся более массовыми сплошные рубки, уничтожающие лес на огромных площадях. Лесные орхидеи, как правило, встречаются в первичных, старовозрастных лесах, и в молодых лесопосадках не растут. Сохранившиеся старовозрастные леса превращаются в перестойные из-за отсутствия частичных вырубок и сбора хвороста: происходит замусоривание леса упавшими деревьями, иногда наблюдаются массовые ветровалы. Это является причиной сокращения численности лесных видов орхидей, в том числе и калипсо. Примером губительного влияния человеческой деятельности на экологию растения является почти полностью уничтоженная из-за вырубок леса крупнейшая популяция калипсо в Ленинградской области.

На втором месте стоят причины сокращения численности, связанные с непосредственным искоренением орхидей людьми. Эти причины в первую очередь затрагивают Венерин башмачок, но также существенны для калипсо и других растений. Люди собирают орхидеи на букеты или даже вырывают их с корнями для пересадки на приусадебные участки, полагая, что спасают растения от якобы неминуемой гибели в природе. Сбор же орхидей для продажи иначе, как кощунством, назвать нельзя. Нелишним будет напомнить, что пересадка орхидных из естественных условий обитания в условия культуры часто не удается даже специалистам. Орхидеи очень чувствительны к изменению экологических условий, плохо переносят пересадку, а главное, труднее всего пересадить микроскопические грибы, с которыми орхидеи находятся в «тесной дружбе». Как правило, растения гибнут не сразу, а через год-два, создавая иллюзию хорошей приживаемости. Следует помнить, что даже если бы растения приживались на новом месте, это все равно наносило бы вред, поскольку растение навсегда теряется для природы — как особь, способная оставить после себя потомство. По просьбе сотрудников Ботанического института здесь не указываются точные местообитания калипсо и других орхидей наших лесов, а также сроки их цветения — чтобы не искушать «садоводов», желающих украсить свой садик чем-нибудь редким.

Но есть и приятная новость. В одном из тенистых уголков Гатчинского парка растет калипсо и пока прекрасно себя там чувствует. Пожелаем же ей долгих лет жизни!

ЛЮДИ ИСКУССТВА

*Я до сих пор все открываю мир,
Все новые отыскиваю грани.*

Ю. Друнина

НЕ ТОЛЬКО КОМПОЗИТОР...

(К 90-летию со дня рождения
композитора И.И. Шварца)

Борис Гажёв

Сиверская. Зима. По улице Пушкина прогуливается человек, равный по таланту великому поэту. Одет тепло, позимнему, при валенках. Весь такой аккуратненький, домашний. Он уже не молод, есть что вспомнить, о чем подумать. Его называют Сиверским затворником. Но он не затворник: всегда в курсе событий, в общении с людьми. Его знают и любят, к нему обращаются за советом и за помощью. Ибо уверены: композитор Исаак Иосифович Шварц никому не отказывает. Он живет в Сиверской уже много лет. И дачная столица известна многим еще и тем, что в ней творит великий композитор.

О его творчестве сказано и написано немало. Конечно, тема — Шварц-композитор — неисчерпаема. А я вот хочу рассказать о другом Шварце — философе, учителе, наставнике. Спасибо судьбе, что в моей жизни был такой человек. Ко времени нашего знакомства в начале 90-х гг. прошлого столетия я был далеко не мальчиком: многое успел, немало повидал, кое-чего достиг. И не очень-то любил, чтобы меня «учили жить». Да Шварц и не учил. Он объяснял, советовал, подсказывал, иллюстрировал эти советы примерами из своего богатого жизненного опыта, обосновывал своим пониманием жизни. А жизнь он знал превосходно...

И она не была легкой: гибель репрессированного отца, ссылка в Среднюю Азию, трудные годы адаптации и учебы. Тем не менее — активная жизненная позиция, умение решать непро-

стые бытовые проблемы. Пусть это и звучит несколько пафосно, но «через тернии — к звездам» — это и его жизненный путь. А тернии были очень болезненными...

Партийные и музыкальные функционеры далеко не всегда были лояльными по отношению к человеку, державшемуся независимо и, по их мнению, отстраненно. Но он имел право на эту независимость. И не умел подстраиваться под этот «изменчивый мир».

Шварц был самодостаточным, далеким от того, что теперь называют «тусовка».

Общения с ним искали люди творческих профессий. И не только из-за его музыки. Внимательный и чуткий собеседник, вникающий в чужие проблемы, в разговоре он умел найти верную тональность и дать практический деловой совет.

Еще раз повторюсь: Исаак Иосифович не был затворником. Он всегда интересовался событиями, происходящими в его родной Сиверской. Композитора глубоко ранили деструктивные действия в отношении любимого им Сиверского леса. Голос Шварца в его защиту слышали многие.

И еще... Шварц любил и хорошо знал русскую классическую литературу. Не случайно многие его музыкальные произведения написаны на слова знаменитых русских поэтов и навеяны творчеством великих писателей. Но его интересовала и «малая» литература, в частности, творчество поэтов, объединившихся под крышей Сиверской библиотеки им. А.Н. Майкова (ЛИТО

«Сиверское братство»). Критика в их адрес отличалась доброжелательностью и конструктивностью. А на встречи с поэтами в библиотеку он всегда ходил с большой охотой. И эти общения становились праздником не только для поэтов, но и для всех жителей Сиверской.

Народная тропа никогда не зарастала к дому на улице Пушкина. И не зарастет...

Теперь в доме композитора работает Музей. Он доступен для всех. Сюда приезжают люди, лично не знакомые с Исааком Иосифовичем, но хорошо знающие и любящие его музыку. Здесь

они знакомятся с другим Шварцем, постигают секреты его творчества и масштаб его личности. А для друзей композитора это еще одна возможность увидеть и вспомнить счастливые и незабываемые моменты общения с человеком, внесшим в их жизнь так много позитивного и достойного подражания.

Я считаю недостойным стремление некоторых людей ранжировать свою близость к Шварцу, отстаивать исключительное право пользования его именем.

Для каждого из нас — он свой. Тот, которого мы любим и помним.

Слово

Наталья Пунжина

Мне разумом Вселенной не понять.
В ней многогранно все, неповторимо.
Смогу ли я увидеть мир незримый —
Поэзию из чувства изваять? —

Как дивный скульптор, что вдохнул уже
Живую душу в глину или мрамор.
Как тот творец, что воздвигает храмы
Гармонии в мятущейся душе...

Вы скажете, мол, многого хочу.
Предошущенем трепетным влекома,
Тянусь навстречу первому лучу
И чувствую: тепло его — знакомо.

Меня манит сияние его,
Но держит притяжение земное.
Я помню: что-то было — до того,
Как белый лист возник передо мною.

Оно жило, предвосхищая нас,
Вселенную собою озаряло.
Чтоб свет Любви над миром не погас,
Оно — кругом. И этого немало.

Пulsировали звезды в вышине,
И луч рассветный возрождался снова,
Чтоб вдруг сегодня догадаться мне:
Оно — внутри. И это чудо — Слово!

ЭТОТ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЗЛАТКИН

Наталья Антонова

*Люди, люди - высокие звезды,
Долететь бы мне только до вас...*

Р. Гамзатов

Еще несколько лет назад в гатчинских газетах можно было прочесть, что художника Александра Златкина знают больше за рубежом, нежели в России, дома. Но сейчас стоит набрать в Интернете строку «Александр Златкин — художник», как всезнающая всемирная паутина выдаст ссылки на статьи, отклики о выставках, встречах художника с земляками. Пишут профессиональные журналисты, искусствоведы, работники библиотек и музеев, пишут педагоги и учащиеся.

Почему же и мне захотелось поделиться своим прочтением творчества Златкина?

Во-первых, потому что мы живем рядом, в одном поселке Сиверский, и знакомы уже четверть века. Мы познакомились, когда я работала в Сиверской поселковой библиотеке. Это был замечательный период творческих встреч с И.И. Шварцем, созданием и расцветом ЛИТО «Поэтов Сиверское братство», период открытий и знакомств с интересными земляками. А участниками и свидетелями этих встреч были картины талантливых сиверских художников: Д. Паньча, И. Радюкевича, А. Малова, М. Сазонова и А. Златкина, чьи выставки, благодаря заведующей С.И. Спиридоновой, регулярно проходили в библиотеке, создавая благоприятную обстановку для духовного общения. Тогда-то я и открыла для себя мудрого, образованного, очень увлеченного человека, талантливого художника, преданного своему делу учителя и, со временем, интересного поэта. И с тех пор, сколько ни встречаюсь с Александром Ефимовичем, не перестаю удивляться: каждый раз он открывается неожиданной гранью своего дарования! О нем с удивлением говорят и мои друзья, и коллеги, и наши ученики.

И потому я должна назвать еще одну причину, побудившую меня взяться за перо: Александр Златкин — удивительно интересная личность! Мне искренне хочется, чтобы о

нем, о его творчестве узнали как можно больше людей. А те, кто знают, открыли для себя, с удивлением, и другого Златкина...

Художник Златкин удивляет нас своими пейзажами: деревья, склоняясь, качаются, воздух волнуется, вода плещется... Как у него это получается?

«Пейзаж, — размышляет Златкин, — это движение. Это дрожание воздуха, движение ветра, сам ветер. Когда пишешь картину, нужно передать «шевеление» природы, ощущение живого мира. Пейзаж, плоско написанный, так сказать, «сушенный», не имеет внутреннего напряжения, на него неинтересно смотреть. В пейзаже важно, чтобы не просто место узнавалось, чтобы узнавалось время, нужно передать ощущение цвета данной минуты», — поделился Александр Ефимович в беседе с гатчинской журналисткой Зинаидой Скорняковой. А мне хочется добавить: важно, чтобы, глядя на картину, мы чувствовали — написано с любовью. И когда художнику не хватает средств, для того чтобы выплеснуть это чувство, он пишет стихи.

Объясняюсь в высших чувствах
Вам, травинкам, птичкам, пчелкам.
Вам, осинам, соснам, елкам,

Вам, цветущим и растущим.

Вас любящий без причины,
Буду письменно и устно
Признаваться безыскусно,
Как положено мужчине.

Впервые меня удивил Златкин-поэт на праздничном литературном вечере, посвященном Дню рождения «Сиверского братства», мы отмечаем его в день памяти Пушкина. Пока наши гости собирались в зале кинотеатра «Юбилейный», Александр Ефимович скромно предложил тетрадный листочек — это было его стихотворение, состоящее из одних аббревиатур. «Баллада из трех букв» — такое название стихотворение получило в дальнейшем. Это был крик души человека, обеспокоенного состоянием современного, нашего родного, русского языка.

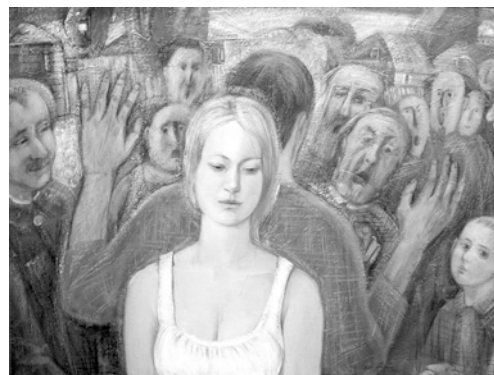
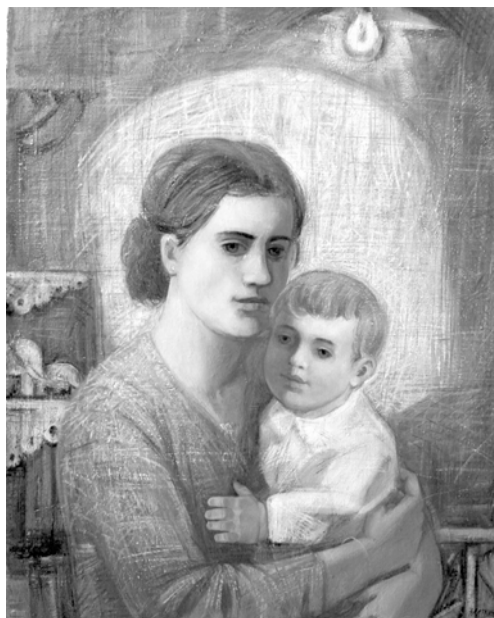
НТВ, РТР, ОРТ,
СиЭнЭн, БиБиСи, ТНТ,
США с ЦРУ, ФБР,
ФРГ с БМВ, ГДР,

.....
Е-мое, ЖЗЛ в ЖПО,
ЖКХ, ЖСК, МЖК,
ОРЗ, НЛО, УКХ,
ППШ и т.д., и т.п..

Где же ты, дорогой АСП?

Стихотворение прозвучало на вечере, не смотря на то, что его не было в сценарии, а я с тех пор, когда слышу «искромсанную» русскую речь, вспоминаю Златкина: «Где же ты, где же ты, АСП?»

А он — дорогой Александр Сергеевич Пушкин — есть на картине Златкина. Сейчас этот портрет находится в нашей Гатчинской школе № 8 и висит рядом с библиотекой, в которой я работаю. По длинному коридору идут мои читатели, а навстречу им голубоглазый Пушкин на фоне усадебного дома в Рождествено. Белоколонную усадьбу изобразил Златкин в «багрец и золото» тонах, словно напоминая: горела, нужно беречь! Нужно очень беречь, ибо это благословенное место — не только центр проведения областных Пушкинских праздников, но и центр культуры на нашей земле, центр духовности, центр нашего притяжения, где органично соединяются «век нынешний и век минувший». Там, в этой усадьбе, и сейчас проходит выставка картин Александра Ефимовича Златкина.

Приходите, а если не успеете посетить, то зайдите на сайт Рождественского музея и прочтите статью научного сотрудника музея Екатерины Семочкиной об открытии выставки, и почувствуете: этот удивительный Златкин еще не раз удивит!

«Беспрецедентно. Я такого не знаю. Это спорно, но, безусловно, оригинально», — пишет о выставке Златкина педагог-музыкант Дина Огороднова. Что же ее так удивило? — В нашей школе проходила выставка картин на Библейские сюжеты. Почитаем Библию вместе, вместе с художником Златкиным. События, вдохновившие его, происходили более двух тысяч лет назад, но герои многих картин — русские люди, они — почти наши современники, судя по одежде и ин-

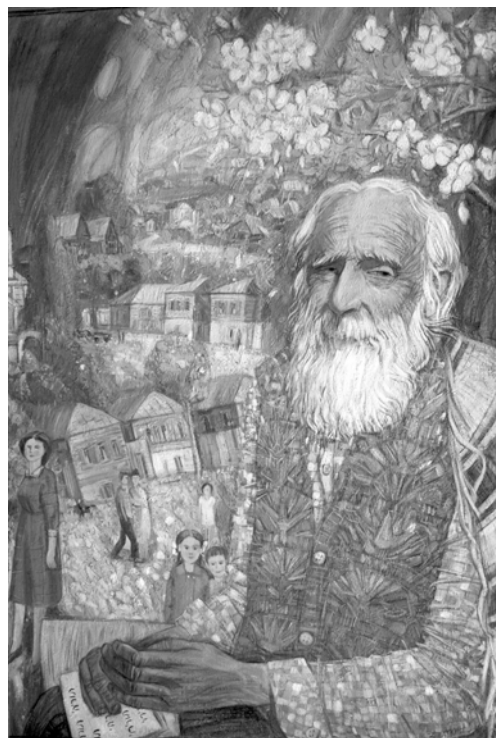
терьеру, живут в середине двадцатого века. «Вологодская мадонна» бережно прижимает к груди ребенка, и так же тревожен ее взгляд о судьбе сыночка.

А вот современная грешница перед разъяренной толпой, у девушки стыдливо опущены глазки с накрашенными ресничками, а в толпе обращает на себя внимание мужчина, тот, что слева, с масляными глазками: «Ох, грешница... хороша!» И только мальчонка справа смотрит удивленно и пытливо, не понимая, что происходит; он все обязательно запомнит, и где, интересно, будет, когда вырастет: на месте мужчины в красной рубашке, преграждающего натиск толпы, или там, среди разъяренных «безгрешных»? Много, много вопросов и себе, и художнику хочется задать. Но самое главное желание — перечитать Вечную Книгу и еще раз подумать о главном, о вечном...

А художник, видимо, опять чувствуя недостаток в средствах, чтобы выразить все, что накопилось, что тревожит и мучает, обращается к стихам:

Небес постигнуть глубину,
Понять причину звезд свеченья,
Людей любви людской влеченье
Я в этой жизни не могу.

Благодарю звезду, снежинку,
Рассвет, свеченье, неба мрак,
Тебя, как данный свыше знак,
Как Божий дар, первопричину.

Я очень жду выхода в свет сборника стихов художника А.Е. Златкина.

Может, он будет называться «Первопричина»?

Суета сует

Александр Златкин

Что было, будет, будь оно неладно,
Все суета, переживу, пройдет.
Мне не тепло сейчас и не прохладно,
Я сам - вода и камень, пламень, лед.

Я сам построил город и разрушил,
Я ждал рассвета — наступил закат,
Я сам себе, закрыв глаза и уши,
Представил рай — возник крошечный ад.

Ведь это я судил и был распятый,
Опять судил и был не раз сожжен,
Мне тридцать серебром была оплата,
А я смеялся, хоть и был смешон,

Я предавал и был другими предан,
Сказал, что все же вертится земля,
Я был любим, но этого не ведал,
Я забывал, что забывать нельзя.

Я всех построил ровными рядами
И сам стоял в строю, команды ждал,
Я гладил маму детскими руками,
Рожал, страдал, встречал и провожал,

Любил одних, а ночи спал с другими,
Я перепутал радость и беду,
Я был участник дикой пантомимы,
Но больше в ней крутиться не могу.

Я столько видел, будь оно неладно,
Я столько знаю, что не нужно знать,
Чтоб всем на свете было неповадно,
Я запретил и думать, и мечтать.

Во мне живут и радости, и боли,
И темнота, и светлый Божий Свет,
Я тайны Бытия узнал пароли:
ЧТО БЫЛО, БУДЕТ, СУЕТА СУЕТ.

Аисты

Вера Толчина

Сказочную, дивную картину
мне весной увидеть довелось:
Аисты летели над равниной,
Солнце из-за леса поднялось.

Вот одна из птиц снижаться стала,
Опустилась на цветущий луг,
А за нею вся спустилась стая,
Образуя белый полукруг.

Россыпью алмазной засверкали
Все цветы в предутренних лучах,
Величавый танец исполняли
Чудо-птицы в разноцветье трав.

Мне казалось: в этом хороводе,
Исторгаясь из земных начал,
Гимн любви волшебнице природе
На весенних струнах прозвучал.

И в какой бы край меня внезапно
Ветер странствий в жизни не занес,
Белокрылым аистом обратно
Я вернусь под сень родных берез.

ХУДОЖНИКИ ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛИ

*...и впечатления, и желанья,
и неизбежность мыслей ход...*

Валентина ФИЛИППОВА

Весна. Большая вода

Разливы в Сиверской

Изгибы Суйдинки

Осенний этюд

Елена ЭСКЕЛИНЕН *Окошки*

Юлия КОЧУРОВА

В ожидании ветра

Елена ЭСКЕЛИНЕН *Лодки*

Юлия КОЧУРОВА *Лето*

Надежда НИКОЛАЕВА

Свечи

Натюрморт с помидорами

Яблоки

Груши и колоски

Иван РАДЮКЕВИЧ *Полевые цветы Натюрморт*

Юлия ГРЕСЬ *Березки*

Олег БИРЮКОВ *Осенний пейзаж*

Евгения ИЗМАЙЛОВА *Псков*

Псков. Стены монастыря

Игорь АНАНЬЕВ *Прогулка*

Татьяна ШАДУРСКАЯ *Ива*

Сергей ПУЗАТЫХ *Троицын день*

Наталья СТЕЛЬМАШУК

Альстромерии

Сергей ПУЗАТЫХ

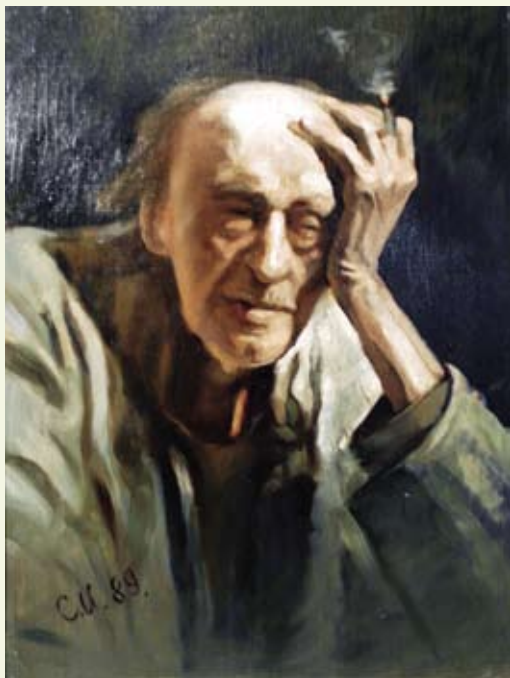
Белая ночь в Орловой роще

Наталья СТЕЛЬМАШУК

Там, где растут маки...

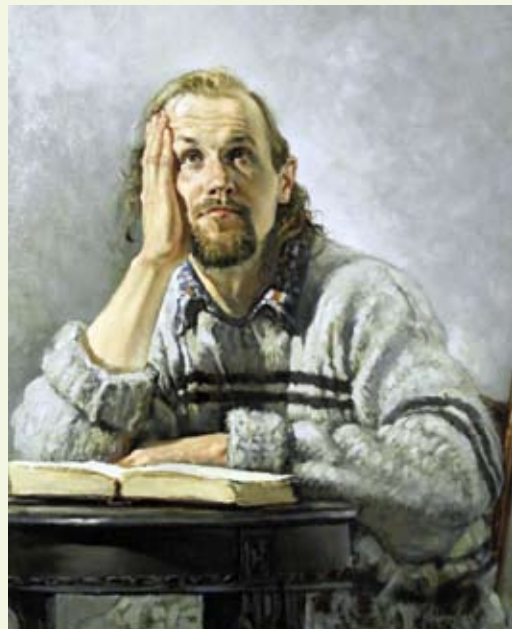

Сергей ИЛЬИН *Дед Яров*

Сергей ИЛЬИН

Николай задумался

Александр ЗЛАТКИН

Богородица

Александр ЗЛАТКИН

Симеон.

Ныне отпускаешь раба Твоего

Елена ШАБАЛИНА
Панно. Лукоморье

Квилт-студия ГАТЧИНА

Светлана СОКОЛОВА
Панно. Яблочный Спас

Евгения БОЧИНА *Панно.*
Русская деревня, ты моя любовь

Татьяна ЩАНИКОВА
Панно. Тепло дома моего

Наталья КОЗЛОВА *Панно.*
Позабыло сердце, позабыло...

Галина ПУСТОВОЙТ
Панно. Деревенские радости

**Руководитель -
Наталья КОСЬЯНКОВСКАЯ**

И ВЕРЕН НЕБУ, ВЕТРУ ВЕРЕН...

Нет предела для стремленья.

Воплотилась в явь мечта.

О воздушное движенье!

Крови бурное кипенье!

Бесконечность! Красота!

А.И. Куприн

СИВЕРСКИЙ АЭРОДРОМ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Дмитрий Рябов

Продолжение. Начало в № 9.

В 11:25 6 ноября семь Пе-2 из 125-го ббап во главе с комполка майором В.А. Сандаловым в сопровождении десяти МиГ-3 с высоты 2500 м сбросили бомбы на аэродром. Затем Сиверскую с малой высоты атаковали шесть Ил-2 из 174-го штурмового авиapolка во главе с капитаном Сергеем Поляковым и десять бипланов И-153 «чайка», подавлявших огонь зенитных батарей и отвлекавших вражеские истребители. В 14:30 аэродром бомбили семь Пе-2, которые вторым заходом вел капитан А.И. Резвых; в тот же день штурмовке подвергся и аэродром Красногвардейск. Ночью в налетах на германские авиабазы участвовали несколько дальних бомбардировщиков ДБ-3Ф (Ил-4) — такие в 1941-м летали бомбить Берлин — и даже летающие лодки МБР-2, сбрасывавшие по две 100-килограммовые бомбы.

«Впереди прямо по курсу показался аэродром,— писал А.А. Новиков.— Сандалов тотчас узнал его по двум огромным ангарам, расположенным справа от бетонированной дороги, облежавшей все поле. Еще дальше чернели толевые крыши ангаров для истребителей. Они были значительно меньше и стояли в затылок друг другу.

Снега на аэродроме почти не осталось, и он отчетливо выделялся среди белых полей... «Пешку» сильно встряхнуло. Это заговорили вражеские зенитки...

Нос «пешки» уже начал налезать на кромку аэродрома. Сандалов не

удержался и покосился на капитана. Михайлов, прильнув глазами к прицелу, держал руку на бомбосбрасывателе. И в этот момент «пешку» слегка встряхнуло — оторвались ФАБ-100. Сандалов прильнул к боковому стеклу фонаря. 100-килограммовые фугасы легли рядом с тройкой „юнкерсов“, стоявших в линию между двумя наибольшими скоплениями самолетов... Пепельно-черное облако надвинулось на вражеские машины и поглотило их...

«Пешки» в том же строю «девятки» миновали аэродром. Сандалов положил машину в глубокий крен, чтобы еще раз посмотреть на результаты удара. Аэродром был в сплошных разрывах. Колеблемые ветром, по полю ползли темно-белые дымы, кое-где мелькали языки пламени. Это горели вражеские самолеты...»

По советским данным, на земле было уничтожено 11 самолетов, при этом большая часть из них приходилась на «Илы»¹. Группа «чаек» под командованием ст. лейтенантов Николая Свитенко и Николая Старкова сбила один Вф-109 и потеряла двух летчиков: Романа Тимошенко и Александра Столетова. По немецким данным, в ходе трех ударов по аэродрому Сиверская были потеряны семь Ju-88А из KG77 и KGг.806, а также сгорела большая часть запасов горючего; осколком был ранен на земле летчик-истребитель лейтенант Герберт Ляйште. Пилоты JG54 одержали десять воздушных побед, в том числе сбили по одному Пе-2 и Ил-2. Последний принадлежал мл.

лейтенанту А.Я. Панфилову из 174-го шап. Летчик успел выпрыгнуть с парашютом, после чего уже на земле погиб в перестрелке с немецкими солдатами, пытавшимися взять его в плен.

Однако предотвратить «фашистскую акцию» не удалось. Вечером 7 ноября в Ленинграде в очередной раз завывали сирены воздушной тревоги. Самолеты-целеуказатели сбросили над Финляндским вокзалом контейнеры с осветительными ракетами, затем появились Ju-88A из KG1 «Гинденбург»² и KG77. Основной удар наносился по грузовой станции, на которую были сброшены фугасные, осколочные и зажигательные бомбы, а также мины VM1000 на парашютах. Часть из них была оснащена взрывателями замедленного действия, поэтому взрывы гремели до утра.

Американский журналист Гаррисон Солс-бери, четверть века собиравший материалы о ленинградской блокаде, так описывал происходящее: «Тяжелые бомбы падали в скопления поездов, взрываясь, сбрасывали с рельсов груженные составы, переворачивая вагоны... Потом немцы стали сбрасывать зажигательные бомбы... Налет длился всю ночь. Утром грузовая станция была усеяна телами женщин и детей. Повсюду зияли огромные воронки. Вагоны превратились в исковерканные груды железа. От двух эшелонов с тяжелоранеными остались бесформенные обломки, перемешанные с человеческими останками».

«Вот такой «подарок» жителям города — комментируют произошедшее историки военной авиации, — преподнесли люфтваффе в годовщину Октябрьского переворота, организованного Лениным осенью 1917 г. на германские же деньги...»

Тем временем над городом и его окрестностями периодически вспыхи-

вали ожесточенные воздушные бои. Так, 2 ноября три истребителя из 513-го иап ВВС Ленфронта во главе с командиром звена 22-летним лейтенантом Н.Г. Лесконоженко атаковали «шестерку» Ju-88A и, по советским данным, сбили два бомбардировщика. Но вскоре сами попали под удар шести Vf-109F из JG54, пришедших на выручку «юнкерсам». В ходе завязавшегося боя у Лесконоженко закончились боеприпасы, и он пошел на таран — своей плоскостью срезал хвост у одного из «мессершмиттов», и тот врезался в землю. Вероятно, это был Vf-109F-2 из 9-й эскадрильи JG54, который упал и сгорел около поселка Дубровка; его пилот — ефрейтор Пауль Вензинг — погиб.

Советская версия этого боя гласит, что Лесконоженко затем протаранил еще один немецкий самолет, что, однако, не подтверждается сведениями противоположной стороны. На сильно поврежденной машине он дотянул до линии фронта и упал «на живот». Тяжело раненного летчика доставили в госпиталь, где он в тот же день и умер; в декабре лейтенанту Н.Г. Лесконоженко посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Непрерывные налеты на Ленинград продолжались вплоть до Нового года. В декабре 1941 г. немецкие бомбардировщики покинули Сиверскую — у ограниченных сил люфтваффе хватало дел на других участках фронта. Немецкое командование оценило действия своих летчиков как вполне успешные: Йоханн Райтель — командир KG77, которая в тот период была основной эскадрой, бомбившей Ленинград и его окрестности, в октябре 1941 г. удостоился Рыцарского Креста.

Что же касается оставшейся JG54, то новый 1942 г. начался для нее очередной мощной бомбардировкой

Сиверского аэродрома ночью 2 января. Впрочем, благодаря близости к фронту, советские бомбардировщики и дальнебойная артиллерия вскоре стали восприниматься как обыденное явление. В остальном же, не считая периодически случающихся аварий и вынужденных посадок самолетов других частей, пилоты были вполне довольны своим «оседлым» образом жизни. В свободное от службы время они могли сыграть здесь в настольный теннис, сходить в сауну или в кино; механики тоже не жаловались на жизнь, поскольку обслуживали самолеты, как правило, не в открытом поле на ветру, а в капитальных ангарах. В соседнем Красногвардейске летчики жили еще роскошнее, поскольку устроились в бывшей летней царской резиденции, находившейся рядом со взлетной полосой.

«В тот день эскадрилья 5./JG54, в которой я служил, находилась в Сиверской в состоянии повышенной готовности,— описывал один из первых своих боевых вылетов Ханниг.— Пилоты дремали под солнышком, развалясь на шезлонгах, читали или играли в карты. Ксавер [Мюллер (47 побед), ведущий Ханнига — Д.Р.] дремал около меня. Вдруг появился посыльный из оперативного отдела, который обратился к Мюллеру: «Герр обер-фельдфебель, задание для Вас. Ваше звено должно прикрывать Vf-110, который будет вести корректировку артиллерийского огня нашего бронепоезда, стоящего на станции Мга. Цель огневого налета — железнодорожный мост у Шлиссельбурга. Vf-110 пролетит над нами в 10:30, сигнал для взлета — зеленая ракета. Вы летите на самолете с черной двойкой, курсант Ханниг — с черной «12». Ваши позывные — «Эдельвейс-1» и «Эдельвейс-2»».

Ксавер кивнул головой, зажмурился на солнце, глянул на часы (было десять часов) и сказал мне: «Все ясно? Через полчаса». Потом он повернулся на бок и опять заснул».

А вот выдержка из рассказа немецкого аса (206 побед), командира 1-й эскадрильи JG54 капитана Ганса Филиппа: «В течение нескольких дней над нашим лагерем ревет буря. Дождь льет на машины, раз за разом мы шмыгаем носами, мрачно поглядывая на размытые взлетные полосы нашего аэродрома... Это безделье, это скучное ожидание без малейшего улучшения погоды давит на нервы. Все же терпение у наших пилотов есть, как и время учиться и осваивать новое. И вот — новое ясное утро... Моторы ревут, и пока они радуют нас своим гулом, вода летит во все стороны из луж. Мы взлетаем. Мы летим к Ладожскому озеру. Нашей целью являются советские суда, подвозящие по этому большому озеру помощь в Ленинград. А вот и они! Яростно поливаем огнем транспортные баржи и корабли сопровождения. Наши «штуки» беззаботно гудят вдаль. Они ищут свои цели, наши быстрые бомбардировщики... «Мессершмитты» летят низко над волнующейся водной гладью, над разбитыми судами, над трассами от пулеметов наших самолетов. «Хайль, хайль! — гремит в эфире. — Дальше!» Внезапно: «Внимание! Вражеские истребители!» Минута молчания. Моторы увеличивают скорость, машины под крутым углом взмывают в небо³. И только дым рассеивается в пространстве. Мы бросаемся со всех сторон на вражеское звено. Движение, нервы напряжены. Небесно-голубые днища самолетов сверкают, вертятся пропеллеры. Следом за нами — трассирующие следы. И вот уже один большевик сорвался в штопор и летит в озеро.

«За Родину!» — его крик в эфире. Мы должны быстро лететь назад, взять новые бомбы. И на час мы оставляем позицию. Сегодня потери небольшие. Мы остановили суда, Ленинград не получит помощи. Командир ведет истребители домой... На воде колышется парашют пилота сбитого вражеского истребителя, который последним покинул место боя. Обломки и масляные пятна расплываются по воде. Тает дым от горящих вражеских кораблей, успокаивается озеро. Борьба окончена. По крайней мере, на час».

Впрочем, подобное уютное житье, перемежающееся боевыми вылетами, вскоре было нарушено. В декабре 1942 г. первые летчики из I./JG54 (командир — капитан Ганс Филипп) отправились в Восточную Пруссию, в Хайлигенбайль⁴, для освоения новых истребителей — «фокке-вульфов» Fw 190A-4. Это был более крупный самолет, имевший радиальный двигатель BMW мощностью 1700 л. с. и вооруженный двумя 20-мм пушками в крыльях и двумя же пулеметами на фюзеляже, что делало бой с ним на встречных курсах делом практически самоубийственным. Самолет оснастили прообразом бортового компьютера — управляющим устройством, которое брало на себя многие функции. Летные характеристики новой машины, по свидетельству Ханнига, также «были впечатляющи».

Однако нельзя сказать, что пилоты сразу прониклись любовью к своим новым «боевым коням»: один из будущих «экспертов» называл Fw-190 не иначе как «гардероб», другой — лейтенант Вальтер Баймс из 3./JG54 — разбился возле учебного аэродрома. Опыт применения нового самолета на Восточном фронте показал, что каких-то особо выдающихся преимуществ немецким пилотам его появление не дало

и основным истребителем до конца войны здесь оставался Fw-109. Тем не менее, с февраля 1943 г. пилоты JG54 небольшими группами по очереди отправлялись в Восточную Пруссию и вскоре возвращались в Сиверскую на новеньких «фокке-вульфах».

Одними из первых были два немецких пилота, которые впоследствии станут самыми известными асами Восточного фронта из числа летающих на Fw-190. Первый, невысокий и незаметный унтер-офицер, еще только собирался прославиться. Немногие могли предположить, что нерешительный мямля, судетский немец Отто Киттель, одержавший за 8 месяцев всего 15 побед, станет самым результативным асом JG54: пересев на Fw-190, Киттель резко пошел в гору.

Второй будущий «эксперт», напротив, летая на Fw-109, успел сбить 50 самолетов противника. Тем не менее, карьера 22-летнего лейтенанта-австрийца Вальтера Новотны могла закончиться, толком не начавшись: 19 июля 1941 г. его «мессершмитт» был подбит и упал в море в районе эстонского острова Эзель (Сааремаа). Из кабины летчику удалось выбраться, только когда самолет уже ушел глубоко под воду; надувая спасательный жилет, он оказался едва не задушен парашютными ремнями, которые забыл отстегнуть. Выбравшись из построшков, Новотны смог залезть на надувной плотик и трое суток провел в море, пока потерявшего сознание летчика не подобрала латвийские полицейские. С того момента Новотны ни разу не вылетал на боевые задания, не надев своих рваных брюк, покрытых солевыми разводами, которые он называл «победные штаны».

В 1941-42 гг. общий счет был явно не в пользу советских летчиков: например, при очередной штурмовке Сиверского

Красноармейцы осматривают “фокке-вульф” JG54, сбитый под Ленинградом

Ф.А. Смышляев, погибший и похороненный в Сиверской

аэродрома и железнодорожного моста 7 сентября 1942 г. из эскадрильи штурмовиков домой вернулся лишь один самолет. Остальные семь пилотов, включая командира 174-го шап майора Ф.А. Смышляева, погибли. «Облик этого летчика мне хорошо запомнился, — рассказывала старожил

Сиверской М.Т. Никифорова о майоре Смышляеве, доставленном немцами в госпиталь. — Но кто он был, я не знала, так как документов при нем никаких не было, а в сознание он не приходил... В то время я работала медсестрой, и летчик был доставлен во время моего дежурства. Мне было приказано неотлучно находиться у этого летчика... На другой день, придя в госпиталь, я узнала, что доставленный накануне летчик скончался, не приходя в сознание. Немцы разрешили старосте поселка похоронить летчика близ госпиталя, на территории нынешнего дома отдыха «Лесное»».

И новый 1943 г. на Балтике мало чем отличался от предыдущего. В то время как на центральном и южном участках фронта происходили грандиозные события, охватывавшие пространства в тысячи километров, на севере по-прежнему шла позиционная война, состоявшая из мелких боевых столкновений. Фашистские войска продолжали блокаду Ленинграда, линия фронта оставалась стабильной, если не считать узкий коридор, пробитый к городу советскими войсками. Вместе с тем, постепенно пришел конец периоду господства люфтваффе в воздухе и вермахта на земле: следующие два с половиной года, хотя и вознесли индивидуальный и общий счет немецким воздушным победам на небывалую высоту, были далеко не столь приятны.

События, имевшие место в начале 1943 г., стали как бы символом наступивших перемен. 13 января советские истребители атаковали звено из 3./JG54 к востоку от Ленинграда; один Fw-190 был сбит, а второй, пилотируемый унтер-офицером Гельмутом Брандтом, получил повреждения и совершил вынужденную посадку на лед у берега Ладоги. Хотя самому Брандту

удалось перейти линию фронта и выйти к своим, его Fw-190 с черной двойкой на фюзеляже стал первым относительно исправным «фокке-вульфом», попавшим в руки противника.

Немецкий военный корреспондент Шойерман сообщал: «В тяжелых воздушных боях, которые Jagdgeschwader 54, возглавляемая подполковником Траутлофтом, вела на северном участке Восточного фронта, летчики полка сбили 4000 самолетов противника.

Только за один день было сбито 33 большевистских самолета. В том числе кавалер Рыцарского Креста с Дубовыми листьями, капитан Ганс Филипп одержал свою 168-ю и 169-ю победы в воздухе. Кавалер Рыцарского Креста с Дубовыми листьями лейтенант Штотц сбил 158-й и 159-й самолеты противника. Обер-лейтенант Байссвенгер сбил свой 137-й самолет, а майор Хан — 107-й».

Репортер умолчал о том, что примерно в те же дни и «Асси» Хану, и «Байссеру» Байссвенгеру очень не повезло. Хан, командир II./JG54, совершил вынужденную посадку с заглушим двигателем за линией фронта, и это стоило ему семи лет советских лагерей. Байссвенгера видели в последний раз 6 марта в районе оз. Ильмень, где после неравного боя с десятью советскими истребителями самолет немецкого аса с медленно вращавшимся винтом резко терял высоту. Два других пилота, упомянутых в заметке, также не дожили до следующего года: Филиппа, переведенного с повышением в звании и должности на Западный фронт, в октябре настиг американский P-47, а Макс Штотц — один из лучших асов JG54 — пропал без вести под Витебском еще раньше — в августе 43-го.

В начале января 1943 г. в Берлине решили «для обмена опытом» поменять

Обер-лейтенант Ганс-Эккехард Боб.
Аэродром Сиверская

Лейтенанты Хорст Адемайт и Макс Остерман.
Сиверская

«Бензозаправщик в одну лошадиную силу» на фоне ангара. Аэродром Сиверская

Визит командующего истребительной авиацией люфтваффе генерала Адольфа Галланда (крайний слева). Аэродром Сиверская, лето 1942 г.

местами JG54 и JG26 «Шлагетер»⁵, которые воевали на Западном фронте. Опасаясь, что одновременная переброска двух эскадр оголит оба фронта, передислокация растянулась надолго — было решено, что с фронта будут снимать по одной группе. В то время как I./JG26 отправилась на восток, III./JG54 — на запад; впрочем, первая, проведя четыре месяца в СССР, на аэродроме Рельбицы, в июне 1943 г. вернулась на прежнее место, в то время как III./JG54 оставалась на Западном фронте до конца войны.

Следующими (и последними) в этой рокировке стали 7-я эскадрилья JG26 и 4-я JG54. 17 февраля 7./JG26 капитана Клауса Митуша отбыла на поезде из Кортрэ (Франция) в Красногвардейск, где поступала в распоряжение капитана Филиппа, командовавшего I./JG54. Первое время после прибытия 28 февраля подчиненные Митуша не участвовали в боях, совершая тренировочные вылеты вместе с пилотами I./JG54, «объезжавшими» свои «фокке-вульф»⁶. Затем, несмотря на неудачный старт (3 марта на Fw-190 разбился лейтенант Алоиз Вестермайр), до своего возвращения во Францию в июле 1943 г., эскадрилья собрала богатый урожай (63 сбитых самолета при двух погибших пилотах и одном плененном), но никак не повлияла на ход событий на этом театре военных действий. Последнее крупное воздушное сражение в ленинградском небе с участием 7./JG26 произошло ранним утром 18 июня. В 6:00 несколько самолетов эскадрильи взлетели с аэродрома Сиверская и вскоре ввязались в воздушный бой над линией фронта. Капитан Митуш сбил два истребителя ЛаГГ-3, оберфельдфебель Хайнц Кеметмюллер — один Як-1. Фельдфебель Эрих Яуэр со своим ведомым вступили в бой с

группой ленд-лизовских P-40, и Яуэр записал на свой счет две победы, однако сам был сбит и попал в плен. Последние из известных побед эскадрильи на Восточном фронте датируются четырьмя днями позднее, а последняя потеря — 29 июня, когда один из ее пилотов не вернулся после вылета в район Шлиссельбурга.

Между тем, командование ВВС Ленфронта, обеспокоенное немецкими бомбардировками портов на Ладоге (начало навигации было сорвано), в очередной раз попыталось нанести удары по авиабазам люфтваффе. Впрочем, у его штаба, по-видимому, не хватало разведанных: хотя базы немецких бомбардировщиков находились в глубоком тылу, основной бомбоштурмовой удар почему-то было решено нанести по Сиверскому аэродрому, где экипаж самолета-разведчика Пе-2 обнаружил 8 июня «до 70 самолетов разных типов».

Для его выполнения привлекалось 99 самолетов: 17 Пе-2, 18 Ил-2 и 64 истребителя. Первыми на рассвете 9 июня вылетели две шестерки истребителей Ла-5 11-го гвардейского иап под командованием капитанов Г.Н. Жидова и И.П. Неуструева — их главной задачей было блокировать вражеские аэродромы Сиверская и Сиворицы, чтобы не допустить взлета истребителей. Через пять минут после прихода истребителей Сиверскую бомбили группы бомбардировщиков⁷ и штурмовиков; по данным авиаразведки, был разрушен ангар, уничтожено до 15 самолетов на стоянках, повреждено летное поле. При отходе от цели на наши самолеты пытались напасть несколько Fw-190, вызванных с других аэродромов, но решительными действиями истребителей прикрытия были отогнаны.

Несмотря на урон, враг продолжал

базировать на аэродромах южнее Ленинграда значительную часть своей истребительной авиации. 12 июня воздушные разведчики сфотографировали на аэродроме Сиверская 55 самолетов, на аэродроме Сиворицы — 20 и на аэродроме Бородулино — 17. Командующий 13-й воздушной армией генерал С.Д. Рыбальченко решил нанести 18 июня одновременный удар по всем трем аэродромам, для чего привлекалось 106 самолетов. Основные силы нацеливались опять-таки на аэродром Сиверская: по нему действовали 16 бомбардировщиков Пе-2 и 12 штурмовиков Ил-2 под прикрытием 42 истребителей. Несмотря на неблагоприятные метеоусловия, летчикам удалось уничтожить на трех аэродромах до 17-ти и повредить 4 вражеских самолета, наши потери составили два штурмовика. Как видно, эффективность подобных рейдов на протяжении всей войны по ряду причин была достаточно низкой⁸.

Все же, от воздушных разведчиков не укрылось базирование немецко-фашистской авиации и вдали от линии фронта. 22 июня решено было провести операцию по уничтожению вражеских самолетов на аэродроме Городец. В белую ленинградскую ночь первыми взлетели самолеты 7-го иак: десять Ла-5 и шесть ленд-лизовских «харрикейнов» блокировали немецкие аэродромы Сиверская и Сиворицы, не допуская взлета истребителей. В ходе последовавших мощных комбинированных ударов было уничтожено 20 самолетов противника⁹.

В результате больших потерь, понесенных немецкой авиацией на ленинградском направлении, самолетный парк 1-го воздушного флота резко сократился, к тому же из состава флота на другие направления Восточного фронта были переброшены некоторые

авиационные соединения. В итоге под Ленинградом остались лишь одни Fw-190 из JG54 «Грюнхерц». Но и она вскоре понесла потери: для поддержки немецкого контрнаступления под Курском, известном как операция «Цитадель», а у нас — битва на Курской дуге — вслед за бомбардировщиками 1-го воздушного флота на центральный участок фронта были переброшены I группа и 5-я эскадрилья II группы JG54. Таким образом, с 1 июля на Сиверском аэродроме остались только 6-я и 7-я эскадрильи, которым пришлось в одиночку сражаться с русской авиацией, все возрастающей по численности: на 1 июля в составе ВВС КБФ насчитывалось 229 самолетов (в т. ч. 121 истребитель), в 13-й воздушной армии Ленинградского фронта — 303 (137 истребителей), а в 14-й воздушной армии Волховского фронта — 186 и 46 соответственно.

20 июля 5./JG54 вернулась в Сиверскую, но ненадолго: I-я группа, к которой добавились II-я и только что сформированная IV./JG54, оснащенная Fw-109, составили т. н. «бригаду огневой поддержки», которую перебрасывали между 6-м и 4-м воздушными флотами в зависимости от того, где Красная Армия наносила разящие удары: на центральном участке фронта или на Украине.

Между тем, участие в операции «Цитадель» обернулось для 1./JG54 потерей трех ее командиров. 21 августа очередным командиром группы был назначен обер-лейтенант Вальтер Новотны, который писал домой: «Вчера я сбил 161-й самолет, другими словами это моя 37-я победа за последние 10 дней... Два замечательных события я отмечаю одновременно! Не каждый день случается, чтобы 22-летний обер-лейтенант становился командиром группы истребителей. Эту должность

обычно занимают майоры, и это значит, что скоро меня произведут в капитаны или даже в майоры. Просто не верится. Однако к Дубовым листьям меня еще не представили».

Из письма видно, что у Новотны отчетливо просматривались симптомы «звездной болезни» или «ангины» — так летчики люфтваффе в шутку называли склонность некоторых своих коллег коллекционировать у себя на шею ордена. Хотя, следует заметить, что Дубовых листьев к Рыцарскому Кресту Новотны пришлось ждать довольно долго: если в первый год войны пилоты-истребители получали эту награду за 40 сбитых самолетов, то к 1943 г. «Цветная капуста», как шутливо называли этот орден, оценивалась уже в 120 самолетов противника — этой планки немецкий ас достиг еще 24 июня, сбив в этот день 10 самолетов.

Однажды брат Новотны написал Вальтеру письмо, в котором сетовал на недостаток официального признания успехов последнего — ответ аса уместился на почтовой открытке:

«Отвечаю на твое последнее письмо:

- 1) Ты мне ничем не поможешь.
- 2) Не забывай себе голову моими проблемами.
- 3) Если начальство не хочет наградить меня Дубовыми листьями, я сам себя награжу Бриллиантами.

Твой Вальтер».

И все произошло именно так. 4 сентября 1943 г. обер-лейтенант Новотны наконец стал 293-м кавалером Дубовых листьев — оказалось, что в очередной раз подняли планку, добавив к 120-ти победам еще 70. Прибыв в ставку Гитлера, чтобы получить Дубовые листья, он получил сразу Дубовые листья с Мечами — следующую ступень Рыцарского Креста.

Спустя несколько дней Новотны сно-

ва предстал перед фюрером, на этот раз для того, чтобы получить звание капитана. Когда в октябре 1943 г. по случаю 250-й своей победы он улетел в Вильно, чтобы там «основательно подзаправиться», в дивизионной столовой, где коллеги Новотны бурно отмечали успех своего командира, зазвонил телефон: командующий 6-м воздушным флотом генерал фон Грайм попросил к аппарату командира группы. Ведомый Новотны Карл «Квакс» Шнеррер вспоминал:

«Все посмотрели на меня. Я попытался встать на ноги... Я-то хорошо знал, где сейчас Новотны, но что же мне сказать генералу?»

Я плюхнулся на стул возле телефона и попытался прочистить горло. Но все что я смог из себя выдавить, было хрипкое «Герр генерал?». Едва ворочая языком, я попытался объясниться, но генерал меня резко прервал: «Ты что, свинья, нажрался?»

Отпираться было бессмысленно и я сказал в трубку: «Яволь!».

«Папа» Грайм был старым пилотом, летавшим еще в 1-ю Мировую войну, и он хорошо понимал, что сейчас творится в группе. «Ради всего святого, Квакс, — заорал он, — возьми себя в руки и скажи мне, где сейчас Новотны. Фюрер хочет поздравить его и наградить Бриллиантами¹⁰»...

Позже Новотны рассказал мне, что когда его подозвали к телефону и адъютант сказал ему, что с ним сейчас будет говорить сам фюрер, он почувствовал, как земля разверзается у него под ногами. Он сидел в баре и держал на коленях красотку, а Главнокомандующий Вооруженными силами Германии говорил с ним из своей штаб-квартиры в Восточной Пруссии и поздравлял с высшей воинской наградой Рейха!..

Наутро фон Грайм прислал за мной

курьерский He-111 и мы отправились в Вильно за Новотны. Мы быстро приняли душ, надели парадную униформу и полетели в Восточную Пруссию... Я был бледен как полотно и чувствовал, что умру, когда окажусь перед Гитлером. Поэтому мы решили, что я подожду на свежем воздухе, а Нови один скрылся в святая святых.

Спустя час он вышел ко мне, на его лице сияла улыбка от уха до уха, а на шее у него блестели Бриллианты. Вскоре из бункера показался фюрер. Он вышел и встал задумчиво, держа на поводке Blondi, его немецкую овчарку. Новотны не удержался от искушения и представил меня Гитлеру!»

Тем временем лейтенант Эмиль «Булли» Ланг из II-й группы JG54 установил мировой рекорд результативности: в конце октября в районе Киева Ланг сбил за один день восемнадцать самолетов противника. Но все эти достижения были щедро оплачены жизнями пилотов — разрываясь между тремя воздушными флотами от Ленинграда до Украины, JG54 потеряла за последние месяцы 1943 г. 30 летчиков. Хотя большинство из них были неопытными мальчишками, все тоньше становилась и прослойка ветеранов.

Тем не менее, усилия люфтваффе по нарушению коммуникаций под Ленинградом не прошли даром. Все попытки советских войск организовать наступление на Ленинградском и Волховском фронтах закончились неудачей, не удалось захватить даже станцию Мга — ключевой пункт во всей германской обороне. В итоге ослабленной 18-й армией немцев в период тяжелых боев по всему Восточному фронту удалось удержать свои позиции вплоть до начала 1944 г.

В 1944 г. положение вермахта на Восточном фронте перешло в фазу

кризиса, это касалось и люфтваффе. Противовоздушная оборона Рейха, Средиземноморье и другие театры военных действий поглощали все больше самолетов и летчиков, эскадры буквально таяли на глазах. Советские истребительные авиаполки воевали уже не на допотопных «чайках» и «ишаках», а на новых истребителях Ла-5 и Як-3, зенитные батареи постепенно перевооружались 37-мм пушками и 85-мм орудиями. В небе появлялось все больше и больше русских самолетов, и зачастую сбивать их было просто некому.

В середине января 1944 г. на северном участке Восточного фронта, который так долго находился в спячке, началось крупное наступление Красной Армии. 21 января советские части заняли Мгу, прорвав тем самым кольцо блокады вокруг северной столицы. I./JG 54 и II./JG 54 в спешном порядке были отозваны, соответственно, с центрального и южного участков фронта. Прибыв на свои прежние места дислокации, летчики вместе со своим новым командиром, подполковником Антоном Мадером, вскоре поняли, что остановить наступление противника не удастся, как это не удавалось на Украине. Оставалось, ведя бои, отступать через Прибалтику примерно с той же скоростью, с какой в 1941 г. «Зеленые сердца» продвигались вперед.

25 января 1944 г. гвардии капитан 26-го гиап Н.Г. Щербина, будущий Герой Советского Союза¹¹ вылетел на очередную разведку. Полет проходил в сложных метеоусловиях — пришлось лететь на высоте около 100 метров. Щербина успешно выполнил задачу, обнаружив большие колонны врага, отходившие на юг от Красногвардейска. В районе Сиверской он встретил вражеский самолет-корректировщик Hs-126 и

Вальтер Новотны перед отлетом
в штаб-квартиру фюрера

Ханнес Траутлофт,
генерал бундеслюфтваффе. Фото 1970-х гг.

сбил его. Зенитки фашистов открыли по нему сильный огонь, но Щербина благополучно вернулся на аэродром. Используя данные разведки, штурмовики разгромили вражескую колонну.

«Сиверская была сильно укреплена,— вспоминал командир 123-й дивизии, освобождавшей поселок, генерал-майор А.П. Иванов. — Но никакая

сила не могла сдержать нашу дивизию: ни вражеские укрепления, ни крутые берега Оредежа». Поскольку брать Сиверскую в лоб было крайне трудно, лыжный батальон капитана И.Е. Ткаченко совершил ночью глубокий обходной маневр и захватил железнодорожный мост. Враг был застигнут врасплох; в течение 30 января фашистский гарнизон в Сиверской был разгромлен. По свидетельству ветерана войны А.А. Донского, были захвачены трофеи, в т. ч. на аэродроме — два вражеских самолета и 1500 тонн бензина.

После освобождения Сиверской сюда перебазировались 34-й гвардейский Тихвинский и 140-й бомбардировочные авиаполки 276-й Гатчинской бад; последнему из них в августе будет присвоено почетное наименование Нарвского. Летчик мл. лейтенант И.Ф. Потапов так описывал свое прибытие в полк: «К вечеру оказались на аэродроме в Сиверской. Запомнилось: когда подъезжали к местечку Межно, увидели: в поле из снега торчат небранные трупы.... А когда темнеть начало, немцы начали бомбить. Похоже, что били они по железнодорожному мосту. Наши зенитки стояли прямо в городке, на окраине аэродрома. При стрельбе из зенитки раздается громкий звук, потом когда осколки летят, тогда шелест такой. А когда осколки на аэродромное покрытие из немецких металлических плит падают, то такие пронзительные звуки слышны...»

Правда, по свидетельству того же Потапова, вражеские истребители здесь больше не появлялись: «Они были уже в Эстонии. В Тарту. Там они всегда щипали наших». Но это уже совсем другая история¹²...

Прошли годы. 26 ноября 1982 года почетное наименование «Grünherz» получила 34-я эскадра истребителей-

бомбардировщиков ФРГ, и на бортах «Торнадо» 1-й эскадрильи JaboG34 засияли «Зеленые сердца». На праздник собрались ветераны эскадры во главе с легендарным коммодором Йоханнесом «Ханнесом» Траутлофтом. «В окружении молодых летчиков они и повеселились, и погрустили, вспоминая боевых товарищей, погибших на Восточном фронте, — писал В. Дымич.— А вспомнить было кого: 416 летчиков «Grünherz» не возвратились из боевых вылетов. Посидев в кабинах современных самолетов, ветераны сравнили их с верными «мессершмиттами» и «фокке-вульфами», 2135 из которых остались в виде дюралевого лома на огромном пространстве от Ладоги до Львова. Словом, праздник удался».

И, в заключение, процитируем того же Траутлофта, генерал-лейтенанта и генерал-инспектора бундеслюфтваффе, общественного деятеля, автора мемуаров и большого сборника анекдотов, посвященных летчикам самых разных стран и исторических периодов: «Мы — летчики-истребители эскадры «Зеленое сердце»... были связаны долгом службы и присягой, чтобы вести борьбу до ее горького конца... Наша эскадра помнит храбрость, с которой сражались ее летчики, чувство бесстрашия и уважения к врагу... Те, кто прошел ужасы войны, кто познал чувство страха за свою жизнь и тем более поборол эту слабость и снова обрел боевой дух — эти люди научились ненавидеть войну. Поэтому мы, ветераны... выжившие в то время, предостерегаем от повторения еще одной ужасной ошибки...

Наши погибшие товарищи по эскадре «Зеленое сердце»... — это предостережение и постоянное напоминание нам, что смерть миллионов людей послужила всего лишь для того, чтобы дать че-

ловечеству еще один шанс осознать, что войны — это наиболее разрушительный и бесчеловечный способ разрешения конфликтов между людьми...

После войны пилоты всех наций были первыми, кто протянул руку примирения своим недавним врагам. В наше время их взгляды простираются сквозь границы и они ищут единства в мире, охваченном переменами...»

Литература:

Зефиров М.В., Дегтев Д.М., Баженов Н.Н. Цель — корабли. Противостояние Люфтваффе и советского Балтийского флота. М., 2008.

Новиков А.А. В небе Ленинграда. М., 1970.

Ханниг Н. Воспоминания эксперта люфтваффе. М., 2007.

Bob H.-E. Jagdgeschwader 54 — Grünherzjäger: Die Geschichte eines ber?hmten Geschwaders von 1939 bis 1945 mit großer Bilddokumentation. Aachen, 2009.

Weal J. German Aces of the Russian Front. Oxford, 2002.

¹ Согласно рассказу С.П. Иванова, дешифровавшего стереоснимки воздушной разведки, было разбито 28 вражеских самолетов, а начальник разведотдела полковник А.С. Пронин насчитал 34 разбитых машины!

² В сентябре-октябре 1942 г. II и III группы KG1 базировались в Сиверской.

³ Излюбленный тактический прием немецких летчиков-истребителей: нападать сверху, пользуясь превосходством своих самолетов на больших высотах.

⁴ Ныне — г. Мамоново Калининградской обл.

⁵ 26-я истребительная эскадра получила свое наименование в честь Альберта Лео Шлагетера — героя Первой мировой войны, впоследствии — немецкого партизана, одного из главных мучеников в нацистском мартирологе.

⁶ Так, 20 марта Митуш получил ранение после того, как его «фокке-вульф» опрокинулся на взлете, но уже 21 мая сбил два ЛаГГ-3, один И-153 и один Пе-2, доведя счет своих побед до 33-х.

⁷ Ведущим группы был гвардии капитан 34-го

гбап А.И. Перегудов, повторивший в сентябре 1943 г. подвиг Николая Гастелло и посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза.

⁸ За долгие годы в советской «пропагандистской» истории сложилась легенда о суперэффективности этого тактического приема, укоренился миф о «внезапном сокрушительном ударе по аэродромам». Однако этот прием представляется очень сложным, затратным и рискованным мероприятием, прежде всего потому, что главная составляющая боевой авиации — это летчики, в то время как самолеты — не более чем расходный материал. Во-вторых, уничтожить самолет на земле очень сложно: ни о каком прицельном бомбометании по такой точечной цели не могло быть и речи. Наконец, фугасная авиабомба ФАБ-100 оставляла в грунте воронку диаметром 10–15 м, засыпать которую с применением автотракторной техники не составляло труда. Таким образом, смысл и цель удара по аэродромам можно упрощенно описать так: безвозвратная потеря собственных самолетов и летчиков в обмен на выигрыш времени. Что, собственно, и произошло 6 ноября 1941 г.

⁹ Во время этой бомбардировки оберфельдфебель Кеметмюллер из 7./JG26 сбил штурмовик Ил-2 прямо над Сиверской, а во вто-

рой половине дня участвовал в сопровождении двух Ju-88 и трех Do-217.

¹⁰ Рыцарским Крестом с Дубовыми листьями, Мечами и Бриллиантами, учрежденным в сентябре 1941 г., были награждены всего 27 человек (из них 10 — пилоты).

¹¹ Сбил 11 самолетов противника и штурмовыми ударами уничтожил на аэродромах еще 12. В послевоенные годы 26-й гиап ПВО базировался на Сиверском аэродроме; именно этому гвардейскому авиаполку принадлежал истребитель космонавта-2 Г.С. Титова под номером 45, поднятый на постамент памятника «Защитникам ленинградского неба».

¹² К этому периоду войны относятся два захоронения. На кладбище в Межно похоронены заместитель командира 34-го гбап майор И.П. Бурашников и капитан А.Н. Мошков, которые 14 февраля 1944 г. разбились в условиях резкого изменения погоды при перегоне самолета в Сиверскую. А на Новом кладбище в Даймище в начале 1970-х похоронили ст. лейтенанта 140-го бап Н.К. Галыгина, погибшего 14 июня 1944 г.— его самолет был извлечен из торфа болота «Горелый мох», что расположено между Даймищем и Грязно.

Сиверская в годы войны

(Строки из стихов Валерия Штормового)

Прорвана фашистская блокада,
Немцы беспорядочно бегут.
В честь освобожденья Ленинграда
Прогремел торжественный салют.

Алые советские знамена
Вот уже над Гатчиной парят.
Наконец, и Сиверская снова
Вся у наших доблестных солдат.

Более двух лет лежал под гнетом
Пришлого чужого сапога
Наш поселок, и зимой, и летом
Находясь под властью у врага.

С болью сиверчане наблюдали,
Как с аэродрома строем в ряд

«Юнкерсы» немецкие взлетали,
Чтоб бомбить наш город Ленинград.

Да, незаживающие раны
Причинила Сиверской война...
До сих пор поселка ветераны
Помнят эти страшные года.

Помнят то, как верили в победу,
Что пора возмездия придет.
С верой той наперекор всем бедам
Шли они уверенно вперед.

Уж немало лет с тех пор промчалось,
Наш поселок вырос и окреп.
Но порой пронзит немой печалью
Отголосок тех военных лет.

Ветеранам

Галина Хохлова

Все реже круг у ветеранов
той, захлестнувшей Русь войны;
Все больше их тревожат раны,
все меньше в душах тишины.
С годами все трудней собраться,
о той поведать нам войне.
Все реже стали вы встречаться
в Победы праздник по весне.

И до сих пор звучит ночами
стальная музыка войны,
где от налетов «глухарями» вы поднимались от земли.
По вашей жизни прокатилась
броней танковой война.
И рано прядь посеребрилась,
и рано юность отцвела.

Жаль, не понять крикливым внукам,
о чем тревожитесь порой,
о чем скорбит душа и в муках
встречает старости порог.
И язычок обиды лижет
вам сердце, раны бередя.
Чем дольше жизнь, тем будто ближе
войны суровая стезя.

МОРСКАЯ СЛАВА ГАТЧИНЫ

Все корабли прикованы к причалу

Сердцами тех, кто водит корабли...

Е. Гулидов

СТЕФАН ДЖЕВЕЦКИЙ

(1843–1938)

Михаил Смотрицкий

Стефан (Степан Карлович) Джевецкий родился в деревне Кунка Гусятинского повета на Подолье в 1843 г.. Он происходил из богатой дворянской польской семьи, уже много поколений отмечавшей саблей и пером свое присутствие в политической и культурной жизни страны.

Дед Стефана Джевецкого — Юзеф — служил офицером в отрядах Тадеуша Костюшко и Ярослава Домбровского, а отец сражался в рядах повстанцев 1831 г. Дедушка оставил интересные «Дневники». Также и его сын Кароль — отец Стефана — относился к числу выдающихся патриотических деятелей. Он был автором известной в свое время драмы «Иеремий Вишневецкий» и нескольких комедий. Мать Стефана Гортензия (урожденная Ярошинская) сердечно заботилась о шестерых своих детях и время от времени сопровождала мужа в его поездках (в частности, в Святую Землю, в Египет и в Москву). Отец, хоть и был страстным любителем лошадей и плодовитым литератором, со всей серьезностью относился к

вопросам, связанным с воспитанием и образованием своих детей. В 1859 г. он отвез Стефана во Францию, поместив его в одну из школ в Париже.

Поскольку этой школой руководили иезуиты, она не имела права выдавать дипломы. Выпускники этого лицея должны были становиться бакалаврами в Сорбонне. Экзамен на степень бакалавра был очень серьезным, он проходил с участием лучших профессоров и был, ясное дело, нелегким. Обычно на этот экзамен в Париж съезжалось ежегодно до трех тысяч кандидатов, и далеко не все из них получали желанную научную степень.

Насколько можно судить, молодой польский шляхтич, учась в лицее, не отличался ни прилежанием, ни дисциплинированностью. Он был неизменным организатором всякого рода проказ, которые портили кровь почтенным отцам иезуитам, и показывал весьма дурной пример для подражания учащейся парижской молодежи. Директор лицея затаил в сердце справедливую жажду возмездия за все проделки молодого человека. Экзамен, проводившийся в Сорбонне, должен был стать подтверждением хорошо известного и общепризнанного правила: «За все приходится расплачиваться»... Однако профессора Сорбонны, приняв во внимание обширные и разнообразные познания молодого человека и очарованные его быстрыми ответами буквально на все вопросы, выставили ему по каждой дисциплине наивысшую оценку — 20 баллов.

Это была не просто неожиданность!

Это был скандал! С этим надо было что-то поделать... И директор лицея пригласил к себе мать Стефана и в категорической форме отказался от дальнейшей опеки над ее сыном. Напрасно госпожа Гортензия просила позволить ее сыну продолжить образование в специальных математических классах Лицея отцов иезуитов.

Будущий выдающийся изобретатель был исключен из иезуитского лицея и, за неимением лучшего, поступил на учебу в Центральную инженерную школу, — впрочем, вполне солидное высшее техническое учебное заведение.

Уже во время учебы в Стефане пробудился великолепный инженерный талант. Изобретения становятся его хобби. После окончания школы Джевецкий, располагавший большими денежными возможностями, избегает «жизненных утех» в гедонистическом смысле и избирает удовольствия иного, более высокого порядка — интеллектуальные. Одно изобретение следует за другим, причем в самых разнообразных областях техники. При этом все они остаются в зачаточном состоянии. Только когда уже значительная часть состояния была «растрезвонена» на научные и технические эксперименты, а в кармане, хотя и глубоко, стало проглядывать дно, Джевецкий переходит к реализации своих идей. Еще в 1867 г. он замыслил первый измеритель пробега для дрожек, от которого ведут свой род нынешние автомобильные спидометры.

В 1873 г. на Всемирной выставке в Вене молодой изобретатель продемонстрировал параболический регулятор для паровых машин и циркуль для вычерчивания сечений конуса. Он получил за эти изобретения две награды.

Стоит заметить, что на этой выставке изобретения Стефана Джевецкого

занимали отдельный стенд. Были там и чертежи его новых проектов, касающихся усовершенствования кораблей и морского транспорта. Эти решения вызвали большой интерес у военноморских специалистов. Из многих предложений инженер выбрал российское и уже вскоре оказался у великого князя Константина на берегах Невы в Петербурге, где правительство создало ему идеальные условия для работы. И оно не ошиблось. Со свойственной ему энергией молодой поляк занялся делом, и уже вскоре русский военный флот, а также сухопутные войска и гражданский флот располагали изобретениями, о которых другие морские державы могли только мечтать. В частности, он построил прибор для автоматической прокладки на карте пути корабля, пройденного на море.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. прервала деятельность изобретателя. Джевецкий пошел добровольцем на флот и, будучи рядовым матросом, участвовал в боях парохода «Веста»; в частности, он принимал участие в артиллерийском поединке этого судна с турецким броненосцем, в ходе которого погибла половина как русского, так и турецкого экипажей. За отвагу он был награжден солдатским Георгиевским крестом. В то же время у него рождается замысел сконструировать подводную лодку как эффективное средство ведения военных действий на море.

Уже вскоре (в 1879 г.) Россия становится первым в мире государством, обладавшим моделью оружия, в принципе пригодного для проведения боевых действий. Первая подводная лодка, сконструированная Джевецким, имела четыре метра длины, а ее винт приводился в движение ногами человека — единственного, составлявшего экипаж этого мини-судна. Сначала Джевецкий плавал на своей подво-

дной лодке в одесском порту, позднее продемонстрировал ее возможности на Белом озере в Гатчине, возле Петербурга. Изобретение было замечено, и на его усовершенствование выделены соответствующие денежные суммы. Следующая модель — построенная уже через несколько месяцев — имела длину уже шесть метров, а экипаж состоял из четырех человек. Лодка располагала двумя аппаратами для метания мин и перископом, также сконструированным Джевецким. По решению российского военного министерства в срочном порядке — менее чем за год — было построено 50 таких подводных лодок, которые потом курсировали на кронштадтском рейде. Таким грозным оружием не располагал тогда еще ни один флот на свете. Русские генералы гордились этим достижением, которое не давало спать спокойно их соперникам в Пруссии, Англии и Франции. (Несколько кораблей и подводных лодок Джевецкого и сейчас хранятся в музеях Петербурга.) Правда, существенным недостатком субмарин Джевецкого была их низкая скорость — всего три узла. Когда появились первые аккумуляторы, изобретатель реконструировал свою лодку, поместив на ней электрический двигатель. Уменьшенная модель имела экипаж уже из двух человек и мощность в одну лошадиную силу, при которой скорость, конечно, не могла быть высокой и возросла только на один узел. Однако полученные Джевецким в ходе работ над лодкой инженерные решения ставят его в ряды выдающихся изобретателей. Когда были изобретены дизельные двигатели, технические параметры подводных лодок существенно улучшились.

В 1882 г. Джевецкий отправился в Париж, где он заинтересовался летательными аппаратами, аэронавтикой

или, как тогда говорили, — авиатикой. Он принимает участие в конструкторских работах Парижского общества авиатики и осуществляет свой первый полет на аэростате из столицы Франции в Амьен (около 110 км). Осенью 1882 г. изобретатель возвращается в Россию и вскоре избирается заместителем руководителя секции авиации Русского технического общества (руководителем был полковник В. Найденев, военный инженер, позднее профессор Петербургского политехнического института, автор многих научных работ, редактор журнала «Техника воздухоплавания»). Джевецкий становится одним из наиболее активных деятелей этого общества. Для начала он занялся исследованием полета птиц, — это было как бы введением в теорию полета. В 1885 г. в Петербурге печатается статья Джевецкого: «О сопротивлении воздуха в применении к полету птиц и аэропланов», а в 1887 г. — «Аэропланы в природе. Опыт новой теории полета». Вторую из этих работ он посвятил Д.И. Менделееву, который в то время тоже интересовался вопросами воздушных полетов.

Помимо своих главных интересов, связанных теперь с воздушными полетами, Джевецкий конструирует минный аппарат и вооруженный им торпедоносец, которые немедленно используются в военном флоте России, превращая его в самую современную в мире армаду.

В 1898 г. на Международном конгрессе в Париже Джевецкий получил первую премию за проект непотопляемой подводной лодки водоизмещением 120 тонн, с паровым двигателем, рассчитанную на экипаж из 12 человек.

Затем его поглощает решение задачи, связанной со строительством авиационного двигателя. Он выдвигает концепцию винта и доказывает

осуществимость этого решения как теоретически, так и экспериментально. Им вводится в научный обиход понятие «модуль винта», еще сегодня используемое специалистами. В 1910 г. он опубликовал работу «Воздушные винты», в которой впервые в истории авиации развил теорию винта.

В результате серьезного математического анализа изобретатель определил условия оптимального режима работы винта, его форму и другие необходимые параметры. Теория Джевецкого оказалась исключительно полезной для инженерных расчетов и нашла широкое применение в авиационной — как самолетов, так и вертолетов. Фактически С.К. Джевецкий стал основателем всемирно известной русской школы в авиационной науке. Те или иные его идеи были развиты Жуковским, Юрьевым, Сабининым, Ветчинкиным и другими инженерами.

Джевецкий первым в мире разработал теорию скользящего полета и теорию судовых винтов. Им были запатентованы способ автоматической стабилизации самолетов, винт с автоматической регулировкой скорости оборотов, аэродинамические весы и водяная турбина с боковым поступлением воды. В 1909 г. он писал, что авиация, несомненно, в самом недалеком буду-

щем призвана оказать сильное воздействие на отношения между людьми, что нельзя сомневаться в ее экономическом, политическом, социальном значении... Последующие десятилетия доказали правоту его предвидения.

Так же как и его дед Юзеф Джевецкий, Степан Карлович сохранял работоспособность и ясность мысли до последних дней своей долгой, почти 95-летней, жизни. В 1935 г. он опубликовал в Париже, где жил и работал с 1892 г., фундаментальный труд под названием «Etude des turbo-moulinets hydrauliques» («Этюд гидравлических турбомельниц»). Всю свою жизнь знаменитый инженер следовал принципу: «работа — удел избранных». Он проявлял работоспособность, которая вызывала изумление у всех, кто его знал. Силы оставили великого труженика лишь перед самым концом его земного пути, который он завершил в апреле 1938 г.

*По книге Яна Чехановича
«Творцы чужого света»*

Литература:

сб. «Polonica Petropolitana», v.3 (2004) s. 35-42

Колесо

Дарья Петрова

Акушерка. Крик. Пеленка.
Грудь. Прививка. Распашонка.
Смесь. Бутылочка. Кроватка.
Ложка. Ясельки. Лопатка.
Зайчик. Елка. Хоровод.
Книжка. Ранец. Новый год.
Велик. Ролики. Футбол.
Кимоно. Разряд. Гандбол.
Творчество. Поэмы. Грезы.
Страсть. Соперничество. Слезы.
Паспорт. Выпуск. Аттестат.
Институт. Диплом. Мандат.
Перелом. Семья. Машина.
Должность. Звание. Вершина.
Сердце. Седина. Давление.
Дети. Внуки. Сбереженья.
Дом. Камин. Кресло-качалка.
Выдох. Слезы. Катафалк(а).
Небеса. Суд. Возвращенье.
Поиск. Тело. Воплощенье.
Воды. Роды. Волосенки.
Акушерка. Крик. Пеленки.

К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОГО

*В чем счастье?..
В жизненном пути,
Куда твой долг велит – идти...*

А.Н. Майков

Александр Кряжев

В литературное объединение «Поэтов Сиверское Братство» Виктор Степанович Батуриин пришел сравнительно недавно, в 2008 г., хотя со словесностью, с литературой связана, можно сказать, почти вся его сознательная жизнь.

Родной русский язык и настойчивое стремление сказать что-то свое этим поистине неисчерпаемым богатством его выразительных средств влекло Виктора Степановича еще с детства. А детство и ранняя юность его пришлось на самые нелегкие для нашей страны предвоенные и военные годы, когда его семья, подобно многим тысячам таких же честных тружеников, добывающим хлеб своим собственным трудом, была «раскулачена» (приходится брать это слово в кавычки, потому что, в действительности, она таковой не являлась) и выслана на Северный Урал, как говорит сам поэт, «не на жизнь, а на смерть». Здесь, в почти невыносимых, унижительных условиях уральской ссылки от голода еще ребенком умирает старший брат,

а вскоре и старшая сестра. В довершение ко всем бедам семьи Батуриных отца по распространенному тогда обвинению «в антисоветской деятельности» арестовывают и ссылают на девять лет в Вятские лагеря. Мать с сыном-подростком остаются одни. О том, исключительно трудном периоде своей жизни автор с нескрываемой горечью рассказывает в стихотворениях «На Северном Урале», «О Чайке», «Память», «Воспоминания» и в небольшом рассказе «Труженик тыла». Тяжело и грустно читать эти безрадостные строки, больно становится за наш многострадальный народ, за тех людей, на долю которых выпали и террор революции, и братоубийственная гражданская война, и разорение коллективизацией, и массовые репрессии, и невиданные ужасы и бедствия Второй мировой. Но в произведениях Батуриина, посвященных этому тяжелейшему отрезку его большой и насыщенной жизни, вы не найдете обиды на страну, на Россию, на людей, в ней живущих. Укор есть, укор преступным властям, обрекшим миллионы людей на неисчислимые страдания и гибель, а обиды нет.

Тяжелые условия жизни заставили пятнадцатилетнего паренька временно приостановить учебу в школе и пойти работать в колхоз. Только после окончания войны он смог продолжить учебу в школе рабочей молодежи. Окончив ФЗО и поработав по полученной специальности экскаваторщиком и затем слесарем, он понял, что техника — это не для него. Его страст-

но влекла литература. Хотелось не только самому всецело отдаться этой всепоглощающей страсти, но и заразить этим увлечением других, не только самому в совершенстве научиться пользоваться бесконечным разнообразием и богатством русского языка, но и научить этому других, таких же пытливых, неуемных, ищущих... И молодой слесарь, оставив молотки, напильники, кусачки и сверла, поступает сначала в Ирбитский учительский институт, а затем успешно заканчивает Свердловский педагогический институт и получает диплом преподавателя русского языка и литературы. Первую «пробу пера» Виктор Батурин попытался осуществить еще в институте, написав рассказ «Учитель жизни», который занял второе место в институтском конкурсе молодых прозаиков. Тогда же он познакомился с Капитолиной, учительницей географии, которая стала его верной женой и подругой до конца.

Казалось бы, мечта достигнута. Он стал литератором, изучил все тонкости правильного построения русской речи, грамматических оборотов языка.

Но Виктор Степанович пошел по другому пути. Он стал Учителем. Именно учителем с большой буквы и полученные в институте знания начал щедро раздавать своим питомцам вместе со своей женой Батуриной Капитолиной Петровной. Этот непростой, чрезвычайно ответственный, но такой замечательный и благородный труд по воспитанию и обучению подрастающего поколения, обогащению его необходимыми знаниями стал делом всей их жизни, основным содержанием этих двух простых и скромных людей. Показательна в этом отношении статья «Последний урок учительницы географии», опубликованная в украинской областной газете

«Черкасский край», в которой передается как бы завещание учительницы своим, давно уже взрослым ученикам, написанное ею незадолго до своей кончины, последовавшей в 2008 году. Да и сам Виктор Степанович, теперь уже на склоне лет, активно делится накопленным богатейшим педагогическим опытом в своих публицистических статьях, напечатанных в местных газетах, таких, как: «Учитель о качественном воспитании», «Им каждый по-своему дорог и каждый как будто бы свой», «А мы сохраним тебя, русская речь?» и других.

Более сорока лет своей жизни отдал Виктор Степанович Батурин педагогической деятельности, пройдя путь от рядового учителя до директора школы и заведующего городским отделом народного образования. Этот титанический труд на благо просвещения нашей молодежи по достоинству оценен. Виктор Степанович имеет звания «Отличник Просвещения СССР», «Отличник Народного Просвещения России», является Заслуженным учителем Украинской ССР, лауреатом премии им. Народного учителя А.А.Захаренко, награжден орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями и Почетными грамотами. Он дважды избирался делегатом Всеукраинских съездов учителей и представлял Украинскую ССР на Всесоюзном съезде учителей в 1978 году.

Эта большая работа на ниве сеяния «разумного, доброго, вечного» отнимала все свободное время, и, конечно же, в этот самый яркий и насыщенный отрезок жизни Виктору Степановичу было совершенно не до стихов или каких-либо других собственных литературных поделок. Только выйдя на заслуженный отдых и переехав на новое место жительства в Сиверскую,

где самый воздух дышит поэзией, он возрождает свое юношеское увлечение, и вскоре его стихи вначале робким ручейком, а затем все шире и шире и, наконец, полноводным потоком полились из его души и сердца. Этому возрождению до сих пор лежавшего подспудно таланта Виктора Степановича в немалой степени способствовало его знакомство с местными сиверскими поэтами из ЛИТО «Поэтов Сиверское Братство», в особенности тесная дружба с одним из членов этого литобъединения Валерием Штормовым, с которым он познакомился почти сразу после переезда в Сиверскую в 2001 году. Об этом человеке, обо всей неординарной семье Сабадаш он рассказал в публицистическом очерке «Поэт и воин».

Виктор Степанович всей душой любит Россию, предан ей, гордится ее славным историческим прошлым, ее героическим народом и твердо верит в возрождение страны, в ее светлое будущее. Этой жизнеутверждающей темой пронизаны такие его стихотворения, как: «Моей России», «Бесславный поход Наполеона», «Памяти М.Ю.Лермонтова», «Прорыв блокады Ленинграда», «Подросткам», «Пенсионерам», «Молодым узникам фашистских лагерей», «Судьбы деревень забытых» и других. Он искренне восторгается красотой русской природы, родного края, нашими замечатель-

ными людьми. Наверное, не оставят читателя равнодушными его «Березка», «Весенние дни», «Сиреневый вечер», «Где калина цветет», «Про сапожника Яшку», «О Дивенском хоре», «Малая Швейцария».

Таков, вкратце, большой жизненный и творческий путь этого замечательного человека, внимательного доброго учителя и тонкого душевного поэта. Будем надеяться, что он еще не раз порадует читателей своими новыми проникновенными творениями.

И в заключение хочу посвятить ему свои стихи:

Житейские прошел он бури,
Работал в школе много лет.
Виктор Степанович Батурин,
Директор школы и поэт.
Он по характеру — мечтатель,
Он, как солдат, всегда в строю.
Рекомендует Вам, читатель,
Он книгу новую свою.
Он замечательный родитель!
Он симпатичен всем вокруг,
Он и «Заслуженный учитель»,
Он верный и надежный друг.
Учить детей — это призванье
Ему природою дано.
Он ветеран образования
И опытный Зав ГОРОНО.
Наград и поощрений много
И Красный Орден на груди!
Пусть будет долгою дорога
И много счастья впереди!..

≡ СУДЬБА, ВПЛЕТЕННАЯ В СТОЛЕТЬЯ ≡

Елена Аносова

В юбилей люди оглядываются на то, что было сделано ими за прошедшие год.

Гости, поздравляя в открытках и произнося тосты, говорят теплые слова, вспоминают яркие моменты, которые связывают их с юбиляром. Таких слов набирается много, особенно, когда речь идет о столетнем юбилее удивительной женщины, много десятков лет прожившей в нашем поселке Высокоключевом, и совершившей на своем долгом веку много добрых дел. Имя этого прекрасного человека Нина Михайловна Косарева. 27 декабря 2010 г. ей исполнилось 100 лет.

Весь педагогический коллектив Высокоключевой школы от всей души поздравил ее с юбилеем и пожелал ей крепкого здоровья. Ученики нашей школы присоединились к поздравлениям, подарили ей подарки, выполненные собственными руками.

Нина Михайловна родилась в Санкт-Петербурге в далеком 1910 г. Вся история страны нашла отражение в ее

биографии: Великая Октябрьская социалистическая революция, гражданская война, Великая Отечественная война. Всю блокаду Нина Михайловна трудилась в осажденном Ленинграде. Она награждена правительственными наградами: медаль «За оборону Ленинграда», медаль «За доблестный труд».

С 1924 г. она поселилась на даче в нашем поселке. Одно из самых ярких впечатлений связано со станцией Суйда. Чего только стоит разрушенный в войну железнодорожный вокзал. Станция с таким названием появилась на плане Варшавской железной дороги в 1859 г. Суйда была третьей по счету станцией после Санкт-Петербурга, Александровской и Гатчины. В 2000 г. исполнилось ровно 100 лет со дня основания дачной жемчужины суйдинской земли поселка Высокоключевого. До этого времени здесь, рядом с железнодорожной станцией Суйда, находилась усадьба «Паулиновка». Паулине Карловне Ганс земля досталась по наследству после смерти отца, германского уроженца, купца Карла Ивановича Шпигеля. Сам Шпигель жил в усадьбе «Елицы». В 1899 г. Паулина Ганс стала распродавать свою усадьбу под дачные участки. В начале XX в. здесь почти одновременно образовалось два отдельных поселка: Высокое и Ключевое. Их границей являлась Березовая роща. Название поселков говорит само за себя... Здесь действительно высокая местность, покрытая сосновым и еловым лесом. Главное богатство этой территории -

обилие ключей.

Среди первых землевладельцев были люди среднего класса: служащие Варшавской железной дороги, деятели искусства, представители духовенства. Мы рады, что Нина Михайловна выбрала именно это место. А помог приобрести дачу в нашем поселке дьякон Оляновский. Он поселился здесь еще раньше. Своим трудом, своей необыкновенной порядочностью и упорством, она подавала пример многим людям.

По ее признанию, большое влияние на формирование ее личности, взглядов на жизнь, сыграла Софья Ивановна Оляновская, муж которой служил дьяконом в Александро-Невской лав-

ре. Атмосфера уюта и гармонии, царившая в этом доме, оставила в душе девочки неизгладимый след.

Трудовой стаж Нины Михайловны 63 года, она трудилась до 80 лет на благо нашего общества.

Жизненный путь, пройденный ею, вызывает у нас всех восхищение. И кажется мне, что судьба этой невероятной женщины никого из вас, дорогие читатели, не оставила равнодушной. Она по-прежнему заботится о своей дочери, с неизменным радушием встречает своих гостей. Хочется от всей души пожелать ей крепкого здоровья, а нам с вами побольше таких светлых людей на жизненном пути.

ВОЙНЫ И ПАМЯТИ ПРИКАЗ...

*В нас есть суровая свобода:
На слезы обрекая мать,
Бессмертье своего народа
Своею смертью покупать.*

К.М. СИМОНОВ

Виктор Иванов

12 марта 2013 г. исполнилось бы 100 лет Герою Советского Союза гвардии капитану Алексею Ивановичу Перегудову, отдавшему жизнь 30 сентября 1943 г., спасая мир от фашистской нечисти. Кавалер ордена Ленина, 2-х орденов Красного Знамени, ордена Отечественной войны 1-ой степени, ордена Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда», участник советско-финляндской войны 1939-1940 гг. и Великой Отечественной войны вместе с командиром авиаэскадрильи гвардии майором Гречишкиным Василием Николаевичем повторили подвиг Николая Гастелло, направив свой горящий самолет на фашистскую артиллерийскую батарею, регулярно обстреливавшую город Великого Ленина — Ленинград.

Родился Алексей Перегудов 12 марта 1913 г. в пригородной слободе Кукуй уездного города Сапожка Рязанской губернии, в семье крестьянина Ивана Дмитриевича Перегудова, работавшего на табачной (махорочной) фабрике механиком. Мать его, Матрена, была домохозяйкой. Три брата, две сестры и самый младший — Алексей — такой была семья будущего героя.

С детских лет Алексея приучали к труду и учебе. Окончив успешно 7 классов, Алексей в 1926 г. поступил в Сапожковскую профтехшколу — ныне профессиональный Лицей № 21 (с 1896 по 1919 гг. — ремесленное училище, готовившее специалистов сельского хозяйства). Учился Алеша на отделении токарно-слесарного дела со сроком обучения пять лет. Последний год

учебы совпал с реорганизацией училища, получившего название «Электросельхозуч». Основной специальностью стала профессия электромонтера. В первый год учащиеся проходили подготовительный курс исключительно по общеобразовательным предметам и практическое обучение, а в последующие 4 года к общеобразовательным предметам добавились специальные дисциплины. Учебный день длился 8 часов — с 8 ч 30 мин до 12 ч 30 мин — в классах, обед и с 14.00 до 18.00 — практические занятия в мастерских. Русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, география, черчение, физика, политграмота, рисование, технология дерева, техническая механика, история культуры и техники, гигиена профессии, технология металлов, теплотехника, электротехника — это были основные дисциплины обучения. Преподаватели были высококлассны-

ми специалистами, профессионалами (в том числе и брат Алексея — Иван Иванович Перегудов — 1900 года рождения). Уже в то время Алексей принимал активное участие в общественной работе, в спорте, проявлял высокое трудолюбие и упорство, ему легко давались и теория и практика. Много читает, занимается многими видами спорта — лыжами, плаванием, волейболом, баскетболом, футболом. Высокодисциплинированный и исполнительный, он имел большой авторитет среди учащихся.

После успешного завершения обучения в 1931 г. Алексей работал слесарем на заводе «1 мая» в г. Сапожке, а затем переехал в г. Москву, где работал на 1-ом Московском государственном часовом заводе, а по вечерам занимался в аэроклубе. В 1935 г. Алексей Перегудов отказывается от брони и добровольцем, по зову души и сердца, идет в ряды Рабочей Крестьянской Красной Армии (РККА), затем был направлен на обучение в ШМАС — школу младших авиационных специалистов, и в 1936 г. стал стрелком полка бомбардировочной авиации. Командование заметило старательного, сильного, смелого и активного молодого человека и в ноябре 1937 г. направило Алексея на обучение в ШМАС уже по летному профилю, которую он весьма успешно окончил в звании младшего лейтенанта в феврале 1936 г. и был направлен для дальнейшего прохождения службы в одну из авиационных частей Ленинградского военного округа. В 1939 г. Алексей Иванович Перегудов был принят в ряды ВКП(б). С 1939 по 1940 гг. офицер Перегудов участвовал в советско-финской войне и в мае 1940 г. досрочно получил воинское звание старшего лейтенанта и награждается первым орденом Красного Знамени. В Великой Отече-

ственной войне А.И. Перегудов — с 10 октября 1941 г., а до этого принимал активное участие в освоении новейших типов самолетов. Новая должность на Ленинградском фронте — штурман авиаэскадрильи 34-го гвардейского Тихвинского Краснознаменного бомбардировочного полка 276-й бомбардировочной авиационной дивизии 13-ой воздушной армии Ленинградского фронта. Боевые вылеты для защиты Ленинградского неба осуществлялись и днем и ночью. За высокие боевые достижения в декабре 1941 г. А.И. Перегудов награждается вторым орденом Красного Знамени и ему присваивается воинское звание — капитан. Слава о командире авиаэскадрильи гвардии майоре Гречишкине Василии Николаевиче и штурмане авиаэскадрильи гвардии капитане Перегудове Алексее Ивановиче гремела по всему Ленинградскому фронту Их авиаэскадрилья громила фашистов по всему фронту. Штурмана Алексея Перегудова хорошо знали летчики авиаполков Ленинградского фронта. Его фамилия часто появлялась в газетных заметках, рассказывающих о подвигах защитников Ленинграда.

В феврале 1943 г. в газете «Красная Звезда» был напечатан большой очерк об А.И. Перегудове, помещен его портрет. Перед читателями предстает настоящий Герой Ленинградского фронта, кавалер пяти боевых орденов, совершивший 219 боевых вылетов за 2 года войны (из них 164 ночью). Все задания выполнялись весьма успешно. О самоотверженности и мастерстве А.И. Перегудова говорится во многих боевых донесениях и в наградном листе:

«09.06.1943 г. при бомбардировочном налете ведущим группы на аэродроме Сиверская уничтожено 13 самолетов врага. Подтверждено фотоснимками.

25.07.1943 г. ведущий 6 самолетов

Пе-2 бомбардировал с пикирования передний край фашистской обороны и мост через реку Мга. В результате прямого попадания мост разрушен.

28.08.1943 г. бомбардировочным ударом по эшелонам врага на станции Тосно уничтожено и сожжено 3 железнодорожных состава.»

В данном случае штурман Перегудов сделал то, что считалось невозможным, так как бомбил с высоты... двадцати пяти метров. Перегудов вывел эскадрилью Пе-2 на железнодорожную станцию, где стояли вражеские эшелоны. Станция, как назло, оказалась закрытой туманом. Перегудов рискнул снизиться до высоты, небывалой для бомбардировщиков. Зато цели были обнаружены и атакованы. Цели были поражены.

Двести двадцатый боевой вылет... 30 сентября 1943 г. пятерка Пе-2, возглавляемая гвардии майором Гречишкиным В.Н., в боевом экипаже, в котором были: штурман гвардии капитан Перегудов А.И. и стрелок-радист гвардии старшина Марченко И.Ф., шла на выполнение боевой задачи. Предстояло уничтожить тяжелую артиллерийскую батарею фашистов в районе Павкуля, которая регулярно обстреливала город Ленинград. При подходе к цели самолеты попали в завесу зенитного огня. Когда Перегудов А.И. заканчивал расчеты, бомбардировщик сильно качнуло, а на левом моторе взметнулось пламя от попадания зенитного снаряда. Ведомый Гречишкина Н., младший лейтенант Шелудков позднее рассказал, что Гречишкин все же перевел машину в пики. Стрелок-радист героического экипажа Гречишкина - Перегудова — Иван Федорович Марченко был выброшен встречным потоком воздуха и чудом остался жив (умер в 2004 году). Гречишкин крепко держал в руках штурвал и вел само-

лет на «соколиный удар», предпочитая героическую смерть позорному плену, как это отмечено в наградном листе 4 февраля 1944 г. За геройский подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий Командирования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР присвоил Гречишкину В.Н. и Перегудову А.И. звания Героев Советского Союза (посмертно).

Ходит легенда, что немецкие летчики похоронили Алексея Ивановича Перегудова со всеми воинскими почестями рядом с памятником Павлу I на Дворцовой площади города Гатчины.

В письме ветерану 276-й Гатчинской авиадивизии подполковнику в отставке Анисимову Владимиру Тимофеевичу (председателю Совета Ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов г. Гатчины до 11.03.2009 г., Почетному гражданину г. Гатчина) вдова командира дивизии Ирина Семеновна Андреевна написала следующее: «После освобождения Гатчины от немецко-фашистских захватчиков, штаб 276-й бомбардировочной авиадивизии перебазировался из Левашова в Гатчину, кажется, на третьи сутки после изгнания немцев, штаб разместился на 2-ом этаже левого крыла Гатчинского дворца. Как только все разместились по комнатам и по своим отделам, мне захотелось посмотреть на дворец. Вообще-то, было запрещено отлучаться и выходить за ворота, но я сумела убедить часового, что только посмотрю и быстро вернусь. Я побежала к памятнику Павлу I, так как площадь пустая, а вдруг меня кто-то увидит — будет неприятность часовому, да и от туда лучше посмотреть на обгоревший и разбитый дворец Павла I. Когда я подошла ближе к памятнику, то увидела бугорок — могилку и столбик, на

котором по-немецки было написано «А. Перегудов»».

8 июля 1956 г. прах Героя Советского Союза А.И. Перегудова был перезахоронен на Гатчинском мемориальном кладбище «Солодухино». Позже на могиле был установлен памятник и бронзовый бюст Героя (автор – ленинградский скульптор Черниенко Г.А.). Рядом установлен бюст – памятник Герою Советского Союза Василию Николаевичу Гречишкину, но это не могила – прах Героя мириадами мелких частиц растворился в безбрежном воздушном океане. В микрорайоне Мариенбург г. Гатчины две улицы носят имена прославленных летчиков, Героев Советского Союза – Алексея Ивановича Перегудова (от Зеленого переулка до улицы Пушкинской с 6 июля 1952 г.) и Василия Николаевича Гречишкина (от улицы Островского, д. 18 до улица 120-й Гатчинской дивизии, д. 13 с 9 марта 1978 г.).

1 сентября 2007 г. на здании образовательной школы № 7 установлена мемориальная доска Герою Советского Союза гвардии капитану Перегудову Алексею Ивановичу. В 2008 г. ко Дню Победы школе № 2 присвоено почетное имя Героя Советского Союза гвардии майора Гречишкина Василия Николаевича, школе-лицею № 3 – имя Героя Советского Союза гвардии капитана Перегудова Алексея Ивановича, школе № 4 – имя Гвардии генерал-майора, Героя Советского Союза Сандалова Владимира Александровича. Имя Героя Советского Союза гвардии

капитана Перегудова Алексея Ивановича носят улицы в г. Сапожок Рязанской области и в г. Рошаль Шатурского района Московской области.

В г. Гатчине проживают – сын Алексея Ивановича Перегудова, руководитель физического воспитания школы-лицея № 3, заслуженный учитель РФ Перегудов Валерий Алексеевич, с женой Татьяной Ивановной, а также их сын, внук А.И. Перегудова Алексей Валерьевич Перегудов, майор запаса, морской летчик авиации Северного Флота, его дети – Валерия и Евгений.

Гречишкин, Перегудов жизнь отдали
За Родину, за город Ленинград.
Героями посмертно они стали
И было им уже не до наград.
Гастелло подвиг повторили,
Направив самолет на артрасчет.
Огонь орудий быстро подавили,
Вновь увеличив свой победный счет.
Их подвиг помнят взрослые и дети,
Герои с нами мысленно всегда.
Поступок яркий на планете,
А над могилой — Красная звезда.

Литература:

1. Буров А. В. Огненное небо. – Л.: Лениздат, 1974.
2. Буров А. В. Твои герои, Ленинград. 2-е изд. доп. Л.: Лениздат, 1970.
3. На поле ратном. – М.: Московский рабочий, 1977.
4. Крылатые богатыри. – Л.: Лениздат, 1965.
5. Цитадель под Ленинградом. – Л.: Лениздат, 1992.

≡≡≡ «А ДО СМЕРТИ ЧЕТЫРЕ ШАГА...» ≡≡≡

Ирина Сычева

«Двадцатый век — эпоха массовых смертей»

Не тот погиб, кто пал в бою,
Нет, он не побежден,
Пал тот, кто грудь прикрыв свою,
Бежал из битвы вон.

М. Горький

В детстве я часто слышала слово «расстрелять». Моя матушка, когда узнавала о каком-то плохом человеке, восклицала: «Его нужно расстрелять!». Она, видимо, сама не замечала в этих словах ничего ужасного. Или не вдумывалась в точный смысл своих восклицаний. Ведь, говорим же мы: «Черт тебя побери!», — совершенно бездумно.

Молодость моей мамы пришлось на 30-е годы. Тогда это слово было часто в ходу. И не только слово. На волосок от реальных расстрелов во время войны побывали и мой отец, и мой дядя. Погибнуть тогда можно было не только от руки врага...

Расскажу сначала о дяде. Он был капитаном судна, перевозившего военные грузы на Каспии. Это почти неизвестная сторона войны. По Каспию через Иран шла военная помощь союзников. Мой дядя получил приказ на перевозку танков. А на Каспии в то время был сильный шторм. Дядя отказался выходить в открытое море в такую погоду. Его сразу же отстранили от работы и арестовали по обвинению в саботаже и невыполнении приказа. В море судно вышло с другим капитаном. Надо ли говорить, что на обратном пути во время шторма судно затонуло вместе с важным военным грузом и всем экипажем? Началось новое расследование. И моего дядю... вновь допустили к работе.

За время войны мой отец был трижды под военным трибуналом. По специальности он был подрывником. В самом начале войны при нашем отступлении отцу приказали взорвать мост. С группой подрывников он отправился к мосту. Но мост уже был в руках врага. Отец не решился отправить своих бойцов на верную и бессмысленную гибель.

По возвращении группы ему был предъявлен вердикт: невыполнение приказа. Военный трибунал и неизбежное и традиционное в военное время наказание — расстрел. Но тут за отца поспешил вступить его начальник. Ему удалось убедить кого нужно, что отец — редкий специалист и еще будет очень полезен. К тому же, приказ был невыполним, что легко можно было доказать. Дело закрыли.

Другой удивительный эпизод произошел с ним в Новороссийске летом 1942 г. Когда вышла книга Леонида Ильича Брежнева «Малая Земля», отец нашел в ней некоторые неточности, суть которых уже точно и не припомню. Запомнился один момент. Сталин приказал Новороссийск не сдавать любой ценой. И все же город был уже окружен и частично занят немцами. Главнокомандующему никак не решались доложить об этом.

Отцу тогда приказали взорвать заминированные цистерны... со спиртом. Цистерны находились на Новороссий-

ском ликероводочном заводе. Так получилось, что взорвать цистерны надо было не сразу по прибытии, а по получении особого приказа. Медлили по упомянутой выше причине. Но если приказа не будет, то надо было действовать по обстановке. В крайнем случае — все взорвать! Надо сказать, что «на месте» обстановка была необычная. В заводских цехах уже полегло множество бойцов различных званий.

Они валялись на полу... мертвецки пьяные. Они были не в состоянии подняться и «действовать по обстановке». Они даже не осознали, где они и что с ними. В каких-то закоулках даже видели... нет, не зеленых чертей, а пробравшихся на завод фрицев. Они тоже полегли. В неравной борьбе с «зеленым змием». В цистернах было много отверстий. Из них хлестал спирт. А приказ все не поступал...

Ясно было одно. При взрывах не только бы все разнесло к чертям собачьим, но возник бы и мощный пожар! И все, все, русские и немцы были бы попросту обречены. Отец не стал выполнять приказ. По железнодорожным путям он ушел к своим. Опять трибунал и угроза расстрела. И снова грозу отвела спасительная рука его начальника. Предполагаю, что это было не просто. И небезопасно для заступника...

Вот еще один, третий, эпизод. Отцу дали на испытание новейшие мины. Мины без металлических деталей, чтобы их не могли обнаружить с помощью миноискателя. Но вот беда. Мины легко отсыревали, и с подрывниками происходили несчастные случаи. Отец по инстанциям отправил суровый отзыв — свои критические замечания по их конструкции.

И тут последовала гроза! Мины-то изобрел сын какого-то высокого чина. Такие мины, конечно, были тогда очень нужны. И такие мины давно уже есть.

Но мой отец-критик был тогда объявлен саботажником. И снова над ним нависла угроза трибунала. Слово «расстрел» тогда зачастую произносили еще до трибунала. «Приводили в исполнение», а потом уже разбирались. Война!..

Отца тогда удалось перевести на другой участок фронта и впоследствии кару отвести.

Почти все сослуживцы отца погибли. Специфика профессии. Среди них были и молодые девушки. Они ловко своими тонкими длинными пальчиками обезвреживали мины. Но не всегда удачно...

Так я могла стать дочерью человека, расстрелянного на фронте за воинские преступления. Это нелегкий крест для всей семьи такого человека. Был такой термин — «член семьи врага народа». Хочу к этому добавить: в детстве больше, чем слово «расстрел» меня ужасало слово «пытки». Из фильмов и книг тех лет я знала, что именно фашисты всех мучили и пытали.

Но вот уже после войны, в 1956 г., после 19-летней ссылки в сталинских лагерях вернулась домой моя тетя. Она выжила только потому, что была агрономом и выращивала для лагерного персонала зелень и овощи. Работа в теплицах — тепло и еда! Она рассказывала моим родителям, что когда ее привезли в Москву в какую-то тюрьму, то женщин посадили в камеру, рядом с которой пытали мужчин.

На тот разговор меня не позвали. Хотя мне тогда уже было восемнадцать лет, и я была взрослой девушкой. Неужели все еще опасались? Но я весь разговор подслушала. Сознаюся. Все детские иллюзии рухнули в один миг! С этого дня я стала взрослеть и из «книжного червя» стала превращаться в реалиста. В человека, который все подвергает сомнениям. Но это, как говорится, уже совсем другая песня.

В ПОГРЕБЕ

(Из серии рассказов «Я помню»)

Таисия Тарасова

Некоторые подробности рассказывала мне мама. Тогда мне было около трех лет. Отец был на фронте. Шла война. Помню, как старшая сестренка стригла меня, усадив на табурет. Мама сказала, что нас будет фотографировать дядя фотограф, и сестренка делала мне прическу. Я плакала, но мамы не было дома. Сестра так коротко меня остригла, что мама ахнула. У меня были кудри, а теперь я стала похожа на мальчика. Мама поругала сестру, а я пожалела ее, чтобы она не плакала, и сказала:

— Мама, волосы отрастут!

Мама так обрадовалась, что я наконец-то начала говорить — до этого не говорила. Она повела нас к фотографу и ему все объяснила, радостная, что сегодня младшая начала говорить.

— Вот и память будет! — ответил фотограф.

А вскоре война стала приближаться к нашему городку. В нашем доме поселились на ночь солдаты. Их было много. В двух комнатах они спали прямо на полу в одежде, а под голову клали свои рюкзаки. Когда ночью надо было выйти в чуланчик, я перешагивала через них. У порога в углу стояли их винтовки и сапоги, Я боялась этих винтовок. Мама объясняла, что из этих винтовок солдаты стреляют в немцев, потому, что немцы хотят занять наши города.

Спустя несколько дней один солдат сказал что-то маме, и она заплакала. Я подбежала к ней и хмуро посмотрела на дядю. Но он погладил меня по голове и сказал:

— У меня дома тоже две дочки остались.

Мама прижала нас с сестрой к себе, вытерла слезы и серьезно сказала:

— Будем выселяться!

Сестренка запрыгала по комнате, выкрикивая:

— Веселиться будем! Веселиться будем!

Мама снова заплакала и поправила сестренку:

— Не веселиться, а эвакуироваться!

— сестренка молчала и смотрела на маму. Такое слово она не могла повторить. Тут мама сказала:

— Собирайте свои вещи, мы пойдем к бабушке в деревню.

Мама взвалила на плечи узел с вещами, повесила на двери замок, взяла нас за руки и сказала:

— Ну, с Богом!

Деревня была далеко. Сначала мы шли вниз по городу, потом повернули к лесу. Поселок на окраине назывался Брехуня и тянулся вдоль берега реки Дона. В каждом дворе поселка лаяли собаки, и был шум. Наверно, поэтому и прозвали его так, еще долго мы шли по лесу, и мама говорила:

— Надо успеть засветло.

Вскоре мы приблизились к реке. Мама хорошо закутала нас платками, потому что стало прохладно. С берега доносился крик:

— Стой! Подожди! Идет женщина с детьми!

Когда мы подошли к берегу, там было много народу. Машины и военные стояли на пароме, пропускали вперед только с детьми. Когда прошли на паром, усатый дяденька в бре-

зентовом плаще до пола стал тянуть руками трос, и наш паром стал отдаляться от берега.

— Мама, — спросила я, — мы теперь поплывем к бабушке?

— Нет, — сказала мама, — мы только Дон переплывем, а там — пешком пойдем.

Посредине реки поднялся сильный ветер, волны плюхались о паром. Мама обхватила нас руками, чтобы не унесло, не сдуло ветром. Когда мы приблизились к другому берегу реки, там уже стояли подводы, запряженные лошадьми, они ждали людей. С детьми посадили в первую очередь. Мы с сестрой обрадовались, что поедem, идти уже устали. Ехали долго по лесу. Дорога вилась, как змейка, поворачивала то в одну, то в другую сторону. В лесу было тихо. Сквозь лес блестели озерки, пруды, квакали лягушки, а на обочинах дороги в кустах ягодка, сестренка спросила маму:

— Вкусная ли ягодка?

— Ягодка вкусная, ее бы сорвать, да сейчас не до ягоды.

Потом мы выехали на луг и сразу стало светлее после леса. Мы с сестрой обрадовались. Мама показала вдаль видневшиеся дома, это была деревня, где жила бабушка. От Дона было семь километров. Стало темно.

Мама разбудила нас, когда мы подъезжали к деревне. Всех высадили, а подвода повернула обратно к реке за другими людьми. В деревне (как ее называли по-местному — «хутор»), был сплошной песок, как высокая насыпь. Все люди пошли кто куда, а нас мама повела по дороге, которая поднималась в гору. Идти было непривычно трудно. Ноги проваливались. Мы с сестрой падали, вставали, а мама потираливали. По сторонам дороги тянулись огороды. Дома стояли далеко друг от друга. Располагался хутор на песчаной насыпи. Мама рассказывала нам по дороге, что когда-то здесь был берег моря, оно же нанесло песчаный вал. Он тянется на двадцать пять ки-

лометров. Теперь воды стало меньше, и остался Дон с образовавшимися лугами, прудами да озерами. Водятся в них раки, караси, щуки, растут камыш и кувшинки. Такая летом красота! На этом песчаном валу хутора, населенные донскими казаками. Родители нашей бабушки тоже жили тут. И мама тут росла.

Бабушка встретила нас, утирая слезы, погладила нас с сестрой по голове и повела в хату. (Так называла бабушка свой домик.) Она накормила нас вкусной тыквенной кашей, напоила горячим чаем с ежевикой и уложила спать. В хате было тепло, пахло мятой и еще какими-то травами.

На заре мы проснулись от гула, вскочили все и стали выглядывать в окна, не зажигая лампы. Потом кто-то постучал в дверь. Бабушка с мамой вышли в чулан и вернулись вместе с бабушкой, которую звали Ариной. Все быстро оделись потеплее, мама и бабушка взяли бутыл с водой, кружки, узлы с вещами.

Нам с сестренкой так не хотелось куда-то идти из теплой хаты. Бабушка Арина повела нас к своей хате (она была по соседству) Около хаты был погреб, куда она нас и привела. Я спросила:

— А что такое погреб?

Бабушка Арина ответила:

— Вот сейчас мы туда спустимся и будем кушать медок, я буду вас угощать, Я не могла понять — почему в погребе, а не в хате?

Мама с бабушкой открыли большую деревянную крышку, стряхнули с нее песок, и бабушка Арина первая спустилась в темную яму по деревянной лестнице. Потом мама, придерживая за руки сестренку, стала спускать ее вниз, а там ей помогла бабушка Арина. Теперь мама поставила меня на перекладину лестницы и держала за руки, а бабушка Арина говорила:

— Давай, смелей, становись ножкой на лестницу, так, молодец, другой ножкой.

И, подхватив меня снизу, поставила на земляной пол, сказала:

— Ну и умница!

Потом спустилась бабушка, а за ней и мама, закрывая за собой крышку погребца. Стало в погребе совсем темно, но бабушка Арина сказала:

— Ничего, сейчас мы свечку зажжем. Мы смотрели с сестренкой на огонек свечки — никогда еще не видели его. Сколько всего нового! Жаль, отца с нами нет, он далеко на фронте.

Погреб был глубокий, стены земляные, пол — тоже. С одной стороны было отгорожено досками и насыпано много картофеля. Сверху — настил из досок, куда бабушка набросала фуфак и посадила туда нас с сестрой. Свечка осветила погреб, стало уютно. На полу стояли два пенька, на которые сели бабушки, а мама села прямо на лестнице. В углу стояли две бочки с солеными огурцами и с капустой. Я спросила бабушку Арину, почему она нас сюда спрятала? Она объяснила, что скоро пролетят самолеты, и мы пойдем в хату. Вдруг раздался гул, все сильнее, громче. Мы с сестрой прижались друг к другу. Стало так страшно! На голову сверху сыпался струйкой песок. Обе бабушки стали быстро молиться, а мама заплакала. Потом загредел взрыв, земля вздрагивала, в ушах стоял звон. Мы с сестренкой пустились реветь. Бабушка Арина с гневом запричитала:

— Ух, окаянные! Чтоб вас, треклятые!...

Угрожая кулаком потолку, она стала нас успокаивать:

— Не бойтесь, мы же в погребе, нас никто не достанет, ни пуля, ни снаряд, ни бомба!

Она так была уверена, что мы сразу перестали реветь.

— Вот сейчас я вас медком угощу, — приговаривала бабушка Арина. Она достала из темного угла горшочек, положила желтый крутой мед в кружку, дала нам ложечки и сказала:

— Ешьте, ешьте на здоровье!

Мама налила нам по кружке воды и дала по кусочку хлеба. Гул наверху потихоньку стихал. Я спросила бабушку, что такое бомбы. Бабушка перекрестилась и запричитала:

— Спаси Господи и помилуй! А вы не бойтесь, милые.

Она вздохнула тяжело и опять стала ругать треклятых:

— Сволочи проклятые, сколько солдат наших уложили молоденьких, к Сталинграду лезут окаянные, все бомбят, бомбят!

Тут сестра громко заплакала. Мама стала ее успокаивать а она плакала оттого, что забыла взять из дома куколку, а ее могут убить «окайные». А кукла была — одна головка, красивая такая, гладенькая, с нарисованными глазками, ротиком, ушками и волосиками крашеными, как бровки, фарфоровая с воротничком до плеч. По уголкам воротничка были дырочки, чтобы пришить туловище, сшитое из тряпок. Мама собиралась его сшить, но не успела. Тут мама вспомнила, что головка куклы у нее в кармане — положила, когда одевала сестру потеплее. Она достала головку куколки и отдала ее сестре. Мы очень обрадовались и стали играть с куколкой, а мама тоже улыбалась, глядя на нас.

В погребе мы просидели до вечера. Хотели уже вылезать, как снова стал приближаться такой же гул. Сестренка стала запихивать куклу за пазуху, чтоб ее не убила бомба. Мы остались на всю ночь. Громыхали взрывы. Бабушка уложила нас с сестрой на настиле прямо в одежде, накрыла одеялом с головой, чтобы песок не сыпался нам в глаза. В погребе было сыро и прохладно. Бабушка Арина погасила свечу, стало совсем темно. Мы уснули так крепко, что утром нас долго будила мама:

— Сони, вставайте, сейчас пойдем на улицу во двор!

— Во двор! Во двор! — радовались мы.

Крышку открыла бабушка, и нас

ослепило яркое солнце. Я хотела сама скорее вылезти наверх, но бабушка Арина заставила нас поесть меду и выпить парного молока. Она уже подоила Звездочку (так называла свою кормилицу-коровку) и принесла для нас в погреб. Наверху стояла тишина. Когда мы выбрались наверх, сразу разбежались по задворью с сестренкой, гонялись друг за дружкой, прятались за огромными лопухами, которые выросли там кругом. Мама нас искала, не могла дозваться. Когда мы нарезвились, она повела нас в хату. Бабушка стояла, молилась и приговаривала:

— Спаси нас, Господи! Спаси и помилуй!

Бабушка молилась в угол, где висела икона в красивой рамке. Я посмотрела на нее и вместе с бабушкой перекрестилась. Потом спросила ее, пойдем ли мы еще в погреб мед есть?

— Даст Бог, — отвечала бабушка, — мы и тут мед будем есть, и спать на кровати будем.

Днем мы все пошли на кладбище. Там хоронили погибших вчера солдат во время бомбежки, так объяснила мама. Их привозили на грузовиках, снимали, осматривали, вынимали документы и прямо в одежде, как есть, опускали в вырытую большую могилу, закапывали. Потом солдаты стреляли вверх из винтовок. Много приходило людей на похороны, все плакали по погибшим, громко рыдая. Жили мы у бабушки еще долго. Когда мы вернулись домой, вскоре пришел с войны отец. Он ходил на костылях, весь больной, его отпустили из госпиталя. Мы наперебой рассказывали ему, где были, как в деревне у бабушки сидели в погребке, ели вкусный мед, нас угощала бабушка Арина. Отец впервые услышал, как я хорошо разговариваю, удивлялся, улыбался, гладил нас по голове, говорил:

— Ничего, скоро война закончится, и все у нас будет хорошо!

г. Гатчина, 2004 г.

Анатолий Иванов

Очень хорошо мне запомнился день 14 октября 1941 г. Тогда выпал первый снег, который так и не растаял. Сразу началась зима. Мы с матерью жили в доме вдвоем. Мой

старший брат, которому исполнилось 17 лет, успел убежать за линию фронта и был на фронте до конца войны. А меня с мамой и другими жителями немцы хотели, видимо, угнать в Германию. Пригнали нас к железной дороге, но по какой-то причине поезд не пришел, и мы все вернулись по домам в свое село Орлино. В этот день, 25 декабря, была сильная бомбежка. Несколько осколков влетело на кухню нашего дома. Один осколок пробил коврик с водой, но вода не вытекла, потому что она замерзла.

После бомбежки в соседнем с нами доме, где жили немцы, вскоре стало шумно. В этот день немцы праздновали Рождество.

Моя мама попросила меня одеться и сбежать посмотреть, здорово ли покалечена стена дома. Я быстро натянул на голову шапку-ушанку и выбежал во двор. Чтобы пройти к стене дома, надо было пролезть в дырку соседнего забора, где рос раскидистый клен. На крыльцо соседнего дома со смехом вышли два немца. Как только я пролез в дырку забора, услышал приказ:

«Хальт!». Я застыл на месте. «Хальт!», — еще раз прозвучал окрик. Один немец что-то сказал другому, и тот ушел в дом. Через несколько минут он вернулся с автоматом.

Я стоял не шевелясь, крепко намотав на палец тесемку от шапки-ушанки, и почему-то подумал: «Только бы она не упала!». Тут же засвистели вокруг меня пули. Они, как в кино, поднимали у меня под ногами фонтанчики снега с зелеными травинками. Одна пуля пробила ушанку, а несколько пуль попали в ствол клена. Кончились у немцев патроны, и они, рассмеявшись, ушли в дом.

Я стоял на том же месте, ноги не слушались меня. Моя мама, видимо, обеспокоенная стрельбой, негромко окликнула меня. Я словно очнулся от какого-то сна, а потом медленно повернулся и пошел на зов матери. А было мне тогда 9 годков. Но даже через 60 с лишним лет мне явственно вспоминается то 25 декабря.

Будем помнить!

Как въедешь на Дружную Горку,
Налево свой взор обрати:
Напротив сосны, на пригорке,
Лежат там Отчизны сыны!
Стреляли и справа и слева
В тот памятный день января.
Здесь мальчики в серых шинелях
Остались лежать навсегда.
Пусть их не забудут и помнят.
И внуки, и внуки внучат.
Пускай прекратятся все войны,
И только салюты звучат!
Когда покидаешь поселок,
Направо скорей посмотри
На тот неприметный пригорок
И всех, кто в нем спит, помяни!

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

*Без впечатлений, восторгов, вдохновения, без
жизненного опыта – нет творчества.*

Д.Д. Шостакович

Наталья Юронен

История шахмат в нашем городе содержит немало интересных страниц. Но в ней много белых пятен, и она ждет своего исследователя.

С Гатчиной связано имя талантливого русского шахматиста, основоположника отечественной шахматной школы Михаила Ивановича Чигорина, который родился 31 октября (12 ноября по н. ст.) 1850 г., по разным источникам – в Гатчине или Санкт-Петербурге. Шахматный историк А. Кентлер в своей статье «Штрихи к биографии М.И. Чигорина» сообщает, что ему не удалось обнаружить документов, подтверждающих, что местом рождения М.И. Чигорина была Гатчина. И приводит в качестве доказательства свидетельство о рождении Михаила Ивановича, в котором говорится, что крестили ребенка в церкви Пороховых заводов.

– Свидетельство –

По указу Его Императорского Величества от С.Петербургской Духовной Консистории дано сие свидетельство о том, что в метрической книге 1850 года Церкви Пороховых Заводов под № 94 значится: мастера пороховых дел Охтинского Порохового завода Коллежского Секретаря Ивана Иванова Чигорина и законной его жены, по второму его с ней и первому ее с ним браку, Натальи Егоровой, обоих православного вероисповедания, сын Михаил родился тридцать первого Октября, а крещен двенадцатого Ноября тысяча восемьсот пятидесятого года. Восприемниками были: Бухгалтер Охтинского Порохового Завода Надворный Советник Андрей Никитин Соснин, умершего придворного Камер Лакея Егора Сергеева дочь Параскева. Января 22 дня 1850 года.

Оставшись круглым сиротой, Ми-

хаил Чигорин был принят в Гатчинский сиротский институт, где учился с 1859 по 1868 год. Именно здесь и произошло его знакомство с шахматами благодаря учителю немецкого языка Августу Августовичу Шуману (1807 -?). А.А. Шуман родился в Риге, окончил Дерптский университет. В 1841 году поступил на должность классного надзирателя Сиротского института, с 1851 года преподавал немецкий язык. Август Августович научил Чигорина играть в шахматы, и вскоре ученик стал обыгрывать своего тренера. Дело дошло до того, что он стал играть с Шуманом без ладьи.

В восемнадцать лет Чигорин покинул Сиротский институт, он был отчислен за участие в бунте: воспитанники устроили групповое избиение директора Доливо-Добровольского за отказ принять жалобу на издевавшегося над ними воспитателя Игнациуса. Чигорин получил свидетельство об окончании пяти классов института.

– Свидетельство –

Императорского Гатчинского Николаевского Сиротского Института воспитанник Михаил Чигорин – сын Титулярного Советника, вероисповедания Православного, имеющий от роду 17 лет, находясь в Институте в числе казеннокоштных с 1859 года, при хорошем поведении, обучался в V классе и оказал успехи:

в Законе Божьем (3) удовлетворительные,
«Русской словесности» (2) посредственные,

«Латинском языке» (2) посредственные,

«Немецком языке» -

«Французском языке» (4) хорошие,

«Истории России» (3) удовлетворительные,

«Истории Всеобщей» (3) удовлетворительные,

«Географии» (3) удовлетворительные,

«Алгебре» (5) очень хорошие,

«Стереометрии» (5) очень хорошие,

«Физике» (3) удовлетворительные,

«Химии» (4) хорошие,

Почему он, Чигорин, на основании № 83-го Устава Гатчинского Николаевского Сиротского Института пользуется правом поступления в Гражданскую службу, не подвергаясь испытанию, для производства в первый классный чин. В удостоверение чего и дано ему, Чигорину, сие свидетельство, за надлежащим подписанием и приложением печати.

Гатчино, Июня двадцать седьмого дня тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года.

С. Петербургского Опекунского Совета почетный Опекун, управляющий Гатчинским Николаевским Сиротским Институтом Граф Ламсдорф.

М.И. Чигорин поступил на государственную службу, прослужив одиннадцать лет, вышел в отставку и стал заниматься только шахматами. Он был первым русским спортсменом, сыгравшим матчи за звание чемпиона мира. Чигорин не победил в них, но был признан одним из лучших шахматистов в истории. Михаил Иванович организовал первые шахматные общества и собрания в России и Петербурге, издавал первые в России специализированные журналы «Шахматный листок» и «Шахматный вестник», вел разделы в популярных изданиях. Организовывал соревнования, в том числе международные, и делал

все возможное для поднятия престижа российских шахмат за рубежом.

На турнирах, в заочных соревнованиях М.И. Чигорин не раз встречался с гатчинскими шахматистами. Среди них был преподаватель гатчинской женской гимназии Иван Андреевич Зыбин, который принимал участие в турнирах сильнейших шахматистов Петербурга 1900, 1902 гг. В начале 1893 г. по инициативе Чигорина был организован своеобразный консультационный турнир, в котором против него боролись две пары консультировавшихся между собой шахматистов первой категории. В их число входил И.А. Зыбин. В 1903 г. на международном заочном турнире он занял первое место. И.А. Зыбин был шахматным учителем Николая Егоровича Митропольского, одного из сильнейших шахматистов Петербурга 1880-1890 гг., издателя и редактора журнала «Шахматы» (1890).

В это время была широко распространена игра по переписке, требовавшая минимальных материальных затрат. В газете «Новое время» регулярно появлялся чигоринский шахматный раздел, и для читателей Чигорин организовывал турниры по переписке, в которых участвовал сам. В турнире по переписке «Нового времени» 1900, 1901 годов участвовал И.А. Зыбин.

Во втором и четвертом турнирах по переписке (1899, 1900 гг.) принимал участие статский советник Василий Иванович Табунщиков (1858-1913), преподаватель математики в Сиротском институте, где он прослужил 25 лет. Его жена — Вера Георгиевна, владелица частной женской гимназии, которая была расположена на улице Люцевской (ул. Чкалова). У Василия Ивановича и Веры Георгиевны было три сына — Борис, Дмитрий, Глеб и четыре дочери — Александра, Галина, Ксения, Валерия. Большая и дружная семья жила вначале в доме для служащих Сиротского института на Госпитальной улице (ул. Красная), а в

начале 1900-х гг. переехала на улицу Николаевскую (ул. Урицкого), в дом № 26. Василий Иванович был шахматистом первой, самой сильной категории. Он принимал участие во втором Всероссийском турнире (1900/1901 гг.), на котором занял 14-е место среди 18 участников. В.И. Табунщиков скончался в сентябре 1913 г. и был похоронен на гатчинском кладбище.

В шахматной литературе приводятся наиболее интересные партии шахматистов из Гатчины. В «Малой дебютной энциклопедии» (М., 1985) помещена партия В. Табунщикова по переписке 1892-1895 гг., где он нашел новый вариант венской партии черными. Шахматные встречи И. Зыбина и М. Чигорина нашли отражение в книге И. Романова «Творческое наследие М.И. Чигорина» (М., 1960).

Число любителей шахмат в Гатчине возрастало, и возникла идея создания шахматного кружка. Был разработан устав, который 19 апреля (2 мая по н. ст.) 1914 г. был утвержден губернатором Санкт-Петербурга. Кружок объединил 27 членов. Членский взнос составил пять рублей. Первое собрание кружка состоялось 3 мая (16 мая по н. ст.), на нем был избран комитет из шести человек. Председателем комитета выбрали Эрнеста Эрнестовича Теля, заместителем (товарищем председателя) — В.А. Котона, секретарем — Л.А. Бороздина, казначеем — Кутейщикова, Голубков и Китайцев должны были заведовать турнирной частью.

Предполагалось, что члены кружка будут собираться для игры в шахматы вечерами по вторникам и субботам.

11 мая (24 мая по н. ст.) в помещении Городского собрания состоялось торжественное открытие шахматного кружка. На торжество был приглашен чемпион США по шахматам Фрэнк Джеймс Маршалл, который в то время участвовал в международном турнире, посвященном десятилетию Петербургского шахматного собрания. Приехали на открытие кружка и представители шахматных объединений Петербурга. Кружок открылся молебном, затем собравшихся познакомили с краткой историей развития шахмат в Гатчине. Важную роль в организации кружка сыграл нотариус Лев Александрович Бороздин, он предоставил для кружка помещение своей конторы по адресу: ул. Соборная, дом 11. Учитывая заслуги Л.А. Бороздина в организации гатчинского шахматного кружка, ему преподнесли памятный золотой жетон, украшенный шахматными эмблемами.

Состоялся сеанс одновременной игры. Ф. Маршалл играл против 32 игроков, игра продолжалась три с половиной часа. 29 человек должны были признать побежденными, двоим (Куббель и Кноблех) удалось добиться ничьей, а петербургский шахматист первой категории Э. И. Тальвик выиграл свою партию.

Петербургское шахматное собрание поддержало гатчинских шахматистов. Борис Евгеньевич Милютин, председатель собрания, посетил гатчинских шахматистов и подарил шахматную литературу для пополнения библиотеки.

ки кружка. В этот раз также состоялся сеанс одновременной игры с двадцатью членами шахматного кружка. Милютин восемнадцать партий выиграл, проиграл Л. Бороздину, и одна партия с Котоном закончилась вничью.

К сожалению, деятельность первого гатчинского шахматного кружка продолжалась недолго. Вследствие начала военных действий Первой мировой войны собрание шахматного кружка 14 августа (27 августа по н. ст.) 1914 г. решило приостановить свою деятельность на время войны. Были сделаны пожертвования в пользу Комитета по оказанию помощи нуждающимся семьям лиц, призванных на войну из Гатчины и Гатчинского Комитета Красного Креста.

Традиции первых гатчинских шахматистов были продолжены новыми поколениями поклонников этой древней игры. И сейчас в Гатчине на улице Соборной, в доме № 7 работает шахматный клуб «Дебют», проходят шахматные соревнования памяти М.И. Чигорина.

Литература:

1. [Шахматный кружок] // Гатчина.

– 1914. - 6 мая

2. Шахматный кружок // Жизнь Царскосельского уезда. – 1914. – 10 мая.

3. Шахматный кружок // Жизнь Царскосельского уезда. – 1914. – 17 мая.

4. Открытие Гатчинского шахматного кружка // Гатчина. – 1914. – 24 мая.

5. Шахматный кружок // Жизнь Царскосельского уезда. – 1914. – 31 мая

6. Шахматный кружок // Жизнь Царскосельского уезда. – 1914. – 23 авг.

7. Длуголенский Я.Н. Люди и шахматы: страницы шахматной истории Петербурга – Петрограда – Ленинграда / Я. Н. Длуголенский, В. Г. Зак. – Л.: Лениздат, 1988. – 255 с.

8. Кац А. Как чемпион США открывал в Гатчине шахматный клуб // Спектр Гатчина. – 1998. – 7 окт. – С. 3.

9. Кентлер А. Штрихи к биографии М. И. Чигорина [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.e3e5.com/article.php?id==1548>. – 21.04.2013.

ГАТЧИНА

В ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОВЕТСКОЙ ОПЕРЕ

Владимир Николаев

Весна 1925 года. В СССР полным ходом идет культурное строительство: организуются многочисленные учреждения культуры — клубы, библиотеки, избы-читальни, налаживается политико-просветительская работа, готовятся кадры для культурного фронта, ширится шефское движение, для трудящихся открывается широкий доступ к художественным ценностям отечественной и мировой культуры, проводятся другие важные мероприятия по осуществлению культурной революции. Претворением в жизнь этих задач занимаются не только партийные и советские органы, но и многочисленные общественные организации, особенно профсоюзы, которые из собственных средств полностью или частично оплачивают стоимость билетов на спектакли и концерты в театрах Ленинграда.

Приобщением рабочего класса к театральному, музыкальному и изобразительному искусству увлеченно, с молодым задором занимается коллектив редакции и рабкоровский актив всего год назад созданной газеты Ленинградского Губпрофсовета «Ленинградский рабочий». В ней отведен специальный раздел «Рабочий театр», знакомящий читателей с хроникой театральной и музыкальной жизни города, печатающий небольшие, написанные доступным языком рецензии искусствоведов на театральные постановки и музыкальные спектакли. Для сведения читателей в «Рабочем театре» заведена рубрика «Репертуар

рабочего зрителя».

21 апреля 1925 г. в этой рубрике было помещено вот такое сообщение: «В Малом академическом театре пойдет: в четверг 21-го «Пигмалион» — шоу для химиков; в пятницу 24-го «За красный Петроград» Пруссака и Гладковского — для металлистов»¹ Вот так без помпы, обыденно, а для непосвященного и не очень понятно, было объявлено о важном в отечественном музыкальном искусстве событии — рождении первой советской революционной оперы «За красный Петроград». Зрители давно ждали от композиторов новых опер, отражающих бурное время, в котором они жили и, вот она, появилась. Главной ее темой были события не столь отдаленные — героическая защита Петрограда от войск Юденича в октябре-ноябре 1919 г., а местом действия — Петроград и Гатчина.

Опера была написана и поставлена лишь на восьмом году советской власти. Почему так поздно? Причины тому не только объективные — гражданская война и разруха, но и чисто субъективные: композиторам предстояло осмыслить происшедшие перемены в обществе и в жизни людей, найти ответы на вопросы: как передать языком музыки масштабность и динамику изображаемых в ней событий, как исторически верно и убедительно обрисовать характеры персонажей оперы, какие найти новые выразительные средства для сценического отображения огромных революционных перемен, произошедших в стране? Любопытно, что

инициаторами написания первой советской оперы и ее постановки на сцене выступили не музыкальные театры, не ответственные лица музотделов Наркомата просвещения в центре и на местах, ни даже сами композиторы и творческие организации, а сотрудники культотдела Ленинградского губернского профсовета.² Да и написать ее взялись не маститые композиторы, а молодые выпускники Ленинградской консерватории — А.П. Гладковский и Е.В. Пруссак. Автор либретто В.П. Лебедев, судя по строгости суждений критиков, тоже не был профессиональным либреттистом. Опера была написана за пять месяцев. Учтывая, что это была первая опера на «свежем», еще не осмысленном материале советской, к тому же военной тематики, а композиторы — вчерашние студенты, учившиеся в консерватории на образцах оперной классики, где ничего подобного сюжетам истории Советов не было, то можно сказать, что срок на ее написание был отпущен явно недостаточный. Невысокое, по мнению музыковедов, качество либретто усугубило и недостаточно качественную музыку оперы, особенно тех ее частей, которые были написаны Е.В. Пруссак. Резче всех в адрес, по сути дела неизвестных авторов, высказался молодой музыковед и композитор В.М. Богданов-Березовский.³

Примечания:

¹ Эту рубрика газеты была хорошо знакома рабочим ленинградских предприятий. Именно для повышения их культурного уровня, их духовно-нравственного развития профсоюзы сотрудничали с лучшими театрами города. Школу приобщения к высокому искусству: драматургии, опере, балету и др. его видам охотно проходили члены различных отраслевых профсоюзов. К примеру, сегодня это металлисты, завтра — строители и работники транспорта, послезавтра — труженики гос. и коопторговли, затем хлебопеки,

кондитеры и т.д. Билеты членам профсоюза раздавались бесплатно или за небольшую плату

² Поскольку описываемые события происходят на рубеже 1924-1925 гг., напомним, что Санкт-Петербург в августе 1914 г. был переименован в Петроград, 26 января 1924 г. — в Ленинград, 6 сентября 1991 г. снова в Санкт-Петербург.

³ См. В.М. Богданов-Березовский. Советская опера. Л. — М. 1940 // Гл.2. «За красный Петроград» («1919 год»), с.39 - 50.

II

Сами создатели произведения «За красный Петроград» назвали свое творение музыкально-драматической хроникой, тогда как авторы большинства публикаций в музыковедческой литературе и в рецензиях на постановку в различных средствах массовой информации называют его оперой. В юбилейном издании «20 лет Государственному Академическому Малому оперному театру. 1918- 1938» Л., 1938, стр. 66 сказано:

Премьеры 1924 - 1925 гг.

24 апреля. «За красный Петроград». Музыкально-драматическая хроника в 3 действиях, 7 картинах, с апофеозом. Муз. А.П. Гладковского и Е.В. Пруссака. Постановка Н.В. Петрова. Художник А.А. Арапов, дирижер С.А. Самосуд.

Участники первого спектакля: Н.Н. Куклин (Железнов), М.П. Максакова (Даша), Е.Н. Николаева (мать), П.И. Засоцкий (Вася), М.О. Рейзен (Молотов), Генари (Сермягин), В.В. Киселев (офицер), засл. арт. В.С. Шаронов (комитетчик), С.В. Волгин (Пузанов), В.А. Серебровский (комиссар), А.Т. Фомин (у-офицер), Л.Е. Обидейко (квартирная хозяйка), Я.А. Курганов (организатор коллектива), И.С. Григорович (1-й красноармеец). Спектакль просмотрен 13 раз.

*«За красный Петроград». Даша — М. П. Макарова, Молотов — М. О. Рейзен, Вася — П. П. Засецкий
Малый оперный театр Ленинград*

К сожалению, разыскать либретто оперы, даже в самых авторитетных научных учреждениях Санкт-Петербурга, пока не удалось, как не удалось найти каких-либо биографических сведений о самом его авторе В.Л. Лебедеве. Не нашлось пока сведений и о композиторе Е.В. Пруссакке. Попытка на основании аналитических статей и газетных рецензий воссоздать хотя бы краткий схематичный сюжет оперы дала вот такой результат. В полученной схеме не хватает одной картины, «затерявшейся» где-то во 2-ом или 3-м действии.

1-е действие. Петроград.

1-я картина. На квартире рабочего Железнова собрались его товарищи рабочие. Они читают опубликованный в газете приказ об обороне

Петрограда от наступающей белогвардейской армии Юденича. За стеной слышны отдаленные орудийные выстрелы. Железнов с товарищами

уходит на завод.

2-я картина. Митинг на заводе. Запись добровольцев на борьбу против Юденича. Выступает Молотов. Он призывает дать отпор Юденичу. Молотов олицетворяет мощь питерского пролетариата. Вместе с ним отправляется на фронт его невеста Даша. Записывается и мастер Пузанов. Отправка на фронт.

2-е действие. Гатчина.

3-я картина. Площадь у Гатчинского дворца. Здесь размещается штаб армии и комендант. На площадь приводят захваченных в плен красноармейцев и рабочих, среди них Железнов, Даша и Пузанов. Предатель Пузанов выдает белогвардейцам коммуниста Железнова. Его выводят и расстреливают на глазах Даши.

4-я картина. Верхушка гатчинского общества с надеждой встретила белогвардейцев. На сцене комната в богатом особняке. Ужин, обилие вина. Белогвардейцы вальсируют с гатчинскими дамами.

3-е действие. Гатчина.

5-я картина. Бой под Гатчиной.

6-я картина. Красные войска освобождают Гатчину. Через Ингербургские ворота по проспекту в город входят советские войска. Их радостно встречают жители с красными флагами.

Ликует хор, ликует народ, торжественно звучит оркестр.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

*Все мои произведения –
фрагменты одной большой исповеди.*

И.-В. Гёте

КОЛЫБЕЛЬ НЕ КАЧАЕТСЯ НАД БЕЗДНОЙ

Александр Семочкин

(Продолжение. Начало в № 5, 6, 7, 8, 9)

Начало пятидесятых годов двадцатого столетия, то есть время после Великой войны, было временем «Малого ледникового периода», как его назовут позже. И дело тут не в ледяном дыхании сталинского режима (хотя, может, и в нем тоже), но в климате. Зимы тогда были долгие и очень холодные, минус двадцать — двадцать пять было нормой, ниже этого начиналось то, что, собственно, и называлось «мороз». Последний регулярно, из года в год, подкатывал под минус сорок, держался так недели полторы-две, после чего плавно сдвигал позиции февральским метелям и мартовскому холодному солнцу.

Вымерзшие еще в Финскую войну (минус сорок семь!) яблоневые сады так и не возобновлялись, редко в каком садике сохранились все выдержавшие яблони, но там о вкусе плодов говорить не приходилось, — что выросло, то выросло, и за то слава Богу.

Лета же были прохладные и дождливые, так что юная деревенская поросль радовалась каждому погожему деньку. Река наша и так-то холодна, а при холодном лете купания наши ходили на мазохистские упражнения — через десять минут начинала колотить крупная дрожь, губы синели, а тело покрывалось пупырышками гусиной кожи. Нужно было хорошо побегать по берегу, чтобы согреться, — и опять в воду. Никого, впрочем, это не останавливало, на деревенском «пляже» (полоске песка на заливаемом лугу) постоянно находился народ, ловящий минуты солнечного сияния.

Милая река! С полным основанием можно считать ее нашим третьим родителем, нянькой и воспитателем нижевырской детворы. Мы росли в то баснословное время, когда родителям было не до нас, они

заняты были добычей куска хлеба (да с постным маслом, да сверху посолить — вкуснота!), и мы были предоставлены сами себе, а стержнем и символом этой нашей свободы была наша река.

Струи ее холодной прозрачной воды бились на каменных перекатах, или валяжились в зарослях кувшинок и рдеста, любовались собою же выточенными в красном песчанике отвесными берегами, а то петляли в низких берегах, поросших скабиозами и лютиками, — всегда, в любом состоянии души, в любом настроении можно было найти на реке место, которое тебя утешит и ободрит. Ничего, ничего, можно жить дальше...

Собственно, я был свободен вдвойне, потому что не зависел от «коллектива», мне и одному было неплохо. Зачастую пускать кого-то в свою вселенную было боязно, это нарушало ее гармонию, там становилось тесно и шумно, тихий ангел отлетал, опечаленный, а все эти компанейские эльфы, тролли и гномы были очень уж беспокойный народ. К счастью, у меня нашелся друг, как и я, он был что называется «тюха», то есть мальчишеская ловкость, увертливость и хитрость была ему вовсе не присуща, отчего он постоянно попадал в разные смешные или глупые ситуации. Все это было и мне хорошо знакомо, я быстро признал в нем собрата по несчастью. Был Юра замечательно добр и потому снисходителен к чужим промашкам, и это вроде бы делало его беззащитным перед миром, который уважает острые зубы и цепкие когти, да только тут работает другая система защиты, — Ангел-хранитель предупредительно выставляет свое крыло вперед: «Мое! Не трогать!». Таким людям, несмотря на мелкие текущие неприятности, везет по жизни, везет по самому большому счету — с семьей, с всеобщим уважением, с детьми, с достойной старостью, со смертью, нако-

нец... Мы остались друзьями на всю жизнь, а потом и породнились, когда мой младший сын женился на его красавице-дочке.

Конечно, всего этого нельзя было представить себе тогда, летом одна тысяча девятьсот пятьдесят первого года, да и некогда было представлять — мы заняты были открытием Божьего мира, при этом существует только «сейчас», будущее создано в тумане и о себе напоминает время от времени накатывающими приступами тоски и ужаса — скоро сентябрь, опять в школу... да, лучше об этом пока не думать.

Это было первое счастливое лето из тех, что Господь отмеряет каждому человеку в его детстве и юности. В нашем распоряжении была лучшая в мире река с хариусами, налимами и раками, лучший в мире сосново-елово-ольховый лес с черникой, рыжиками и желтыми груздями, лучшее сфагновое болото с морошкой, гонобольшо и ужами, и лучшие в мире три бабушки Тани, которые без разбора кормили нас, чем Бог послал, лечили простоквашей наши цыпки на ногах, латали одежки и пороли чем под руку попало, благо всегда было за что.

После войны много всякого военного добра валялось окрест, — в старом парке стоял брошенный легкий танк, в придорожных канавах два разбитых «виллиса», в лесу пара пушек (одна с разорванным стволом) и великое множество оружия, патронов, гранат, мин и снарядов. И все это по-хозяйски осваивалось, собиралось на тайных складах, разбиралось на предмет извлечения тола или «макарон» — артиллерийского пороха. Но чаще всего эти боеприпасы заканчивали свою жизнь на кострах, и это было любимым развлечением послевоенных мальчишек России везде, где прошла война. Сколько этих мальчишек тогда потеряли глаза, пальцы, руки и ноги, а то и голову, сосчитать невозможно, это были последние жертвы войны, ужас которой уже истончился и ушел, а остались острота риска и восторг героического участия.

Наши бабушки, конечно, были озабочены тем, чтобы врученные им и под их ответственность чада в целостности и сохран-

ности были в конце лета переданы родителям. Но что они могли? Разве что утопить в придорожном пруду то взрывоопасное, что обнаруживали сами, но это были крохи от тех арсеналов, которыми располагали мы. И гремели, повсеместно гремели взрывы, — грохот авиабомбы, которую впятером еле дотащили до костра, треск патронов пулеметной ленты, шипение и хлопки ракет, визг разлетающихся пороховых «макаронин», — вот что было музыкой нашего счастливого, голодного, сопливого, нищего, трижды счастливого детства.

Все совершалось какими-то волнами, кампаниями, это накатывало на всех сразу, сродни эпидемии, и уклониться было невозможно. Вот пронесся невесть кем пущенный слух, будто в лесу Панов угол пошли первые грибы, все кидались туда — впустую, никаких грибов нет в помине. Зато, вот — на реке отлично ловится хариус на большую синюю муху, мухи эти обитают возле дощатых домиков известного назначения, но теперь туда никому не попасть, — оккупировали, ловим мух, чтобы потом скормить их безотказной хариузиной мелочи. Добыча на реке редко попадала домой, ее съедали там же, поджарив на прутике на костерке, съедали чаще всего с чешуей и кишками.

Но уже завтра река забыта, все целеустремленно копают плотные пески соседнего поля, устраивая себе землянки, бункера, схроны и тайные подземные ходы между ними. У каждого свой блиндаж, в нем оборудована печечка, а в боковой нише припрятан запасец натасканных из дома картошек и сухариков, а еще хранится в тряпицу завернутое личное орудие — наган без патронов (не нашли таковых), винтовочный штык или пара «лимонки» без взрывателей.

Через три дня забыты и брошены те землянки, все занялись коммерцией. Некоторые из нашей компании уже начали покуривать, другие делают вид, будто их это тоже привлекает, но все без исключения равнодушны к разноцветным леденцам ... на все это нужны деньги, и кое-кому известно, как их можно добыть. Проще всего, конечно, наломать букет бесхозно растущей сирени и размахивать им на до-

роге перед изредка появляющимися легковыми автомобилями, спешащими в город. Некоторые останавливаются, некоторые из остановившихся покупают букеты, но чаще дело заканчивается тем, что букет берут, — и уезжают, под гневные вопли продавцов. Ничего, сирени много, еще наламаем.

Много труднее, зато интереснее было изготовление, а потом реализация легких сосновых тросточек с рисунком. Сие требовало некоторого художественного вкуса, не всем это давалось в должной мере, так что законы рыночных отношений мы постигали на своем личном опыте.

Делалось это так. В зарослях молодой сосновой поросли нужно было выбрать ровную, должной толщины сосенку, срезать ее и очистить от ветвей. Иногда нижнюю (которая потом станет верхней) мутовку веток срезали не под ноль, а оставляли два-три сантиметра «для красоты». Потом начиналось главное — нанесение рисунка. Часть коры при этом снимается, часть остается на стволе, после чего изделие равномерно обжигается на костре. Затем снимается оставшаяся кора, участки под ней будут белыми, тогда как остальные — темно-коричневыми или черными, это зависело от интенсивности обжига. Трость протираем масляной тряпочкой — готово! И должно признать, иной раз получалось совсем неплохо, — увы, увы, не у меня. Фантазии не хватало, или, бери выше — таланта, но мои изделия особым спросом не пользовались. Впрочем, огорчаться было некогда, всех захватила новая забава — игра в ножички.

До сорока фигур требовалось выполнить тем ножичком, каждая должна заканчиваться эффектным втыканием ножика в землю. Неудача означала пропуск хода, игра шла по кругу, так что кто-то оказывался последним, то есть проигравшим. Ему назначалось наказание в виде деревянного колышка (длина которого строго соответствовала длине лезвия ножа!), этот колышек ручкой ножа забивался в землю (количество ударов равнялось числу невыполненных фигур!), и теперь колышек этот проигравший должен был извлечь из земли, не касаясь его руками, то есть с помощью губ и зубов. На этом страда-

ния его не заканчивались — выдернув колышек и держа его в зубах, он бросался бежать, остальные за ним. Теперь задача проигравшего состояла в том, чтобы потерять, обронить колышек так, чтобы никто этого не заметил, тогда этот кон игры заканчивался. Но если колышек бдительные напарники находили — он забивался в землю снова, и все повторялось. Должно признаться, что немало тогда я попахал носом, немало погрыз земли, доставая проклятые колышки, а потом ломясь с ним через кусты, где выплюнуть его незаметно было легче...

Но вот — спасительный гонг, это одна из баб Тань призывает нас, и уже понятно, зачем. У нее две козы («сталинские коровы», как их тогда называли), зимой эти козы будут питаться вениками, которые надобно заготовить сейчас, летом. Заготовка этих веников, а также таскание сушняка из леса для кухонных плит, а также сбор сосновых шишек для самоваров, а также заготовка хвоща для чистки посуды, а также вода из колодцев — это все наша трудовая повинность (потом уже мои дети не без изящества назовут эту повинность «кабалой»).

А тут — неожиданность: «Хватит вам дурака валять! Морошка поспела, чтоб завтра с утра все на болото, да без ягод не возвращайтесь!». Это для меня новость. Воображение тотчас рисует чудовищные черные топи — болото — куда гонят беззащитных нас за какой-то таинственной морошкой, которую никто, может, и в глаза никогда не видал, и в поисках которой мы все, конечно, героически в том болоте погибнем.

Утром бабушка Таня (уже моя бабушка) прилаживает на веревочке банку, которую мне надлежит наполнить той самой морошкой, и как-то особо торжественно провозжает в опасное путешествие. Единственное напутствие нам, идущим на почти верную гибель, дает другая бабушка Таня: «В окна-то сдуру не лезьте, олухи!». О чем это она? Какие в болоте окна? Может, там и двери есть? Болото — это дом, что ли? В нашей компании только один рыжий Ленка был на болоте в прошлом году, но он в объяснения не вдается — сами, мол, все

увидите и узнаете.

Четыре километра нужно пройти по шоссе, прежде чем начнется это самое болото. Да и начнется оно частым невысоким сосняком в мягком зеленом мху — эка невидаль! Однако сосняк истончается, а вот и вовсе он пропал, до горизонта простирается бурый, желтый, красный и зеленый мох, редкие крохотные деревца на кочках и кое-где яркая зеленая травка с глазками воды. Это и есть окна. Господи, как все это красиво! И запах небывалый, пряный какой-то, сытый, солнце во весь мир и мрея — это когда колышется над моховой зыбью горячий воздух, он играет пространством болота, делает его живым, движущимся, дышащим. А вот и первая желто-оранжевая ягода на тонком стебле, с одним или двумя буровато-зелеными листьями, похожими на смородиновые. Морошка.

Я отправил ее в рот, конечно. Вкус оказался странно-знаком и одновременно неведом — изысканная чуть терпкая сладость, нежный медовый запах с примесью, опять-таки, терпкости, глухое воспоминание о каком-то неведомом саде, и четкое понимание того, что отныне, сколько бы Господь не дал жизни, я никогда не забуду этот вкус, этот запах, это болото, сразу и навсегда ставшее родным и милым сердцу.

Уже потом, много позже, я узнал, что последнее желание у Александра Сергеевича было: «Хочу морошки», и откушав ее, он понял, что больше ему желать на этой земле и в этой жизни нечего, и что следующее его желание будет исполнено уже Там, в неведомых пока садах пакибытия.

Как любила морошку моя милая бабушка! При виде ягоды она как-то мурлыкала счастливо, втягивала в себя запах, закрывала в наслаждении глаза, каждая ягода смаковалась ею долго и радостно. Родная моя, ненаглядная моя, какое счастье было бы принести тебе с болота эту дивную ягоду белых ночей и смотреть на твои прекрасные маленькие ручки, на твои серые, чуть с прозеленью, глаза, на седые прядки твоих волос, и наслаждаться твоим наслаждением... как жаль, что сознаешь это поздно, безнадежно поздно...

Потом немало еще было походов на болото, за отгоревшей морошкой спешила созреть сине-сизая гоноболь, а там и первая брусничка на старой вырубке вдоль болота, а после первых утренников пора за клюквой, да по краю оранжевые моховички, да во мху крупные чистые сыроежки, да на отвале болотной канавы столько высыпало молодых подберезовиков, — и не думал собирать, но не удержаться, больно уж хороши.

Солнце поднялось высоко, на болоте становится жарко, парно, — как говорит Ленька, скорее купаться! Купание наше экстремальное, в тех самых бездонных окнах, куда нельзя соваться сдуру. Но мыто не сдуру, а с умом — нужно лечь на спину на ближайшей к окну кочке, и, работая локтями, сползть на изумрудную травку вперед ногами, пока на кочке не останется одна голова. Нежнейшая перина мха мягко опускается под тобой, вода теплая, пахучая, обступает тело, которое висает в блаженной невесомости. Легко вообразить, что тела этого и вовсе нет, исчезло, растворилось в болотном пространстве, и ты теперь сам часть этого пространства. Это состояние на Востоке зовется, кажется, нирваной ... но откуда им знать его, если там, у них, нет болот? Несчастные люди...

А еще на болоте живет росянка, странное существо, на вид совершенный изящный цветок с капельками росы, а на самом деле хищник, поедающий всякого, кто соблазнится его изящной красотой. Если поймать комарика или какую-то живую букашку и поднести к лепесткам этого цветка, лепестки эти зашевелиятся и станут смыкаться вокруг тела несчастного насекомого, да вот уж и нет цветка, а есть плотный комок, и он жадно высасывает плоть букашки, пока от нее не останется одна легкая хитиновая оболочка.

Если почти уткнуться в росянку носом, та кажется огромной, а ты сам — маленьким, вроде того комарика, и вот, представляешь, как липкие лепестки тянутся к тебе, обволакивают тебя... какой ужас, как хорошо, что эти чудовища так малы, скорее, скорее в мир привычных вещей, в мир, где ты все-таки Гулливер в этой стране хищных лилипутов.

Но вот, еще одно испытание — в центре болота глухое маленькое озерцо, вода в нем густа и черна, как окно в бездну, его окружает моховой ковер, и если по нему осторожно двигаться в сторону воды — ковер постепенно истончается настолько, что начинает погружаться в эту черную воду, восторг и ужас словно отбрасывают назад, но опять тянет туда, постоять на самом краю, постепенно проваливаясь ... как сладок в детстве даже мир страха!

Потом, много лет спустя, водил я на болото своих новых знакомых, и девушек водил, пробуя на них силу болотных чар, и если они оставались равнодушны к этой

дикой, своевольной красоте, к этой разлитой здесь древней тайне — ведь каждое наше болото было когда-то озером, и водились в нем теперь исчезнувшие чудища (а вот — исчезнувшие ли?), так вот, если они, эти девушки, оставались равнодушны, я без сожаления расставался с ними. Болото служило тонким камертоном, легко вычислявшим родственную душу, и не было в нем ни грана фальши или предвзятости, как нет их в реке, в цветущей черемухе, в падающем снеге, в осеннем тумане, в крике иволги, — во всех артефактах Божьего мира.

Апрель 2013 года. Выра.

Обращение

Дарья Петрова

Я хочу обнять тебя,	Необъятную.
Я хочу понять тебя,	Непонятную.
Я хочу любить тебя	Вплоть до старости.
Я хочу дарить тебе	С благодарностью.
Я хочу просить тебя	Дать мне мудрости.
И прошу спасти меня	Лишь от глупости.
Я храню в душе своей	Все волнения.
Слышу голос твой,	Твое мнение.
Я же знаю, ты	— Изобильная.
Ты — даришь мечты,	Ты — всесильная.
Дух во мне живет.	Суть — нетленная
Миг на жизнь дает.	О, ВСЕЛЕННАЯ!

ТРЕТИЙ КРЕСТ

Александр Семочкин

Я был тогда молодой священник, только что выпущенный из семинарии, и мое назначение в то село, где теперь жили родители, висело на волоске. Все разрешило нездоровье матери, она тогда серьезно болела, и после визита отца в приемную Владыки — дело, наконец, повернулось в нашу сторону.

Говоря «молодой священник», я имею в виду вовсе не свой физический возраст, поскольку к тому времени перешагнул сорокалетний рубеж, и был женат, и у нас с женой были две прелестные дочурки, увя, давно про себя понявшие, что они прелестны, благодаря не в меру любвеобильным к ним бабушке и деду. Нет, молодой был именно как священник, поскольку мой путь к кресту был не прям, он прошел через кафедру искусствоведения и через отдел реставрации живописи Русского музея, где я успел какое-то время поработать со старыми иконами.

Именно там произошло со мной то, что удачно проиллюстрировал журнал «Крокодил» в одной из своих карикатур: молодой человек, задрав тощий свой зад, бьет челом об пол перед иконой Богородицы, а опечаленная мамаша, стоя в дверях с соседкой, сокрушенно жалуется той, — мол, надо же, все так невинно начиналось, с коллекционирования...

Да, мое решение поступать в семинарию, помнится, вызвало у родителей род шок — сначала они не могли поверить, что я говорю серьезно, а потом не могли усвоить, зачем мне это нужно. Родителей можно понять — отец, отставной капитан 2 ранга Северного флота, где он лет восемь командовал подводной лодкой, — дизельной, не атомной, — технарь до мозга костей, мама же, выскочившая за молоденького флотского лейтенанта, еще будучи студенткой ЛЭТИ (Института Невест, как все его называли), просто не вмещала,

как можно «в наше время заниматься подобными глупостями».

Так продолжалось какое-то время, пока отец не познакомился со структурой церковной иерархии. Помню, тогда он спросил, могу ли я стать Патриархом, или, на худой конец, епископом, и когда получил ответ, что для этого нужно как минимум стать монахом, а я им стать не могу по причине наличия двух несовершеннолетних детей, — он как-то сострадательно на меня посмотрел, судя по всему, счел законченным недотепой и махнул рукой — живи, мол, как знаешь.

Наши отношения изменились, только когда он впервые увидел меня в полном облачении и с крестом на груди, он, помню, по-детски смутился, а когда узнал, что это я теперь — отец, а он мое духовное чадо, даже стал какое-то время меня избегать. Кажется, только через год моего служения я впервые увидел его стоящим в храме. В отличие от матери, которая быстро поняла кажущиеся выгоды моего нового положения как лица, облеченного некоей высшей властью, понять сущность которой, она, впрочем, не спешила. Наивность счастливо сочеталась в ней с женской хитростью — первое плавно переходило во второе, чтобы спустя малое время снова стать первым. Они были, по сути, идеальной парой, сами того не сознавая, — недостаток внутреннего зрения отца восполнялся женской интуицией матери, а если их порой и перекашивало, то это было классическое непонимание Аресом Афродиты и наоборот. Я давно привык относиться к их размовкам спокойно, и едва ли не одобрительно, разумея, что линия демаркации в семье условна и едва различима, но даже невольное нарушение ее вызывает порой болезненную реакцию, так что полезно время от времени эту линию обозначивать или подновлять, как то делают все животные. Теперь, по

прошестии лет, оба родителя — активные прихожане нашего храма, но конфликты на границе у них все же случаются.

Мое назначение в село было определено, как уже говорилось, местом жительства родителей, — после увольнения в запас отец присмотрел себе домик в этой живописной местности, купил его вместе с участком, основательно обновил еще довольно крепкий домишко, и поселился в нем. Другим обстоятельством послужила болезнь старого настоятеля, отца Владимира, после инсульта он жил в специальном интернате, а все обязанности свалились на отца Леонида, молодого (лет на десять моложе меня) священника из местных, и тот скоро запросил помощи, коя и была ему оказана в лице меня, Зиновия Страхова.

Должен признать, мне никогда не нравилось мое имя, хотя оно и звучит в вольном переводе с греческого как «Дитя Божие». В детстве меня в семье называли Зина или Зин-Зин, для ребенка это терпимо, но для отрока, тем более подростка, уже унижительно. Отец порывался назвать меня Захарием, в честь своего отца, а моего деда, человека весьма достойного, как явствовало из рассказов отца, но тут мама встала стеной. В конце концов сошлись на компромиссе, да только ясно, с чьей стороны было преимущество в том компромиссе. Именно сан примирил меня с моим именем, не возраст, — Зиновий Николаевич это не новость что, а вот отец Зиновий звучит и достойно, и убедительно.

С селом, ставшим местом обитания нашей семьи, я был знаком едва, поскольку, учась и работая, жил в городе, а сам уклад жизни тут был совсем другой, нежели в мегаполисе или в небольших, с детства мне знакомых флотских гарнизонах на Мурмане. Теперь с этим селом предстояло ознакомиться как можно более плотно. Село это было большое, старинное, удачно расположенное на трассе, напрямую соединяющей моря Балтийское и Черное, и на крутой излучине очень красивой реки, называемой местными просто Река, впадающей в ту же Балтику. Эти достоинства села не могли быть не замечены, действительно, тут в свое время жила наследники Российского престола, в частности

несчастный царевич Алексей Петрович тут жила, а также его много более удачливая двоюродная сестра, кузина Аннушка, ставшая потом Императрицей Анной Иоанновной. Еще жил тут секретарь Канцлера Безбородки, жил золотопромышленник Рукавишников, и семья Набоковых имела тут свою летнюю резиденцию, и множество прочих громких имен мелькало среди обитателей села и его окрестностей — от поэта Кондратия Рылеева и архитектора Доменика Трезини до знаменитого комика Константина Варламова или министра Николая Дурново, все тут, как говорится, отметились, все оставили после себя след, и не только материальный. В этом мне предстояло вскорости удостовериться.

Церковь, в которой предстояло служить, была, можно сказать, рядовая, из числа так называемого кирпичного барокко, каковых вторая половина девятнадцатого столетия наплодила великое множество по городам и весям Отечества. Купольная четырехстолпная, с совмещенной колокольной, она архитектурным откровением отнюдь не являлась, но сработана была добротной и старательно, что очень ей пригодилось в сумасшедшем двадцатом столетии.

В селе была еще одна церковь, но она являла собой жалкую полуруину, и хотя красовалась на ней поблекшая печатная надпись: «Памятник архитектуры XVIII столетия. Охраняется государством» — судя по всему, заботы государства на том и заканчивались, и снаружи здания, и внутри его был мрак и мерзость запустения.

А еще через речку от церкви, на изрядном зеленом холме поднималась на своих шестиколонных портиках красивейшая усадьба, исполненная в лучшем палладианском вкусе, построенная не то в конце восемнадцатого, не то в начале девятнадцатого столетия. В ней помещался краеведческий музей, и это было первое, с чем я поспешил познакомиться по своему сюда назначению.

Должен с оттенком горечи признать, что тогда особенно, но отчасти и теперь, священник в селе являет собою тело скорее инородное, чем органично присущее селу; почти полностью сохранившееся советское сознание обывателя и сам уклад его жизни

в таком не нуждаются, так что священник — скорее экзотика, чем обыденность. Тогда по наивности своей я полагал, что смогу переломить эту ситуацию, как говорится — *Ad maiorem gloriam Dei* — к вящей славе Господней. Увы, это оказалось не так просто, как думалось.

Вот именно в музее мне довелось познакомиться с человеком, ставшим единственным моим другом и соискателем того почетного звания, которое в вульгарном исполнении звучит как «чокнутый», в более мягком — «не от мира сего», звания, которое мы с ним носим уже не один год. Александр лет на семь старше меня, и он местный уроженец, из коренных местных, что весьма немаловажно — как я убеждался много раз, здешние аборигены довольно ревнивы к приезжим, причем сам этот термин распространяется не только на самих приезжих, но и на их уже тут родившихся детей и даже на их внуков.

Некогда село вместе с окрестными землями входило в состав Новгородской республики, в Водскую пятину Господина Велика Новгорода, потом входило оно в состав шведского Копорского лена Королевской Ингрии, потом было уездным городом при Екатерине Великой целых пятнадцать лет, а потом стало подстоличной территорией блистательного Санкт-Петербурга... было от чего развиться местному самоуважению, слегка отдающему шовинизмом. Но настоящих, коренных местных было немного, Александр был из их числа, и мало сказать, что он влюблен в свою землю, он просто помешан на ее красотах и на тех милых подробностях, каковые все справочники мира именуют достопримечательностями (какое слово! — шестиметровый питон!). Я, впрочем, скоро стал понимать Александра, местность действительно представляла собой прекрасное сочетание близости северной столицы и здесь начинающейся дикой, почти таежной лесной зоны. Прозрачная вода реки (не Мурман, конечно, но...), белые летние ночи (тем более не Мурман, но...), сосновые, еловые боры и плодоносные болота (опять-таки, не Мурман), — все это было счастливо дополнено именами великих, от Пушкина до Набокова, и гроздью чудом уцелевших ар-

хитектурных шедевров. Было, было от чего закружиться александровой голове, да и не ей одной.

Все это, впрочем, не мешало краеведческому музею быть убого-провинциальным сводом фотографий, карт и схем, нарисованных местным колхозным художником, а также собранием поделок сельских рукодельников и образчиков старых одежд. Еще, конечно, наличествовала коллекция самоваров с утерянными краниками, дюжина домотканых половиков и расшитых полотенец и некоторое количество предметов сельского быта, от вил-тройчаток до расписных прялок и берестяных туесков. Все это нимало не отличалось от виденных мною в разных концах страны краеведческих уголков в школах или домах культуры, и не стоило бы столько слов, если бы не одно обстоятельство.

Этим обстоятельством был сам Александр и его вдохновенное повествование о родной земле. Хорошо выстроенная и изложенная правильным русским литературным языком, его речь подкупала еще тем невыразимым умолчанием, которое выдавало хорошо знающего свой предмет человека, знающего много больше того, чем он говорит, и способного на любую затронутую им тему прочесть интересующимся отнюдь не коротенькую лекцию. Признаюсь, меня это сразу подкупило — по роду своей работы в Русском музее мне не раз приходилось сталкиваться с проявлениями ровно обратного.

Мы как-то сразу потянулись друг к другу, хотя, как скоро выяснилось, я оказался счастливым исключением из александровых жизненных правил, одно из которых категорически воспрещало такого рода контакты: «В церковь ходи, но с попами не дружи!» — гласило оно. Будучи ревностным служителем Церкви Христовой, я тем не менее вполне разделяю эту народную этическую норму — трудно, знаете ли, удержаться на той грани, где «отче Иоанн» соскальзывает в «Ванюшу», лучше и не искушаться. К счастью, Александр по природе своей оказался человеком деликатным, подобное амикошонство было ему совсем не свойственно, так что наши отношения явились исключением из правила,

само это правило вовсе не отменяя.

У него тоже было двойное образование, помимо архитектурного техникума он закончил исторический факультет, специализацией был век восемнадцатый, но локальные интересы простирались далеко за его пределы. Еще — он относится к тому разряду верующих людей, которые не часто, но регулярно исповедуются и причащаются, бывают почти на всех воскресных и праздничных службах, но не относятся к тому типу прихожан, которые, по их выражению, «живут в храме». Я, честно говоря, последних не особо жалею — не успеешь оглянуться, как таковой «жилец» тебе уже замечания делает, не разумея, что на литургии ему не поп Зиновий предстоит, но сам Христос.

Вне храма встречались с Александром мы чаще всего у него дома, поскольку в доме родителей было тесновато, да и уровень, и сама тональность наших собеседований, поневоле задаваемых родителями, меня не устраивала. Александра, судя по всему, тоже.

Нет, нет, увольте меня, дорогой читатель, от обвинений в непочтении к родителям, они прекрасные люди, и общаться мне с ними интересно — втроем, но сторонний собеседник, тем более такой как Александр, невольно разрушал целостность и искренность этого общения. У него же в доме была атмосфера, для наших бесед вполне благоприятная, жена Александра, Надя, бывала чаще всего занята детьми, а если и принимала участие в наших беседах, то в качестве слушателя — подперев голову руками, она свои чуть выпуклые глаза переводила с одного говорящего на другого, за весь вечер сама едва ли проронив слово. Что она понимала из наших разговоров, — дело второе, но, согласимся, само присутствие женщины, тем более женщины довольно молодой и привлекательной — не может не сказываться на беседе мужчин, они невольно подтягиваются, желают выглядеть достойно и даже соревнуются в этом. Согласимся, это снижает уровень интеллектуальной дерзости, но зато облагораживает саму мысль — хотя бы в формах ее подачи.

Все началось с общего нашего интере-

са к древнему, еще новгородских времен, храму «Велика Николы на речке на Грезне», как было сказано в Окладных книгах конца пятнадцатого столетия. Храм стоял на старой новгородской дороге, ведущей в крепость Корелу на берегу Ладоги, или озера Нево, как тогда Ладога называлась. Фрагмент этой старой дороги сохранился в восточной оконечности усадебного парка, и, к счастью, оказался не затронут последующими веками, разве что сама эта дорога исчезла, да вся территория погоста, тут располагавшегося, поросла лесом.

Стоя здесь, на этом пустынном куске старинной дороги, непросто было представить, как шумело тут погостное вече, как звонко и глухо пело деревянное било, собирая окрестный народ на молитву, и как пищали и свистели рожки и дудки торговых гостей, приглашая людей на торг, на гостевание.

От этой дороги на запад тянулся знаменитый каньон Грезны — большого ручья, впадающего в Реку, — каньон, оформленный отвесными скалами красного песчаника, и в этих скалах там и тут зияли большие и малые дыры, уходившие вглубь и вдаль, одни на несколько метров, а иные на километры. Тут начинался таинственный подземный мир Ингрии, или Инкери-маа в финно-угорском, много более древнем, варианте. Такое место, конечно, не могло не быть отмечено легендой, она существует, и вот она, в подаче Александра:

В те давние времена пал гордый Господин Великий Новгород, и было ужасно его падение. Три недели опричники Ивана, Грозного царя бесновались в городе, и великое множество народа было истреблено, а кто бежал в леса, спасаясь, и не было силы могучему Нову-городу стряхнуть с себя шайку от крови обезумевших негодяев, ибо Господь лишил сил гордый город за великий его грех, за блуд духовный, за то, что поверили новгородцы коварным чужеземцам, и стали они отрицать Божественность Господа нашего Иисуса Христа, в безумной гордыне своей повторяя: Какой Он Бог? Он человек, как и мы, он только пророк и учитель, а наш Бог — София, Премудрость Божия, и Иисус — ученик Ея, и у Софии немало было

учеников, и Иисус из Назарета не единственный Ея ученик.

Горько то было слушать Единородному Сыну и Господу, и отвернулся Он в гнев от Велика Новгорода, и Враг человеческий всласть потешился, терзая город. И была великая печаль и тоска Богооставленности по всей земле новгородской.

И вот, пришли однажды воскресным утром наши, тут живишие, предки на Божественную литургию, и повалились они на землю от открывшегося им ужаса — не было храма Велика Николы, только глубокая яма в земле отмечала то место, где стоял храм. Стеная и плача, побежали люди от того страшного места, где явлен был гнев Господень, и сели они по домам и стали ждать конца света и общей погибели.

Но вместо того явились из-за моря чужеземцы, и взяли всю землю, кого побив, а кого изгнав, и сказали они всему местному народу, что неправильно те молились Богу, что надо молиться по-другому, и что теперь великий и славный Свейский король будет учить их вере и молитве. И многим те речи пришлись не по сердцу, и стали те люди бросать дома и все нажитое и уходить туда, где молились по-старому, как деды велели.

А уходя, говорили они, что вернуться, когда Господь простит всех, и явится сам собой из земли ушедший под землю храм, и вновь загудят колокола, призывая народ православный на молитву.

Так и повелось то предание даже до сего дня, и немало есть людей, кто верит — теперешняя послаба власти насчет церкви — обман, не наступило еще время Святой Руси, не является из земли в красе и благолепии древний храм, все еще ждет своего часа...

— Ну и как вы, Александр, сами относитесь к этой легенде?

— Трудно сказать. С одной стороны, дыма без огня не бывает, это ясно. С другой — никаких письменных, документальных свидетельств. Что, впрочем, объяснимо, — смена власти, потом пришли шведы, к тому времени не то еще католики, не то уже протестанты, в любом случае исчез-

новение православного храма им только на руку. Факт провала сам по себе вполне возможен — зона карстовая, там и трактора проваливались. Ну, а насчет — явится и воссияет... едва ли. Да и сиять там нечему, в пятнадцатом веке деревенские церковки были — амбаронки, только главкой с крестом отличались от сарая или баньки. Но в любом случае история красивая, этаким приневский вариант града Китежа. Тот в озеро погрузился, этот в землю ушел, в обоих случаях от иноверцев.

— А есть ли в округе материальные памятники шведской поры?

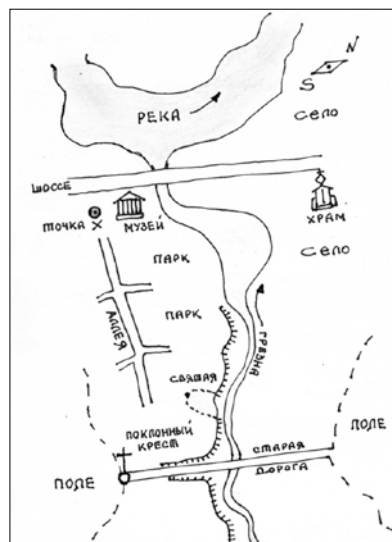
— Нет, никаких. Странно, но шведы за полторы сотни лет даже названий новгородских не меняли, только писали их латиникой — Gresensky pogost, или, скажем, Mezno by.

— А тут, конкретно, копался кто? Археологи-спелеологи?

— Ну как без них. Легенду многие знают. Одна группа ездит сюда каждое лето, годочков этак восемь. Пока ничего интересного не нашли. Или нашли, но молчат. Их лидер, называющий себя Архимедом, в частных беседах делает туманные намеки на какие-то тайны. Отец Зиновий, а вы ничего не слышали о печати четырех крестов?

— Ничего не слышал. А что это такое?

— Вот, дорого бы я дал, чтобы узнать, что это такое...

Как уже говорилось, места наших с Александром служб соседствовали через Грезну, мы порой даже могли лицезреть друг друга, частенько встречались и вечерами, так что я был полностью в курсе его, Александра, находок и изысканий. А они были, то есть изыскания были, впрочем, случались и находки. Тогда, помню, его чрезвычайно заинтересовал вопрос — почему это центральная аллея парка нацелена своей осью не на фасад дома, а куда-то в сторону, в пустоту, что само по себе совершенно несвойственно ни классицизму, ни, тем более, ампиру.

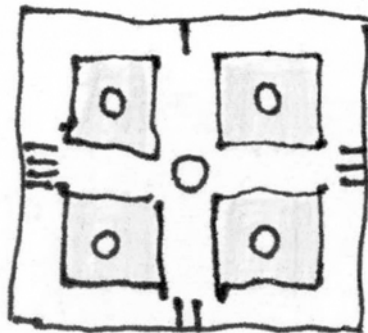
— Аллея обязана быть замкнута, это аксиома. Другое дело — чем? Это может быть ротонда, как в соседнем селе, или беседка, видовая площадка, короче — должна быть определена конечная цель вашего прохода по аллее. В пейзажном, английском парке это необязательно, но здесь парк регулярный, во всяком случае его центральная ось обозначена жестко. На старых картах присутствует что-то вроде часовни, но на разных планах она в разных местах, и какое из них верное... знаете, отче, я рискну, пожалуй, копну. Знаю, что это не совсем законно, нужно оформлять кучу бумаг, но я рискну. По оси аллеи непременно должно быть что-то. Иначе ... иначе — так не бывает!

Потом был Троицын день, я служил панихиду в стенах Вознесенского храма на кладбище, потом литии на могилах, потом навечерие Духова дня, короче, прошло три или четыре дня, прежде чем мы смогли увидеться с Александром и не спеша поговорить.

— Ну, как ваши раскопки?

— Кое-что есть. Я прошелся щупом по осевой линии в центре площади перед усадьбой. Везде, судя по всему, материк. Только в одном месте обнаружилась ямка, прикрытая известняковой плитой, под солидным слоем дерна, разумеется. Ямка оказалась заполнена песком, причем песок не наш, красный и мелкий, а совсем другой, ярко-белый, кварцевый и крупный. У нас тут такого песка просто нет, то есть его привезли откуда-то специально. Зачем? Стал копать, и вот что обнаружил на самом дне.

Он протянул мне нечто, завернутое в тряпицу, я взял, руку потянуло вниз. Это явно был какой-то металл. Развернув, увидел темную, почти черную пластину с четким рельефом. Это была не чеканка, и не литые, выступающая часть, образующая

рисунок, была накладной, с помощью заклепок скрепленная с плиткой — основанием, причем скоро выяснилось, что основанием служила пластина красной меди, а накладка выполнена из латуни, так что первоначально рельеф был светлее фона.

Время оставило, конечно, свои следы на металле, края латунного рельефа, как и красномедного основания были нечеткими, кое-где появились каверны, но вообще состояние сего раритета было весьма приличное.

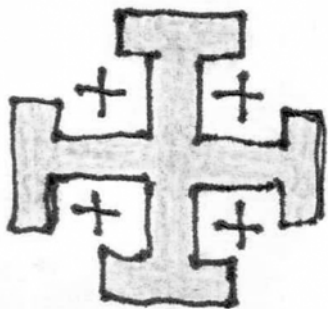
— И что, так это в песке и лежало?

— Нет, конечно. Что-то вроде футляра присутствовало — кожа, или, может, фетр, или очень плотное сукно, но оно рассыпалось у меня в руках. Еще там было что-то похожее на воск, но распалось на гранулы, не определить. Поэтому сама пластина легко вынулась, ничего нарушать не пришлось. Отче Зиновий, вам говорит что-нибудь этот рисунок?

— Еще бы. Я в свое время в семинарии немало времени потратил на изучение рыцарских монашеских орденов периода первых Крестовых походов, точнее — периода Иерусалимского королевства. Этот рисунок напоминает мне знак рыцарей Гроба Господня, — некоторые, впрочем, уверяют, что это были просто монахи.

— Тамплиеры, или же Иоанниты?

— Нет, в том и дело, что нет. Ордена Тамплиеров, или Храмовников, и Госпита-

льеров, или Иоаннитов, широко известны, но кроме них в Святой земле существовали еще малые ордена, о которых известно немного. По сути, после завоевания Иерусалима в 1099 году у каждой святыни была назначена своя стража, кустодия. Храмовники собрались вокруг остатков Иерусалимского Храма, Храма Соломона, (к тому времени там, впрочем, уже стояла мечеть Аль-Акса), Иоанниты — вокруг Госпиталя, устроенного на месте казни Иоанна Предтечи, то есть на месте бывшего дворца Ирода, а эти — вокруг храма, устроенного еще Константином Багрянородным над пещеркой, где было положено тело Господа, и где Он воскрес. Еще существовал малый орден Благой Смерти на Голгофе, и так далее. Странность здесь в том, что рисунки знака различия, но я знаю тому объяснение. Вот этот, наш вариант — он первичен, он более древний. Капли на четырех углах греческого креста — это капли крови Христа, знак четырех его ран, пробитых гвоздями при распятии. Они, впрочем, могли означать и сами шляпки тех гвоздей. Пятая капля в центре — знак раны от копья, пронзившего Ему сердце. Уже потом эти капли были заменены четырьмя малыми крестами. Это уже при короле Иерусалимском Балдуине.

— А когда вообще возник этот знак?

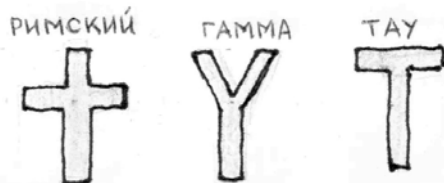
— Считается, что его принес с собой Готфрид Бульонский, точнее — Годфруа де Булон, Герцог Лотарингский, предводитель отряда, штурмовавшего Иерусалим. На самом деле этот Годфруа из норманнов, еще в десятом веке захвативших север Франции, так что настоящее его имя именно Готфрид — «Угодный Богу», аналог сла-

вянским Богомилу или Богораду. И он носил на себе наверняка другой крест — свой лотарингский или так называемый рыцарский — нетрудно заметить, что это как бы соединенные концами четыре боевых меча, разве что без рукояток. Лотарингский же крест есть совмещение прямого греческого креста и косога андреевского, называемого еще крестом Святого Патрика.

— Но откуда взялся этот ни на что не похожий Иерусалимский крест?

— На этот вопрос едва ли найдется исторически-правильный ответ. Начертаний крестов сотни, некоторые из них существовали задолго до Христа. Что до креста Иерусалимского, то вот, если угодно, моя версия. Придя в Палестину, крестоносцы с немалым удивлением обнаружили, что тот образ креста, которому они поклонялись в Европе, неизвестен местным жителям, даже христианам. В качестве орудия казни римляне редко использовали так называемый римский, католический крест — он сложен в изготовлении, а с какой стати тратьте лишние силы и средства, чтобы повесить преступника? Поэтому казнили чаще всего на так называемом гамма-кресте — а это простая древесная развилка, — или на тау-кресте, там на верху столба крепился кусок жерди, к которой и привязывали — привязывали! — руки казнимого. И вот, увиденный в Святой земле тау-крест рыцари сделали своим символом, его счетверив. Повторяю, это моя версия.

— А откуда появились четыре малых креста по углам?

— Ну, я говорил уже, что вначале там были капли — знаки Христовых ран. А потом малые кресты стали обозначать четырех евангелистов, или четыре канонических Евангелия — основу христианской веры.

— Отче, а как, из чего произошел наш православный крест, ведь он уникален, аналогов ему в мире нет. Неужели это тоже местная традиция?

— Ни в коем случае. Но тема эта настолько сложна и отдельна, что давайте поговорим об этом в другой раз, особо.

— Хорошо. Но — последнее — что означают эти зарубки на кончиках нашего креста — I, II, III и IIII? Я склонен полагать, что они тут не случайны.

— Я тоже. Не знаю. Будем думать и искать, может, что-то откроется...

Прежде всего нужно было узнать все, что возможно, о старинной церкви «Велика Николы на речке Грезне». Совсем недавно Александр поставил в южной оконечности новгородской дороги поклонный крест, желая, как он говорил, убить сразу двух зайцев — напомнить людям о том, что тут некогда молились их предки, и перекрыть самую старую дорогу, вернее, тот кусок в триста метров, что от нее остался. Мне по этому поводу он рассказал, что его целый год словно что-то в спину толкало — поставь крест, поставь, и даже во сне он его видел — ровно на этом месте.

Но где стоял сам древний храм, было неизвестно. Местность вокруг была начинена карстовыми воронками, и старыми, давно поросшими лесом, и зияющими в земле ямами недавнего происхождения, каждая из них могла быть подтверждением древней легенды ... а могла не быть. Фактически мы знали только одно — в 1498 году храм стоял, о том свидетельствовали Окладные или Описные книги того времени. В тех книгах не было сказано о нем, что он новопостроенный, не было сказано тоже, что храм ветхий, — а такие сведения о храмах в книги, как правило, заносились. Поэтому можно было принять за год его постройки,

скажем, 1450-й, как удовлетворяющий оговоренным условиям. Запомним эту дату.

Тогда в Москве сидел на троне Иван III Васильевич, государь скорее удачливый, чем дальновидный. Последнее утверждение рискованно, пожалуй, памятуя его женитьбу на Софье Палеолог, что позволило русским царям считать себя наследниками и Рима, и Византии. Но оно подтверждается тем, что после военного разгрома Великого Новгорода он приказал сжечь весь немалый новгородский флот и изгнать из города всех иноземных купцов. Окно в Европу оказалось захлопнуто на двести с лишком лет. И матушка Россия покати-лась в Азию, и чем дальше, тем быстрее...

— Вот-вот, только начнем мы что-нибудь копать в отечественной истории, так возникает желание эту историю поправить: ах, как было бы славно, чтоб с Ивана Третьего стало у нас две столицы, одна в Европу глядит, другая в Азию, как сам наш державный орел, и — вперед, Россия! Только не бывает у нас так, Господь не балует, все дается нам кровью и мукой, да и живы мы, пожалуй, единственно заступничеством Богородицы, известно — непутевый сын матери бывает дороже других, разумных и правильных.

— Ну, тут и возраст, мы лет на триста моложе Европы...

— Ну да, дитя малое, неразумное. Не пора ли взрослеть?

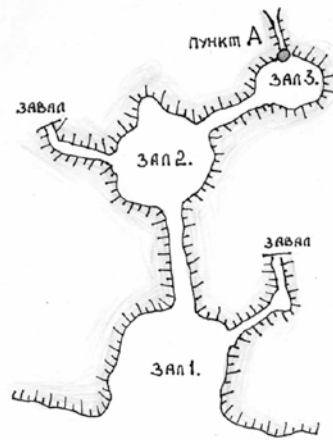
Александр решил для начала пригласить лозоходца, вернее — рамочника, впрочем, сам себя Павел Сергеевич называл не иначе как бесконтактным индуктором. Приехав к нам, он прежде всего поинтересовался гонораром, а потом много говорил о значимости своей профессии, и о своих достижениях в бесконтактном индуктировании. Придя на место, предложил нам испытать себя в качестве такого индуктора. Я отказался, а Александр попробовал и определил свою в этом качестве несостоятельность. Потом к делу приступил сам Павел Сергеевич. Он долго ходил вдоль и поперек нами обозначенного участка, останавливался, делал несколько шагов назад, замедлял и ускорял свой ход, недовольно

хмыкал и крутил головой, и так минут сорок. Потом заявил, что наша местность — сплошная геомагнитная аномалия, и потому конкретно он ничего указать не может. С тем Павел Сергеевич и удалился.

После этой неудачи Александр связался с Архимедом и попросил его приехать, тот незамедлительно явился. При знакомстве я внимательно осмотрел этого исследователя недр, впечатление было — никакое. Неуверенность в себе сочеталась в нем с болезненным самолюбием, это всегда лучшая почва для мистицизма и возникновения какой-нибудь *Idee fixe*, что вполне присутствовало и в нашем персонаже. Он тоже много говорил — о тектонических разломах, эманациях радона, о щелочной эрозии почв, о трансгрессии песчаника, и так далее — и ничего конкретного. Александр попытался прижать его к стене прямым вопросом — что тот знает о Печати. Выяснилось — ничего. Какие-то невнятные слухи, но не более. Он почти испуганно отказался от предложения «сходить вместе», якобы опасаясь за нас, опыта не имеющих. Потом вообще пошли мутные разговоры о «Белом спелеологе», о «Запретных зонах» и что вообще у него в городе дела и ему пора ехать.

Строго говоря, из того комплекса пещер, что украшает собой каньон Грезны, лишь одна полностью соответствует своему имени, остальные — просто гроты, рано или поздно заканчивающиеся глухой стеной, правда, не всегда понятного происхождения. Есть еще несколько мощных щелей, уходящих вглубь, но их никто не исследовал по той причине, что туда способен влезть разве что ребенок.

Пещера, называемая Святой, имеет примерно такой план и предполагает продолжение себя в пункте А, но продолжение это являет собой этакую трубу в песчанике диаметром около метра. Александр, однако, утверждал, что, насколько он знает, «труба» эта постепенно расширяется и выходит — или переходит — в тоннель, по которому можно ходить, не сгибаясь. Проверить, так ли это, нам, судя по всему, вскорости предстояло. Нужна была только некоторая подготовка.

Дело в том, что по «трубе», равно как и по всем подземным залам, бежит довольно бойкий ручеек, так что двигаться по ней пришлось бы ползком по воде, температура которой зимой и летом одинаково равняется восьми градусам по Цельсию. Понятно, что без защитного костюма в таких условиях долго не выдержишь. Что до остального — хорошие электрические фонари, моток веревки, компас и профессиональный радиометр добыть оказалось нетрудно, впрочем, оказалось нетрудно и гидрокостюмы выпросить у тех приятелей Александра, которые занимаются подводной охотой на местных рыб, форелей и щук.

В конце июня у меня день рождения, именно в этот день наметили мы с Александром вылазку — точнее бы сказать: влазку — в Святую. День — не то слово, надобно бы сказать — вечер, даже поздний вечер, потому как днем в парке множество экскурсантов и просто гуляющего народа, а вызывать сторонний интерес к нашей экспедиции нам вовсе не хотелось.

Как Александр и говорил, узкий лаз во втором, или малом зале, который я назвал «трубой», действительно расширился, и постепенно стало возможно подняться и выпрямиться. И он действительно выходил в тоннель, по дну которого тоже бежала вода. Дышалось под землей на удивление легко, воздух был не сперт, я почувствовал даже какое-то его движение... впрочем, это могло и показаться. Мы двинулись вначале по течению воды, прошли три десятка

метров и уперлись в песчаный завал, пути дальше не было. Вода устремлялась в какую-то щель справа, но туда едва влезла ладонь. Судя по всему, в тоннеле некогда случился обвал свода, и произошло это явно не вчера. Недолго там потолкавшись, уже с явным ощущением авантюристности нашего предприятия, повернули назад. Я, помню, не переставая шептал Иисусову молитву, страх перемежался азартом первооткрывателя, и при всем этом не оставляло сознание того, что ничего ужасного с нами не случится... странное состояние.

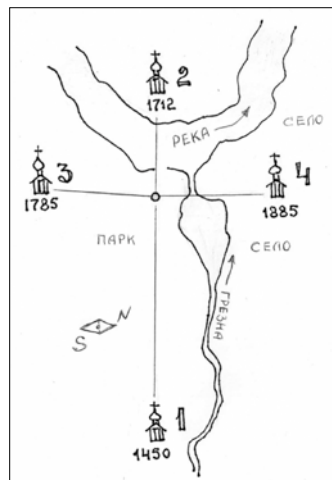
Дойдя до входа в «трубу», попытались определить направление тоннеля (компас, как ни странно, работал), оказалось — юго-запад-запад или зюйд-вест-вест. Вообще тоннель был как-то неестественно прям, подозрительно прям. Замер радиоактивности дал двести микрорентген в час, в десять раз больше обычного фона местности, но это совсем не опасно. Скорее, даже наоборот. Левый рукав тоннеля неожиданно скоро закончился глухой стеной, на красном песчанике отчетливо выделялась вырезанная в нем литера «I». Впрочем, это вполне могла быть и цифра 1. Мы еще немного потолкались в тоннеле и без приключений выбрались наружу.

Конечно, весьма странно было бы обнаружить остатки древнего храма здесь, в этом тоннеле. Если и был провал, унесший с собой древнюю церковь, то, по-видимому, он не связан со Святой и тоннелем. Здешний подземный мир обширен, исследовать его нужно годами. Да и что мы, собственно, ищем? Если и права легенда, древний храм за пятьсот или четыреста лет давно превратился в прах, и подземные воды разнесли этот прах на километры. Даже железо обязано превратиться в ржавчину, а золото или серебро едва ли в этом храме, так сказать, наличествовало. Хотя — как знать, как знать...

И все же какое-то глухое, неопределенное, невысказываемое чувство подсказывало, нашептывало, что мы прикоснулись к тайне, что тайна эта рядом, за стеной, увы, стеной слепой, немой и непроницаемой.

На протяжении следующего месяца я занимался делами личными, точнее — семейными. Жить вместе с родителями в небольшом доме, имея двух детей, само по себе не вовсе хорошо, а когда наметились и стали усугубляться трения между моими женой и мамой ... я знал, какой ад могут создать вокруг себя две прекрасные сами по себе женщины, когда им приходится делить пространство, в котором, помимо их самих, обитают их мужчины и их дети. Поэтому я с радостью вцепился за первое же предложение купить двухкомнатную квартиру у одной весьма пьющей пары, которая съезжала в дом недавно умершей матери одного из супругов. Хлопоты по оформлению жилья, сбор денег, ремонт ободранного и вконец запущенного жилища, сам переезд и устройство на новом месте... было не до чего. На службе, в храме, напарник отец Леонид тоже стремился меня не загружать, разумея мое положение. Так что с Александром мы смогли побеседовать не скоро после похода в Святую. Но он, как выяснилось, времени зря не терял.

— Вот, смотрите, отец Зиновий. Смотрите и вникайте. Здесь обозначены бывшие и существующие храмы нашего села, и годы их возникновения. И теперь посмотрим, что получается. Первый наш храм, Никольский, мы датировали 1450-м годом. Если воспользоваться правилами нумерологии и каббалы, надо сложить цифры этого года. Получим $1+4+5=10$ или 1. Если

считать таким образом и дальше, храм царевича Алексея Петровича, заложенный в 1712 году, когда село было ему подарено отцом по случаю его женитьбы на Шарлотте Вольфенбюттельской, даст нам $1+7+1+2=11$ или 2. Следующим храмом станет построенный Николаем Львовым Вознесенский собор города, — не забудем, село в конце восемнадцатого столетия пятнадцать лет было уездным городом, там 1785 год. $1+7+8+5=21$ или 3. Равно как храм Рождества Богородицы, 1885 года постройки, даст нам 22, или 4. Вот вам и объезженные зарубок на нашем кресте, от одной до четырех, все в соответствии с хронологией событий. Каково?!

— Не очень-то я доверяю этим вашим каббалистическим исчислениям. Вполне возможна чистая случайность, совпадение.

— Отче, таких совпадений не бывает! Я всей своей кожей чувствую — мы на верном пути. Посмотрите, эта медная плашка не зря оказалась на пересечении лучей, соединяющих храмы и образующих крест. Кстати, если встать лицом на восток, как и положено, то получается осенение себя крестным знаменем — сверху вниз и справа налево. И еще — я отчетливо помню, что наш медно-латунный артефакт лежал в земле в точном соответствии с этим крестом, ось в ось!

— Ну, хорошо, допустим. И что из этого следует?

— Много чего следует. Прежде всего свидетельствует, что кто-то из местных почти девятьсот лет тому назад имел прямое отношение к Братству Гроба Господня. Хорошо, не он сам, так его предок. И память об этом свято хранилась в семье. Вообще, отец Зиновий, есть ли данные об участии русских витязей в Крестовых походах? В первом и втором, по преимуществу?

— Насколько мне известно, таких данных нет. Хотя много свидетельств в летописях о паломничестве в Святую землю русских «калик перехожих». Это, конечно, не рыцари-крестоносцы. Но! Нельзя упускать из вида, что Братство возникло вовсе не при Готфриде Бульонском, оно существовало задолго до того, его учредил не то Император Константин в четвертом веке,

не то оно образовалось еще раньше, при первом епископе Иерусалима Иакове, в первом веке. Называлось оно Братством Святого Гроба и оно было православным! Католики попросту разогнали этих монахов и поставили своих. Хотя — разогнали ли? В знаменитом «Хождении игумена Даниила» прямо говорится, что дружина русичей — новгородцы и киевляне — стояла рядом с королем Балдуином I при схождение Божественного огня в Гробе Господнем в Великую пятницу 1107 года. Были это пилигримы, то есть спутники Даниила, паломники, или витязи Гроба — боюсь, мы этого уже не узнаем...

— Тут нет связи. Между нашими событиями — 1100 и 1450 годов триста пятьдесят лет, и как через эту временную пропасть намерены перебраться?

— Ну, во-первых, дата 1450 взята нами условно. Хотя сама по себе она очень значима. В 1453 году пал Константинополь, Византийская империя перестала существовать. Немного позже, как уже говорилось, Иван III женился на племяннице последнего Императора Константина XI Софье, и русские цари наследовали византийские регалии, в том числе герб — двуглавого орла.

Во-вторых, кто может уверенно утверждать, что этот Никольский храм тут — первый? Здешние погосты «по Лузе», то есть по бассейну реки Луги ставила еще княгиня Ольга, как о том свидетельствует «Повесть временных лет». А где погост, там и храм.

В-третьих, крестоносцы владели Иерусалимом всего девятьюстами лет, а когда Султан Салах-эд-Дин отвоевал Иерусалим, он возвратил все святыни именно православным, тогда как католикам вход в Святой город был запрещен под страхом смерти. В составе этого восстановленного Братства Святого Гроба вполне могли быть русские. Скажу больше — странно, если бы их там не было.

— Вот это уже близко, спасибо за информацию. У нас ведь, благодаря советской школе и московскому эгоцентризму, сложилось мнение, что Россия всегда была «сама по себе», и до Петра Великого в европейских делах если и участвовала,

то как сторона страдающая. Но это неправда, Великий Новгород был вполне европейский город и активно вмешивался в европейскую политику. Именно в одиннадцатом веке новгородские дружины помогли своему князю Ярославу посадить на норвежский престол его зятя Харальда, а другого зятя, Андрея — на престол венгерский. Его, Ярослава, дочь стала королевой Франции, а тетка — королевой Польши. И чего бы это нашим витязям не участвовать в Крестовых походах, а нашим паломникам не становиться стражами иерусалимских святынь?

Итак, это было все, что мы смогли, так сказать, вытрясти из первого номера нашего списка. Нужно было переходить ко второму, где тайн намечалось тоже немало, но зато документы по нему существовали, и документы драгоценные, скажем, письма царевича Алексея Петровича митрополиту новгородскому Иову — как раз по поводу устройства этой церкви. Но — как выглядел этот храм, мы не знаем. После трагической гибели Алексея эта церквушка стала кладбищенской часовней, она неоднократно подновлялась, а потом была разрушена уже при новой власти, в 1926 году. К счастью, место ее нахождения сохранилось, и вот, мы с Александром его осматриваем.

Собственно, небольшая груда известняковых плит — вот все, что осталось от храма царевича. Со всех сторон новые захоронения, хотя формально это кладбище закрыто, в селе есть новое кладбище, нам еще предстоит там поработать. А пока Александр знакомит меня со «зде лежащим» православным народом.

— Вот могила матери Кондрата Рылеева. Чугунный крест отломан, но мраморное его основание сохранилось, читаем: «Мир праху твоему, женщина добродетельная». Анастасия Матвеевна умерла в 1824 году, Господь уберег ее от ужаса казни единственного сына. А вот могила Ольги Лагоды, второй жены Ивана Ивановича Шишкина. Он немало лет тут прожил, пережил счастье любви и супружества, пережил и

катастрофу — Ольгину смерть. Она была совсем молода, и вот — родильная горячка, и ее нет. Бедный Иван Иванович так и не оправился от этой смерти. А тут вот лежит мой прапрадед, у него был большой постоянный двор на дороге, так что жил он, я думаю, не бедно. А вот могилка набоковской экономки, помните — от нее исходил слабый, но нестерпимый запах кофе и тления — так, кажется, у Владимира Владимировича.

— А самих господ тут нет?

— Нет, конечно. Они на городских кладбищах лежат. Ну, а последние... кто в Берлине, кто в Праге, кто в Швейцарии... мир их праху.

Плиты мы все-таки пошевелили. Ничего интересного, кроме, пожалуй, одной подробности — почти на каждой целой плите, — а немало было и ломаных кусков, — прочитывалась литера Х. Вначале я, честно говоря, принял это за следы хулиганства и вандализма, но по мере того, как нами поднимались все новые плиты, помеченные этим знаком, пришлось свое мнение изменить. Но копать глубже мы все-таки не решились, — нехорошо, кладбище ведь, и не дай Бог, нас застанут за таким малосимпатичным делом, как гробокопательство.

— Скажите, Александр, а нет ли каких-то легенд, связанных с этим храмом? Царевич Алексей — личность страдательная, яркая, наш народ таких любит, должны быть легенды!

— Нет, сколько-нибудь внятного я ничего не слышал. Есть темный какой-то слух о заклятии, положенном царевичем при строительстве этой церкви. Якобы он, предугадывая возможность его убийства, заклил род Романовых в таком случае на скорое уничтожение. Но в какой форме это заклиятие существовало — никто этого не знает.

— Во всяком случае, оно сработало. Все четырнадцать детей Петра от Екатерины умерли в младенчестве, умер в свои пятнадцать лет и единственный сын Алексея, жестокий красавец Петр III. Род Романовых на нем закончился. Если даже считать Павла Петровича законнорожденным, в чем есть немалые сомнения — все равно, это уже Шлезвиг-Голштинская династия.

Так что ж — Алексей своему сыну смертный приговор подписал?

— Повторяю, ничего конкретного. Один лишь темный слух.

— Ну, а чем занимался тут царевич? Был ли он тут в заточении, как о том написал Набоков?

— Да что вы! Если этот несчастный и был когда-то доволен своей жизнью, так это тут. Грядки копал, растил гарлемские тюльпаны, молился, читал книги, рыбу ловил, звонил в колокола, забавлялся с Ефросиньей... скучать было некогда.

— Зачем же бежать отсюда в Кесарию, если тут так хорошо?

— Предчувствие и страх, нет, ужас перед отцом, его гневом. Алексей ведь хорошо знал, каков Петр в ярости, видел его в Преображенском, когда тот терзал стрелцов. Зверь был Петр Алексеевич, от крови пьянел...

— Да. И церковь переломал. Что-то в ней хрустнуло...

— С другой стороны — Отец Отечества, Великий. Может, с Россией так и надо? Она, матушка наша, баба. Бьет — значит любит. Вот у нас как Сталина и по сей день чтят.

— Ну, это оставьте. Чтят не за душегубство, а что державу собрал и преумножил. А тут без крови не обойтись. Народ у нас разбродный... И вообще, что нас в сторону понесло, давайте к делу. Вы историк, копните заграничное сидение царевича. Чувствую — там что-то сокрыто...

Дней пять спустя Александр явился, как он сказал, «с докладом». Мои прежние опасения относительно амикосонства обрачивались обратной стороной — русскому человеку трудно держаться «золотой середины», когда перед ним мундир или ряса, он если избежит искуса похлопывания по плечу, то впадет в грех чинопочитания, и с этим уже трудно что-то поделать. Но это все же лучше, чем первое.

— Ну вот, батюшка, кое-что накопал. Как известно, царевич выехал по требованию отца в Копенгаген, но в Польше маршрут изменил и, прибыв в Вену, по-

просил политического убежища у своего свояка, Императора Карла VI, бывшего «по совместительству» Императором Священной Римской империи. Он, Император, был формальным Гроссмейстером Ордена Иоаннитов, который был наследником разгромленного в начале четырнадцатого века Филиппом Красивым Ордена Храмовников, который, в свою очередь, являлся наследником Ордена Гроба Господня. Во избежание международного скандала, вовсе ему не нужного, Карл удалил Алексея из Вены в Италию, где тот был размещен в замке Сент-Эльм близ Неаполя. И вот тут начинается для нас самое интересное.

Дело в том, что еще в 1496 году (запомним дату) Папа Римский Александр VI формально восстановил Орден Гроба Господня, сам став его Великим Магистром. Но это был уже не настоящий рыцарский орден, и к Палестине он отношения не имел, это был, скорее, элитарный клуб сильных мира сего, каковым он является, кстати, и по сей день.

В 1718 году Папой был Клемент XI, в миру Джованни Франческо Альбани, человек ловкий и дальновидный, и он воспользовался ситуацией, предоставленной ему судьбой. К Алексею был приставлен Джон Кейль, Командор Ордена Гроба Господня, в качестве секретаря. По моим сведениям именно Кейль посвятил Алексея в рыцари Ордена, причем Папа утвердил его в звании рыцаря Большого Креста, памятуя его царское происхождение. Не знаю уж, чем соблазнял царевича Кейль, да только тот, видно, за любую соломинку готов был ухватиться, чтобы выжить. Увы, очень скоро Петр уломает сына вернуться на родину, под слово Государя...

— Которое Государь с легкостью нарушил. Это известно. Непонятно только, каким образом православный принц крови становится рыцарем католического Ордена?

— Да в том и дело, что к тому времени Орден давно не являлся уже католическим! Его рыцарями, скажем, были — католик Ференц Лист, германский Император Вильгельм II, протестант, или русский генерал Петр Врангель, православный, — кто только в этом Ордене не состоял!

— Замечательно. Так, может, Царевич привез этот знак ордена сюда?

— И закопал его кое-как и невесть где... не будем спешить, у нас еще два объекта. Но обратите внимание, отче, как настойчиво соприкасаются даты и люди, значимые как для Ордена, так и для нашей местности...

Стоящий в нашей очереди третий храм села являл собою, как уже говорилось, ободранную полуруину на действующем кладбище, хотя, по замыслу устроителей, в конце восемнадцатого столетия он должен был стать главным собором города. Каким образом произошло таковое понижение его статуса, было, в общем-то, понятно. С отменой города в 1796 году и переноса его в Гатчинский посад, уже построенный собор оказался как бы не у дел, и очень быстро около него образовалось «Новое» кладбище, благо территория около собора не была еще застроена городскими сооружениями, — Гостиным двором, например, как планировалось.

Потому старых могил здесь нет, преобладает двадцатый век, и громкие имена на могильных крестах тут не означены. Но здесь лежат дорогие сельчанам люди, кладбище ухожено, и если бы не отечественная традиция городить вокруг могил заборы и вдоль, и поперек, так что и пройди местами невозможно, — кладбище можно было бы считать красивым.

Сама церковь во имя Вознесения Господня, 1785 года постройки, архитектор Николай Львов, являет собой в плане квадрат, с боковыми четырехколонными портиками и двумя полукруглыми апсидами — восточной алтарной и западной притворной. На уровне пяти метров от земли квадрат переходит в восьмерик, который завершается плоским сферическим куполом. В интерьере этот переход обеспечен четырьмя парами ионических колонн, на которые оперт купол.

— И что интересное вы тут находите, Александр? Типичное сооружение для восемнадцатого века, уже испорченного европейским образованием при еще глухом

азиатском сознании. Отход от вековых традиций и ненахождение стоящего нового. Ротонда, а не храм. Больше строительной механики, чем архитектуры. Оправдайтесь, сэр!

— Да я, собственно, и не намереваюсь. Просто — люблю Львова, и считаю его выдающимся экспериментатором в архитектурной области. Насчет механики... я, знаете ли, энное количество лет назад делал обмеры этого храма по заданию архитектурной инспекции, и был поражен одним обстоятельством — это совершенно и абсолютно модульная архитектура! Модуль — диаметр колонны, его умножая и деля на целые числа, получаем все размеры здания! А потом мне пришлось разбирать тут сгоревшие полы — мальчишки проникли внутрь и разожгли костер...

— Что-нибудь интересное обнаружилось?

— Да! Помимо столпа престола я обнаружил в алтаре как бы фрагмент ступени из известняка... точнее сказать не могу, тогда я все засыпал, чтобы мальчишки не увидели... потом, мол, исследую. Да вот все не собрался.

— Зато теперь нам такая возможность предоставляется. И несколько слов о Львове, пожалуйста, я плохо знаком с его работами.

— С удовольствием. Николай Александрович — самоучка и в лучшем значении этого слова дилетант. Не поверите, но в свои восемнадцать лет он едва умел читать и писать — недоросль, одним словом. А в свои двадцать восемь он — один из образованнейших людей России, входящий в державинский кружок. Нам, собственно, особо интересен период его жизни с 1775 по 1785 годы, так вот, в 1776-77 годах он совершает длительную поездку в Европу вместе с Михаилом Соймоновым, тогда — министром недр Российской империи, как бы мы теперь сказали, и знаменитым поэтом и баснописцем Иваном Хемницером.

Какое-то, и немалое, время Львов живет в Риме, жадно ищет знакомств, что ему удавалось легко через масонские ложи — как всякий уважающий себя человек того времени, он масон. Здесь, в Риме, оформляется его архитектурное Credo, которому

он будет верен всю свою жизнь: «Во вкусе древних Пестомских храмов». Судя по всему, римские знакомства были не только художественные, во всяком случае, когда Государь Павел Петрович стал Гроссмейстером Ордена Иоаннитов, тоже называемого Мальтийским, он именно Львову поручил строительство резиденции Приора этого Ордена принца де Конде в Гатчине. А уж кто-кто, но Павел I прекрасно знал подноготную Ордена, и прекрасно понимал, кому можно доверять в таком деликатном деле...

— А был ли сам Николай Александрович посвящен в рыцари Ордена? Ведь тогда, подражая Императору, все стремились заполучить себе на грудь восьмиконечный крест...

— Тому прямых свидетельств нет. Но я уверен — он был рыцарем Ордена.

— Может, это его работа — наш медный раритет?

— Уверен, его положили раньше. У меня большие подозрения относительно Безбородки. Масон, рыцарь Ордена самого высокого посвящения, Канцлер Российской империи, умница и эстет. Вот этот мог бы...

— Ладно. Так что ж — копнем, благословясь?

— Но только не сегодня. Я должен быть дома, младшенькая моя заболела, температура, кашляет...

«Копнули» мы с Александром дня через три. В подполье алтаря, за престольным столпом действительно выявились ступени, грубо вытесанные из местного известняка, впрочем, радость наша была недолгой. Вскрылась огромная плита из того же известняка, и она была настолько массивна, что даже не шелохнулась, когда мы попытались ее приподнять. Стало очевидно, что нужна хорошая ватага мужиков с домкратами и блоками, чтобы ее осилить, а так поступить мы не могли, не имели права раззвонить на все село, что сумасшедший поп вместе с таким же директором музея нашли тайный ход, ведущий, вестимо, в сокровищницу. Что нам оставалось — плиту

расчистили, обнаружили вырубленную в ней литеру N, все зарисовали, сфотографировали и — аккуратно засыпали землей, как будто нас тут и не бывало.

Осмотр самого храма ничего не дал. Кровлю здесь меняли лет десять назад, но до этого протечки воды смогли обрушить большую часть штукатурки купола с росписью, изображавшую четырех евангелистов. Жалкий уцелевший фрагмент не давал представления о том, как все это было — в полноте, но колонны с капителями и их венчающий круговой карниз — основание купола — были в относительно хорошей сохранности. На алтарной стене чернело: ПАНКИ ХОЙ и синело: ЛЕНКА РУЛИТ. Все, как везде.

В пору наметившегося бабьего лета внезапно появился Архимед, да не один появился, а с командой молодых парней и двух девиц. Девушки были известного в таких командах типа — некрасивые, скрывающие свои комплексы за манерой поведения: «свой в доску парень», тайно печалующиеся о пропадающем без внимательных женских рук Архимеде и его близком приятеле Володе. Приезд Архимеда вовсе не был случайным, он явно желал разведать, что нам удалось найти, но поскольку Александр откровенно не желал делиться информацией, ему, в конце концов, пришлось поделиться своей.

Они, оказывается, намеревались штурмовать карстовый провал у старой дороги, который, как я уже говорил, пытались в свое время засыпать, в него были сброшены тонны всяческого хлама, так что ребятам по поводу их предстоящей работы можно было только посочувствовать. Но само по себе дело затевалось благое, пусть себе... а там посмотрим, что из этого выйдет.

К работе они приступили следующим утром, ночь проведя у костра близ Святой, спальники у них с собой были, да и ночи стояли теплые и спокойные. Над ямой провала установили треногу, подвесили к ней блок и начали копать, землю поднимая в ведрах и потом на тележке отвозя ее в отвал, подальше. Народ, однако, городской и к тяжелому труду непривычный, стал быстро выдыхаться, начальный энтузиазм

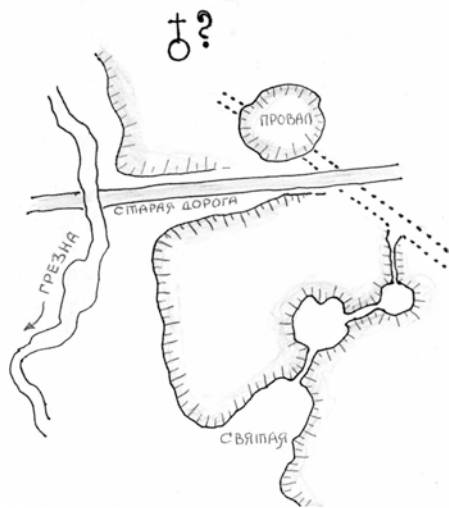
быстро сошел на нет. Пошумев, Архимед пошел на непланоные расходы, ящик пива и пакет охотничьих колбасок оказались неплохим стимулом к продолжению работ, так они продержались пару дней. А на третий в ближнем углу ямы обнаружился свод тоннеля, уходящего градусов на сорок южнее Святой. Понятно, темп работ резко возрос.

К середине дня вход оказался расчищен. Но войти в тоннель все равно было нельзя, он в половину своей высоты был засыпан песком и какими-то обломками досок и бревен, так по крайней мере несколько метров, дальше не было видно. Решив, что основная работа сделана, что в любом случае это — победа, команда решила основательно подкрепиться перед последним рывком, и, под одобрительные вопли, приняла предложение Архимеда пообедать как следует, в сельском придорожном ресторанчике.

Когда через полтора часа они вернулись, их встретил рухнувший вместе с частью старой дороги свод только что открытого тоннеля, даже пыль не успела осесть, а по краю обрушения еще змеились трещинки и шуршали мелкие осыпи. Все было кончено. Архимед даже не понял вначале, как ему фантастически повезло, что там, внизу, в тот момент никого не было. Он был в отчаянии, и все твердил про запретные зоны и опять про какую-то Печать. Тем же вечером вся команда, быстро собравшись, уехала в город.

Александр, присутствовавший при большей части произведенных работ (все же подведомственная ему территория, как ни крути), рассказал мне потом, что он успел заметить до обрушения свода — там, в глубине, на стене тоннеля он явственно различил вырезанную в песчанике литеру I.

Потом мы с ним нарисовали вот такую схему. Из нее явствует, что основной тоннельный ход начинался вовсе не из Святой, а из другого места. Может, он шел от древнего храма? И очевидно, что храм этот не мог стоять на дороге, значит, была обнаружена только одна часть тоннеля, вторая, его продолжающая, но пока не обнаруженная, ведет на северо-восток-восток. Там на земле есть подозрительные, очень старые,

заросшие деревьями углубления, которые вполне могут быть следами древних карстовых провалов. И там никто никогда не копал.

И вот тут до меня стало постепенно доходить, что, возможно, Архимед прав, и дело тут не в мистической чепухе, не в «белых спелеологах», а в том, что мы столкнулись с таким проявлением сакральной силы, понять и оценить которую мы просто не в состоянии, а всякие попытки вломиться туда силой обречены, да и смертельно опасны для дерзновенных. Поэтому нужно уметь вовремя остановиться и не лезть на рожон. Нам будет открыто ровно столько, сколько мы способны вместить, остальное для нас не полезно. Не искушай Господа твоего...

Исследования, тем не менее, нужно было продолжить уже хотя бы для того, чтобы выявить канву, абрис, границу тайны, за которую не нужно переступать, но до которой эти исследования и возможны, и дозволены некими Хранителями. Ведь ясно, что неспроста нас с Александром как бы поощряли на изыскания, и вот только что нам дали понять, где кончается дозволенное, и куда лезть не следует. Какова цель нашего «Допуска к секретным материалам», мы пока не знаем, но есть уверенность, что в свое время нам все объяснят.

Итак, четвертый храм, Рождества Пресвятыя Богородицы, 1885 года постройки, автор — синодальный архитектор Була-

нов. Он строился долго, потому что это была, так сказать, народная стройка, на крестьянские рубли и дворянские тысячи она осуществлялась, и она бы, пожалуй, еще и еще продолжалась, если б не Иван Васильевич Рукавишников, который своими большими деньгами помог храму стать тем, что он есть. За такую услугу позволено было Ивану Васильевичу, а также супруге его Ольге Николаевне лечь в фамильный склеп из белого итальянского мрамора внутри церковной ограды, что и совершилось в 1901 году, они умерли почти одновременно, от злой болезни, внезапно поразившей обоих.

Вообще среди жителей села ходили слухи о несправедном богатстве Рукавишниковых, но это были слухи, не более. Может быть, они специально распространялись в годы Советской власти, желавшей всех «бывших» видеть мерзавцами. Но та беспощадность, с какой судьба расправилась с этим родом, поневоле навела на мысль, что там нечисто. Девять детей родила Ивану Васильевичу его жена, но выжили из них только двое — сын и дочь. Кажется, есть кому наследовать имя и большие миллионы, да только это была издевка судьбы — сын вырос содомитом и, пустив по ветру огромные деньги, умер бездетным, дочь удачно вышла замуж за аристократа и красавца Набокова и родила ему пятерых детей, из них трое были мальчики, но лишь один из них, знаменитый писатель, продолжил род... увы, его единственный сын тоже умер бездетным, так что обе ветви оказались обрублены.

— Да уж. Отец Зиновий, а вам не приходило в голову такое соображение — в обиходной символике тау-крест означает тупик, и вот, все четыре линии нашего креста заканчиваются тупиком, именно концом чего-то. В самом деле, древний Никольский храм не только сам исчез, погиб, но тогда погиб и Господин Великий Новгород, его огромная самобытная культура погибла. Вторая линия заканчивается тупиком всего рода Романовых, не только царевича Алексея. Третья линия креста завершается крахом города, для которого создавался Вознесенский собор, а четвертая — гибелью рода Рукавишниковых и рода Набоковых,

во всяком случае, местной ветви. Не много ли смертей? Или этот знак отработывает свое, так сказать, символическое гробовое наполнение?

— Не заигрывайтесь, Александр. К символам нужно относиться уважительно. Не стоит все же забывать, что для всех нас крест — не только знак Благой Смерти, но и знак Воскресения из мертвых, то есть знак победы над смертью. И даже если согласиться с вашей версией — остаются еще четыре малых креста, обычных, раскрытых на мир и на будущее, и им надлежит расти! Мне лично кажется, что знак Ордена Гроба Господня с его четырьмя, как вы изволили выразиться, тупиковыми ветвями применен тут не случайно, он показывает нам со всей убедительностью, что все эти четыре ветви закрыты для вторжения извне, нам необходимо довольствоваться тем, что для нас открыто, именно теми четырьмя крестами малыми. Более чем достаточно.

— Может быть, и так. Пожалуй, что так. Но зачем тогда нам все это открыли, вернее, приоткрыли? Поманили, так сказать, а потом — стоп, дальше нельзя. Не совсем честно, откровенно говоря.

— Не знаю. Пока не знаю. Но уверен — нас не «в темную используют», все в свое время будет объяснено.

На церковном совете «десятки» решено было, пока у нас есть деньги, в промежутке между Успением Богородицы и Рождеством Ея — перестелить полы в наосе храма, потому как во многих местах старые доски истерты ногами прихожан настолько, что сучки торчат этакими волдырями, и старушки падают. Полы раскрыли, и у нас появилась уникальная возможность заглянуть в подполье, которое неожиданно оказалось очень мелким — не более метра. Грунт в нем, однако, был наносной, и стало ясно, что вначале пространство под полом было много большим, но потом его почему-то засыпали. Зачем?

Впрочем, я знал ответ. Если вскрыть грунт в алтарной апсиде, там наверняка обнаружится большая, неподъемно боль-

шая известняковая плита. Я даже знал, какой знак выбит на этой плите, и в какую сторону он повернут. И поэтому мы не стали там ничего трогать, я не разрешил.

— И что же вам открылось, батюшка? — нетерпеливо и не без лукавства вопрошал Александр, которому, похоже, все эти недомолвки и умалчивания надоели до крайности, и он решил штурмовать твердыню.

— Много чего. Прежде всего — знаки на кресте, литеры, буквы. Их четыре, три мы вскрыли, четвертую я додумал сам и уверен, что правильно. Это весьма распространенная в древности и средневековые форма обозначения имени Господа: Иисус Христос Ника Сотис то есть Победитель и Спаситель. Бытовала еще форма трехсложная — Иисус Христос Ника, двусложная — в тау-кресте альфа и омега (любимый, кстати, символ Франциска из Ассизи), даже пятибуквенная существовала — слово ИХТИС означало рыбу, но одновременно оно расшифровывалось как Иисус Христос Божий Сын Спаситель.

— Вот, кресты. Я возвращаюсь к некогда заданному мной вопросу — откуда есть пошел наш православный крест? Вы обещали ответить...

— Отвечаю. Дело в том, что все изображения креста, а их в мире сотни, все они есть абстрагированный образ креста, но не сам крест, не его подлинное изображение. Настоящие из них только четыре, как я уж говорил, — римский, гамма-крест, тау-крест и наш православный. Именно на них римляне распинали людей, и именно на таком православном был распят Господь наш Иисус Христос. Его видели тысячи людей, когда Император Константин и его мать Елена вздымали этот крест над толпой в день Крестовоздвижения. Нашу церковь на Западе не зря называют Ортодоксальной...

— Как я понимаю, все дело тут в нижней косой перекладине, поскольку две другие во многих крестах встречаются, в частности, в знаменитом кресте Жанны д'Арк, а эта — только у нас.

— Правильно понимаете. Именно эта перекладина, а точнее — кусок доски, болтающийся на одном гвозде, превращает ору-

дие смерти в орудие смертельной пытки. На кресте ведь умирают не от солнечного удара и не от потери крови, а от долгого, мучительного удушья — легкие отекают, и нужно приподняться на ногах, чтобы вдохнуть полной грудью, но когда ноги прибиты к такой болтающейся доске, гвозди рвут плоть, от невыносимой боли тело обвисает, опять удушье... и так до самой смерти.

— Что ж наши предки так кровожадны? Насколько я знаю, культ Крестных Страданий Христа присущ именно католикам, у нас в православии больше значит Его Воскресение...

— Дело не в, как вы изволили выразиться, кровожадности предков. В конце концов такую казнь придумали не они. Дело в идеологии, так сказать. А чтобы вам было понятна эта идеология, я расскажу старинную, средневековую легенду, столь же наивную, сколь и по существу верную.

Было это давно, в годину лютую и злую. Солнце высушило поля, и был голод на земле, и размножились разбойники и тати, и не было человеку спасения ни дома, ни на поле, ни в лесу. И тогда возроптал один человек из той земли, и стал он вопить гласом великим и обличать Господа Бога, говоря Ему: вот, Ты создал меня несовершенным, каков я и есть, и послал меня в мир жестокий, где лев рыкающий, и змей и василиск, где люди злы, а земля родит тернии и волчцы. И вот, я грешу пред Тобою, и Ты сурово наказываешь меня и обещаешь мне и после смерти мучения в аду.

Тебе хорошо, Ты Бог Всемогущий, но Ты не был в моей шкуре и не знаешь, как больно, когда умирают голодные дети, когда предают друзья и когда сильные мира сего терзают мое тело за то, что я не заплатил податей. И какое право Ты имеешь судить меня, Сам не испытав ничего этого? Выходит, Ты жесток и несправедлив!

Так вопил человек, и Бог внимал его воплю, и Бог признал правоту его. И тогда Бог послал в мир Своего Единородного сына, то есть Самого Себя, чтобы пройти на земле всю юдоль человеческую от пеленок и до смерти и испытать на себе и голод, и холод, и бездомность, и нищету, и предательство друзей, и злобную хулу, и побои, и издевательства, и жестокую казнь, что-

бы отныне и навсегда никто из живущих не мог сказать это: Ты Бог, Тебе хорошо! И чтобы никто из живущих не смог сказать, что мера его земных страданий превысила ту, что испытал Сам Господь в своей земной жизни...

Вот такая легенда, брат Александр. Ты понимаешь теперь, что и крестная смерть — а ее претерпели многие тысячи людей — даже сама крестная смерть Господа нашего должна была быть лютейшей из всех крестных смертей. Какова она и была. Так что крест был именно такой, и именно таким видели его люди тогда, в Крестовоздвижение, на Голгофе, где Константин и Елена воздымали и держали его пред народом.

— Что ж, вполне убедительно. Осталось ответить на главный вопрос — каков смысл всех этих тоннелей, крестов, заклятий и намерков. Зачем все это и какова цель этого всего? Не для нашего же развлечения все предпринято, в самом деле. Что все это, нами обнаруженное, значит?

— Я думаю, скоро мы получим ответ. Мне нужно связаться с одним человеком, надеюсь, он способен многое объяснить. Надо немного подождать.

Антракт был мною заявлен вот по какой причине. Еще в бытность мою аспирантом кафедры искусствоведения (из которого качества меня мягко, но решительно вытолкали, когда я заявил, что все литературные произведения, написанные в России до 1917 года, нужно рассматривать прежде всего с евангельской точки зрения) — так вот, тогда на кафедре оказался только один профессор, отнесшийся с уважением к моему мнению. Его звали Иван Дмитриевич Стрельников, он прекрасно знал древнерусскую литературу и весьма интересовался устным народным творчеством, легендами и преданиями в особенности. К нему я и решил обратиться за помощью.

После некоторого времени согласований, уточнений и коррекций была, наконец, назначена дата его приезда сюда, в село, к которой дате мы с Александром стали готовиться со всей тщательностью. Про-

грамма включала посещение музея, общее знакомство с селом и его древностями, ночлег, утром посещение храма и, наконец, обстоятельный разговор по существу в гостинной зале александрова дома, под рассеянно-внимательным хозяйским надзором Надежды Алексеевны.

— Тот раритет, который вы мне показали, — начал профессор, — интересен чрезвычайно, хотя я и не решусь утверждать его древнее происхождение. Мало того, простите мою несведущность, мне кажется, это вообще век восемнадцатый, не ранее. То есть отнести его к тому времени, о котором шла речь в письме (экивок в мою сторону) отца Зиновия, я никак не могу. Так что исследуйте исторический аспект сего предмета, пожалуйста, сами.

Что же касается смысла всего того, что вы тут нашли, то могу утверждать с уверенностью, превышающей девяносто процентов, что вы обнаружили не менее как один из четырех крестов, некогда «запечатывавших» Русь...

— Вот, профессор, пожалуйста, поподробнее об этом...

— Ну, видите ли, все, что я вам сейчас сообщу, есть следствие обработок легенд и преданий, никаких письменных свидетельств на этот счет пока не обнаружено. Поэтому можно относиться ко всему, как к версии... если угодно. Но то, что вы нашли, позволяет говорить более уверенно... я всегда считал, что факт «запечатывания» Руси — это реальность. Вы, впрочем, можете иметь на этот счет собственное мнение.

Итак, древнее Российское государство обретает свой расцвет в единстве в начале XI века, при Ярославе Мудром. Его любит Новгород, его чтит Киев, его, конунга Ярицлейва, уважает Скандинавия, он сын Равноапостольного князя Владимира, он сокрушитель Святополка Окаянного и автор «Русской правды». Но после его смерти начинается княжеская междоусобица, и только в княжение Владимира Всеволодовича, внука Ярослава, прозванного Мономахом, мир и единство в стране были восстановлены. Какие женщины его окружали! Владимир — внук Святой Ирины, принцессы Ингергерды, дочери Олафа Святого Шведского, он сын византийской

принцессы Марии, дочери Императора Константина Мономаха, и он женат на принцессе Гите, дочери последнего короля англосаксов Харальда, погибшего в битве при Гастингсе в 1066 году от меча Вильгельма Нормандского.

При Владимире была предпринята последняя попытка уберечь Русь от распада на мелкие княжества (что реально и произошло в начале тринадцатого столетия), и по наущению своей матери Марии Византийской Владимир предпринял сакральное, нет, скорее — мистическое действие «запечатывания» Руси в ее тогдашних границах. В основе этого действия лежал знак, который позже будет назван крестом Гроба Господня, а тогда он именовался Иерусалимским крестом и в те времена повсеместно считался имеющим великую сакральную силу. Иерусалим полагался центром мира, четыре малых креста обозначали Север, Юг, Запад и Восток, куда надлежало нести свет Христовой истины.

Что конкретно представляло собой это «запечатывание», мы не знаем, но ваши изыскания, — именно они, — возможно, помогут понять, что это было такое. И если мы посмотрим на карту тогдашней Руси (первая половина XII столетия), то увидим, что северо-западный угол приходится как раз на вашу местность, и поэтому одна из печатей легла сюда. Судя по всему, печати эти представляли собой комплекс подземных сооружений, повторявших в ми-

ниатюре основной Иерусалимский крест, «запечатывший» Русь. У вас вершинами этого креста стали четыре храма, в разные времена тут возникшие.

— Но как, каким образом, профессор, люди двенадцатого века могли знать, где окажутся храмы, которые будут построены только в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях? Не подгонка ли это фактов — под схему?

— Простите, Александр, но я не правомочен отвечать на такие вопросы. Тут, скорее, надлежит обратиться к отцу Зиновию, это его область.

— Я в той же мере не смогу ответить. Выбор места под храм, места для строительства храма — это всегда таинство, тут задействована сакральная интуиция, тут должен раздаться «звонок из ноосферы» — как любит выражаться один мой знакомый. В любом случае это акт в большой степени иррациональный. Из четырех наших храмов три возникли как бы сами по себе, выросли, словно грибы в лесу, выбор их местонахождения был интуитивный, то есть правильный по существу. Четвертый же храм, то есть третий по времени возникновения, именно Вознесенский собор, был помещен на свое место «вслепую» — столичным архитектором из команды Ивана Старова, и этот архитектор здесь, пожалуй, даже не побывал. Такое волевое решение сразу отразилось на судьбе храма, его просто преследовали несчастья, вплоть до пожара в середине девятнадцатого столетия, когда он едва не погиб. И сейчас — вы видели его состояние. Вообще, рождение храма на доселе пустом месте — всегда тайна, и тайна сия велика есть...

— Объяснили, батюшка, нечего сказать. Моя версия более рациональна. Я думаю, места для будущих храмов были обозначены тогда, когда совершалось само таинство «запечатывания», то есть в двенадцатом столетии. Что это было? Ну, мало ли что — часовенки, или поклонные кресты, или так называемые голбцы. К таким вещам средневековый человек относился трепетно, они могли сохраняться столетиями, подновляясь. Даже когда они исчезали, место это еще долгое время считалось святым.

— В самом деле, в церковных документах начала девятнадцатого столетия в селе числятся четыре часовни! А мы даже не знаем сегодня, где они стояли.

— Ну вот, господа исследователи, это может быть ответом на ваш же вопрос. Я еще хочу сказать, что расположение третьего, северо-западного креста именно здесь объясняется еще вашими грунтами — в песчанике подземные сооружения сохраняются веками, тогда как со всех сторон вас окружают сырые леса и болота, а там подобное строительство невозможно.

— Простите, профессор, это условие необходимое, но недостаточное. Должны были быть еще какие-то соображения у наших предков... Поймите, меня смущает именно этот Иерусалимский крест...

— Что ж, принимается. Ну вот, примите версию столь же фантастическую, сколь и вероятную. Скажем, живет здесь на покое, на «кормлении», какой-нибудь Васька Буслаев, новгородец, ходивший в свое время в Иерусалим и там слегка набедокуривший, но помнящий все зарочки, которые он давал в Святом городе — и которые, естественно, не выполнил. И вот узнает он, что князьки отроки ищут место для совершения таинства, и спешит раб Божий Василий навстречу князю убедить того, что лучшего места, чем у него в поместье, нет, не было и никогда не будет. Князь приезжает, видит всю вашу красоту и с радостью соглашается, и таинство совершается. Допустим, первый храм уже существовал, и он, как восточный, берется за отправную точку. Другие три точки Василий обозначивает, скажем, часовенками, и дает зарок потомкам своим свято беречь святыню. Те берегут и до сего дня. Нет ли, кстати, в вашем селе такой, или очень близкой, фамилии?

— Есть, профессор. Но это люди простые и наверняка ничего не знают.

— Но вы все же попытайте их. Порой не знаешь, где найдешь, где потеряешь...

Далее поговорили мы, как положено, на злобу дня, попивая «зелено вино» и рассуждая о том, много ли было бы пользы России, если бы она тогда, в двенадцатом веке, не рассыпалась на мелкие княжества, а стала бы, по новгородско-псковскому об-

разцу, единой и могучей республикой, и отразила бы нашествие Батия, и влилась бы европейскую семью народов на равных... и пришли к выводу, что, пожалуй, никакой особой пользы Отечеству с того не было бы, а вреда было бы, пожалуй, немало. С тем профессор Стрельников и отбыл в Город.

Теперь передо мной во весь рост встала самая, кажется, непростая задача — как убедить Александра, что нужно прекратить наши поиски и, главное, не делать попыток проникнуть в «святая святых» — в центр подземного креста. Поначалу, как и можно было ожидать, мои аргументы на него не действовали.

— Вы, батюшка, своим саном ограничены, и вполне резонно отказываетесь от дальнейших исследований. Но я вольный человек, а как историк и краевед просто обязан довести эти изыскания до конца. Представьте себе Шлимана, который нашел бы, наконец, Трою, но не стал бы ее раскапывать!

— А вы, Александр, представьте себе товарища Герасимова, стоящего над могилой Тамерлана 21 июня 1941 года и думающего — выпустить на волю Демона Великой войны или не выпускать?

— И вы уверены, отец Зиновий, что если бы Герасимов не вскрыл ту могилу, то и войны бы не было?

— Отвечу честно — не уверен. Но рисковать, зная легенду, я не стал бы.

— Но мы... я даже тронуть ничего там не трону, если проникну. Только посмотрю. Ну, там, сфотографирую, зарисую...

— Вот-вот. А напомним-ка мне, Александр, ту историю с игрушкой старого Монса, я что-то запамятовал...

— Ох, чую ловушку, но, ладно, расскажу.

У старика Монса, того, что торговал в Московском Кукуе, в Голландской слободе, вином «распивочно и на вынос», то есть оптом и в розницу, была красавица дочь, на которую положил глаз молодой Петр Алексеевич. Но Аннушка была не только красива, но и умна, чем выгодно отлича-

лась от тогдашних московских барышень. А еще у старого Монса была большая, редкая и дорогая заводная игрушка. Она представляла собой как бы красивую залу в богатом доме, слева там играл оркестр, а справа несколько пар танцевали менуэт, нужно было только завести игрушку специальным ключом.

Йохан Монс очень ценил эту свою вещь, она напоминала ему о родной Саксонии, где он родился и вырос. Но однажды он не удержался и продемонстрировал ее царю в действии. Оркестр играл, пары танцевали, Петр пришел в восторг и потребовал немедленно посмотреть, каков там механизм и, вообще, как там все устроено.

Монс был в отчаянии — царю не откажешь, но каковы последствия такого вторжения в механизм, он прекрасно понимал. Выручила Аннушка.

— Государь, — сказала она, — а я тоже умею играть и танцевать. Но если Вы решите посмотреть, каков у меня внутри механизм, то, боюсь, я уже никогда не смогу ни играть, ни танцевать.

Петр оценил находчивость девицы и оставил игрушку в покое.

— Вам ничего эта история не напоминает, Александр? Не нужно влезать сапогами в сакральные механизмы. Пусть тайна останется тайной. Я полностью доверяю вашей добропорядочности, но одно слово, одна публикация, и сюда хлынет толпа журналистов, авантюристов, просто любителей тайн, и от нашей милой малой родины с ее милыми малымя тайнами ничего не останется, все будет разорвано и распродано за пятаки... как оказались разорваны и распроданы святыни Византии крестоносцами четвертого Крестового похода 1204 года. Упаси нас Господь от такой славы...

— Но согласитесь, отец Зиновий — ведь для чего-то нас в эту тайну посвятили! Не для того ли, чтобы мы в нее проникли? Может, пришли сроки...

— Нет, уверен, что нет. Но у меня такое предчувствие, что мы скоро узнаем, почему и зачем была, так сказать, приоткрыта завеса...

Была зима, копать промерзшую землю все равно было невозможно, и Александр понемногу успокоился. А сразу после Рождества нас вызвали в сельсовет на «слушание по проекту строительства в селе гостиничного комплекса», как было сказано в повестке. Придя туда и всмотревшись в развешенные по стенам кабинета планы и схемы, мы ахнули — основной гостиничный корпус своим западным крылом ложился на ту ветку подземного креста, которая вела к Вознесенскому храму, или собору.

То есть неизбежные в таких случаях земляные работы — а в гостиничном корпусе планировались глубокие, мощные подвалы, благо грунты позволяли это, — должны были если не вскрыть, то в любом случае обрушить эту ветку подземного креста, а то и сам центр его. Вот так все и объяснилось.

Александр бросился объяснять собравшимся, что именно это место давно зарезервировано музеем под автостоянку для туристических автобусов, которые сейчас вынуждены стоять на обочине шоссе, что вообще это охранный зона памятника архитектуры и что он костями ляжет, но заставит отодвинуть гостиничный комплекс хотя бы на сотню метров восточнее.

Надобно сказать, — ему понадобилось немало времени и сил на то, чтобы убедить проектировщиков и заказчиков изменить проект, но все же своего он добился, комплекс сдвинули метров на восемьдесят, что было уже вполне безопасно для подземного тоннеля и вообще для всего нашего артефакта. После чего, естественно, у Александра сама мысль о проникновении внутрь сошла не нет и больше его не смущала.

Итак, атаку на Третий крест Великой Печати мы благополучно отбили. Радости с этого, впрочем, немного, потому как возник и теперь уже не отпускает проклятый вопрос — надолго ли?

Впрочем, никто, как Бог...

Февраль 2013 года. Выра.

Людмила Ковальчук

Когда у нас появился внук, наша жизнь приобрела новые краски. С ним очень интересно жить. Мы с нетерпением ожидаем его приезда, летом он живет у нас подолгу. И сколько бы мы ни наблюдали за внуком, мы не устаем удивляться. С ним жизнь как праздник. Это совершенно точно определяет его отношение к миру и людям.

Лето. Солнце. Мягкое тепло. Мы с Витюнькой сидим в саду. Сад у нас роскошный. Старые яблони с толстыми корявыми стволами. Невероятно изогнутые формы с множеством разветвлений, излучин, удобных, чтобы влезть мальчишке и сидеть на высоте никому не доступным. «Высоко сижу — далеко гляжу!». Сливовые деревья, растущие стихийно от косточек, где хотят и как. Каждые три-четыре года дают невероятные по количеству слив урожай, как и яблони, через каждые четыре года устилающие всю землю яблоками. Тогда мы водим в сад всех друзей и знакомых, чтобы они набрали яблок, сколько могут унести.

Милый запущенный сад с крапивой по углам и вдоль забора, малиной — желтой и красной. Сад Анюткиного, а теперь и Витюнькиного детства.

Мы валяемся на одеяле, постеленном на густой траве. Так славно полениться в такую замечательную теплую погоду. Белые бабочки-капустницы налетают парочками, садятся на мгновения на травку и тут же взлетают. Книга лежит раскрытой, разделенная очками. Ветер шевелит листьями, но не читается в этот теплый день. Облачка плывут высоко — высоко. Какие-то крохотные кузнечики выпрыгивают из травы к нам на одеяло. Изредка появится, откуда ни возьмись, порывистая стрекоза с прозрачными глазами. Застынет над нами в воздухе, как крошечный вертолет, — ладно уж, разглядывайте меня — и стрельнет в сторону. Красавица! Мелькнет мысль: Вот

бы поймать! А ее уже и след простыл. Замечательно лениво жить в такую жару на белом свете. И только Витюня не умеет лениться. У него море дел. Побывал уже во всех углах сада. Что-то там делал, чем-то шуршал. Посидел в засаде в середине густого куста черноплодки со стволами толщиной в руку. Но кабан не вышел. Пришлось губами громкими пулеметными очередями пострелять в воздух. Вышел из засады. Порубил деревянной саблей крапиву. Покачался на красном пластмассовом коне. Загнал kota на березу. Уста-а-ал. Пора полежать. Но не молча же! Теперь ему понадобился собеседник.

— Знаешь, баба, я все растения в нашем саду знаю: это одуванчик, это сныть, это мать-мачеха, это внедорожник.

Современное дитя! Да еще парень. Да еще тот парень, который полжизни уже провел на заднем сидении машины. Он там обедает, рисует, играет в различные игры, спит. Там у него специальная маленькая подушечка и одеялко. Изредка смотрит на проносящиеся мимо окна пейзажи. В общем, он едет и живет свою детскую жизнь. Естественно, слово «внедорожник» ему гораздо знакомее и даже роднее, чем «подорожник». Если наше поколение всю жизнь вспоминает «родимый дом», поет о нем и о траве у дома лирические песни, то нашему парню, видимо, надо петь о «родимой машине».

Проходит лето. Но мы-то знаем, что у природы нет плохой погоды. И в прекрасный дождливый осенний денек родители Витюни приносят домой корзинку замечательных грибов. Грибы раскладываются на столе, рассматриваются, и идут «охотничьи» рассказы о месте находки и лесных хитростях. Витя принимает активное участие в разборе. Выбирает самые красивые грибочки, нахваливает их. Обнаружив маленький грибок с темно-коричневой

бархатной шляпкой, кричит:

— Вот какой замечательный МЕХО-ВИК!

Про сыроежки мы предупредили давно, что это всего лишь формула речи. Но есть грибы сырыми не следует.

А лето идет своим чередом: теплое, изредка жаркое, дождливое, ветренное, пасмурное, солнечное — любое. Но всегда замечательное и очень длинное. Незаметно переходящее в осень.

Моей дочери

Сергей Яковлев-Славянов

Я люблю, как дочка играет
Увлеченно и самозабвенно,
И она для меня представляет
Величайшую тайну Вселенной.

Удивительной искрою малой
Жизнь из нашей любви воплотилась.
Все, что два существа составляло,
В нашей дочери соединилось.

Узнает. Улыбнулась. Смеется.
Мамой, папой уже называет.
Тянет ручки к нам девочка-солнце,
Нас весенним теплом согревая.

Возрастет наша дочь и для нас
Станет будущим благословенным,
И семью в свое время создаст,
Повторив еще, может, не раз
Величайшую тайну Вселенной!

ПИСЬМО В БЕСКОНЕЧНОСТЬ... (Исповедь жены ученого)

Людмила Колесникова

«За шепот и за крик,
За вечность и за миг.
За все тебя благодарю!»
Р. Рождественский

Уже почти год как нет тебя на этом Свете. Это был год раздумий и поиска сущности.

Я не чувствую себя одинокой — меня поддерживают мои друзья и близкие люди, и еще, я ощущаю, что ты незримый всегда рядом... и одновременно в бесконечности. Мы не можем говорить с тобой как прежде — так устроен этот мир, — но я верю, что простая почтовая бумага может быть посредником в нашем общении. Поэтому я пишу тебе письма на тот Свет, в далекое далеко, а, может быть, просто в глубины моей памяти. Мне обязательно нужно высказаться, потому что я привыкла разговаривать с тобой ежедневно. Я всегда знаю, что и как ты мне ответишь, и потому не считаю эти письма безответными.

Раньше я никогда не писала тебе писем, потому что за сорок лет нашей совместной жизни мы с тобой практически не расставались. Лишь однажды я получила от тебя коротенькую записку всего в одну строчку; я, кажется, ее не сохранила, но это неважно, — текст запомнился на всю жизнь. Вот он: «Я не прощаюсь, я буду бороться!»

Ты был мне опорой и примером, никогда не отступал перед трудностями, ты всегда боролся до конца. До последнего. И это придает мне силы сегодня.

Это было в молодости! Мы встретились удивительно...

Совершенно случайно я попала на работу в институт ядерной физики, где ты был уже признанным ученым и специалистом по ускорительной технике. Однажды вечером (все самое интересное происходит, как правило, вечером!) мой новый начальник решил познакомить меня со структурой

института и ее главными установками:

— Сейчас уже конец рабочего дня, но думаю, что еще есть кто-нибудь на ускорителе. Сейчас позвоню начальнику отдела.

Я слышала только одну сторону диалога — моего непосредственного начальника, а что говорил ему собеседник, невидимый мне начальник ускорительного отдела, я не слышала.

Начальник:

— Слушай, Коля, у нас появилась новая сотрудница. Сможешь сейчас принять? Расскажи ей популярно об ускорителе... Очень...

Это «Очень» в итоге и решило все дело и мою судьбу. Ответом «Очень» мой начальник отреагировал на обычный в таких случаях вопрос мужчины:

— А девушка симпатичная?

— Очень!

— Идите быстрее, — торопит меня мой начальник. — Вас сейчас примут, здание ускорителя находится рядом.

Я побежала смотреть что-то совершенно необыкновенное! После знаменитого фильма «Девять дней одного года», мы, девчонки, были влюблены в этих таинственных физиков!

Постучала, приоткрыла дверь: в огромном кабинете за массивным столом сидел

молодой мужчина с длинными светлыми, почти до плеч, волосами. На его переносице кособоко примостились тяжелые очки. Хозяин просторного кабинета снял очки и как-то беспомощно, но внимательно, близоруко посмотрел на меня. У него были серо-голубые, добрые глаза. «Как у котенка», — подумала я.

Мой новый знакомый подошел к черной школьной доске, что висела на стене его кабинета, взял кусочек мела и, словно учитель, начал мне объяснять, как устроен его ускоритель — синхроциклотрон.

— Что помните из школьной программы по физике? — я в ответ потупила взгляд, то, что меня будут экзаменовать, не входило в мои планы...

— Про нейтроны и протоны не позабыли? — я покачала головой.

— Так, хорошо, что помните элементарное, тогда слушайте: Представьте себе трубу, по которой с большой скоростью летят частицы — протоны. В этой трубе на всем ее протяжении стоят специальные устройства, которые носят название инжекторы, они каждый раз подталкивают, придают ускорение пролетающему протону. Так работают ускорители, которые носят название линейные ускорители».

Я:

— А где такие ускорители находятся? А труба эта длинная?

Он:

— Очень длинная.

Я:

— А что, если эту трубу взять, да и свернуть примерно так, как свернута спираль на электроплите. Пусть эти протончики там мотаются по замкнутому пространству? — вдруг выпалила я.

Он:

— А вы еще и умная! Именно по такому принципу работает наш ускоритель, он носит название — синхроциклотрон.

Потом мы пошли в главный зал ускорителя, осмотрели его самый впечатляющий элемент — магнит, который весит восемь тыс. тонн, примерно столько же, сколько весит Эйфелева башня!

Мое профессиональное журналистское любопытство заставляло спрашивать у физика все новые и новые подробности

из жизни и деятельности этой уникальной установки. Не удержалась я и от вопроса о радиационной обстановке в институте и, конкретно, здесь, в здании ускорителя. Мой новый знакомый усмехнулся, вынул маленький дозиметр, поставил передо мной на стол и сказал:

— Слушайте, прибор будет регистрировать радиоактивные частицы, которые прилетают к нам из космоса. Ведь мы постоянно живем в зоне радиоактивного фона Земли! Это считается нормой (маленький дозиметр издавал короткий сигнал примерно через каждую минуту) и это означает, что космическая частица прилетела к нам из космоса и попала в поле измерения прибором!

— А какие это частицы? Мы их не видим?

— Не видим. Эти космические частицы проходят через толщу атмосферы, доходят до поверхности Земли, долетели до нас, попались в поле зрения нашего прибора, только после сигнала мы с Вами узнали, что космическая частица посетила нас!

Я слушала, затаив дыхание: так близко с удивительными секретами физики я еще никогда не соприкасалась! Мне было интересно, я была уже счастлива, что судьба меня свела с настоящим физиком, который так просто и доходчиво рассказал мне о сложных физических явлениях, кроме того, он меня еще и похвалил, когда я выдала свое «рацпредложение» относительно изменения формы трубы! Это озарение можно было сравнить, разве что с приходом удачной рифмы поэту, с магией творчества, с воображением того, как космические частицы, миная все преграды, льются на нашу голову из космоса!

В общем, я была довольна первой встречей с физиком, особенно после того, как мы выпили по кружке крепкого чая с сухариками; закончился наш вечер мятными пряниками и чашкой черного кофе. Время шло, я начала волноваться, поглядывать то на темное окно кабинета, то на часы.

— Не переживайте. Я провожу Вас, пешком мы дойдем быстро, пойдем коротким путем через Орлову рощу.

Только мы вышли из здания синхроциклотрона, миновали площадку института,

как начал накрапывать мелкий, но все еще теплый дождь. Мы спрятались под крону раскидистого зеленого куста, решили немного переждать непогоду. Осенний дождик то утихал, то начинал барабанить с новой силой по зеленой листе персидской пахучей сирени, под кроной которой мы нашли себе убежище от дождя.

Стало ясно, что нужно двигаться быстрее к дому.

— Вот и моя улица. Вы совершенно промокли, — сказала я моему провожатому.

— Ничего, у меня костюм из синтетической ткани, он быстро высохнет. Я живу здесь, в городе, в общежитии, переодеться мне все равно не во что, так что не беспокойтесь, я привычный.

— А где Ваша семья?

— В Ленинграде.

— Вы женаты?

— Да, но мы живем с женой как дальние родственники.

— Так все женатики говорят!

— Я не все! Я говорю Вам правду. Вообще я врать не умею! Я провожу Вас домой, мы поговорим, Вы меня лучше узнаете, тогда у Вас не будет возникать дурацких сомнений!

Ко мне домой на четвертый этаж мы поднялись в семь часов вечера. Мы сели на кухне и начались откровенные разговоры. Ощущение полной доверительности не покидало меня весь вечер. Я рассказала моему новому знакомому про всю свою жизнь: о рождении дочери от любимого человека, о трудностях быта на новом месте (я приехала в этот зеленый город всего пару лет назад). Он тоже отвечал мне откровением на откровение. Так, изливая друг другу души, мы просидели до самого утра. Примерно в пять утра я начала чистить картошку и поджаривать ее на сковородке. Простой завтрак был кстати. А утром, в восемь часов, я должна была отправляться с сотрудниками в колхоз на уборку картофеля. Эту обязательку советского времени!

Как в тумане я ползала по картофельной борозде, раз от разу ныряя в нее тяжелой от бессонной ночи головой! Я плохо помню ту поездку, зато наша исповедальная ночь определила все наши дальнейшие от-

ношения! Наша близость наступила значительно позже, она была неизбежна, потому что у нас была эта первая исповедальная ночь!

Снова и снова я прокручиваю в памяти первые дни нашей совместной жизни.

— Ты помнишь, что я не хотела этих тайных отношений, ты помнишь, как я однажды указала тебе на дверь?

В ответ ты мне написал эту краткую записку: «Я не прощаюсь, я буду бороться!»

Ты поселился под крышей моего дома, ты стал практически отцом моему ребенку, тебя хватало на двоих: ты срывался в любое время суток и мчался к своей дочке, если она хотела тебя видеть или получить от тебя помощь! Мы вместе пережили многое: заседание парткома, где нас с тобой с пристрастием разбирали, наградив строгим выговором за аморалку. Но ты смеялся над ними, ты говорил, что гордишься тем, что «пострадал» за любовь! Ты призывал меня гордо ходить с высоко поднятой головой, а потом подарил мне свои незамысловатые, но искренние стихи: «Нас с тобой на парткоме венчали, а Ильич грозно хмурил там бровь. Там партийные речи звучали про подпольную нашу любовь!»

Как я гордилась твоими успехами! Помнишь, как ты принес целую стопку бумажных листов, исписанных твоим четким и твердым почерком? Ты сказал, что эту докторскую диссертацию ты посвящаешь мне! Но главное — твоё откровенное признание, что научные результаты ученых напрямую зависят от успехов в любви. «Поэтому, — сказал ты, — в этой докторской есть твоя половина!»

Потом незабываемый день блестящей защиты. Я была рядом с тобой, я разделяла это ощущение триумфа, бурные поздравления коллег, потом наступила усталость и, наконец, радость от заслуженного успеха.

Потом мы отмечали твой юбилей, когда тебя поздравить пришли все твои друзья и сотрудники. Потом покатило стремительно время, потом наступила горькая старость, потом пришла тяжелая болезнь, ты начал бороться за меня. Ты сказал мне важную фразу: «Возьмемся за руки и вместе пойдем к звездам». Ты ушел к звездам

первым, но хотел, чтобы мы пошли вместе! А я ответила, что еще не готова к этому трудному пути, но я приду к тебе, любимый, я все равно в свое время найду тебя на этом заоблачном пути! Прости меня! Я буду кричать во Вселенной твое самое лучшее имя. Я знаю, ты вернешься ко мне, ты будешь бороться изо всех сил, чтобы мы опять оказались вместе! До встречи, мой родной!

Я скажу тебе правду: сорока лет, что мы были вместе, оказалось так мало для ощущения бесконечного счастья! Нужна бесконечная вечность, чтобы насытиться истинным человеческим бытием!

Спасибо, любимый, что ты оставил мне самое дорогое богатство — память сердца!

Я, как и прежде, сообщаю тебе о последних научных новостях: твои лучшие идеи и проекты и сегодня работают, твои благодарные талантливые коллеги неплохо про-

должают дело, которое ты им передал из рук в руки. Только теперь оно носит новое название — мега-проект!

Вот и отчиталась я перед тобой, мой дорогой, за минувший год, что мы прожили без тебя. Еще я расскажу тебе, любимый, как долгими северными ночами я вспоминаю наши поездки на чудесное Чудское озеро. А вот и лес! Мысленно я хожу по тенистым тропинкам, где меня ожидает роскошный боровик, а то сижу в лодке — ты размеренно и сильно гребешь по коричневой глади лесной речки, я то и дело бросаю в воду блесну и кричу от восторга, что очередная шучка попала на мою приманку! Ты тоже счастлив, нас ожидает чудесный ужин с жареной рыбой. Помнишь, как вместе мы проводили наш отпуск? А теперь я коротаю в воспоминаниях долгие бессонные ночи. До свидания, любимый!

Твоя Люся.

От дождя

Евгений Докучаев

Мы уже соприкоснулись...
это было много раньше...
в рукавах знакомых улиц,
пальцы прятать от дождя...
А лицо намного тоньше...
и оно бывает горше...
и оно бывает ближе
для дождинок бытия...
Я с тобою верил молча -
в этот вечер - переулочок...
мы бежали, как дышали,
взглядом сумерки прорвав...
А лицо, оно - Любило -
эти брызги, эти очи...
и слезинки этой ночи,
что упали на рукав...

Татьяна Родина

Жило-было Дерево на пляже у Моря. Оно чувствовало себя одиноким, потому что рядом не было других деревьев, с которыми можно было бы поговорить и поделиться чем-нибудь.

Вокруг Дерева еще жили: Морские Волны, Высокие Горы, Вольный Ветер и Бескрайнее Небо. Дерево решило, что не может с ними разговаривать, потому что не знает их языка, и оставалось молчаливо.

Шло время, и оно наблюдало, как подружки волны играют, общаются и пляшут друг с другом. Они были так тесно связаны, что их было не отличить между собой. Волны танцевали разные танцы: от быстрых и бурных, до спокойного вальса под Луной. Дереву хотелось поговорить с ними, но оно не знало морского языка.

Наше одинокое Деревце постоянно окутывал Ветер. Он тоже шептал по-своему. Ветер умел летать и мог добраться куда угодно в этом мире, даже на Небо. Случалось, он увлекал кого-нибудь с собой в путешествие. Вместе с ним иногда прилетали Тучки, и тогда Дерево купалось под свежими струями Дождя после дневного зноя.

А по ночам легкий Ветерок гулял по пещерам в Горах, и тогда можно было услышать язык Гор. Дерево знало, что Горы обычно молчаливы и разговаривают очень редко. В такое время они гудят и делятся своими горными, глубокими секретами. Пещеры выдыхали из Гор гуляющий по ним Ветер, и таким образом они рассказывали друг другу все, что знают о Звездах и Луне. Для них Небо было — бескрайним, загадочным и непостижимым, поэтому оно так сильно их манило. Горы многое знали о Земле, но Небо — совсем другое дело, оно дальше и шире Земли. Его загадку они пытаются постичь столько времени — сколько себя помнят.

Когда наступает ночь — на Небе появ-

ляются: бесконечное море Звезд и Луна. Дерево любит их, но не догадывается, что Звезды знают все о Земле и о тоске Дерева тоже. Луна — ближайшая подруга Звезд. Второй Луны в мире больше нет, но она не чувствует себя одинокой, как Деревце. Мудрая Луна родилась задолго до появления Дерева на свет. Все это время она не только светила Земле в ночи и водила хоровод со Звездами, но так же узнавала самые нужные для жизни тайны. Поэтому Луна знает, что есть язык, на котором умеют общаться все. Дерево тоже говорит на нем, но, к сожалению, не догадывается об этом и поэтому чувствует себя одиноким. Звезды, как и Луна — многое знают. Они все вместе смотрят сверху и радуются жизни на Земле. Но в то же самое время, Деревце смотрит на них снизу и грустно мечтает.

Однажды, в один прекрасный день, Деревце проснулось и поняло, что влюблено в Луну. Оно окрылилось и почувствовало себя бесконечно счастливым. Дерево с нетерпением и трепетом стало ожидать наступления ночи. Оно позабыло про свою тоску, как будто ее и не было. Ему захотелось сорвать где-нибудь прекрасный цветок и добросить до Луны в Небо, когда наступит ночь. Иногда оно мечтало, чтобы Ветер поднял его вверх и донес до любимой. А если бы на Море поднялся шторм, Деревце бы защитило ее, окутав своими ветвями. Оно было уверено, что Волны поднимаясь ввысь во время урагана, могут причинить Луне вред.

Пришло время, и они встретились. Луна посмотрела на Дерево и поняла все без слов. Она почувствовала, как Деревце засветилось теплом и счастьем, увидев ее. Оно и догадаться не могло — как много подарило Луне. Ведь так заведено, что у всех есть своя мечта. А Луна очень хотела ощутить хоть раз в жизни — что дает

Солнышко всем на Земле, когда наступает день. Обычно Солнце и Луна никогда не встречаются друг с другом, потому что: одно светит днем, а другая - ночью. Луна знала о Солнышке лишь то, что ей рассказывали веселые подруги Звезды, которые тоже узнали о нем понаслышке от Морских Волн и Быстрых Ветров. Но в эту сказочную ночь она почувствовала, как Деревце подарило ей любовь, радость и тепло – все то, что, по словам подруг, отдает Солнце на Землю днем. Луна прониклась нежностью к Деревцу. Они проговорили всю ночь и не заметили приближения утра. Попрощались не надолго – лишь на день, чтобы следующей ночью встретиться вновь.

Эта история случилась давно, и многое изменилось с тех пор. Но даже сейчас, если дожждаться ночи и долго смотреть на Луну, можно услышать их таинственный разговор без слов – о том, как Деревце и Луна любят и согревают друг друга.

Наше Дерево сейчас повзрослело: стало

высоким, могучим и красивым. Его зеленая грива из листьев сверкает на Солнышке и резвится на Ветру, радуя всех вокруг. Но самое главное, что Деревце больше никогда не грустило, даже прощаясь с Луной при наступлении утра. Оно научилось общаться со всем, что его окружало - и днем, и ночью. Потому что с тех пор сердце Дерева было для всего вокруг открыто, а этого оказалось достаточно, чтобы не чувствовать больше одиночества и тоски без других деревьев по близости. Оно научилось тому древнему «языку без слов». Дерево и по сей день узнает много нового, разговаривая с окружающим миром и возлюбленной Луной. А те, кто общаются с Деревцем, учатся в свою очередь у него. Так они и живут.

А когда я бываю на том пляже, то мы с Деревом подолгу говорим обо всем, секретничаем, и оно всегда передает привет для всех Вас.

2003 год.

Маргарита Карташѳва

Верь в себя!
И все получится.
Разлетятся стаи туч.
В сумраке недолго мучиться -
Выглянет надежды луч!

Верь в себя!
Все образуется!
Успокоится гроза,
Все устроится и сбудется!
Высохнет беды слеза.

Верь в себя!
Все перемелется!
Невезение уйдет.

Неудача счастьем сменится,
Твой успех тебя найдет.

Верь в себя!
Мечта засветится
Самой яркою звездой.
И любовь большая встретится
И останется с тобой.

Верь в себя!
И все получится.
Только очень-очень верь!
Радость—добрая попутчица
Постучится в твою дверь!

≡ ПРЕДИСЛОВИЕ К ДАЛЕКОЙ КНИГЕ, ≡ ИЛИ В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Артур Аршакуни

А ведь действительно далекой! Америка — о, ужас! Но два обстоятельства не дают автору впасть в смущение. Во-первых, приходит на ум Станислав Лем со своими рецензиями к несуществующим и никогда не издававшимся книгам — художественный прием, вполне оправданный, тем более в фантастике. Так что предисловие к реально существующей книге (Артур Аршакуни. Память воды. Апокриф нашего времени. Кн. 1 и 2. L & L Publishing, 2013), отдаленной только большим расстоянием, — грех по сравнению с этим небольшой. Уместно это еще и по родственности жанров фантастики и «альтернативной истории». (Напомню: это когда читателю предлагается сыграть в игру «Представим, что тогда-то и там-то все происходило не так, как написано в учебнике, а по-другому»).

Во-вторых, господа, глобализация! Темп сегодняшней жизни позволяет деловому человеку позавтракать в Нью-Йорке, ланч провести в Париже и успеть к ужину в Москве, — и снова на самолет, чтобы позавтракать в Токио. Никого не удивляют мировые премьеры — кинофильмов, мод, автомобилей или гаджетов. Так что вот это предисловие местного, гатчинского, разлива к книге разлива далекого, заатлантического, — в том же культурологическом ряду.

С другой стороны, автор никогда не был сторонником предисловий. Ибо считает, что рамки самого произведения вполне позволяют высказаться от аза до фиты. А дальше читатель либо принимает сказанное, либо отвергает. И всякие там предисловия послесловия всегда немного нечестны, — если, конечно, они не встроены в художественную конструкцию произведения.

Это, опять-таки, решать читателю.

При одном условии.

Автор чуть выше использовал слово «конструкция» — строительный, инженерный термин. Любую конструкцию можно создать только в неких умозрительных координатах. Координаты, в которых можно возводить художественные конструкции, являются двумерными, где одна ось, скажем, абсцисс, — это мера нравственности (Добро), а другая, скажем, ординат, — это мера эстетическая (Красота). А в точке их пересечения, — нуль, как учили в школе.

На этом поле (от нуля до бесконечного идеала Добра и Красоты) действуют положительные персонажи, которые отличаются друг от друга только степенью положительности. Так у Гомера: если герой, то, как правило, «бранчливый», если муж — то обязательно «многомощный», а если луна — то непременно «сребролукая»... А уж если два героя вступают в сражение друг с другом, то разница между ними в том, что один — «багряноликий», а другой — «солнцеликий». Таков весь сентиментализм, персонажи которого обитают в идеальном мире, где у героини никогда не болят зубы и не слезает кожа с обгоревшего на солнце носа, а у героя не бурчит в животе и не стреляет в ухе. Так создавались клоны литературы соцреализма, где движущей силой сюжета являлась борьба хорошего с прекрасным, а прекрасного — с изумительным.

Но нельзя всю жизнь играть в мягкие плюшевые игрушки или питаться одними пирожными. И писателям, и читателям было понятно, что реальная жизнь сложнее нарисованной идиллии. В приведенном нами графике это означает, что всех интересовала запретная и от того еще более манящая область, лежащая за нулем. Что

там? Страшно? Нельзя? Но ведь очень хочется! Когда-то людей пишущих и читающих чрезвычайно долго — столетие! — занимал вопрос, до каких пределов в своем творчестве может дойти художник. И если у него на глазах умирает, к примеру, любимая (варианты — мать, друг, ребенок), а он потом добросовестно и фотографически точно это изображает в своей картине (книге), то кто он после этого — гений или изверг рода человеческого? Каждый шаг на неизведанную территорию — это событие. «Мемуары палача», «Дневник женщины для утех», «Жизнь Ваньки Каина»... По сути дела, вся история литературы — это хождение по terra incognita, с отрицательными значениями Добра (то есть, Зла) и Красоты (то есть, Безобразия). Хождение это — впотьмах и наощупь, без карты и опознавательных знаков на местности. Мало того. Это еще и шлагбаумы всяческих табу, запретов и стереотипов. И танковые ежи архетипов.

Которые можно и нужно учиться преодолевать.

Не нуждается в доказательствах утверждение, что в разные эпохи критерии (этагоны) Красоты и Добра были различными. Соответственно, сетка координат наша имела разный масштаб и разный размер. Скажем коротко: нравственно-эстетическая парадигма всегда исторична.

Так. Отлично. А что все-таки предисловие?

Повторим еще раз. Если предисловие отвечает на вопрос: «О чем книга?» — захлопните ее и забросьте как можно дальше.

Хорошо. Тогда: для чего эта книга?

Для освобождения от догм.

Вот мы и подошли к главному.

Мы проживаем второе десятилетие двадцать первого века.

Какова сейчас эта самая нравственно-эстетическая парадигма?

Она, наверное, должна быть о-го-го какая! Все-таки — двадцать первый век, это вам не темнота до нашей эры и не какое-нибудь мрачное Средневековье. Так что — лучезарная и светлая. И гуманная, это уж всенепременно.

Но вот: примеры, взятые, что называется, «за окном», из гуши сегодняшней жиз-

ни. Больше половины населения страны за вынесение самых жестких приговоров участницам Pussy Riot. Еще пример: помните очередь к поясу Богородицы в храме Христа-Спасителя? А помните вторую очередь, «левую», куда допускали по особому разрешению только «более достойных»? Пообщаться с Богом — по блату? Сразу вспоминается Оруэлл с его бессмертным «все животные равны, но некоторые — равнее».

Значит, господа, что-то здесь совсем не о-го-го и требует разбирательства.

Отступим немного назад, в век двадцатый.

И там мы натываемся на умницу Довлатова, который был поражен, узнав, что в наших архивах хранится несколько миллионов (!!!) доносов, написанных гражданами шестой части суши друг на друга. Подчеркиваю это: не доблестными чекистами. Не коварными шпионами. Не бесящимися с жиру капиталистами в цилиндрах и сигарой во рту. Не неразумными доисторическими антиподами, а нашими современниками и нашими же соотечественниками. Друг на друга.

Откуда это?

«Я, конечно, Пастернака не читал, но я осуждаю...»

Откуда это?

Вопреки распространенному мнению о том, что, дескать, научно-технический прогресс предшествует прогрессу гуманитарному (но то, что и здесь, и там — прогресс, никто не сомневается), автор считает, что двадцатый век, «век-волкодав», прыгнул на плечи человечеству разом и одновременно во всем.

Тогда же, когда в России начиналась первая революция, скромный работник патентного бюро в Берне опубликовал научный труд под названием «К электродинамике движущихся тел». Фамилия работника была Эйнштейн. А труд его потом стали называть теорией относительности.

Между двумя революциями Резерфордом была открыта структура атома. Ученник его, Пьер Кюри, умер от никому неведомой болезни, работая с солями радия. Это была первая в истории человечества смерть от лучевой болезни. Вдова его, Ма-

рия Скловская-Кюри, едва вернувшись с похорон, лихорадочно продолжила работы покойного мужа. Надо было спешить, потому что все понимали, что таят в себе крупинки соли, засвечивающие фотопластинку сквозь несколько слоев непрозрачной бумаги.

Ящик Пандоры был распахнут настужь.

Революция отменила классы и старый мир. Физика отменила эфир и старую материю.

Революция оправдывала насилие во имя будущего изобилия счастья. Физика оправдывала насилие над ядром во имя будущего изобилия энергии.

Революция породила бомбистов-террористов, расстрел венценосной семьи и ГУЛАГ. Физика породила Хиросиму, атолл Бикини и Чернобыль.

А ведь в это же время, время революций, Фрейд уже потряс мир комплексами и фобиями, таящимися в каждом человеке.

А ведь в это же время в научный обиход стремительно вошло коротенькое слово «ген», с которым стали обретать реальность кошмарные полулюди-полузвери, порождение мрачных фантазий Герберта Уэллса в его «Острове доктора Моро».

Мир, привычный и упорядоченный мир, мир добрых бабушек и дедушек, любящих и законопослушных родителей и послушных, и очаровательных детишек, таял на глазах.

Рушились империи. Летели в пыль троны и алтари, колыбели и гробы. Исчезала на глазах материя. Из неимоверно малого атома вырывалась невиданная доселе энергия. Душа человеческая оказалась клеткой со рвущимися на волю чудовищами. Тело его тоже расплзлось на неведомые никому кирпичики, которые с большей или меньшей вероятностью определяли его предрасположенность к болезням, цвет глаз и ставили крест на карьере, безжалостно обнаруживая в предках согрешившую с «неполноценным» или «цветным» прапрабабку. Одни люди деловито отправляли других людей в газовые печи только потому, что тех угораздило родиться не той национальности. В другой стране с такой же деловитостью одни люди запихивали в вагоны-теплушки и грузовики других лю-

дей и увозили в вечную мерзлоту — с клеймом «врагов народа».

Это все — двадцатый век.

Апофеозом всего этого для эстетов стал «Черный квадрат на белом фоне» Малевича — и «Призрак гражданской войны» Дали. А для всех остальных, не-эстетов, правилом жизни стало: чувствовать одно, думать другое, говорить третье и подразумевать при этом четвертое.

И еще: не высывайся.

И еще: меньше знаешь, крепче спишь.

И еще: умри ты сегодня, а я — завтра.

Это тоже — двадцатый век.

Мы все, и вы, и я, — оттуда.

Кто-то тут рассуждает о морали и красоте? Что при этом думая, а что — подразумевая?

Искусство подняло вверх лапки и запрсило пощады. Искусство умерло.

Мораль умерла.

Координаты, которые мы так тщательно вырисовывали в разных эпохах, попросту взорваны.

О каких парадигмах можно рассуждать, посмотрев фотографию молодых безусых юнцов в форме гитлеровской армии, позирующих на фоне штабелей трупов в Освенциме?

Или фото таких же молодых «красных кхмеров» — на фоне пирамиды из отрубленных человеческих голов?

Где там художник, наблюдающий свою умирающую любимую? Ау!

Он, наверное, как композитор Комитас, переживший геноцид 1914 года. Переживший телом, но не разумом.

Потому что Комитас сошел с ума.

Что же получается? Почему оказались несовместимы реалии века и нравственность? Почему так называемые Вечные Ценности, о которых с придыханием любят поговорить с высоких трибун, при циничном на них нажмем рассыпались как картонный домик? Нет, хуже: карты эти, на которых написано «Вечные Ценности», — в руках циничных шулеров, замусленные от частого употребления.

Значит, не такие уж они вечные?

Главный урок прошедшего столетия заключается в том, что ничто, хоть как-то относящееся к деятельности двуногих, нельзя

принимать на веру, в какую бы красивую обертку это ни было упаковано. Можно – восход солнца. Росу на траве. Гудение шмеля над цветком. Журчание ручья по камушкам.

Помните формулу Достоевского: «Если Бога нет, то все дозволено»? Как вам кажется, она верна?

Тогда верно и обратное утверждение: «Если все дозволено, то Бога нет».

Не умер. Просто – нет и все.

Ушел.

Только в лагерной пыли – следы босых ног. Прямо по масляно поблескивающим отстрелянным гильзам.

Разумеется, и мораль не умерла, и ис-

кусство, слава Аполлону и его музам, живо.

Двадцать первому веку еще предстоит выработать свою, отличную от прошедших эпох, парадигму Добра и Зла, Красоты и Уродства. А нам с вами – избавляться по капле от догм и стереотипов, возвращая в себе свободно мыслящего человека.

В нем, в двадцатом, был еще один умница, Станислав Ежи Лец, сказавший как-то: «В каждом веке есть свое средневековье».

Двадцать первому веку еще предстоит пережить свое средневековье.

Так же, как и следом – свое Возрождение.

Нежность к бабочке

Ковальчук Людмила

Посвящается В.

Бессонной ночи торжество и скука
Таинственнее и сильнее дня.

А ты летишь, не замечая стука
сердечного,

Любовного огня.

Дневная суета и проза,
вся докука,

Мгновенно приземлят меня.

Но как бы мир ни растекался

По дням,
часам,

секундам мига,

Со мною навсегда остался

На много лет
закрытой книгой.

Лишь ты один - моя удача,

Усталый путник и мечта,

Длиной от смеха и до плача.

И на излете красота.

Но если б вдруг открылась тайна

Существованья,
бытия,

Читать не стала б до конца я
Ту книгу мудростей.

Тая

И теша мир догадок,
непониманья и полета.

Мир сложностей тяжел,
но сладок.

А простота - удел кого-то,
Кто бабочку, накрыв ладонью,

Легко и нежно приземлит.
Но мне тепло в твоём загоне,
А мир меж пальцами открыт.

И мне достаточно пространства,
Хочу я только постоянства.

А в тишине бессонной ночи,
От нежности заснуть не в силах.
К тебе, душа моя, хлопочет
От первой встречи до могилы
Забота с первым птичьим пеньем.
И жизнь
вся - как одно мгновенье.

Александр Якимчук

День не задался. Хмурое небо жило своей жизнью, а копошащиеся люди куда-то торопились, бежали, раздражались от равнодушия общественного транспорта, явно не желавшего разделять радость совместной победы над мокрыми улицами и глубокими лужами. Транспорт вроде ждал, когда ручейки прохожих завершат посадку и с явным облегчением усядутся на затертые и местами порванные сиденья, но этот обман раскрылся уже через минуту — резкий рывок и непроизвольное падение счастливцев в сиденья, а несчастливцев — мимо, прекращал процесс формирования удовлетворенных лиц и, движимые единым порывом — возмущением люди, срываясь на крик, уточняли у водителя — куда он (водитель) летит, что он (водитель) везет, и не кирпичи ли это, и если это — они (кирпичи), то почему в троллейбусе. Наиболее продвинутые в летном деле, к ним относился и я, давали совет «выпустить закрылки», но он (водитель) никого не слушал, заученным движением срывал свой электромобиль с места и летел. Так как движение троллейбуса в целом происходило в нужном направлении, импульсивное его перемещение между остановками, резкое начало и не менее неожиданная остановка не вызывала у меня возмущения — наоборот, я с интересом наблюдал за пляшущей толпой пассажиров. Я, молодой и, как мне казалось, привлекательный нагло-наивный тип, следовавший в очередной отпуск на историческую родину через город Ровно по воинским перевозочным документам, был обязан подтвердить отметкой в отпускном билете факт проезда через ст. Ровно. Отметку должен был ставить военный комендант в военной комендатуре. От железнодорожного вокзала ст. Ровно до комендатуры и пролегал тот троллейбусный маршрут, в котором ехал я. ...Рывок, набор скорости,

быстрая езда, резкая остановка, минута и ... рывок, набор скорости, быстрая езда... и так примерно остановок 8-9. Возмущенные пассажиры создавали в салоне троллейбуса гул возмущенного роя пчел, который временами превосходил звук набирающих обороты электродвигателей троллейбуса. Глазами пассажиры искали участливых попутчиков и пытались прочитать на их лицах солидарное возмущение водителем. Получалось не у всех — находивший отклик видел участие возмущенного коллеги в общем акте обструкции: кивание головой, качание ею в стороны беззвучно: ну бл.. во дает! — Не находивший видел полное равнодушие соседа, его занятость, какими-то своими проблемами, безучастие к окружающему действию — это убивало протестный дух на корню! И множило возмущение трибунов.

И вдруг, когда очередная цунами грозила смыть водителя злосчастного троллейбуса в пропасть, в ад, в тартарары, что-то произошло: пропал звук работающих электродвигателей, пропал шум и галдеж возмущенных трибунов — воцарилась тишина во всем троллейбусе, причем сразу и полная, и исчезли конвульсии раненного в «голову» троллейбуса. Голова, повернувшись почти на 180 градусов, и выглянув из-за перегородки, оказалась довольно приятной, аккуратно подстриженной головой мужчины лет 40, восторженно смотревшей в сторону задней двери троллейбуса. Неподкупный восторг, уважение, радость, сквозили на этом лице, вселяли уверенность в то, что происходит что-то необычное. Невольно весь троллейбус перенес взгляд на заднюю дверь и о чудо: движимые неведомой силой, на заднюю площадку всплыли лебеди! Да! Да! Лебеди!

Неведомую силу представлял светящийся от счастья, доверия, торжественности момента, гордости низкорослый мужичка

в потертом костюмчике неопределенного цвета, отчего белизна лебедей была вызывающе абсолютной, безукоризненной, праздничной, райской! Так не бывает! Дождливый хмурый день устыдился своей хмурости, глядя на это чудо. Троллейбус наполнился невидимым светом небесного бытия, и каждый, кто видел это чудо, утверждался в мысли, что браки заключаются на небесах. Это был свадебный каравай.

Да, да, да, только на свадьбу, на чью-то счастливую свадьбу плыли эти лебеди — этот шедевр кулинарного «Родена» — этот символ вечной любви.

Троллейбус стоял, пассажиры, забыв обо всех своих делах, маршрутах и проблемах, восторженными взглядами сопровождали лебедей, которые, не обращая внимание на окружающую их хмуро-серую действительность, величественно вытянув шею, парили в пространстве и двигались к средней площадке. Виртуоз-кулинар вложил не только весь свой талант в эту «лебединую песню» — мельчайшие детали, перышки, изгиб шей, крыльев влюбленных птиц, их стремление друг к другу в порыве нежности были настолько реалистичными, правдивыми и идеальными, что сомнений в том, что лебеди живые — не было: они шевелились, в них была душа. Гордость за род человеческий проникала в естество каждого; каждый видел себя в роли белого лебедя! Троллейбус стоял. Пассажиры молчали, на некоторых женских лицах заблестели слезы. Водитель забыл, что он виртуоз, и что какие-то проблемы не давали ему жить и нормально возить пассажиров. Как и весь троллейбус, он застыл в пол-оборота и внимал это чудо!

Чудо остановилось на средней площадке. Мужчинка торжествовал. Мы представляли молодую пару: она, с черными вьющимися волосами ... нет, она блондинка с косой ниже пояса, черными бровям, высокая, гибкая, с лебединой шеей, единственная, неповторимая. Он - косая сажень в плечах, стройный, кудрявый брюнет, великодушный, умный (да, конечно, умный), единственный, неповторимый смуглый красавец!

У нее не может быть другого — это про-

тивоестественно. Таких лебедей... да, таких лебедей у абы — кого не бывает! Робкий голос позвал водителя: «Водитель... поезд...»... Народ качнулся. В нескольких минутах пролетели десятки жизней, мифов, иллюзий своих и чужих, виденных наяву и во снах, перед глазами ... — поехали.

Народ качнулся, синхронность наклонов продолжала этот сон наяву: лебеди покачиваясь в такт неумолимому стремлению троллейбуса, плыли над головами пассажиров, над этой грязно-мокрой массой за окном, над этим городом, страной, вечностью. Их счастье, радость, восторг друг от друга, молодость, не вызывали зависти, они были естеством, воплощением надежд, апофеозом любви, смыслом бытия.

Мы слышали шум воды. Брызги от величавых движений крыльев срывались в пространство, падали на поверхность воды, рассыпались по листьям тростника и несли по троллейбусу утреннюю свежесть, нежность, неповторимость и незабываемое ощущение счастья, общего счастья. Время остановилось. Все дела отошли за окно троллейбуса в грязных разводах. Здесь торжествовала новая, молодая, чистая любовь.

В глубине сознания звенела мелодия, я ее узнал: я ее слышу в минуты счастья, это неповторимая неземная мелодия, где все божественные звуки, ввинчиваясь в сознание, поднимают мои волосы над головой, а душу над земным бранным битием. Это Моцарт, нет Паганини..., нет Равель..., нет Крейслер ... — нет, это моя мелодия, мои звуки, мой восторг от этого мира, от этого безумия чувств, звуков, эмоций. Я хочу ее исполнить, исполнить вам, на струнах ваших душ, оставив в пространстве вкус любви к вселенской гармонии, к человеку, к Всевышнему.

Троллейбус, распираемый от избытка чувств пассажиров, должен был развалиться, расколоться, рассыпаться, но этого не случилось. Мне казалось, что на двух последующих остановках пассажиры не садились в троллейбус и не выходили. Но на третьей остановке средняя площадка как-то опустела: то ли окружавшие лебедей люди осознали свою скромную роль на этом празднике жизни и тихо выскольз-

нули первыми — то ли уступая мужчине, резко вскинувшему руки с лебедями, расступились, пропуская его вперед с благоговением и уважением. Троллейбус остановился, двери открылись, мужчинка, мельком бросивший взгляд через правое плечо поверх наших голов, решительно сделал шаг навстречу новой жизни. Дальше все происходило не с нами. Шаг, который сделали лебеди, не увлек их вниз, с площадки троллейбуса, на нижнюю ступеньку — они зависли в воздухе, неестественно дернулись, наклонились слегка в одну, затем в другую сторону, словно хотели пожурить всех нас за что-то и рухнули вниз! Всеобщий всхлип, нет вдох, вырвавшийся наружу, перекрыл звук грохота падающего тела. Этот звук вернул всех пассажиров троллейбуса на землю. Десятки глаз устремились на то место, где стоял гордый обладатель кулинарного шедевра. Как то сразу стали видны обрывки резинового покрытия пола троллейбуса, местами прижатые неровными кусками блестящей от ежедневного полирования сотнями подошв жести, грязный, мокрый пол, остатки троллейбусных билетиков... В самом центре средней площадки у края ступеньки, ограниченной металлическим уголком, на загнутой вверх жестяной полосе вертикально стоял старый туфель ... и без хозяина. Мужчинка, сделав шаг вниз, зацепился подошвой за оторванный край жести, прикрывающей рваную резину пола, и, не снявшись с этого якоря, рухнул в дверной проем. Все, кто стоял в проходе, и кто сидел рядом с выходом, влекомые неведомой силой, ринулись к ступенькам и застыли в немой сцене: на мокром асфальте, в луже, полусидел, полулежал мужчина средних лет. Его выражение лица, еще минуту назад, сиявшее от счастья, стало трагически серым, отчего седина, прятанная за улыбкой, проявилась нелепым дополнением к несчастью. Мне кажется, что он не понимал, что происходит. Одной рукой он держал тельце лебедя, а другой

поочередно приставлял к нему то голову на прямой, неестественной шее, то крыло, ставшее похожим на шетку-сметку. Толпа, стоявшая на остановке, не видевшая шедевра в своем триумфе, но своевременно расступившаяся в момент падения и пролета мужчины, успела зажмуриться в момент падения и деталей трагедии не заметила, отчего с любопытством наблюдала за мужчиной, теряясь в догадках - пьяный или больной сидит в луже и собирает лихорадочно разбитое счастье. Пассажиры, сгрудившиеся на средней площадке, немые свидетели чьего-то несчастливого знаменья, были в шоке. Поднос с остатками свадебного каравая: озера или пруда, где торжественно плавали лебеди, поражая окружение своим совершенством, ударившись об асфальт, нелепо дополнил кучку уличного мусора у фонарного столба. На месте, где гордо плыли лебеди, смазанным валом лежал тростник. Морозящий дождик смывал грязь на пятке с рваным носком, вместо туфли, которую кто-то из пассажиров троллейбуса участливо положил рядом с мужчиной прямо в мелкую лужу. Он не видел этого, лихорадочно хватаясь за останки фигурок и приставляя их рассыпавшиеся крылья друг к другу, повторяя эти попытки многократно, бормоча что-то с глупым, то счастливым, то ужасным лицом.

Водитель..., водитель..., пора... Троллейбус тронулся, набрал скорость. На душе стало гадко. Все увиденное стояло перед глазами. Будоражило воображение. В троллейбусе ехали уже другие пассажиры; большая толпа свидетелей чужого несчастливого счастья и робкий голос пожилой женщины делился с соседкой — примета плохая, жизни не будет.

Хмурое небо, жившее своей жизнью, очнулось, и мелким дождичком окропляло все и всех, думая, что это хоть как-то отвлечет невольных свидетелей от печальных мыслей.

СОМ В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Елена Скаржинская

Холодная зима с ее веселыми, праздничными заботами ворвалась в жизнь Даши сильной простудой, спутав все ее планы на новогодний бал в школе, к которому она так долго готовилась. Высокая температура долго не отпускала, и ей пришлось пропустить долгожданное школьное представление, горько сожалея об испорченном празднике.

Даша была в том возрасте когда, кажется, что ты уже совсем взрослая и все уже знаешь, но еще веришь в чудеса, в исполнение новогоднего желания, и в то, что сказки, иногда становятся явью. На этом празднике ей непременно хотелось предстать принцессой среди подружек и друзей, дабы все увидели, какая она красавица. Платье для бала Даша искала целых два месяца и нашла идеальный наряд, почти как у Золушки в сказке, но за две недели заболела, да так, что нельзя было никуда идти.

В первых числах января Даше все еще нездоровилось, то ли от болезни, а может и от огорчения на несбывшуюся мечту. Родители беспокоились, врачи разводили руками и предлагали все новые и новые лекарства, пока, наконец, не приехала бабушка. Бабушка жила в деревне и знала много старинных рецептов от простуды, и своими отварами быстро вылечила внука. Этот необычайный запах шалфея, чайный цвет тимьяна и сладкий вкус аниса казался Даше сказочным эликсиром, над которым бабушка суетилась со знанием дела. Порой Даше казалось, что ее бабушка волшебница, она рассказывала столько сказок перед сном, умела, как никто угадывать желания, усмирять хандру, лечить болезни и готовить самые вкусные яства. В бабушкиных теплых руках преобразилось все, за что бы она ни бралась, а старинные песни, которые она напевала, когда готовила, приоткрывали все тайны

прежних времен, унося слушателя в далекое прошлое народных традиций.

На семейном совете было решено отправить Дашу в деревню, на свежий воздух, поближе к русской печке, где все хвори отступают сами собой. Даша, не возражала, ей так наскучило слушать восторженный, щебет одноклассниц, которые наперебой звонили, и рассказывали, как блистали на балу, и сколько всего сказочного, там случилось. Ей было обидно, что все это прошло без нее и ничего чудесного в этот Новый Год с ней не произошло. В итоге, Даша отправилась к бабушке в деревню до конца каникул без всяких возражений - по крайней мере, там подружки хвастаться не будут.

Спустя пару дней в деревне Даша совсем окрепла и однажды, сидя возле окошка, разглядывала морозные узоры на стекле и делилась с кошкой своими несчастьями. В это утро мороз расстарался: накидал павлиньих перьев, рассадил вишневатые джунгли, рассыпал звезд, мерцающих охапку по стеклу как по холсту, словно художник великий. Холодное, зимнее солнце гуляло по снежным просторам солнечными зайчиками, заглядывая в окна домов. Один такой лучик, оставив своих собратьев, заигрался на шелковой шубке кошки Маруськи, которая сидела на подоконнике рядом с Дашей и, щуря от света свои желтые глаза, о чем-то мурлыкала.

— Какая несправедливость, — сетовала Даша кошке, — я так долго готовилась к новогоднему балу и, как назло, заболела и не смогла пойти. Если бы ты только видела, какое красивое платье я приготовила! Какая несправедливость.

— Фрррр... мрррр, — ответила Маруська, косясь на Дашу желтым глазом. Ей было совершенно непонятно, что такое школьный бал и зачем нужны платья. Даша продолжала:

— Вот и Новый Год прошел, и ничего не произошло, а я так ждала какого-нибудь чуда - новогоднего волшебства. Неужели взрослые правы и чудес не бывает?

— Непррравильно говоррришь, — отозвалась Маруська, протягивая пушистую лапку за солнечным зайчиком.

Даша смотрела на сонную кошку и думала, что, должно быть, совсем неплохо быть Маруськой, спать на подоконнике, играть с солнечными зайчиками и не думать о школьных балах.

— Верррно думаешь, мррр... — проурчала кошка, лениво потягиваясь, взглянула на Дашу хитрыми глазами, потом свернула в клубок и задремала, мечтая о чем-то своем, кошачьем. Маруське быстро наскучил этот разговор, она-то точно знала, что чудеса бывают, но сейчас ее волновала более всех чудес банка сметаны на столе, прикрытая блюдцем. Теперь, кошке хотелось, чтоб все поскорее ушли из дома, оставив ее наедине со сметаной.

Закончив все свои дела по дому, бабушка подошла к Даше, сняла передник и предложила прогуляться, пока тесто для пирогов «ходить» будет. Зимние дни короткие, солнце недолго радует глаз и неплохо бы успеть до заката вернуться.

— Бабушка, а куда мы пойдем? — спросила Дарья.

— Давай сходим в церковь в соседнюю деревню, а после займемся пирогами, ведь сегодня Рождественский Сочельник.

— Я знаю Рождество, а что такое сочельник?

— Рождественский сочельник — это время невероятных чудес, потому что в этот вечер люди ожидают наступления Рождества Христова, готовят подарки, праздничный стол, приглашают гостей и ждут, пока на небе загорится первая звезда. Первая звезда провозглашает о наступлении Рождества. Считается, что много лет назад именно Вифлеемская звезда показала путь волхвам к новорожденному Христу.

Даша с бабушкой оделись и вышли из дома, оставив Маруську за хозяйку, а плутовка только того и ждала, прыгнув с подоконника, она напрямик отправилась к сметане. Поддев когтистой лапой блюдце, кошка быстро преодолела преграду, раз-

деляющую ее и заветное лакомство. Вскоре сметаны в банке стало намного меньше, а довольная Маруська вернулась на подоконник, вылизывать с мордочки следы своего преступления.

Солнце, играя на снегу самоцветами, слепило глаза, и тысячи снежинок со скрипом рассыпались под нажимом ноги. Мороз нещадно кусал за нос и щеки, покрывая инеем ресницы и заставляя быстрее перебирать ногами. Стайка красногрудых снегирей, звеня колокольчиками села на рябину, решив отведать алых ягод в морозной дымке инея. Бабушка с Дашей недолгое время шли по проселочным дорогам, пока не вышли к крутым берегам реки. Когда-то эта река была полноводной и судоходной, теперь же от нее осталась узкая лента воды, закованная в лед и крутые береговые откосы, создающие эффектные декорации к любому времени года.

Церковь находилась на другом берегу и, перейдя мост над водой, путникам предстояло преодолеть крутой подъем на противоположный берег, и, несмотря на сделанные во льду ступеньки, времени и сил приходилось потратить немало. Когда Даша с бабушкой, наконец, поднялись, перед ними предстала маленькая деревянная церковь, запрятанная в глубокие сугробы нынешней зимы. Увенчанная золочеными куполами, она сияла на январском солнце, словно маяк в бескрайнем, белом море снегов.

Храм дышал теплом и сладким запахом ладана. Везде горели свечи, освещая желтым ореолом старинные образа святых. Посетителей было мало. Даша перевела дух после мороза и тихонько пошла к центру празднично убранного помещения, где ближе к алтарю, располагался кукольный вертеп, изображая рождение Христа. Косые солнечные лучи от низкого солнца святили прямо на ясли, рассеянным светом.

— Бабушка, а почему младенец на соломе? — спросила Даша.

— Потому что, дитя мое, он родился в хлеву, колыбелью ему стали ясли и солома. Яслями, раньше называли кормушки для животных и складывали туда сено.

— Бабушка, а почему в хлеву? Разве у них не было дома?

— Был, конечно, но роды начались, когда Иосиф и Мария — родители Иисуса — были в дороге. Они пытались найти более подходящий ночлег, но им никто не открыл двери.

— Почему не открыл?

— Люди бывают глухи к бедам других. Но не все. На нужду Иосифа и Марии отозвался пастух и предложил им укрыться в хлеву, где тепло в соломе и есть крыша над головой. Там и родился Иисус, пусть и не в царских хоробах, но в любви и заботе. Дашенька, если вот так, с горячей свечой в руках, прямо здесь пожелать всем добра и мира, то это непременно сбудется. Держи одну.

Даша взяла свечку из рук бабушки, желтый огонек маленьким солнышком трепетал на тонком фитильке, капли горячего воска скатились на пальцы. В задумчивой тишине, глядя на сказочные фигуры, символизирующие радостное событие, Даша загадала свое желание. Сегодня сердце Даши соприкоснулось с ожившей историей о Рождестве, проникаясь теплом и умиротворением от самого семейного праздника.

Домой Даша и бабушка вернулись еще засветло и обнаружили проделки Марульки.

— Ах ты, проныра, — всплеснула бабушка руками и погрозила кошке венником. Кошка лениво посмотрела на венник все с того же подоконника, не выказав даже тени сожаления по поводу содеянного.

За окном заходящее солнце отбросило длинные тени, зеленые сумерки приоткрыли первые звезды. В кухне запахло пирогами, в камине потрескивали дрова, и Марулька, оставив подоконник, перебралась поближе к огню, продолжая довольно мурлыкать кошачьи песни.

На вечер планировали праздник, ожидали приезд родителей, но внезапная непогода изменила все планы. Сильная снежная вьюга замела все дороги, случайные прохожие противостояли ветру, с трудом пробивались к своим домам. Родители Даши решили не испытывать капризы зимы и отложили приезд до утра. Даша и бабушка вскоре улеглись спать.

В полной тишине было слышно, как ур-

чит кошка, тикают часы на кухне, и бесчисленный рой снежных мух все бьется и бьется об оконные рамы в ночной темноте. В эту ночь приснился Даше дивный сон. Пришел к ней ангел настоящей, сверкая светом неземным.

— Ты кто? — изумилась Даша удивительному гостю.

— Я ангел твой, хранитель и чудо показать тебе пришел. Ты собирайся и пойдем.

— Куда же мы пойдем в такую непогоду?

— Непогода нам не страшна, потому что сегодня происходят чудеса.

Ангел взял Дашу за руку, и они в одно мгновение оказались где-то на облаках.

— Теперь, — сказал он, — стой и смотри, как будет чудо твориться природой самой.

Девочка смотрела вниз и видела, как у подножья самой вселенной бушует суровая вьюга. Снежные клубы носились по земле, обращая все на своем пути в белые одежды, они сталкивались друг с другом, перекатывались и с удвоенной силой бросались то во встречные дома, то в мутное млечное небо. Капризная зима в этот раз разгулялась, раскинув над миром свой пышный, летящий наряд, сменяя вальс на кадрили, она танцевала всю ночь напролет. Небо смешалось с землей, потеряв нить горизонта, и стало почти невозможно различить даже тень на земле. Продолжался праздник у зимы, пока ей не наскучили танцы, ночь ее еще умоляла продолжить бесчинство ветров, но ветер стал тише и снега все меньше... вьюга утихла. И едва упала последняя снежинка с поредевших облаков, как небо подернулось лиловыми красками, протянув алую нить по горизонту. То просыпалась Аврора — предвестница нового дня. В торжественной тишине сверкающего ледяного царства она вступала в свои права, вновь одержав победу над вечной соперницей, тьмою ночной.

Над миром, в полной тишине, раздался колокольный звон, приветствуя рассвет и пробуждая ото сна всех тех, кого еще совсем недавно волшебница и чаровница ночь баюкала, нашептывая сны. Колокола с церковной колокольни звенели хрусталь-

ными нотами, создавая сказочную мелодию зимнего утра. Небо постепенно светлело, меняя оттенки синей гаммы - звезды меркли. Ярко-оранжевый диск солнца медленно выкатывался из малиновой пены зари, все выше и выше, возвещая о приходе нового дня. Рыжие лучи пробежали по улицам, окрашивая снег в невероятные цвета, заглядывая в самые темные переулки и в окна домов. В последние минуты сна над миром еще разливалась волшебная мелодия зимнего чуда.

Даша стояла у подножия мора, смотрела на огромный диск солнца и не могла поверить своим глазам. Всего какие-то минуты назад мир боролся с мятежной зимой в темной ночи, но стоило открыть глаза рассвету, и стихнуть вьюгам, раздался колокольный звон, открылся миру новый день.

— Какая красота! Никогда не думала, как происходят обычные вещи, а, увидев, поняла, что они совсем необычны. Сколько мощи, силы и красоты таят в себе явления, окружающие нашу жизнь.

Пока Даша, восхищалась происходящим, под ногами промелькнуло что-то серое и пушистое.

— Маруська! А ты тут как оказалась? Ну, плутовка.

Маруська ничего не ответила, лишь потерлась о ногу девочки, мякнула и позвала домой. Когда Даша проснулась, утро ее встретило солнцем и радостью, словно и не было завьюженной ночи. Родители уже приехали, бабушка готовила что-то вкусное, а кошка Маруська опять сидела на подоконнике и жмурилась от солнечных лучей. Теперь Даша знала, что настоящее чудо совсем близко, ведь она своими глазами видела, как свет утренней зори побеждает мятежную мглу, как усмирятся вьюга, как сверкает снег на солнце, как звенят снегири, лакомясь замерзшей рябиной, и как пахнут бабушкины пироги. Маруська, одобрительно посмотрела на Дашу:

— Верррно думаешь, верно, — мурлыкала кошка.

Мой Ангел

Александр Якимчук

Здравствуй, Ангел добрый мой.
Солнышко проснулось,
Золотистой рукой
Головы коснулось.

По закрытым векам свет
Бликами промчался,
Ночи разметал сюжет,
В новый день ворвался.

Я боюсь открыть глаза,
Я боюсь проснуться.
В мир жестокий без тебя
Страшно окунуться.
Крылья распрями свои,
Дай проблем немного.

Дел толковых громадье...
Выпрями дорогу.

Счастлив я, что рядом Ты
Дана мне в этой жизни.
Свет невидимой звезды
С рождества — до тризны.

Знаю, любишь Ты меня,
Слышу, как Ты дышишь.
Дай мне хоть какой-то знак,
Что меня Ты слышишь.
Ангел милый и родной,
Ты — душе отрада,
Ты — надежда и покой,
Ты — моя услада.

УПРЯМАЯ ГУСЕНИЦА

сказка для больших и маленьких

Надежда Красноперова

В одном лесу на красивой овальной поляне жило-было большое ветвистое дерево. Весной, когда солнце прибавляло жару, вся поляна начинала оживать: на ветках дерева набухали почки, и из маленьких они с каждым днем становились все крупнее и крупнее, пока не лопались. И тогда из них вылезали листочки — светло-зеленые, а чуть позже и уже густо-зеленые. И пожухлая трава, вздохнув последний раз, сникала и уступала пространство молодой и здоровой. А потом земля прогревалась, и в ней начинали просыпаться червячки и разные букашки. Зашевелилась и маленькая желтая куколка. Она как-то очень тихонько продвигалась к верхнему слою земли, ища местечко покомфортнее. В своем коконе ей было тепло и уютно. И наконец однажды она оказалась у самых верхних корней дерева. Два дня куколка ленилась и не двигалась, так ей было хорошо. Но вдруг наружная корочка кокона лопнула, а куколка даже не заметила, что у нее выросли лапки и глазки стали с любопытством глядеть на новый мир. Любопытство победило, и теперь уже не куколка, а зеленая гусеница выползла и стала карабкаться по дереву все выше и выше. Она ползла и ползла, ползла и ползла, и наконец доползла до самой кроны. В тени ей было весело, но темновато, и она поползла кверху. Другие жучки и червячки шептали ей, чтобы она не стремилась на самую вершину — там небезопасно, говорили они; там птицы летают и сильно ветер дует. А ты можешь не успеть стать бабочкой и полетать. Но зеленая гусеница упрямо ползла вверх. Всем надоело

ее жалеть. Теперь окружающие с нетерпением стали ждать, когда «вознесенная» шлепнется. И только один старый жук, с большими желтыми полосками на спине и крыльях, подбадривал зеленую гусеницу и поощрял преодолевать препятствия. Когда гусеница очень уставала ползти по неровной коре дерева, жук жужжал ей на ушко: «Каж-ж-ж-дый обязан совершить хотя бы один благородный поступок, для того, чтоб потом иметь возмож-ж-жность к случаю рассказ-з-зывать о нем всю ж-ж-жизнь по праздникам». И гусеница ползла...

Наконец одним светлым утром она оказалась на самой вершине дерева. «Ура! Я здесь, высоко!». Но вместо того, чтобы смеяться и радоваться, она заплакала от утомления. «Да вы разве еще живы?», — воскликнул большой жук с восхищением. И только он это сказал, как его глаза, которые умели вертеться по кругу, заметили птичку. Та, витающая в сферах - с размаху опустилась к вершине дерева и клюнула в самую середину гусеницы, и протолкнула ее всю в свое прожорливое горлышко. Жук застыл в оцепенении, а потом мгновенно взмахнул полосатыми крылышками и перелетел на сук другого дерева.

«Все вызывающие к борьбе умеют вовремя улепетывать в сторону», — пробурчала большая белая бабочка, пролетая мимо в момент трагедии.

Все другие козявки, оставшиеся жить в тени, еще долго потом вспоминали упрямую зеленую гусеницу и пугали своих козявочек большой птицей с твердым клювом.

ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ

И стих расцветает цветком гиацинта.

М. Волошин

Виктор Васильев

Здесь стволы восковые
В предзакатном огне.
Здесь надежды былые
Оживают во мне.
Журавлиные песни,
Робких рябчиков свист.
Да в полете отвесном
Задержавшийся лист.
Ни тоски, ни печали,
Ни остывшей земли.
Золотыми ночами

Вдаль плывут журавли.
Так судьба подгадала -
Это было легко -
Мне всего не хватало,
Мне хватило всего.
.....
Снизошла благодать
На сердечную клятву -
Ничего не желать,
Ни о чем не жалеть.

Галина Хохлова

Улица сошла с ума —
Сплошь автомобильная.
Настоящая чума, -
Я пред ней бессильная!
Подмигнет мне светофор,
Скажет об угрозах,
Спросит, словно бы в укор:
«Что не на колесах?» -
«Нет, дружок, не для меня
Этот ритм погони.
Вот мои два колеса
Летом шиш догонишь!
Прошмыгну, где захочу,
На бензин не тратясь.

За здоровье их кручу
У себя на даче.
Ну, а зимнею порой —
Лыжный след за мною.
Воздух чистый не копчу
И встаю с зарею.
Я люблю гулять пешком,
Помечтать, подумать,
Потревожить лес стишком,
Иль пройтись бесшумно,
Чтоб подслушать соловья
Трели на удачу, -
Словом там, где колеса
След не обозначен.

Валерий Штормовой

Ирине с любовью и нежностью посвящаю!

Белые ноги — ноги любви

Как приходит пора серебристых ночей,
Так все небо в заре до утра не темнеет.
Светит ярко луна, блещет в травах ручей,
И сквозь зелень листвы небосвод голубеет.
В пору белых ночей мне не хочется спать,
Вихрем кружат стихи и ложатся на строчки,
И звучат, и стучат, и зовут описать
Нежный сумрак и тишь, волшебство белой ночи.

И у этих ночей свойство дивное есть:
В это время сильнее обостряются чувства.
Плещут, бьют через край, словно добрая весть
Для того, кто давно ждет в тревоге и грусти.

Эти ночи — для тех, у кого есть любовь,
Кто охвачен огнем все сжигающей страсти,
В ком ликует душа и кипит в жилах кровь,
Белой ночью любить — несказанно прекрасней.

Мы с любимой вдвоем. Светлый сумрак разлит.
Тонет все вокруг нас в серебристом тумане,
Тишина. Лишь чуть слышно во тьме шелестит
Шепот ласковых слов, что чаруют и манят.

Будто в дымке парит лик подруги моей,
И я чувствую рук невесомых касанье,
И слияние губ все плотней и сильней,
В томной неге любви замирает дыханье.

Полумрак, тишина, близость наших сердец,
Нежный шепот и взгляд, сладкий жар поцелуя —
Это сказка любви, это счастья венец.
Лучше этих ночей ничего не найду я...

Людмила Ковальчук

Неправильная старушка

Я постарела за рулем.
Со стороны посмотришь -
Иду, хромая, куль-кулем,
Смотреть, со смеху лопнешь.

Но к ней, любимой подойду,
Машинной хлопну дверью,
И снова я ее веду,
И в старость я не верю!

Две страсти в жизни у меня:
Читатель я - запойный.
Ну а другой остаток дня
дорогою заполнен.

Две страсти в жизни у меня:
Запойный я читатель.

В другую половину дня
машина - мой приятель.

Я знаю - образ мой - не тот.
Со спицами б, с клубочком.
Тихонько спит под боком кот,
а я вяжу крючком.

Носки для зятя, шарфик мне.
Лучина догорает.
А я пою: «В моем окне
Рябина лист роняет».

Меня простите - не права,
Я точно это знаю.
Но молодость еще жива.
Не на метле ж летаю!

Наталья Николаева

И пала ночь на наш поселок,
Все белизной покрыл снежок.
Устами маленьких сосенок
Шептал мне что-то ветерок...

С небес чернильных в мои окна
Смотрела полная луна.
Медведица вздыхала томно,
Ведь вновь и вновь она одна...

Напротив дома, в роще хвойной
Царил покой и тишина.
Природа зимняя достойно
Пережидала до утра...

Но стоит солнышку украдкой
Наметить лишь свой первый луч,
Потянется округа сладко,
Мороз покажется колюч...

Снегирь отважный с красной грудкой
Летит к кормушке впопыхах,
Где разыгрался не на шутку
Спор в разных птичьих языках...

И только-только люд проснулся.
Как ждали все, что рассветет!
День горизонта уж коснулся...
Природа вновь вот-вот уснет...

Константин Рыбаков

Бродяжья душа

Душа моя — цыганская кибитка —
изящным хламом доверху набита:
здесь тысячи увиденных картин,
и легкий шорох плюшевых гардин;
здесь радует теплом огонь в камине,
и ждут меня бокал с глотком мартини,
на столике свеча, и грудa книг,
зачитанных до дыр. Я к ним привык.

Душа моя — цыганская кибитка —
всем непогодам и ветрам открыта:
здесь холод заполярных островов
лежит сугробом Ледовитых снегов;

сибирская тайга, Урал, Кавказ,
и грустный взгляд таких любимых глаз;
Америка, Сахара и Багамы,
и встречи раз в году с отцом и мамой.

Душа моя — кибитка кочевая:
зимой желает грозового мая,
в июле просит белизны пурги,
в пустыне жаждет зелени тайги;
ей хочется штормов, борьбы стихий,
и тишины ночной — писать стихи;
и встречи ей нужны, и встречный ветер...
Что ж — отдохнет, пожалуй. После смерти.

Валентин Хрящев

(Посвящается Владимиру Свиридову)

Лесная просветлённость

Ты незаметно подошел
С улыбкою смущенной:
— Я был в лесу, там... хорошо
И как-то просветленно.

Без дела по лесу бродил,
Разгадывая шорох.
Бывает день в году один,
Когда не нужен порох.

С собой этюдники возьмем
И канем листопадом,
Я знаю тихий водоем,

А нам такой и надо.

— Пора старик! Ведь отпуск наш
Кончается уж скоро.
Зиме останется шалаш,
А мы вернемся в город.

Затянут важные дела,
Но может и никчемность,
Тогда и вспомни, что была
ЛЕСНАЯ ПРОСВЕТЛЕННОСТЬ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНАНЬЕВ Игорь Анатольевич родился в поселке Сиверский, преподаватель изобразительного искусства Сиверской ДШИ им. И.И. Шварца, сотрудник эстампной мастерской кафедры «Рисунка» ФИИ РГПУ им. А.И. Герцена, участник многочисленных выставок живописи.

АНОСОВА (Шмелёва) Елена Дмитриевна родилась в поселке Высокоключевой, окончила Ленинградский государственный институт культуры им. Н.К. Крупской, работает в школьной библиотеке поселка.

АНТОНОВА Наталья Михайловна окончила филологический факультет Новгородского государственного педагогического института. Организатор и первый руководитель ЛИТО «Поэтов Сиверское братство», издатель и литературный редактор коллективных поэтических сборников. Краевед. Работает в Гатчинской средней школе № 8 «Центр образования» заведующая библиотекой, руководитель литературной редакции школьного журнала «Восьмое чудо света». Живет в поселке Сиверский.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Татьяна Альбертовна, главный специалист архивного отдела администрации Гатчинского муниципального района. Окончила Гатчинское педагогическое училище и Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики по специальности. Живет в Гатчине

АРШАКУНИ Артур Маратович, заместитель генерального директора ООО «Унипак», живет в поселке Вырица.

БЕЗУГЛОВ Николай окончил колледж строительной индустрии и городского хозяйства и Петербургский университет путей сообщения. Работает архитектором в экспертно-проектном центре в Санкт-Петербурге. Учится на заочном отделении в Московской духовной семинарии.

БИРЮКОВ Олег Юрьевич окончил Государственное художественное училище им. Азима-азимзаде. Участник выставок Гатчинского Товарищества Художников. Живет в поселке Сиверский.

БОБКОВА Зоя Степановна, журналист, член Союза писателей России (СПб отделение), главный редактор газеты «Приневский край». Живет в Гатчине.

БОГДАНОВ Геннадий Викторович родился в 1957 г. в Гатчине. Художник-педагог. С 1991 г.

председатель Приходского совета Покровского собора.

БОЧИНА Евгения Борисовна, инженер ПИЯФ. Заниматься лоскутным шитьем в квилт-студии «Гатчина». Принимает участие в выставках и мероприятиях студии. Проживает в Гатчине.

БУРЛАКОВ Андрей Вячеславович, краевед, член Союза музейных работников СПб и Ленинградской области, главный редактор краеведческого альманаха «Лукоморье». Живет в Гатчине.

БЫКОВИЦКИЙ Дмитрий Михайлович по образованию – врач. В творческом багажнике – семь книг стихов и прозы, выступления на сценических площадках, на радио и телевидении. Организатор и вдохновитель ежегодного фестиваля памяти Булата Окуджавы в Петербурге. Член творческого объединения «Долина» при Вырицкой поселковой библиотеке им. И.А. Ефремова. Живет в Вырице.

ВАСИЛЬЕВ Виктор Александрович окончил факультет журналистики СПбГУ. Работал ответственным секретарем газеты «Гатчинская правда». Автор книг по истории Коренной и Никандровой пустынь, книги «Жизнь и подвиги преподобного Никандра», книги о Гатчинских святынях, составитель нескольких православных сборников и молитвословов. Стихи и проза публиковались в различных периодических изданиях. Живет в Гатчине.

ВОРОНОВ Александр Павлович, краевед, живет в деревне Верево.

ГАЖЁВ Борис Наумович, житель блокадного Ленинграда, доктор медицинских наук, профессор, академик Международной Академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, автор и соавтор двадцати книг и множества научных статей по медицине. Стихи и проза печатались во многих литературных сборниках, автор книги «Отдушина».

ГРЕСЬ Юлия Михайловна, преподаватель кафедры графического дизайна института декоративно-прикладного искусства, преподаватель спецдисциплин на технологическом факультете в ГИЭФПТ. Живет в Гатчине.

ДОКУЧАЕВ Евгений Глебович, автор трех поэтических сборников. Некоторые стихи переложены на музыку. Участник культурных мероприятий района и области. Живет в поселке Елизаветино.

ЕЛФИМОВА Галина Михайловна, журналист, литературный редактор газеты Гатчинского благочиния «Нечаянная радость», член Союза журналистов России, лауреат премии российской просветительницы Е.Р. Дашковой, Санкт-Петербургской межвузовской ассоциацией «Покров», награждена золотым Почетным знаком святой Татьяны — за многолетнюю просветительскую и социальную деятельность. Живет в Гатчине.

ЕФИМЧУК Сергей Федорович, преподаватель дополнительного образования в Доме детского творчества «Измайловский» Санкт-Петербурга, живет в Санкт-Петербурге.

ЗЛАТКИН Александр Ефимович окончил художественно-графический факультет ЛГПИ им. А.И. Герцена. Более 30 лет возглавлял художественное отделение Сиверской детской школы искусств, в настоящее время — преподаватель. Член Союза художников России. Автор и создатель Областного детского конкурса академического рисунка «Серебряный карандаш». Многократный победитель выставки художников Ленинградской области в номинации «Живопись». Участник выставок в разных городах России и за рубежом.

ИВАНОВ Анатолий Васильевич работал на заводе химико-лабораторной посуды «Дружная Горка» — мастером, начальником упаковочного цеха, мастером кварцевого цеха. Награжден медалью «За доблестный труд», знаком «Отличник приборостроения», ветеран труда завода. Пенсионер. Живет в поселке Дружная горка.

ИВАНОВ Виктор Васильевич, капитан I ранга, член Союза писателей Ленинградской области и С-Пб, живет в Гатчине.

ИВАНОВА Людмила Сергеевна, член Союза фотохудожников России, автор персональных выставок. Является участником нескольких издательских проектов, посвященных духовному возрождению. Фотоработы были отмечены Золотой наградой ВДНХ, Гран-при на международном конкурсе «Фотографируют женщины», номинацией Союза журналистов на конкурсе «Золотое перо», наградой «Фото ИТАР-ТАСС», Бронзовой наградой на международном конкурсе им. Карла Буллы.

ИВАНОВА Татьяна Павловна, учитель Большеколпанской средней общеобразовательной школы, живет в поселке Елизаветино.

ИЗМАЙЛОВА Евгения Владиславовна окон-

чила Владивостокское художественное училище, Дальневосточную государственную академию искусств. Работала художником-постановщиком, художником-декоратором, в Гатчине оформила несколько спектаклей театра «Встречи», эскизы декораций к спектаклям театра «За углом». Участница областных художественных выставок. Преподаватель изобразительного искусства Детской художественной школы города Гатчины.

ИЛЬИН Сергей Иванович родился в 1954 г., с 1979 г. учился в мастерской профессора Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Игоря Александровича Раздрозина. Участник многих выставок.

КАРТАШЁВА Маргарита Ивановна в 1977 г. окончила историко-филологический факультет Кустанайского педагогического института им. 50-летия СССР, специальность — русский язык и литература. Стихи пишет с восьми лет. Свои произведения посвящает своим детям. Живет в Гатчине.

КИСЕЛЁВА Елена Львовна, народный пушкинист, преподаватель русского языка и литературы в МБОУ «Кобраловская основная общеобразовательная школа», живет в поселке Кобралово.

КИСЕЛЁВА Лариса Петровна, методист по экспозиционно-выставочной работе в Мемориальном доме-музее композитора Исаака Шварца, живет в поселке Сиверский.

КИСЛОВ Владислав Аркадьевич, врач, краевед, автор книг, живет в Гатчине.

КЛЮШИНА Наталья Александровна, ведущая музеем «Домик няни А.С. Пушкина». Окончила Калининский политехнический институт. Публиковалась в газетах «Гатчинская правда» и «Гатчина-инфо», в альманахе «Оредеж».

КОВАЛЬЧУК Людмила Григорьевна окончила филологический факультет ЛГПИ им. А.И. Герцена, работала по специальности в поселке Вырица, Германии, Гатчине. Пенсионер. Живет в поселке Вырица.

КОЗЛОВА Наталия Анатольевна, педагог начальной школы, член квилт-студии «Гатчина». Принимает участие во всех выставках и мероприятиях студии. Живет в Санкт-Петербурге.

КОККО Владимир Арнольдович, председатель Санкт-Петербургского отделения «Инкерин Лиитто».

КОЛЕСНИКОВА Людмила Анисимовна, член Союза журналистов и Союза писателей России, научный сотрудник ПИЯФ РАН. После окончания факультета журналистики Дальневосточного государственного университета работала на студиях телевидения во Владивостоке и в Ленинграде. Автор книг. Журналистская работа отмечена премиями и наградами. Живет в Гатчине.

КОЧЕРОВА Елена Игоревна, искусствовед, научный сотрудник МБУ «Музей города Гатчины». Живет в Санкт-Петербурге.

КОЧУРОВА Юлия Александровна обучалась в Санкт-Петербургском художественном училище им. Н.К. Рериха, студентка Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, специализация художник-монументалист. Живет в Гатчине.

КРАСНОПЕРОВА Надежда Дмитриевна, журналист, публицист, главный редактор газеты «Спектр-Гатчина», член Союза журналистов России. Живет в городе Гатчина.

КРЫЛОВ Павел Валентинович, пастор евангелическо-лютеранской церкви Святой Екатерины Скворицкого прихода, живет в Санкт-Петербурге.

КРЯЖЕВ Александр Николаевич, по профессии – инженер-механик, пенсионер, работает гравером, живет в поселке Сиверский.

ЛЕЙКИН Михаил Иосифович, сценарист и режиссер, заслуженный работник культуры России, заведует кафедрой режиссуры массовых праздников в Ленинградском областном колледже культуры и искусства, поэт, живет в Санкт-Петербурге.

ЛУКИН Валерий Евгеньевич окончил ЛВВТКУ им. Генерала армии А.И. Антонова по специальности инженер-геодезист. В настоящее время научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Кандидат исторических наук. Подполковник запаса. Профессор Академии военных наук (Москва). Действительный член Русского географического общества. Летом живет на даче в деревне Даймице.

МИХЕЕВ Геннадий Михайлович, по профес-

сии – радиоинженер, краевед, публицист, член ЛИТО «Поэтов Сиверское братство», пенсионер, живет в городе Гатчина.

НИКОЛАЕВА Надежда Вениаминовна окончила Кемеровское художественное училище, Дальневосточную академию искусств. Преподаватель изобразительного искусства Детской художественной школы города Гатчины. Участник выставок за рубежом и во многих городах России. Работы находятся в частных коллекциях России и за рубежом. Живет в Гатчине.

НИКОЛАЕВА Наталья Александровна окончила Государственный институт экономики, финансов, права и технологий (ГИЭФПТ). В настоящее время работает в ООО «Орион-Спецсплав-Гатчина». Выставки фоторабот и авторские поэтические вечера состоялись в Дружногорской поселковой библиотеке. Живет в поселке Дружная горка.

НИКОЛАЕВ Владимир Иванович, член Союза журналистов С-Пб, корреспондент газеты «Гатчинская правда», Почетный член Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры, живет в Гатчине.

НУРГАЛИЕВА-НИКОЛАЕВСКАЯ Елена Александровна окончила Ленинградский радиополитехникум, Ленинградский электротехнический институт им. В.И. Ульянова (Ленина). Работала лаборантом, техником, инженером-технологом-программистом, инженером-конструктором, руководителем группы, начальником бюро. Пенсионерка. Живет в Гатчине.

ПЕСТРЯК-ГОЛОВАТЫЙ Василий Петрович, краевед и филокартист, Всемирный Казачий Дед Мороз, член комиссии по организации работы с казачьей молодежью, военно-патриотическому, духовно-нравственному и физическому воспитанию подрастающего поколения Совета при президенте РФ по делам казачества, живет в городе Гатчина.

ПЕТРОВА Дарья, бывший сотрудник органов МВД, юрист. Автор сборника стихов, дипломант фестивалей «Милосердие Белых Ночей», «Меинские мосты», номинант премии «Поэт Года-2011», член РМСП, член-корреспондент Академии русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина. Член творческого объединения «Долина» при Вырицкой поселковой библиотеке им. И.А. Ефремова, живет в поселке Новый Свет.

ПУЗАТЫХ Сергей Юрьевич, творческий псев-

доним Елецкий, поэт. Лауреат международного поэтического конкурса «Золота строфа», издал два сборника стихов «О, Русь, ты лирики родник», «О, Русь, живи во мне всегда». Печатается в журналах и газетах. Художник, состоит в Гатчинском Товариществе Художников. Неоднократно участвовал в совместных выставках товарищества. Работает в Петербургском институте ядерной физики.

ПУНЖИНА Наталия Викторовна, филолог по образованию, член Союза Писателей России, живет в Гатчине.

ПУСТОВОЙТ Галина Валентиновна, заместитель главного бухгалтера ПИЯФ. Член квилт-студии «Гатчина». Принимает участие во всех выставках и мероприятиях студии. Живет в Гатчине.

РАДЮКЕВИЧ Иван Николаевич, член Гатчинского Товарищества Художников, живет в поселке Сиверский.

РОДИНА (Остроухова) Татьяна Александровна работает в ЦНИИ «Прометей». Живет в Гатчине.

РЫБАКОВ Константин Павлович, моряк, механик плавмастерской на Средне-Невском судостроительном заводе, живет в Гатчине.

РЯБОВ Дмитрий Сергеевич, специалист по информационным технологиям, руководитель проектов автоматизации одной из компьютерных фирм, краевед, внештатный сотрудник музея-усадьбы «Рождествено», публицист, живет в Санкт-Петербурге.

СЕРОВА Елена Николаевна, по образованию педагог, главный специалист/главный хранитель архивных фондов архивного отдела администрации Гатчинского муниципального района, живет в деревне Большие Колпаны.

СЕМОЧКИН Александр Александрович, архитектор, кавалер Ордена почета, лауреат Горьковской премии по литературе Российского фонда культуры, Почетный гражданин Гатчинского муниципального района, живет в деревне Выра.

СКАРЖИНСКАЯ Елена Владимировна родилась в 1984 г., училась в Сиверской средней школе № 2, в 2011 г. окончила СПбГУКиИ, факультет Культуры Семьи и Детства. Работает в Сиверской поселковой библиотеке им. А.Н. Майкова. Дипломы за участие в конкурсах: XVIII Международном творческом конкурсе

«Рождественская звезда» (2013 г.), конкурсе молодых писателей «Проба пера» (2013 г.).

СМОРОДИНА Марина Евгеньевна, библиотекарь, краевед, публицист, живет в Гатчине.

СМОТРИЦКИЙ Михаил Семенович родился в 1960 г. в городе Ленинграде. В 1985 г. окончил ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина). По специальности – инженер-электрик, по призванию – литератор. В ЛИТО «Меридиан» состоит с 1997 г. В Союзе писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга с 2009 г. Автор книги «И смех, и слезы, и любовь» (2003 г.), общественный корреспондент газеты «Гатчина-ИНФО». Любит искусство и все прекрасное, увлекается фотографией. Живет в Гатчине.

СОКОЛОВА Светлана Борисовна родилась в 1963 г. Проживает в деревне Выра Гатчинского района. Генеральный директор фирмы ООО «Актив». Лоскутным шитьем начала заниматься в 2011 г. в квилт-студии «Гатчина». Принимает участие во всех выставках и мероприятиях студии. В 2013 г. состоялась персональная выставка в музее «Домик станционного зрителя».

СТЕЛЬМАШУК Наталья Николаевна родилась в 1972 г. в пос. Сиверский. По профессии товаровед. Занялась творчеством с росписи стекла в 2008 г. С 2010 г. является членом Народной изостудии при Гатчинском ДК. Живет и работает в Гатчине. В 2013 г. состоялась первая персональная выставка «Палитра сердца».

СЫЧЁВА Ирина Васильевна родилась в 1938 г. в городе Харькове. В 1959 г. окончила Ленинградский государственный институт культуры имени Н.К. Крупской. Последнее место работы – Ленинградский институт советской торговли, должность – библиограф. Писать стихи начала в возрасте 70 лет. Печаталась в газетах. Пенсионерка.

ТАРАСОВА Таисия Тихоновна, пенсионер, член гатчинского литературного общества при библиотеке им. А.И. Куприна, живет в Гатчине.

ТОЛЧИНА Вера Николаевна, по профессии – инженер путей сообщения. Издавалась во всех сборниках ЛИТО «Сиверское братство».

ТОЛЧИН Владислав Григорьевич работает в ПИЯФ РАН с 1965 г. Физик, кандидат технических наук. Фотокорреспондент «Гатчинской правды». Занимал первые места на фотоконкурсах Ленинградской области.

ТРИШИНА Алена Александровна, главный библиотекарь отдела обслуживания Центральной городской библиотеки им. А.И. Куприна, краевед, публицист, лауреат премии им. Е.Р. Дашковой в номинации «Журналист».

ФИЛИПОВА Валентина Ивановна, руководитель строительства храма «Воскресения Христова», член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, живет в поселке Высокоключевой.

ХОХЛОВА Галина Гертрудовна, кандидат с/х наук, селекционер, автор поэтических сборников, внештатный корреспондент районных газет, живет в деревне Белогорка.

ХРЯЩЁВ Валентин Валентинович, член Российского межрегионального союза писателей. Автор двух сборников стихов: «ДО-ЛИ-НА» 2011, «Когда душа вновь захотела жить» 2012 г. Публиковался в литературно-краеведческом альманахе «ОРЕДЕЖ», сборниках: «Пути мотыльков», «Царскосельская лира», «Северный вестник». Активный участник ТО «Долина» при Вырицкой поселковой библиотеки им. И.А. Ефремова. Живет в поселке Кобралово.

ШАБАЛИНА Елена Владимировна родилась в 1963 г. Проживает в Гатчине. Ведущий инженер ПИЯФ. Лоскутным шитьем начала заниматься в 2010 г в квилт-студии «Гатчина» под руководством Н.Ю. Косьянковой. Принимает участие во всех выставках и мероприятиях студии.

ШАДУРСКАЯ Татьяна Константиновна родилась в 1968 г в Москве, некоторое время жила в Белоруссии. В 1992 г. приехала в Гатчину. Серьезно заниматься живописью стала в 2003 г. С 2007 г. посещает Народную изостудию при гатчинском ДК. Участник многих выставок, первая персональная выставка в Гатчине состоялась в 2008 г.

ШТОРМОВОЙ Валерий Александрович (САБАДАШ) родился в 1952 г. в Белоруссии. Окончил ЛГУ им. А.А. Жданова. Работал инженером-программистом на Гатчинском э/м заводе «Буревестник». Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Член ЛИТО «Поэты Сиверского Братства». Печатался в местных газетах и коллективных сборниках. Автор четырех сборников стихов и прозы. Живет в поселке Сиверский.

ШУМИЛИН Дмитрий Николаевич, предприниматель, издатель, фотограф, живет в Санкт-Петербурге.

ЩАНИКОВА Татьяна Николаевна родилась в 1952 г. Технолог швейного производства. В настоящее время — пенсионерка. Лоскутным шитьем начала заниматься в Учебно-методическом центре культуры и искусства при Комитете по культуре Ленинградской области в 2007 г. С 2010 г. — член квилт-студии «Гатчина». Проживает в Санкт-Петербурге.

ЭРТЭ-АНИКОНОВА Нина Андреевна родилась в 1957 г. в городе Инта Коми АССР. Окончив школу, училась на музыкальном отделении педагогического училища № 2 г. Сыктывкара. Вернувшись в Инту, работала освобожденным секретарем Комитета комсомола, музыкальным руководителем детских коллективов. Занимается общественной работой в качестве заместителя председателя Гатчинского общества ингерманландских финнов. Является членом ЛИТО «Поэтов Сиверское Братство». Живет в Гатчине.

ЭСКЕЛИНЕН Елена Александровна директор Сиверской детской школы искусств им. И.И. Шварца. В 1999 г. окончила Сиверскую детскую школу искусств, в 2006 г. — факультет Изобразительного искусства РГПУ им. А.И. Герцена. С 2004 г. преподаватель изобразительного искусства в Сиверской детской школе искусств, с 2010 г. член Союза Художников России.

ЮРОНЕН Наталья Викторовна, заведующая отделом информационного обеспечения и библиографической работы Центральной городской библиотеки им. А.И. Куприна, автор книг, публикаций, живет в Гатчине.

ЯКИМЧУК Александр Сергеевич, заслуженный врач России, подполковник медицинской службы в отставке, председатель правления Гатчинского Товарищества Художников, живет в Гатчине.

ЯКОВЛЕВ-СЛАВЯНОВ Сергей Павлович родился в Ленинграде. Стихи пишет с десяти лет. В детстве занимался в литературном кружке «Дерзание» (руководитель Н.А. Князева) при Дворце пионеров им. А.А. Жданова. Публиковался в периодической печати, коллективных сборниках (СПб, Гатчина). В 2009 г. стал победителем XXI Международного поэтического конкурса «Гарави сокак» в Сербии, по итогам которого издан коллективный сборник. С 2003 г. делает поэтическое переложение избранных псалмов Давида. Окончил с отличием Невский Машиностроительный техникум. Живет в Гатчине.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Любушкина Елена Викторовна, глава администрации Гатчинского муниципального района, Ильин Андрей Иванович, глава Гатчинского муниципального района	3
<i>Докучаев Евгений</i> . Кисть не тронет холста.....	4

НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА

<i>Лейкин Михаил</i> . Чистые мгновенья бытия	6
<i>Бурлаков Андрей</i> . История могилы Абрама Петровича Ганнибала на Старом суйдинском кладбище	15
<i>Бурлаков Андрей</i> . Из родословной Арины Родионовны.....	25
<i>Киселева Елена</i> . Пушкинские места	28
<i>Клюшина Наталья</i> . Финно-угорский фольклор в сказках Арины Родионовны	29
<i>Киселева Лариса</i> . Усадьба в Руново.....	32
<i>Смородина Марина</i> . России он служил! (к 180-летию А.А. Пушкина).....	33
<i>Родина Татьяна</i> . Все исполнится вновь... ..	40

ПИСАТЕЛИ НА ГАТЧИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

<i>Лукин Валерий</i> . «В Даймище было чудесно...»	42
<i>Васильев Виктор</i> . Хорошо, когда ты юный... ..	44

КРАЕВЕДЕНИЕ

<i>Рябов Дмитрий</i> . Река Оредеж – жемчужина Ленинградской области	46
<i>Яковлев-Славянов Сергей</i> . Вечернее озеро	58
<i>Воронов Александр</i> . Веревские края.....	59
<i>Архангельская Татьяна, Серова Елена</i> . Гатчинский архив вчера, сегодня, завтра (к 95-летию архивной службы России)	70

ИМЕНА В ИСТОРИИ.....

400-летие Дома Романовых

<i>Тришина Алена</i> . В память о Романовых и их святых покровителях	88
<i>Кочерова Елена</i> . «...Вот я и опять в нашей милой Гатчине...»	100
<i>Составитель: Пестряк-Головатый Василий</i> . Памятка Кирасир Ее Величества	108
<i>Михеев Геннадий</i> . Молчание	115
<i>Кислов Владислав</i> . Наталья Сергеевна Вульферт-Брасова (1880 – 1952).....	116
<i>Карташёва Маргарита</i> . Если хочешь быть счастливой – будь!	122
<i>Хохлова Галина</i> . Славная фамилия Чикеров в истории Сиверской, в истории России	123
<i>Нургалиева-Николаевская Елена</i> . Протоиерей Иоанн Николаевский. К 130-летнему юбилею пастырской службы и 155-летию со дня рождения протоиерея о. Иоанна Николаевского	126

С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ

<i>Васильев Виктор</i> . Почерневшими губами светлый образ поцелую... ..	130
<i>Васильев Виктор</i> . Православный Государь. 160-летию Павловского собора посвящается.....	131
<i>Богданов Геннадий</i> . Козьма и Ирина.....	136
<i>Бобкова Зоя</i> . В Покровском соборе.....	139
<i>Васильев Виктор</i> . Небесная покровительница Гатчинской земли. Преподобномученица Мария Гатчинская (1874 – 1932 гг.).....	140
<i>Быковицкий Дмитрий</i> . Мольба	149
<i>Иванова Людмила</i> . Детская молитва	150
<i>Хохлова Галина</i> . Страницы истории белогорского храма	151
<i>Елфимова Галина</i> . На Гатчинской земле – православная епархия	158
<i>Докучаев Евгений</i> . Разливы души	160

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ	161
<i>Кокко Владимир.</i> Юбилейный год для ингерманландских финнов	162
<i>Крылов Павел.</i> Календарные погодные приметы ингро-финского населения Ленинградской области	171
<i>Бобкова Зоя.</i> А лето ведренным стояло... ..	175
<i>Эртэ-Аниконова Нина.</i> Крестьянский сын из Артюшкино	176
<i>Быковицкий Дмитрий.</i> Песня о Белой Птице	180
ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА	181
<i>Иванова Татьяна.</i> Лесная нимфа	182
ЛЮДИ ИСКУССТВА	185
<i>Гажёв Борис.</i> Не только композитор... (К 90-летию со дня рождения композитора И.И. Шварца)	186
<i>Пунжина Наталья.</i> Слово	187
<i>Антонова Наталья.</i> Этот удивительный Златкин	188
<i>Златкин Александр.</i> Суета сует	191
<i>Толчина Вера.</i> Аисты	192
И ВЕРЕН НЕБУ, ВЕТРУ ВЕРЕН...	193
<i>Рябов Дмитрий.</i> Сиверский аэродром в годы войны	194
<i>Штормовой Валерий.</i> Сиверская в годы войны	206
<i>Хохлова Галина.</i> Ветеранам	207
<i>Иванов Виктор.</i> В путь зовущее	208
МОРСКАЯ СЛАВА ГАТЧИНЫ	209
<i>Смотрицкий Михаил.</i> Стефан Джевецкий (1843–1938)	210
<i>Петрова Дарья.</i> Колесо	214
К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОГО	215
<i>Кряжев Александр.</i> Учитель... и поэт	216
<i>Аносова Елена.</i> Судьба, вплетенная в столетья	219
ВОЙНЫ И ПАМЯТИ ПРИКАЗ...	221
<i>Иванов Виктор.</i> 100-летие Героя	222
<i>Сычева Ирина.</i> «А до смерти четыре шага...»	226
<i>Тарасова Таисия.</i> В погреб (Из серии рассказов «Я помню»)	228
<i>Иванов Анатолий.</i> Под Новый год	232
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ	233
<i>Юронен Наталья.</i> Гатчинское начало	234
<i>Николаев Владимир.</i> Гатчина в первой революционной советской опере	238
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ	241
<i>Сёмочкин Александр.</i> Колыбель не качается над бездной	242
<i>Петрова Дарья.</i> Обращение	246
<i>Сёмочкин Александр.</i> Третий крест	247
<i>Ковальчук Людмила.</i> Вырицкое лето	269
<i>Яковлев-Славянов Сергей.</i> Моей дочери	270
<i>Колесникова Людмила.</i> Письмо в бесконечность... (Исповедь жены ученого)	271
<i>Докучаев Евгений.</i> От дождя	274
<i>Родина Татьяна.</i> Деревце	275
<i>Карташёва Маргарита.</i> Верь в себя!	276
<i>Аршакуни Артур.</i> Предисловие к далекой книге, или В поисках новой парадигмы	277
<i>Ковальчук Людмила.</i> Нежность к бабочке	280

<i>Якимчук Александр. Белые лебеди</i>	281
<i>Скаржинская Елена. Сон в зимнюю ночь</i>	284
<i>Якимчук Александр. Мой Ангел</i>	287
<i>Красноперова Надежда. Упрямая гусеница. Сказка для больших и маленьких</i>	288
ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ	289
<i>Васильев Виктор. Здесь стволы восковые...</i>	290
<i>Хохлова Галина. Улица сошла с ума...</i>	290
<i>Штормовой Валерий. Белые ночи – ночи любви</i>	291
<i>Ковальчук Людмила. Неправильная старушка</i>	292
<i>Николаева Наталья. И пала ночь на наш поселок...</i>	292
<i>Рыбаков Константин. Бродяжья душа</i>	293
<i>Хрящев Валентин. Лесная просветленность</i>	293
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	294
СОДЕРЖАНИЕ	300

Редакция не всегда разделяет мнение авторов,
ответственность за достоверность и точность
предоставляемых материалов несут авторы.

ОРЕДЕЖ

Литературно-краеведческий альманах
Гатчинского муниципального района
Ленинградской области

Выпуск 10

Издательство «ЛЕТОПИСЬ»
Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 50
Телефон: 777-05-17

Формат 165x230. Гарнитура Literaturnaya. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.